

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА

Сборник докладов и сообщений

Международная научная конференция

Санкт-Петербург, 8 апреля 2021 год

Выпуск 6

Санкт-Петербург
2021

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

НОМО LOQUENS: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА **ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА**

Сборник докладов и сообщений

Международная научная конференция

Санкт-Петербург, 8 апреля 2021 год

Выпуск 6

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*пересечению двух великих юбилеев:
200-летию рождения Ф. М. Достоевского и
700-летию смерти Данте Алигьери,
а также
памяти Ирины Борисовны Руберт*

Санкт-Петербург
2021

Представлено к публикации оргкомитетом
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
«НОМО LOQUENS: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА»

Составители и редакторы выпуска:
С. В. Киселёва, Н. А. Трофимова, И. Б. Руберт

Редакционная коллегия серии:
Д. К. Богатырев, С. М. Капилупи, С. В. Киселева, И. Б. Руберт

Электронное издание подготовлено
А. А. Смирновой

«Номо loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира». Сборник докладов и сообщений Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 8 апреля 2021 г. Вып. 6 / сост. и ред. С. М. Капилупи, С. В. Киселёва, И. Б. Руберт. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2021. 250 с. [Электронное издание].

ISBN 978-5-907505-82-7

Сборник научных трудов составлен по материалам докладов, прозвучавших на Международной научной конференции «НОМО LOQUENS: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира», которая состоялась 8 апреля 2021 года (Санкт-Петербург, Русская христианская гуманитарная академия). Конференция была посвящена юбилеям Данте и Достоевского. Организаторами конференции выступили факультет мировых языков и культур РХГА, кафедра зарубежной филологии и лингводидактики РХГА. В сборнике представлены результаты научно-исследовательской работы преподавателей вузов, научных работников и начинающих исследователей в области филологии, культурологии, истории литературы и философии гуманитарного образования.

Сборник рассчитан на преподавателей, студентов и всех, кто интересуется проблемами теории языка, литературой и культурой.

ISBN 978-5-907505-82-7

© Коллектив авторов, 2021
© ЧОУ РХГА, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ ИРИНЫ БОРИСОВНЫ РУБЕРТ

От редакционной коллегии.....10

Руберт И. Б., Третьякова Т. П.

Квантование информации и синтез смыслов в современной коммуникации.....11

НОМО LOQUENS КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Высоцкий В. Б.

Свобода слова и печати как ценностная основа европейской культуры.....24

Капилуни С. М.

Средневековый алмаз дантовской веры; раненное историей Провидение у Мандзони; труд искупления у Достоевского: сравнение эпох и менталитетов28

Меттини Э.

Потерянное слово: в поисках истины в трудах Данте Алигьери.....41

Пассарини Л.

Афористика как главный стилистический и поэтический прием «Заметок» Ф. Гвиччардини.....53

Пило Боил ди Путифигари Ч.

Данте и современность. По материалам современной италианистики.....63

Романова Е. С.

Тема возраста в поэзии Александра Межирова.....70

Пирола Д.

Ars rhetorica Данте Алигьери: de vulgari eloquentia76

Сорелла А.
Гроб Данте: споры и загадки.....86

НОМО LOQUENS В ЯЗЫКЕ И ПЕРЕВОДЕ

Акашева Т. В.
Кросс-культурная адаптация интертекста в художественном переводе (на примере рассказа В. Токаревой «Все в порядке, все хорошо» и его перевода на немецкий язык).....92

Бочегова Н. Н., Сатина Д. Д.
Роль концепта «gambling» в формировании концептуального пространства романа Ч. Диккенса «Лавка древностей»98

Гавронова Ю. Д.
Роль сказок о животных на немецком языке в воспитании детей.....107

Гатауллина Н. А.
Когнитивный сценарий *CONTRACT*: статический и динамический аспекты.....112

Дашевская А. И.
Сообщество англоязычных пользователей сети «Твиттер» в период пандемии: особенности языка и дискурса.....120

Левина А. О.
Лингвостилистические особенности автобиографического рассказа Э. Манро «Глаз».....130

Макарова Е. Ю.
Особенности перевода текстов англоязычного психологического дискурса138

Панкратова С. А.
Вопросы методики перевода и преподавания кинотерминологии в кинематографическом вузе.....146

Песина С. А., Стаменкович Д.
Метафора как структурная и смыслообразующая единица когниции.....154

Росянова Т. С.
Номенклатурные классификации в англоязычной терминосистеме маркетинга.....161

- Стернин И. А., Песина С. А., Виноградова С. А.*
Взаимодействие когнитивных и языковых структур сквозь призму воплощения.....167
- Смирнова Н. С.*
Проблема инварианта перевода при идеологической адаптации текста...174
- Трофимова Н. А., Федулова А. О.*
Урбанонимы в творчестве Терри Пратчетта: анализ перевода.....184
- Шумков А. А.*
Условное наклонение в языке идиш-тайч как результат интерференции со славянскими языками.....193
- Яловенко М. А.*
К вопросу об особенностях субъектно-объектной организации современных автофикциональных текстов..... 208

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Болошина М. С.*
Роль издательской деятельности Николая Японского в диалоге культур (по материалам журнала «Уранисики»).....216
- Суздалева Н. Н.*
Разработка педагогических программных продуктов как средство финансового просвещения молодежи.....225
- Филичева Н. В.*
Опыт реформаторских преобразований Петра I в области культуры и образования.....232

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

- Бочегова Н. Н., Зайцева Я. С.*
Концепт «*Servant Leadership*» в американском экономическом дискурсе.....246
- Буравцова Е. А.*
Интерактивный аспект видеоигр в контексте локализации.....257

<i>Диденко А. Г.</i> Трансформация медиареальности в ходе технического и социокультурного развития.....	262
<i>Изотова О. В.</i> Корпусное исследование пандемического дискурса.....	268
<i>Киселева С. В., Смирнова А. А.</i> Коммуникативная составляющая чат-ботов в сети интернет.....	273
<i>Копань М. А.</i> Языковая игра как проблема перевода.....	284
<i>Макаров Д. С.</i> Способы и особенности перевода баскетбольных терминов на материале американского варианта английского языка.....	294
<i>Матей Н. В.</i> Семантическая трансформация мотива и персонажа в вольном переводе традиционной англо-шотландской «детской» баллады № 209 «Geordie» Фабрицио де Андрé.....	299
<i>Пахомова М. А.</i> Лексические особенности аудиторской терминологии в английском языке	307
<i>Перельгина Д. С.</i> Имплицитные смыслы в рассказе М. Этвуд «Bluebeard's Egg» («Яйцо Синей Бороды»).....	312
<i>Потемкин Г. В.</i> Лингвокультурная дифференциация населения как негативный фактор в политических конфликтах	321
<i>Сизоненко Д. В.</i> Духовная экзегеза Писания и христианский гуманизм в теологии Анри де Любака.....	326
<i>Харламова М. С.</i> Теория метафоры Поля Рикера.....	334
<i>Цыцаркина Н. Н., Татаренков Ф. В.</i> Реализация тактик убеждения и уговаривания в телевизионном рекламном дискурсе (на материале телешоу «Top Gear» и «The Grand Tour»).....	338

Щербакова Е. Ф.

Японская традиционная игра карута в литературных источниках.....348

Юпатова А. А.

Лексические инструменты речевого воздействия.....354

Эспозито Т. В., Тарасова И. В.

Новая лексика или неологизмы делового английского языка: причины появления.....360

ПАМЯТИ ИРИНЫ БОРИСОВНЫ РУБЕРТ

Есть люди, которые выше собственных титулов и достижений. Такой была наша замечательная коллега — декан факультета мировых языков и культур РХГА Ирина Борисовна Руберт. Став в свое время самым молодым доктором филологических наук, Ирина Борисовна была авторитетом и экспертом не только в области текстологии, когнитивно-семантической лингвистики, истории английского языка, но и всего гуманитарного пространства. За несколько десятилетий академической деятельности Ирина Борисовна была организатором факультетов лингвистики, филологии и журналистики в трех вузах Санкт-Петербурга, до последних дней являлась заместителем декана Гуманитарного факультета СПбГЭУ. Под научным руководством профессора И. Б. Руберт было защищено около 50 диссертаций, но её влияние распространялось и за пределы непосредственного наставничества: она являлась членом Диссертационного совета в РГПУ им. А. И. Герцена, своей alma mater, и председателем Диссертационного совета в СПбГУЭФ, а кроме того — членом экспертного совета ВАК по филологии и искусствоведению. А ещё участие во множестве почтенных общественно-научных организаций...

Ирина Борисовна была удивительно доброжелательным человеком, мягким и ранимым, но всегда отстаивала свою позицию. Она была центром притяжения для молодых ученых и коллег, с ней было очень комфортно работать и радостно дружить. Может ли наша память восполнить утрату?..

Редакционная коллегия

Руберт Ирина Борисовна

*доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
Русской христианской гуманитарной академии
irleru@mail.ru,*

Третьякова Татьяна Петровна

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургского государственного университета*

КВАНТОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ И СИНТЕЗ СМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье ставится вопрос о возможности лингвистической интерпретации высказываний на основе идеи квантования смыслов в тексте, предложенной И. В. Арнольд. Интерпретационная семантика высказываний показывает варианты преобразования информации в дезинформацию. Представленная гипотеза позволяет определить векторы квантования текстовой дезинформации, включая введение в заблуждение, мисинформацию, фейки и фальсификацию.

Ключевые слова: информация, текст, квантовая лингвистика, интерпретация, интенциональность, дезинформация, логическая ошибка, подделка.

Rubert Irina Borisovna,

Tretyakova Tatyana Petrovna

Quantization of information and synthesis of meanings in modern communication

The article raises the question of the possibility of linguistic interpretation of statements based on the idea of quantization of meanings in the text proposed by I. V. Arnold. Interpretive semantics of the speech fragments shows options of information transformations for camouflaging the truth. The advanced hypothesis has allowed defining quantization vectors of textual disinformation in such areas as misinformation, fakes, fallacies and hoax.

Keywords: information, text, misinformation, quantum linguistics, interpretation, fake news, fallacies, hoax.

В статье делается попытка представить некоторые принципы интерпретационной семантики текста, направленной на преобразование информации с целью введения читателя в заблуждение. В качестве эпиграфа к данной статье можно привести цитату из повести Л. Кэрролла:

«— Не может быть! — воскликнула Алиса. — Я этому поверить не могу!»

— *Не можешь?* — повторила Королева с жалостью. — *Попробуй еще раз: вздохни поглубже и закрой глаза.*

Алиса рассмеялась.

— *Это не поможет!* — сказала она. — *Нельзя поверить в невозможное!*

— *Просто у тебя мало опыта,* — заметила Королева. — *В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!»*

(Льюис Кэрролл, «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье» / пер. Н. М. Демуровой)

Приведенный эпиграф наиболее часто используется в учебниках по квантовой семантике, поскольку отражает факт поиска нетрадиционных теоретических оснований для новых трактовок информационных значений.

Глобальные изменения информационного пространства, цифровизация и особенное бремя информационного воздействия, которое испытывает современный человек, позволяют лингвистам искать новые возможности представления кодирования и декодирования информационного пространства. В частности, толчком к написанию данной статьи авторам послужила идея И. В. Арнольд о возможности применения некоторых положений квантовой механики к анализу текста. «Согласно физической теории квантов (Макс Планк, Нильс Бор, Альберт Эйнштейн) лучевая, например, солнечная, энергия передается не сплошным потоком, а пучками — квантами. Применение квантовой теории в других областях знания породило квантовую механику, квантовую электродинамику, квантовую химию. Почему бы не существовать квантовой эстетике, и пр. Не только в тексте, но и вообще в языке всякое высказывание сочетает кванты эксплицитной информации с информацией имплицитной» [1, с. 25]. Квант в этом случае рассматривается как некоторый неделимый импульс, сигнал, а квантование — как способ обработки сигнала с целью идентификации вектора его направленности.

Интерпретационный потенциал лингвистической семантики расширился за счет почти драматического расширения формата электронных способов обмена информацией. Помимо собственно вербальных способов воздействия, электронные выразительные средства общения, включая хештеги, мемы, эмодзи и другие формы визуализации информации, становятся эффективными средствами воздействия. Информационное поле, состоящее из разнородных вербальных и невербальных кодов, становится явлением «запутанным», поскольку соотношения составляющих систем достаточно сложно переплетены и отражают в некоторых случаях различные состояния. В некоторых случаях

«запутанность» может свидетельствовать о тесном взаимодействии элементов.

Если термин «информация», происходящий от латинского *information*, обозначает в широком смысле разъяснение, представление, осведомление, т. е. является одним из способов получения сведений о чём-либо для уменьшения степени неопределённости наших понятий и знаний, то содержательный смысл информации связан со способностью человека обрабатывать информационные сигналы в рамках определённых систем как дискретные, непрерывные и смешанные коды [2, с. 14–15].

Представляется, что рассмотрение некоторых положений квантования смыслов, предложенное И. В. Арнольд, связано с принципиальными вопросами процессов восприятия и понимания текста. К настоящему времени в связи с глобальным изменением окружающего коммуникативного информационного пространства, а также с постоянным обновлением векторов интерпретации старых понятий важным становится понимание смыслов как некоторой мыслительной синтетической функции, обеспечивающей интерпретацию. Постоянно обновляющиеся приёмы цифровой коммуникации провоцируют разработку новых подходов к анализу коммуникативно-информационных процессов. В частности, Т. Кун, рассматривая проблемы представления научных парадигм, влияющих на создание научных теорий, отмечал, что в некоторых намеренно убирается всё, что считается нелогичным или мешающим восприятию (“...they try to eliminate from it [a current scientific theory] all non-logical and non-perceptual terms”) [3, с. 126–127], например в квантовой механике поля и частицы — не являются разными объектами. Просто решается вопрос, что будет изучать наблюдатель с помощью приборов — волну или частицу. Прибор является фильтром восприятия. В квантовом подходе оказывается, что свойства объекта зависят от наблюдателя. В таком случае мы сталкиваемся с ментальными интерпретациями, в которых устраняется «классический подход» к интерпретации знаков. Есть возможность рассмотреть такое «квантование» смыслов, которое приводит к множественной или многовекторной интерпретации, к созданию цепочек импликаций при построении текстов в рамках тех или иных семантических областей значения текста.

Актуальность такой постановки вопроса связана с комплексом возможных представлений интерпретационной семантики как явления феноменологии. Именно этот раздел аналитической философии повлиял на развитие лингвистических исследований в отношении изучения интенциональности, изложенной Дж. Серлем. Изучение переживаемого сознательного опыта, типы смыслов, а также восприятие явлений также относятся к возможностям построения понимания [4, с. 26–36, 176–179].

В частности, он доказывал, что хотя компьютеры и симулируют интенциональные состояния, но они лишены той части переживаемого опыта, которая стоит в стороне от манипуляции символами [5].

Цель настоящей статьи — рассмотреть некоторые вопросы лингвистической интерпретации представления речи как проводника информации. Эти вопросы связаны в той или иной степени с изучением закономерностей понимания и порождения вербального текста как некоторого информационного интенционального универсума, направленного на искажение смысла. В этом случае интенциональность понимается не столько как особый тип прагматического значения высказывания, сколько как некоторый акт целостного контекста, включающий возможности социальной и психологической интерпретации высказываний в рамках интеграции разных смысловых векторов. Квант понимается как величина, общее значение порций энергии (в нашем случае смысла) текста, проекция которого позволяет устанавливать вектор интенциональных информационных смыслов.

В настоящей статье мы затрагиваем лишь те элементы интерпретации высказываний, которые более всего позволяют отметить возможности, реально существующие направления «квантования смыслов» через понятие дифракции. Использование этого термина связано исключительно с целью подчеркнуть, что основным является интерференция смыслов — «вмешательство» другого элемента: *inter* — между собой, *aferio* — «касаюсь, ударяю». Непрерывная переменная преобразуется в дискретную и приобретает множество значений, которые взаимодействуют между собой. Дифракция при этом связана с постоянным явлением интерференции или «огибания препятствия волнами». Она оказывается необходимой для того, чтобы получить информацию об отрезке части текста с точки зрения скрытой информации.

Но какие бы ни строились гипотезы о скрытых смыслах или их лингвистической интерпретации, в квантовании смыслов большое значение имеют квантово-когнитивные процессы. Например, Славой Жижек, один из достаточно влиятельных культурологов и социальных философов, провозглашая разрыв с постмодернизмом, также обсуждает вопросы использования многих положений квантовой физики и интерпретации реальности [6, с. 905–1010]. Для лингвистического анализа представляет интерес обращение к понятию «обычной реальности», которая включает и конструкт нашего знания о мире. «Наш опыт повседневной реальности остается феноменологическим фоном и основой квантовой теории» [6, с. 917–918]. В ситуации, когда сами наблюдатели становятся частью реальности, конструирование может проходить запутанно.

Когнитивные процессы связаны со знаковым характером коммуникативной деятельности, в результате которого происходит процесс обмена разного рода информацией. Так, например, В. Л. Деглин формулирует гипотезу о семиотической природе функциональной асимметрии мозга, согласно которой последняя выявляется только при обработке знаковой информации и отсутствует при обработке информации, не имеющей знакового характера. Ведущим, согласно автору, является принцип семиотического дублирования: объективная реальность получает в сознании двойное отражение; мозг параллельно создает две знакомые модели мира: правое полушарие — иконическую, левое — символическую. «Семиотическая формулировка различий функции правого и левого полушарий позволяет объединить и уточнить другие, ранее предложенные формулировки» [7, с. 21].

Смыслы и интерпретации реализуются в психической деятельности в центрах кодирования и декодирования речи. Результаты исследований, которые являются принятыми в научном сообществе, показывают, что в способах переработки информации полушариями существует различие: левое полушарие осуществляет переработку аналитически и последовательно, а правое — одновременно и целостно. Левое полушарие дискретное и отвечает за речевой смысловой потенциал [8].

Эти факторы рассматриваются при изучении техник манипулирования. Например, общеизвестно то, что возможно манипулировать человеческим поведением с помощью подсознательных, звуковых или визуальных сообщений. Именно поэтому в большинстве стран использование таких технологий без согласия пользователя запрещено. Использование радиационной, электромагнитной, психотронной, звуковой, лазерной или иной энергии, направленной на отдельных лиц или целевую популяцию или в целях информационной войны, управления настроением или контроля сознания таких лиц или популяций. При этом следует помнить, что речь создаёт особые электрические сигналы, которые с помощью компьютеров могут быть считаны на расстоянии сверхпроводящим квантовым интерферфометром (Superconducting Quantum Interference Device (СКВИД)). Это устройство устраняет шум окружающей среды, а сам сигнал может быть усилен. Идея СКВИДА использовалась в научной фантастике (например, в романах У. Гибсона, М. Крайтона), а также в современных компьютерных играх. Одна из достаточно популярных игр имеет одноименное название — Squidgame («Игра в кальмара»).

Развитие интернета во многом усложнило информационное пространство, и дезинформация часто используется для описания ложной информации, намеренно распространяемой организацией или отдельным

человеком. С лингвистической точки зрения векторы интерпретации связаны с выбором модели описания языка, являясь лишь возможным миром, так или иначе соотносимым с реальным миром в рамках «семантики возможных миров»: «теоретико-модальной семантики» и «теоретико-игровой семантики» [9]. Смыслы высказываний обнаруживаются только в конкретных условиях времени и пространства, которые реализуются в достаточно неустойчивом формате событийной изменчивости. Обнаружение этих смыслов осуществляется на границе лингвистических значений, обсуждаемой темы и психологической интерпретации [2, с. 104–107]. Предмет данной игровой семантики рассматривается в процессе поиска анализа смыслов имплицитной информации, постоянно сопровождающей современного человека.

Одной из насущных проблем для лингвистики вновь становится вопрос идентификации смысла текста/высказывания как основного способа информационного обмена в отношении реализации воздействующей силы информации, как правдивой или приемлемой, так и ложной. Таким образом, при описании речи как проводника информации соединились достаточно разнородные области, которые в данном случае обозначены с целью определить функциональный потенциал изменения прямой не камуфлированной информации [10]. Если вернуться к высказанной гипотезе о векторах интерпретации, следует отметить, что речь рассматривается как проекция шифрования информации.

Рассмотрим некоторые способы квантования смыслов, которые связаны с представлением информации (по И. В. Арнольд) в тексте как отдельного смыслового сигнала, допускающего возможность преобразования по линии представления достоверности информации. В частности, в отношении направленности информации для введения в заблуждение в английском языке может переводиться в зависимости от контекста как *deception* или *deceit* (обман), *misinterpretation* (неправильная интерпретация), *misleading* (собственно вводящий в заблуждение), *misrepresentation* (неверное представление), *false representation* (ложное представление) (<https://context.reverso.net/>).

Представляется возможным выделить четыре основные информационные области, связанные с векторным «квантованием».

1. Первый тип — это «мисинформация» (*misinformation*), или так называемая ненамеренная дезинформация, может быть представлена без должного осознания автором о её неточности. Постоянное повторение мисинформации, или так называемых «джанк»-новостей, т. е. некачественной, непроверенной информации, может, безусловно, нанести вред, так как может использоваться в разных группах интересов в пропагандистских целях.

Например, в интернете часто распространяется информация, которая предназначена для развлечения людей — это разного рода приколы или мемы, которые становятся элементом массовой культуры и приобретают характеристики ориентационного знания. В некоторых случаях укоренившаяся мисинформация связана с формированием стереотипов. Так, например, произошло с высказыванием Дж. Лича о том, что русские и поляки ведут себя всегда невежливо («Russians and Poles are never polite») [11, с. 3]. В некотором роде такое пространство связано с формированием стереотипов, процедурных и ритуальных, которые могут рассматриваться как особый вид коммуникативной деятельности — метакоммуникации [12, с. 42].

К этой группе относятся многие метафорические высказывания, создающие особую тональность распространения новостей. Например, если обратиться к текстам, связанным с представлением ситуации с Ковид-19 за последние два года, то мы постоянно будем встречаться с метафорой войны.

Приведём несколько примеров из заголовков и лидов зарубежных публикаций:

The Coronavirus Quagmire In the war on Covid-19, can America do better than a stalemate? (The New York Times).

Markets rally as Fed's Powell pledges more ammunition to fight Covid-19 downturn (The Guardian).

How France Lost the Weapons to Fight a Pandemic (The New York Times).

The French once thought of medical gear, like fighter jets, as a national security asset that had to be made at home. But cuts and outsourcing have left them scrambling for masks, tests and even pain pills (The New York Times).

В данном случае интерпретацией маркеров текста, которые в той или иной степени представляются детерминантами возможных смысловых интерпретаций, является военная терминология. При этом повторение этой метафоры формирует во многих случаях неправильное отношение к случившемуся. В некоторых публикациях современная ситуация с так называемой пандемией получает более взвешенную трактовку и рассматривается некоторыми специалистами как глобальный медийный проект («инфодемия»). В медиа, например, редко упоминается тот факт, что современное распространение вируса не попадает даже под определение «пандемии», принятое в вирусологии.

Мисинформация не связана с интенцией нанесения вреда, но осознавать и понимать вероятность ее взаимодействия с дезинформацией необходимо.

2. Второй тип квантования смыслов в период информационных войн — это *fakenews*. По мнению CollinsDictionary, словосочетание *fakenews* стало самой популярной в мире фразой в 2017 году. Термины «фейковые новости», «фейки» фактически являются трансформацией понятия «дезинформация» и применяется уже повсеместно.

Собственно, дезинформация (*disinformation*) — это ложная или вводящая в заблуждение информация, которая распространяется с целью намеренного создания общественного мнения. Это также своего рода метапрагматический эффект, который формируется на основе выработки мнения об определенном человеке, организации или идеологии. Такое мнение как особый информационный образ необходим автору / заказчику как часть (квант) воздействия на аудиторию либо ради своей личной выгоды, либо для создания более далеко идущего эффекта, связанного с формированием общественного мнения.

Значение высказывания в отношении степени дезинформации определяется компетенцией интерпретатора. Это особенно очевидно в настоящей ситуации информационных войн. В зависимости от выбранных моделей интерпретации могут получаться и разные результаты. В качестве примеров можно привести вполне эксплицитные форматы высказываний. Синтез значения в этом случае складывается в рамках когнитивной операции обобщения, например бесконечно повторяющиеся в западной прессе характеристики российского президента В. Путина:

Vladimir Putin is a man of many faces: macho patriot, rightwing populist, cynical manipulator, and ruthless global warlord (The Guardian, 18.01.2020).

Tsar Vladimir the Terrible dreams of today's crown (The Guardian, 21.03.2014).

В либеральной прессе США также появлялись многочисленные дискредитирующие высказывания по поводу президента США Д. Трампа:

Trump is such a coarse and appalling man that it's hard to stomach his presence in Abraham Lincoln's house (Daily Kos, 29.11.2019).

If George W. Bush and Barack Obama sowed the seeds of the American chaos machine, Donald Trump represents the first true madman at the wheel of state, thanks to his volatile temperament, profound ignorance, and crippling insecurity (NBC, 24.01.2020).

Все эти эпитеты имеют значение для дискредитации образов политиков, и отрицательно-оценочная лексика преимущественно касается создания образа на основе имплицативных цепочек, участвующих в синтезе понятийного обобщения. Вектор квантования фейков основан на платформе идеологического формата и может касаться тем внешней и внутренней политики государств. Дезинформация используется для описания информации, распространяемой влиятельными группами, такими как правительство, с целью распространения ложной информации среди населения и создания общественного мнения в стране и мире. Министерство иностранных дел РФ, например, постоянно публикует подобные примеры: <https://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii>

Достаточно много фейков и в рекламном дискурсе. Их распространение осуществляется с целью успокоения или, наоборот, определенной агитации отдельных групп общества, или, как в случае с рекламой, продвижения продуктов для получения прибыли.

Представим достаточно популярный пример, приведённый С. Жижекком в связи с анализом современного общества потребления: «Потребление призывает не думать. Вместе с чашкой кофе или банкой колы мы употребляем весь контекст рекламной ситуации: Как они это делают? В “Старбаксе” говорят: “Да, наш кофе дороже, потому что 1 % идет больным детям, 1 % идет на защиту лесов”. В старые времена можно было делить людей на потребителей и добросовестных граждан, которые заботятся об окружающем мире. Теперь они предлагают включить стоимость солидарности в стоимость продукта. То есть я абсолютно независимый потребитель, но, покупая кофе, я плачу еще и за моральный аспект. По сути мне говорят: “Не думайте, просто покупайте кофе, ваши мысли уже включены в стоимость”. Таким образом, получается, что, делая покупки, современный человек еще и выполняет свой моральный долг — сохраняет окружающую среду, помогает бедным и пр.» (<http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek>).

Анализ рекламных текстов позволяет установить интерференцию смыслов с учетом дифракции как некоторого отклонения от прямой информации. Введение другого информационного поля также оказывается достаточно эффективным средством воздействия [13].

Интересным фактором становятся разработки педагогических программ в отношении симуляции «фейковых новостей», включая и рекламные тексты с разработанными пакетами методических обучающих материалов. Обучение ведется с раннего школьного возраста: <https://www.twinkl.com/teaching-wiki/fake-news>. Людей готовят воспринимать все через призму квантования новых смыслов с учетом иных ценностных контекстов, нежели предлагает общество потребления. Или,

если перефразировать слова Станислава Ежи Леца из книги «Непричёсанные мысли», «в действительности всё не так, как на самом деле».

3. Третий тип создания информационных квантов определяется неориторическими функциями диалогического взаимодействия. Это явление, которое называется термином *fallacy*, переводится на русский язык в зависимости от контекста по-разному: *заблуждение, выдумка, ошибочный посыл* или *ошибочный вывод*.

Диалогический формат рассматривается как особое игровое квантование смыслов. Это особенно очевидно в XXI веке, когда диспозиции участников диалога строятся на формате конфронтационных платформ или в иных типах дискуссии. К ним относятся диалогические форматы публичных выступлений разного рода медийных людей.

К этому вектору квантования информации, в частности, относятся разного рода провокативные высказывания, т. е. высказывания намеренно конфликтного характера. В качестве примера можно привести программы *entertainment interviews*, в которых участвуют популярные политики. Провокативными можно считать вопросы к государственному секретарю Хиллари Клинтон в конце предвыборной кампании: «*As secretary how many words per minute could you type*», который обычно задается только секретарше, или иронический вопрос о президенте Обаме и его слабой политике: «*And how does President Obama like his coffee? Like himself? Weak?*» Эти вопросы были намеренно сделаны с ошибочным посылом [13].

Можно привести примеры, построенные на ошибочном выводе, например вопрос корреспондента *The New York Times* к вице-президенту Дж. Байдену по поводу расизма: «*Mr. Vice President, why don't you support reparations for black Americans?*», «*How specifically should the country confront its history of slavery, discrimination and plunder of black America?*».

Помимо провокативных вопросов появляются ответные высказывания, которые, в свою очередь, и создают диалогический текст. Смыслы определяются на основе конструирования единого формата вопросно-ответного единства через диспозицию диалогических отношений. Это может быть введение аргумента, которое полностью изменяет вектор обсуждения:

A: *It doesn't matter who is pleased by it... we should just be trying to do the right thing.*

B: *You always look for issues to be black and white, but they aren't.*

(Skilfull 4. Listening and Speaking. Student's book. 2018. P. 35)

В приведенном диалогическом единстве в ответной реплике (B) идентифицируется аргумент *ad hominem*, который связан не с задаваемой в

(А) информационной темой, а с личностью собеседника. Интерес представляет также источник примера — это учебник для изучающих английский язык, в котором отдельную рубрику представляют упражнения, направленные на поиск возможных *fallacies* как интегративных элементов, относящихся к одному из типов манипулятивных технологий. Квантование смыслов оказывается не контекстно-оправданным, если мы не учитываем интенциональные программы собеседников. Само отклонение также можно трактовать как явление дифракции, позволяющее определить новый вектор.

Смыслы отражаются в динамических преобразованиях в постоянном взаимодействии, т. е. в имплицитных цепочках, отражающих интерактивную деятельность коммуникантов.

4. Наконец, последний тип современного квантования дезинформации — это так называемый *hoax*, слово, которое переводится на русский язык в зависимости от контекста как *интеллектуальные уловки, подтасовки, подделки* и даже *розыгрыши* (<https://context.reverso.net+hoax>). В англоязычном дискурсе данного рода понятия объединены словом *hoax*, которое постепенно в мире дезинформации становится термином, обозначающим подделки.

В принципе, в академических и научных кругах на такого рода подделки, особенно в гуманитарных науках, обращали внимание и ранее [14]. Настоящая большая дискуссия началась после того, как физик и математик А. Сокал опубликовал статью *Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity* в журнале *Social Text* в 1996 (46/47). Статья была фактически бессмысленной, перегруженной терминологией, но со всеми необходимыми цитатами, правильно оформленной библиографией, отформатированной по всем требованиям журнала; она прошла слепое рецензирование и была опубликована. Подделка обнаружилась не сразу.

Данный феномен получил название *Sokal Affair* и вызвал большую дискуссию, продолжающуюся до настоящего времени. Данный тип дезинформации получил название *hoax* — разного рода подделок и намеренных уловок. В частности, в 2017-м был проведен эксперимент по намеренному созданию 20 дезинформационных текстов с достаточно пространственными и непонятными выводами, которые были представлены в рейтинговые журналы. Результат был неожиданный — отклонены были только шесть статей, остальные приняты к публикации либо без дополнительных доработки, либо с незначительными изменениями [15].

В настоящее время такого рода подделки в киноиндустрии называют *deepfake*, или «настоящая подделка». В этом случае квантование смыслов в рамках дезинформации требует осмысления через представления

аутентичности авторства или невозможности отказа от авторства представленной определенной информации.

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что разбиение информации в рамках поиска векторной величины дезинформации (в широком смысле) позволило выявить четыре кластера, обладающих определенным импульсом социального воздействия. К ним относятся следующие: 1) мисинформация как ненамеренное введение в заблуждение; 2) фейковая информация или дезинформация с целью продвижения идей и товаров в определенных типах социума; 3) высказывания с импульсом, введение в заблуждение (*fallacies*) с целью провокативной реакции или иного развития критической дискуссии; 4) обман как уловка (*hoax*) — замена результатов подлинной деятельности фальсификацией. В действительности наблюдается взаимодействие указанных выше кластеров интенциональных способов искажения смысла с невербальными компонентами коммуникации. Это может привести к выявлению новых кластеров на основе синтеза как когнитивной процедуры соединения выделенных элементов с целью определения их значимости для понимания информации. Гипотетический опыт представления вектора интерпретации кванта информации в отношении понимания недостоверности, провокативности и обмана открывает возможности и иных смысловых интерпретаций [16].

Использованный подход анализа текстов с выделением дискретных единиц как дифракций позволяет выявлять функциональный семантический потенциал интерпретаций в цепочках смысловых импликаций, т. е. скрытых смыслов, связанных с явлением интерференции. Эти цепочки выстраиваются разнонаправленно в зависимости от поставленных социальных задач и, главное, от потенциальных имплицативных проекций направленного информационного изменения.

Литература

1. Арнольд И. В. Семантика, стилистика, интерсексуальность. СПб.: СПбГУ, 1999. 440 с.
2. Жинкин И. И. Речь как проводник информации. М., 1982. 159 с.
3. Kuhn Th. The Structure of Scientific revolutions. Chicago University of Chicago press, 1970. 210 p.
4. Searle J. R. Intentionality. An essay in the Philosophy of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 278 p.
5. Searle J. R. Minds, brains and programs // Artificial Intelligence: the Case Against / Born R. (ed.). Croomhelm, Bekengham, Kent, 1987. P. 18–40.
6. Žižek Slavoy. Less than nothing. Hegel and the shadow of dialectical materialism. London; New York: Verso. 1038 p.
7. Деглин В. Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. 1984. 41 с.

8. Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции) // Ученые записки ТГУ. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Т. XVII. С. 33–44.
9. Сааринен Э. О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986. С. 121–138.
10. Rubert I. B. Identifying the Ways of Camouflaging the Truth in the Modern Discourse // Journal of Modern Education Review. ISSN 2155-7993, USA. November 2019. Vol. 9, № 11. P. 675–679.
11. Leech G. Principles of Pragmatics. Routledge, 1983. 264 p.
12. Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы. Функционально-семантический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 128 с.
13. Between Two Ferns with Zach Galifianakis (передача З. Галифианакиса). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xrkPe-9rM1Q> (дата обращения: 15.06.2017).
14. Pullum Geoffrey K. The Great Eskimo Vocabulary Hoax and Other Irrelevant Essays on the Study of Language. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991. 236 p.
15. Mounk Y. What an Audacious Hoax Reveals about Academia. Lecturer on government at Harvard University, The Atlantic. October 5, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/author/yascha-mounk/> (дата обращения: 06.03.2020).
16. Соболев В. Е. Квант знания и информация как гносеологическая проблема // Философская мысль. 2016. № 6. С. 19–27. DOI: 10.7256/2409-8728.2916.6.19212 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19212 (дата обращения: 06.03.2020).

НОМО LOQUENS КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

УДК 070.15

Высоцкий Вадим Борисович

кандидат культурологии, доцент

Государственного университета промышленных технологий и дизайна,

Русской христианской гуманитарной академии,

v.b.vysotsky@mail.ru

СВОБОДА СЛОВА И ПЕЧАТИ КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается свобода слова как аксиологическая основа европейской культуры, как условие цивилизационного развития, соотношение свободы и культурной регуляции, противоречия личной свободы и ее регламентации в современном обществе.

Ключевые слова: свобода слова, свобода печати, общественное развитие, ценности культуры, культурные универсалии, культурная регуляция, гражданское общество.

Vysotsky Vadim Borisovich

Freedom of speech and the press as a value basis of European culture

The article considers freedom of speech as an axiological basis of European culture, as a condition of civilizational development, the correlation of freedom and cultural regulation, the contradictions of personal freedom and its regulation in modern society.

Keywords: freedom of speech, freedom of the press, social development, cultural values, cultural universals, cultural regulation, civil society.

Свобода — важнейшая универсалия культуры. Из множества определений этого феномена в рамках заявленной темы нам представляется наиболее важным предикативное: свобода есть самореализация субъекта при отрицании внешнего принуждения и при определенном внутреннем долженствовании. Маркером свободы как универсального явления служит свобода слова, ведь язык — единственный способ осмысленного существования («в начале было Слово»). Свобода

мысли воплощается в свободе слова, а свобода слова реализуется в свободе печати.

Как утверждал Анри Бергсон, «язык очень способствовал освобождению интеллекта. Слово, созданное для перехода с одной вещи на другую, на самом деле, по сути, свободно и поддается перемещению» [1, с. 275]. Действительно, перемещение — образ неодолимости свободы. Вся культура свидетельствует об этом: странники — дервиши, паломники, скитальцы — всегда существуют вне условностей, вне рамок, хотя их и не отрицают. Так, Конфуций следовал издревле заведенным ритуалам, не связывая ничем собственную свободу. Притчи древних показывают жизнь как непрерывное движение (образ реки, например), любые преграды останавливают развитие. Но и в более позднее время жизненный опыт понимался как свободное существование. Так, Григорий Сковорода, почитаемый некоторыми учеными как первый отечественный философ, в своей философской басне «Две курицы» поведал разговор дикой и одомашненной птицы. Дикая заявляет: я по «воздуху летаю и довольна крыльями, от Бога мне данными... вы с малых лет, как только родились, изволите по двору навозы разгребать, а я мое летанье ежедневным опытом твердить принуждена» [5, т. 1, с. 84–85].

Сковорода — «русский европеец», как его называл Борис Вышеславцев, — рассматривал бытие как множество, состоящее из различий («делимостей»), спаянных в целостность именно свободой: «Сия всеглавнейшая, всемирная, невидимая сила едина — ум, жизнь, движение, существование, — изливаясь из непостижимости в явление, из вечности — во всеобширность времени, из единства исключительного — до беспредельной множественности, образуя круг человечества, уделяет оному от главности своей благороднейшее преимущество — свободную волю» [5, т. 2, с. 373]. В этом рассуждении «русский Сократ», на могиле которого звучит значимая эпитафия: «Мир ловил меня, но не поймал», следует британской традиции. Еще Джон Донн вывел формулу: «гости везде, нигде не прирастая», сравнивая человека с улиткой, которая носит в себе собственную свободу в несвободном мире. И Сковорода, и Донн, и Бергсон настаивают на том, что свобода реализуется через привычное состояние, своего рода паттерны. «Мы убедимся, что если наше действие показалось нам свободным, то это значит, что отношение этого действия к состоянию, которое его вызывает, не могло быть выражено законом, ибо это психическое состояние», — пишет Анри Бергсон, и дальше: «Наша свобода создает в тех поступках, которыми она утверждается, новые

привычки» [1, с. 222]. Однако любые действия требуют регламентации. И в правовом поле свобода реализуется соответственно через правоприменение. При этом государственное лицензирование и цензура создают ситуацию несвободы, а значит — застоя, отсутствия движения. Эта трагическая коллизия является нервом всей истории массмедиа. Во всяком случае, Уильям Бернстайн в качестве основного вывода своего исследования становления массмедиа утверждает, что термины «коммуникация» и «политика» являются фактически синонимами [3, с. 29].

Впервые европейскую концепцию свободы слова и печати изложил в своем знаменитом трактате «Ареопагитика» Джон Мильтон. Его аргументация не просто убедительна — она не утрачивает своей актуальности по сей день (может быть, она, к несчастью, даже возрастает). Великий поэт, в свою очередь, опирается на античную практику, Иеронима Стридонского, Дионисия Александрийского, апостола Павла, требовавшего: «Испытайте все», Фрэнсиса Бэкона — как бы выводя идеи свободы из толщи всего культурного слоя. «...Если Бог предоставил человеку свободу в выборе пищи для своего тела, установив лишь правила умеренности, то он предоставил ему и полную свободу в заботе о своей умственной пище», — пишет он [4, с. 6]. В своем богатом образностью политическом тексте Мильтон доказывает, что свобода и развитие — неразделимые понятия. Множественность понятий и представлений, с точки зрения поэта, создает необходимую социальную энергию. «Дайте мне поэтому свободу знать, свободу выражать свои мысли, а главное — свободу судить по своей совести», — пафосно восклицает поэт, который в результате был вынужден сам сделаться цензором.

Идеи, озвученные Мильтоном, развивает затем Томас Джефферсон, который считал свободу «неотчуждаемым» и «очевидным» правом человека от рождения. Этот принцип был реализован в первой в мире Конституции, провозгласившей (в совокупности с первыми поправками) безусловную свободу слова и печати и ставшей лекалом всех последующих конституций. В XIX веке, который воспринимается сегодня как эпоха созревания современной цивилизации, обретение свободы печати в большинстве европейских государств стало условием формирования гражданского общества, подчеркивал Бернстайн, считая свободу едва ли не главным успехом в коммуникациях.

Но беспредельная свобода рождает проблему ракурса — свобода «от», или свобода «для». Дилемма связана с новыми социополитическими

реалиями. Так, в прошлом столетии у свободы появился новый соперник — «организованные массы» (Марина Цветаева). «Всякая идейная социальная группировка, всякий подбор по “вере” посягает на свободу, на независимость личности, на творчество... Всякое до сих пор бывшее организованное и организующееся общество враждебно свободе и склонно отрицать человеческую личность», — горько констатирует Николай Бердяев [2, с. 12]. Великий философ писал о том, что главной ценностью «новой истории» является формальное право человека на самоопределение. Последнее является в данном контексте синонимом свободы, а также — гуманизма. Однако он же предостерегал от «нового средневековья», в которое возвращается Россия. Раз нет свободы, то нет и развития, раз нет развития, то мы обречены двигаться по кругу. Это пророчество звучало еще у Мильтона: «Мы можем опять стать невеждами. Глупцами, людьми, гоняющимися за формой» [4, с. 18].

Итак, свобода и культура являются взаимными гарантами существования западной цивилизации. Культура выводит ценностное понятие свободы из узкого контекста либерализма, о чем уже писали Джон Грэй и Йозеф Раз. Упрощенное понимание свободы приводит — и на Востоке, и на Западе — к одинаково плачевным результатам. Свобода не является для европейской культуры акциденцией или, чего еще хуже, брендом, она является ценностной основой, а потому не может быть подвержена амортизации. Позволим себе сослаться на Йоханна Хейзингу: «Между отчаявшимся культурным пессимизмом и уверенностью в грядущем рае на земле находят себе место те, кто ясно видит недуги и пороки современности, кто не знает, как их вылечить или исправить, однако они действуют и надеются, пытаются понять и готовы не спасовать перед трудностями» [6, с. 21].

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2019. 320 с.
2. Бердяев Н. Самопознание. М., 2019. 416 с.
3. Бернштейн У. История массмедиа с древнейших времен и до наших дней. М., 2017. 512 с.
4. Мильтон Д. Ареопагитика // Современные проблемы. Вып. № 1. Москва; Новосибирск, март 1997. 27 с.
5. Сковорода Г. Соч.: в 2 т. М., 1973. 511/486 с.
6. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010. 456 с.

Капилупи Стефано Мария
кандидат философских наук, доцент
Русской христианской гуманитарной академии,
s_capilupi@yahoo.it

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АЛМАЗ ДАНТОВСКОЙ ВЕРЫ; РАНЕННОЕ ИСТОРИЕЙ ПРОВИДЕНИЕ У МАНДЗОНИ; ТРУД ИСКУПЛЕНИЯ У ДОСТОЕВСКОГО: СРАВНЕНИЕ ЭПОХ И МЕНТАЛИТЕТОВ

Статья посвящена сопоставительному анализу понимания и выражения категорий веры, справедливости, прощения, Провидения и искупления у Данте и у Достоевского через сравнение с литературным и историко-философским опытом Н. Макиавелли, Ф. Гуиччардини и А. Мандзони. Данный литературоведческий и философский сравнительный анализ стал весьма актуальным в 2021 году — год пересечения двух великих юбилеев: 700-летие смерти Данте Алигьери и 200-летие рождения Ф. М. Достоевского. Неколебимая вера в высшую справедливость Данте является вершиной именно средневековой цивилизации. Определенная советская и постсоветская традиция, склонная навешивать ярлык прегуманиста даже на Данте, вызывает недоумение итальянских ученых. Мучительные размышления о человеческой истории характерны, напротив, только для Гуманизма и Ренессанса и заставляют Макиавелли и Гуиччардини усомниться или задуматься о наличии Божественного провидения и о его конкретных путях. Это приводит европейское мышление к теодицее Лейбница, к новому разговору о Провидении у А. Мандзони и, наконец, к перевернутой и парадоксальной теодицее Достоевского, раскрытой в «Братьях Карамазовых».

Ключевые слова: поэтика, реализм, поэма, роман, Данте, Мандзони, Достоевский, вера, Провидение, искупление, история, справедливость, Средневековье, Гуманизм.

Capilupi Stefano Maria

Medieval diamond of the dante's faith; Providence, wounded by history in Manzoni; the labor of redemption in Dostoevsky: a comparison of ages and mentalities

The article is devoted to a comparative analysis of the understanding and expression of the categories of faith, justice, forgiveness, providence and redemption by Dante and Dostoevsky through comparison with the literary and historical-philosophical experience of N. Machiavelli, F. Guicciardini and A. Manzoni. This literary and philosophical comparative analysis became very relevant in 2021 — the year of the intersection of two great anniversaries: the 700th anniversary of the death of Dante Alighieri and the 200th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky. Unshakable faith in the supreme justice of Dante is the pinnacle of medieval civilization. A certain Soviet and post-Soviet tradition, which tends to hang the label of a pre-humanist even on Dante, causes bewilderment of Italian scientists. Painful reflections on human history, on the contrary, are characteristic only of Humanism

and the Renaissance, and make Machiavelli and Guicciardini doubt or think about the existence of divine providence and about its specific ways. This leads European thinking to Leibniz's theodicy, to a new conversation about Providence in A. Manzoni, and, finally, to Dostoevsky's inverted and paradoxical theodicy, revealed in *The Brothers Karamazov*.

Keywords: poetics, realism, poem, novel, Dante, Manzoni, Dostoevsky, faith, providence, redemption, history, justice, Middle Ages, Humanism.

В «Записках из мертвого дома» (1862) Достоевский уже добился большой известности в стране и за рубежом: он первым описал жизнь заключенных в царской империи, а Герцен назвал его русским Данте и поместил его роман на том же уровне, что и «Страшный суд» Микеланджело (ср. [1; 6, с. 46]). В том же 1862 году Достоевский написал предисловие к «Нотр-Дам-де-Пари» Виктора Гюго, заявив, что до конца века появится писатель, способный выполнить великую задачу всей европейской литературы XIX века: восстановление падшего человека. Сам Достоевский тут добавил, что этот писатель достиг бы такой же вершины, какой достиг Данте Алигьери, и трудно отрицать, что он также себя считал очень серьезным кандидатом на получение такой чести [5, т. 5, с. 174]. Штейнберг [7, с. 105] и Бахтин [2, с. 31–32] также высказали мысль, что мир русского писателя подобен общению верующих в Церкви и многоголосию и полифонии блаженных и наказанных, присутствующей у Данте Алигьери.

Данте, как каждый средневековый человек, был непоколебимо убежден в объективном присутствии Бога во всем, всегда и навсегда: в природе и искусстве, в самом скромном и самом высшем существе, во всех его произведениях и мыслях, в прошлом, т. е. в истории — как в настоящем, так и в будущем; потому что все, видимое и невидимое, создано Богом. Это очевидная истина, потому что это глубоко ощущается каждым средневековым человеком и рационально им переживается, поскольку Бог дал человечеству разум и рассудительность именно для полного и совершенного открытия и понимания. Никакой ужас не портит добро космоса, поскольку зло не принадлежит Богу. Все зло, в любом состоянии, мере и форме, исходит только и исключительно от человека, от его свободного и сознательного отказа от закона Бога; также не допускаются какие-либо смягчающие обстоятельства. Боль праведников, даже самая жестокая, все еще преходящая, и после смерти превратится в вечную радость. Бог — это высшая мудрость и бесконечная «первая» любовь. Такие истины, а также гармония, присущая творению, подразумевают логическую необходимость ада. В самом деле, это определяется той справедливостью, которой доверяют бедные и которая исходит от совершенных Божьей Премудрости и Любви. Поэтому

персонаж Данте, совершающий потустороннее путешествие, странник, не может не согласиться с видением мучений, которые заслужили наказанные души. Иногда он испытывает перед каким-то грешником чувство, которое автор определяет как «pietade»: но pietas, как в Вергилии и Стацио, — это, на самом деле, не романтическое сострадание, а глубокое осознание беспристрастности божественной справедливости. Это вовсе не общечеловеческие сочувствие и солидарность в современном их понимании, а страх перед Богом, то есть негодование против Зла и против тех, кто его совершил, усиливая и развязывая его пайдеветическим и паренетическим опытом видения вечных наказаний ада. Через этот опыт сияет осознание греха, через которое, по божественной благодати, Данте как герой и как автор искупает свою вину. Для Данте абсурдно рассуждать о присутствии Бога в земных превратностях, потому что это трюизм; так же как для него немислимо признать одновременно чувство общей вины и желание взаимного прощения. Никогда в своих работах он не обсуждает прощение между людьми. Они несут ответственность за свой собственный выбор — сделанный, несмотря на помощь или благодаря помощи Священного Писания, доктрины и предписаний Церкви, только перед Богом; только Ему они молятся о благодати, только от Него они надеются на милость и ждут справедливости в будущей жизни.

Другими словами, кристальная вера Данте, духовный алмаз Данте, никогда не царапается ужасами человеческой истории. Ад присутствует и пробуждает «сострадание» автора — главного героя, но это сострадание в смысле относительного восприятия собственного состояния греха, поэтому не столько как таинственное общее человеческое несчастье, а как прихожая, вестибюль личного очищения, которое завершается в чистилище и в раю. Утверждать обратное — значит либо забыть, что Данте не остановился в аду, либо настаивать на чтении только «Ада». Закон у Данте — это объективный факт, как и свобода, в которой закон может быть нарушен или воплощен, как, однако, также известные последствия этого нарушения или этого послушания.

Мандзони, живший в совершенно другую эпоху и в совершенно ином культурном климате, восхищается и хотел бы иметь дантовские уверенность и неколебимость (хотя его, возможно, по характеру сбивает с толку непримиримость Данте). Несмотря на то что Мандзони неустанно боролся со своими юношескими убеждениями, несмотря на то что он испробовал все в ежедневном моральном исследовании о человеческой истории, он должен, наконец, вопреки самому себе, принять к сведению свою неспособность ясно и недвусмысленно продемонстрировать действие Бога в конкретности человеческой жизни. Возможно, поэтому осознание этой неудачи, как человеческой, так и профессиональной, заставляет его

молчать и, с осторожным восприятием и переживанием, надеяться на Провидение.

То, что для Данте является аксиомой, предпосылкой, настолько очевидной и элементарной, что она не требует никакой рефлексии, то есть реальное и позитивное присутствие Бога в мире, для Мандзони является столь же мучительным и беспокойным желанием, как и покорным, безропотным доверием, которое, кажется, почти трансформируется в конце концов в паскалийскую идею веры как розыгрыша.

Таким образом, у Мандзони «алмаз» дантовской веры остается идеалом, которого нужно достичь, но он царапается усталостью и ужасами истории, как и умозаключениями или индукциями определенного интеллекта Просвещения. Мандзони намерен и изо всех сил пытается отполировать и исправить такие царапины, и он привержен этому всю свою жизнь. В конце концов, похоже, Мандзони признается в своей частичной неудаче, достигая некой воли к вере, которая также является волей прощения (это и есть «хлеб прощения», упомянутый Мандзони в романе «Обрученные»), воли, которая действуют, однако, не благодаря, а вопреки истории.

У Достоевского труд человеческой истории ложится на плечи человека как болезненный и необходимый путь к искуплению, и с волей Мандзони к вере мы можем по аналогии ставить рядом потребность Достоевского в надежде, продиктованную его безусловной любовью ко Христу и влюбленностью в Христа. Хлеб, который Великий Инквизитор Достоевского обещает своему народу, — это тот же хлеб, который разжигает восстание беднейших слоев населения Милана XVII века, описанное Мандзони. Но это также и то, что фра Кристофоро кладет в сумку как напоминание и надежду на искупление. Долг и право на прощение остается надеждой, которую разделяют Достоевский и Мандзони. И читатель может снова отправиться в путь, как монах-капуцин фра Кристофоро.

Великая дилемма Достоевского, и в частности в «Идиоте», — это соотношение между тайной духовной чистоты, красоты, доброты и тайной силы. Свобода человека, так или иначе, — это способность, возможность, власть делать то, что связано с желанием и волей. Еще Данте об этом говорил через своего Вергилия: «Того хотят — там, где исполнить властны / То, что хотят», а божественная свобода является архетипом свободы человека. Проблема находится в человеческих желаниях, потому что Иисус уже напомнил своим ученикам, что искушения и всякая «нечистота» исходят именно из человеческого сердца.

Почему же тогда Бог дает силу тем, кто, как Он знает, злоупотребит ею? Или любая сила сама по себе развращает и побуждает к злу почти

каждого человека? Свобода творить зло исторически часто предоставляется тем, кто может обидеть слабых. Стоило ли тогда начинать человеческую историю, если Творец уже знал, какая череда ужасов и ошибок возникла бы в результате этого? Бог также является рабом необходимости, в силу которой создание кого-то подобного Ему, то есть человека, означает, прежде всего, сделать его свободным, что приводит по тайне инаковости между Создателем и Его созданием к испытанию и метаморфозе свободы, то есть от Низкой свободы творить и зло к Высшей свободе желать и делать только добро? Или Бог не был вынужден сделать это, но в Своем всемогуществе Он захотел, чтобы это было именно так? Но если это так, если тайна боли, смерти и насилия является каким-то образом последствием свободного акта Творца, то как же тогда человек определяет Его не только всемогущим, но также бесконечно добрым и милосердным? Но если есть Бог, Он, по определению, не может не быть всемогущим и милосердным одновременно.

Это вопросы, которые остаются без ответа, лежат на фоне знаменитой исповеди и признания Ипполита Терентьева в романе «Идиот». Ипполит говорит о насмешливой природе, которая очень напоминает природу-мачеху итальянского философа и поэта Джакомо Леопарди. Ипполит также задается вопросом, что если все, даже Бог, действительно зависит от темной тайны силы, то, возможно, эта темная сила правит даже после смерти? В «Идиоте» Ипполит Терентьев часто повторяет слова Иисуса на кресте «все завершилось», как Кириллов в «Бесах». Карсавин, а затем Константин Исупов уже подчеркивали, как вопрос «умру ли я христовой смертью» мучил и Достоевского, и его героев. Жизнь уже сама по себе значит подготовку к смерти, и смерть, какой мы ее не знаем (в смысле коммуникации и культурного наследия человек всегда только наблюдает смерть), на самом деле является определением человеческого бытия раз и навсегда.

Смерть есть великая тайна пассивности бытия, что закрывает историю, часто составленную из активного опыта, который тоже остается неоспоримым независимо от того, является ли он ответственным, осведомленным и свободным. Пассивность открывает (с рождением) и завершает (со смертью) активность, пусть даже частичную, жизни, и в пределах существования она отправляет человека снова, и в последний раз, к тайне силы, оставляя его наедине с собой перед вопросом о том, будет ли такая сила окончательно отвергнута или подтверждена в вечности; и продолжение в потустороннем мире действия и власти этой «темной силы» согласно еще более строгим законам и неизвестным нам — это возможность, которой опасается Ипполит Терентьев в «Идиоте». Таким образом, атеизм Кириллова в «Бесах» или очень специфическая «вера»

Терентьева оставляют чувственному опыту как истолкование жизни и смерти в той форме, в которой человек их знает и не знает, так и всю и окончательную задачу истолкования тайны силы.

В «Идиоте» видим это отчаянное стремление к завершенности в воспоминании о словах Иисуса на кресте «все свершилось», повторяющемся как навязчивая идея в речах стремящегося к самоубийству Ипполита Терентьева, возмущенного, как Джакомо Леопарди, мачехой-природой, способной издеваться даже над Сыном Божьим, как, кажется, показывает «Мертвый Христос» Гольбейна. Среди прочего, прямо перед картиной Гольбейна герой Достоевского демонстрирует и свою еще недостаточную теологическую и филологическую подготовку, которую прежде всего принес XX век. Вообразить сомнение апостолов в скором воскресении «мученика» перед его трупом — значит забыть, что Воскресение, если оно и было, стало совершенно неожиданным фактом для последователей Христа: они ожидали совсем другого Мессию, не Распятого, а затем видят Его загадочное воскресение, чтобы освободить не народ Израиля, а человечество, — это превзошло все их ожидания и «планы». Очень честный еврейский ученый Геца Вермеш писал об этом событии в своей книге «Иисус-еврей», признавая безоговорочно и независимо от веры научную необъяснимость с историко-филологической точки зрения объективного факта исчезновения Тела из гробницы: еврейский ученый исключает, что будущие христиане могли спланировать и осуществить Его кражу.

Также у итальянского писателя XIX века Алессандро Мандзони подходу окончательного кайроса Провидения для «измученного исследователя самого себя», то есть героя Безымянного, предшествует бессонная ночь мыслей, среди которых значительно присутствует мысль о бессмертии также с шекспировскими нотами. Среди других изображений, которые мучают Безымянного, есть изображение тела, брошенного на риск публичной насмешки в случае самоубийства, которое также частично напоминает кошмар с трупом в рассказе Достоевского «Бобок» или ужас Ипполита Терентьева в «Идиоте».

Согласно мучительному размышлению Ипполита, бессмертие могло бы быть миром с законами, радикально отличающимися от тех, о которых люди мечтали по традиции, законами, гораздо более темными и жестокими дочерьми той же силы, которая унижает человека в жизни — страхи, также частично перекликающиеся с шекспировским монологом Гамлета. Достоевский через несколько лет после публикации романа «Идиот» в статье «Приговор» создал своего рода посмертное письмо «материалиста, покончившего с собой от скуки», в котором возможный аргумент все же отличался от аргументации самоубийства, никогда не реализованного

«верующим» Ипполитом: идея о том, что вместо всего этого нет вообще бессмертия, ведет к самоубийству не из-за «отвращения» Ипполита от «темной силы», которая регулирует жизнь и смерть, а к «логичному самоубийству», поскольку возникает обязанность автономно положить конец тому, что пассивно колеблется под реальной и постоянной угрозой уничтожения. Столь же мучительное и изменчивое множество предположений встречается в ночных мыслях Безымянного Мандзони. В этом смысле и у Мандзони, и у Достоевского единственным противоядием от больной тайны силы является потребность в искуплении. Тогда возникает вопрос, не является ли преступление, в свою очередь, необходимым для осознания необходимости искупления и его осуществления. Если так, то неразгаданной остается тайна или невозможная возможность чистоты, красоты, доброты человеческого сердца.

Князь Достоевского (который, конечно, не является «князем» Макиавелли) — это чистая душа, по преимуществу, которая остается жертвой внутренних и внешних бурь силы и насилия, присутствующих в истории, обществе и сердцах людей. Именно в эпоху итальянского Возрождения, благодаря таким гениальным мыслителям, как Франческо Гвиччардини и Никколо Макиавелли, зародились чувство истории человечества и размышление о ней, которые четко отделяют современную чувственность от восприятия как раннего, так и позднего Средневековья.

Определенная советская и постсоветская традиция, склонная навешивать ярлык прегуманиста даже на Данте, вызывает, мягко говоря, недоумение итальянских ученых. Мучительные размышления о человеческой истории немедленно заставляют Макиавелли и Гвиччардини усомниться или задуматься о наличии Божественного провидения и о его конкретных путях. Это приводит европейское мышление к теодицее Лейбница, к новому разговору о Провидении у А. Мандзони и, наконец, к перевернутой и парадоксальной теодицее Достоевского, раскрытой в «Братьях Карамазовых».

Видение вечной жизни, конечно, объединяет Данте и Достоевского, но если для первого это видение совпадает с некоторым неколебимым знанием, то у Достоевского речь идет о трагической для интеллекта надежде на возможность любви, которая на Небесах является жертвенной по природе своей, как на Земле, — с точки зрения внутреннего Кеносиса самой Троицы, по которому быть — это значит быть для Другого и перед Другим, — но не причиняет боль, а лишь общее счастье. Крест — это путь и символ абсолютной любви Бога, которая на Земле, напротив, сопровождается страданием и состраданием, а на Небесах обещает чистую радость. Именно здесь «трагизм христианского сердца», несущего в себе

недостижимую тайну, требует ответа. А ответом может быть только символ воскресшего Иисуса, сохраняющего, однако, вечные и живые раны, что представляет собой также для неверующего идею гармонии и необходимой и невозможной надежды сочетания между всеобщей, в том числе исторической, памятью и абсолютным прощением.

Понятия забвения и памяти в творчестве русских классиков имеют прямое отношение к античному и средневековому наследию. В частности, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» есть два знаменательных эпизода. Воланд в конце великого бала выпивает из чаши забвения — чаши, в которую превратилась еще живая голова Берлиоза, всю свою жизнь верившего в то, что ни Бога, ни Дьявола не существует, даже Иисуса как исторической личности не было, и поэтому Берлиоз получает по своей вере, сам превращаясь в ничто. Это говорит о том, что в литературном хронотопе романа понятия бытия и небытия равны: за первое может поднять бокал даже Сатана, во второе может попасть со своим уже бесполезным сожалением упорный атеист, доходящий до отрицания не только любой возможности воскресения, но и самого исторического существования Иисуса. Иными словами, речь идет не только о забвении, поскольку оно приобретает тут некое онтологическое достоинство в свете христианского апофатического богословия, по которому Бог совершенно иной по отношению к любому человеческому определению, отрицательному (небытие) или положительному (бытие).

Крест распятого Иисуса есть, скорее всего, именно то Ничто, из которого Бог создал все («в Нем Он все сотворил»), он вновь открывает всю свою глубочайшую тайну («тайну тайн», согласно отцам Вселенской Церкви) даже тогда, когда предстает во всей своей конкретности перед глазами удивленного, страдающего или виновного человека. По Булгакову, Иисус, идущий по лунным лучам вместе с Понтием Пилатом в конце романа, отвечая на настойчивый вопрос Пилата («Боги, боги, какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, ведь ее не было!»), произносит следующие слова: «Ну конечно не было... тебе это померещилось» (4, с. 591). Говорит ли Он о посмертной вечной казни одиночеством и молчанием, переживаемой Пилатом, или о страдании людей в мировой истории, или о Страстях Христовых? Скорее, речь идет обо всех этих вариантах наказания и страдания, из чего следует, что спасение осуществляется только в забвении.

Это совершенно противоположно тезису Ивана Карамазова в романе Ф. Достоевского, по которому либо спасение скрывается в полной памяти обо всех и всем и в восстановлении всего и всех, либо от такого спасения просто необходимо отказаться, даже если оно предлагается Богом действительно всем: Иван Карамазов возвращает Богу билет в рай,

поскольку Ивана не может удовлетворить ни наказание злых, ни прощение их. Однако благодаря и дьявольскому тосту Волада из «Мастера и Маргариты», и ангельским репликам Алеши Карамазова о будущем и всеобщем воскресении, обращенным им в конце романа к старшему брату Ивану и ко всем детям («вспомним и восстанем»), тезис романа Булгакова о возможности некоего небесного забвения или даже отмены исторического прошлого и тезис Ивана Карамазова об абсолютном значении человеческой памяти приходят к синтезу, который находится в рамках апофатического богословия. Только в памяти Бога, Бога мистиков и Бога народов, а не в памяти людей (которая, по Булгакову, хуже забвения), человек может сохранить и преобразить страдание.

Здесь просматривается аналогия и с образной системой Данте Алигьери, который описывает в «Божественной комедии» реку Эвноя (что означает «добрая память»): забыть о собственных преступлениях можно в реке Лете (реке забвения грехов и причиненного зла), ведь не прощая себя человек не может прощать и других. А в Эвное (реке снов и доброй памяти) в сознании человека навеки запечатлеваются его благой образ и привнесенное им в мир добро, что помогает ему сохранить человеческое достоинство. Так связующей нитью объединяются Античность, Средневековье, Ренессанс и современная литература, Европа и Россия, Запад и Восток. Орфей впервые сострадал усопшим. Сократ отождествил орфического демона с мыслящей душой каждого индивида. Данте открыл возможность примирения с античным наследием, в дальнейшем запечатленным в эпоху Ренессанса Рафаэлем по заказу римского папы («Парнас», «Афинская школа»). Речь идет о таинственном понятии христианского кеносиса, включающем два аспекта — распятие и воскресение.

На самом деле и у православных, и у католиков главная сторона этой медали есть воскресение. Распятие и смерть Христовы открывают свой смысл окончательно и исключительно только в воскресении Его. Аналогичным образом каждая ипостась Святой Троицы выражает Себя только с, для и в других ипостасях — именно так, как написано в «*Decretum pro Iacobitis*» совместного Флорентийского собора 1442 г.: «*Propter hanc unitatem Pater est totus in Filio, totus in Spiritu Sancto; Filius totus est in Patre, totus in Spiritu Sancto; Spiritus Sancto totus est in Patre, totus in Filio*» («Отец весь в Сыне и весь в Святом Духе»). Подобное сказано про каждую ипостась по отношению к другим. То есть богословие открывает людям истину, что «быть» всегда значит «быть-ради-другого». Быть-ради-другого — это любить. Любить — это радость. Но на земле радость любви сопровождается страданием, будучи связана с состраданием. В символе Троицы любовь — это уже не сострадание, а радостное сочувствие.

Об этой радости как будто сообщает и улыбка дантовской Матильды в земном раю как образ, предшествующий и тоскующему разуму Античности, который не принимал смерть, и вере христианства, еще борющейся с проблемой страдания и смерти, страх которой оказывается всегда главным источником греха для человека. А проблема искупления от греха по своей сути тесно переплетена с проблемой памяти. Не случайно в «Братьях Карамазовых» Достоевский вспоминает первое чудо Христа — брачный пир и претворение воды в вино в Кане Галилейской: именно радость у Богочеловека предшествует любому другому чуду и самому распятию, искупающему грехи всего рода человеческого. Также это говорит об эсхатологическом напряжении (названном мной эсхатологическим антиномизмом), характерном для всего творчества Достоевского: Царствие Божие уже есть, но в то же время его еще нет. Последние времена (*эсхатон*) — это те, в которых человек живет после смерти и воскресения Иисуса: это говорит подлинная христианская традиция, кроме спешных толкований того Откровения Иоанна Богослова, которое на самом деле было написано в свое время ради утешения определенной христианской общины, жаждущей и ждущей Его скорого второго пришествия.

Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского в каком-то смысле играет роль некоего последнего комментария к Откровению: современный человек уже привык к тому, что Он вернется еще не скоро, и возникает вопрос, почему же смерть еще не побеждена («смерти не будет уже» — Откр. 21, 4). Новое появление Иисуса перед Инквизитором находит человека, который боится, что Он снова пришел, «лишь» чтобы показать Свою великую свободу, человеку, скорее всего, недоступную, а не чтобы окончательно освободить его от смерти, несправедливости, нищеты и страдания. Тогда Инквизитор предлагает человеку «хлеб и зрелище» как «стоящую» альтернативу новому ожиданию. В каждом страдающем ребенке отражается лик Христа, и вопрос Ивана Карамазова о страдании детей сохраняет свою актуальность.

С одной стороны, христианин, опираясь на свидетельства тех, кто видели Христа воскресшим, это страдание принимает через Его крест и видит свое личное страдание освященным и одаренным высшим достоинством (и поэтому получает даже силу прощать других и себя). С другой стороны, он, опираясь на эти самые свидетельства, ожидает Его второго пришествия и полного освобождения от смерти (которой «не будет уже»), страдания и зла. В первом случае христианин страдание принимает и видит свое достоинство также за пределами земных и исторических обид, во втором — со страданием борется (и в этом видно также некое оправдание человеческого прогресса, социального и научного,

когда не нарушаются этические границы), и память о страдании оказывается одновременно сакральной и невыносимой для человеческого разума, нуждающегося в чистой радости.

Оба эти модуса мышления оправданы Христом, и оба они служат христианской и даже общечеловеческой надежде. Именно по этой причине множество социалистов, агностиков и атеистов воспринимают Ф. М. Достоевского как своего человека и теоретика. Осознание гносеологической и этической проблемы эсхатологического антиномизма («сейчас» и «еще нет» в смысле присутствия Царствия Божьего) дает верующему понять правоту неверующего, отвечая, таким образом, проповеди отца Зосимы: «Не ненавидите атеистов...» [5, т. 14, с. 149].

В эпилоге его последнего романа Алеша говорит мальчикам: «Непременно восстанем... непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было» [5, т. 15, с. 197]; «восстать» здесь значит именно увидеть веселье и радость, достичь счастья. «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [5, т. 8, с. 192], — это мысль князя Мышкина.

Главная задача и одновременно основная причина мучений героев Достоевского заключаются в том, как сочетать счастье и сострадание. В этом — общечеловеческая глубина русского автора. С точки зрения христианства, «Бог есть не-страдающий, но Он не есть не-сострадающий» (Бернард Клервоский): Бог Отец дает то таинственное Царствие, где чудо любви (земные страсть и сострадание) совершается уже в свободной от любого мучения радости, за пределами и в пределах того невозможного, но необходимого сочетания прощения всего и памяти обо всем, призрак или неприятие которых заставляют Ивана Карамазова «возвращать билет в рай».

Таким образом, общечеловеческую невозможную, а вместе с тем необходимую гармонию Иван Карамазов отвергает, но без нее, как показывает сам Достоевский, его путь становится безумием, он раздавлен грузом той вселенской ответственности за всех и вся, которую, напротив, несут Маркел, Зосима, Алеша.

М. А. Булгаков избавляет своих героев от невыносимого груза памяти романтической любовью и забвением. На вопрос Понтия Пилата, была ли казнь, Христос (отвечавший у Достоевского молчаливым поцелуем) дает искупительный ответ, показывая ему не Свое воскресенное тело со стигматами, как делает с Фомой неверующим, а то самое сократическое лицо философа, с которым встретил его впервые при жизни. Однако икона Христа, воскресшего и в то же время вечно истекающего кровью, стоит одинаково как перед Иваном Карамазовым, так и перед Понтием Пилатом. Эта же идея звучит в рассказе Борхеса «Легенда» (сборник «Хвала тьме»):

Авель и Каин встретились после смерти Авеля. Они шли пустыней и издалека узнали друг друга, ибо оба были высокие. Братья сели на землю, разожгли костер и поели. Помолчали как уставшие люди на склоне дня. На небе появилась звезда, которая тогда еще не имела названия. При свете пламени Каин заметил во главе Авеля рубец от камня и уронил кусок хлеба, который собирался поднести ко рту. Начал умолять брата, чтобы тот простил его преступление. Авель ответил:

— Ты убил меня или я тебя? Я уже и забыл, и мы сидим здесь, рядом. Как когда-то.

— Теперь я вижу, что ты действительно простил меня, — сказал Каин, — потому что забыть — и значит простить. Я тоже постараюсь забыть.

Авель тихо сказал:

— Да. Пока продолжают угрызания совести, до тех пор продолжается и вина [3, с. 380].

Знак на лбу Авеля напоминает будущие раны Христовы, вечно живые. Действительно: для людей прощать — это забыть, и это в равной степени необходимо, чтобы простить и себя. В итоге именно об этом подвиге Бог просит человека — о прощении самого себя. На этот подвиг вызван, вероятно, и апостол Петр на небесах — забыть ту ночь, когда он три раза отрекся от Иисуса. Но этому противоречит тот факт, что раны Христовы еще живы, и приобщение к ним дает возможность страдающим и обиженным, пока смерть еще не побеждена вторым Его пришествием, обрести силы и достоинство.

Приобщение к ранам Христовым — это и есть высший пример земного и небесного катарсиса для страдающего человеческого рода. «С того момента, когда грех становится виной, а нарушение заповедей — преступлением человеческих законов, мы можем потерять что-то необычайно важное, — пишет Ю. Хабермас. — Все потому, что к желанию быть прощенными добавляется желание того, чтобы зло, причиненное ближнему, никогда не случилось бы вовсе. Более всего нас тревожит необратимость свершенного зла... которое неподвластно исправлению нашими силами. Потеря надежды на воскресение оставляет после себя зияющую пустоту» [8, с. 24–25]. Означают ли тогда вечные раны воскресшего Христа, прощающего и освобождающего нас от памяти, финальное искупление и абсолютную победу над прошлым? Или они тоже должны в итоге исчезнуть при Его втором пришествии, чтобы окончательно все забыть и каким-то образом «отменить»? Данте, по всей вероятности, принял бы только первый вопрос и ответил бы положительно. А как Достоевский, так и Булгаков вверяют всякие возможные тут ответы своим читателям на все времена.

Литература

1. Акелькина Е. А. Данте и Достоевский (рецепция дантовского опыта организации повествования в «Божественной комедии» при создании «Записок из Мертвого дома») // Вестник Омского государственного университета. 2012. № 2. С. 394–399.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. 318 с.
3. Борхес Х.-Л. Фунес памятный // Борхес Х.-Л. Смерть и буссоль. М.: Захаров, 2001. 160 с.
4. Булгаков М. Избранное. Ташкент: Изд-во «Узбекистан», 1990. 719 с.
5. Достоевский Ф. М. ПСС: в 30 т. Л., 1972–1990.
6. Фридлиндер Г. М. Достоевский // История русской литературы. Л., 1956. Т. 9. С. 7–118.
7. Штейнберг А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 87–105.
8. Habermas J. Glauben und Wissen. Friedenspreis des Deutschen Buchhandels. Frankfurt: SuhrkampVerlag, 2001. 60 p.

УДК 130.2

Меттини Эмилиано

кандидат педагогических наук

Российского национального исследовательского медицинского университета

им. Н. И. Пирогова Минздрава России,

emiliano@inbox.ru

ПОТЕРЯННОЕ СЛОВО: В ПОИСКАХ ИСТИНЫ В ТРУДАХ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

В статье рассматривается вопрос о том, как в трудах Данте Алигьери можно обнаружить скрытые смыслы, имеющие рельефно эзотерический и мистический характер, что позволяет изучать труды великого итальянского поэта с новой точки зрения и понимать реальное значение таких произведений, как «Божественная комедия» и «Новая жизнь». Автор старался изучать тему в рамках политического и философского учения Данте Алигьери, раскрывая его принадлежность движению «Верных любви», близкому тамплиерам.

Ключевые слова: Данте Алигьери, эзотеризм, Беатриче, Тамплиеры, Божественная комедия.

Mettini Emiliano

The lost work: searching for Truth in Dante Alighieri's works

The article deals with questions of how it is possible to detect in Dante Alighieri's works hidden meanings having huge esoteric and mystical characters, which allows studying works of great Italian poet from a new point of view, and understanding real importance of such oeuvres like the "Divine Comedy" and "The new life". Author tried to examine the topic in the framework of political and philosophical teaching of Dante Alighieri, revealing his appurtenance to movement of "Faithful of love" that was near to Templers.

Keywords: Dante Alighieri, esotericism, Beatrice, Templers, Divine Comedy.

Тема нашей статьи — рассмотрение вопроса о том, что ядром трудов итальянского мыслителя, поэта и философа Данте Алигьери является определенная символика, которая скрывает его принадлежность к движению «Верных любви» (*Fedeli d'amore*), приравниваемому к таинственному ордену, намеревавшемуся проводить жесткую борьбу против коррумпированной католической Церкви, полностью потерявшей свои духовные функции и сосредоточенной только на мирских целях и богатстве. Целесообразно подчеркнуть, что мы выбрали за основу нашего исследования аллегорический и анагогический смыслы, потому что оба они относятся к высшему символу и символизму, которые не все способны увидеть и которые требуют от читателя или комментатора духовного и

интеллектуального напряжения в целях их истинного понимания. Путь нами выбран не из самых легких, потому что в используемой нами литературе мы находим противоречивые сведения и/или рабочие гипотезы, которые не позволяют пролить верный свет на данный вопрос. Соответственно, мы намереваемся избежать упрощенных ответов на изучаемую тему, а также некритично воспринимать мнения, высказанные авторитетными авторами. Наш скромный анализ творческого наследия Данте Алигьери будет сосредоточен на трех произведениях Данте Алигьери: «Божественная комедия», «Пир» и «Новая жизнь». В этих работах мы можем обнаружить более или менее видимые следы глубокого душевного испытания, которому подвергался дивный поэт в поиске Света и высвобождения себя от тьмы земного мира для окончательного триумфа истинной религии на новом духовном уровне.

Но постараемся подойти поближе к заданной теме и зададимся первым скандальным вопросом: а кто же были «Верные любви»? Исходя из имеющихся источников, можно считать, что «Верные любви» представляли собой духовное движение, или настоящий орден, уходящий своими корнями к трубадурам Прованса, и в частности к ветви данного культурного движения, связанной с Арнаутом Даниэлем и выражающейся в *trubarclus* (скрытый язык музыки), скрывающем в себе определенную схему соответствия, которая должна быть понятной только узкому кругу людей, или посвященным людям. Интересно заметить, что Прованс, как большая часть Южной Франции, в XII веке был центром распространения альбигойской ереси, видоизменения катарского религиозного движения, которое официальная Церковь считала порождением манихейства. Как справедливо замечает М. Элиаде в своей «Истории веры и религиозных идей»,

в куртуазной любви впервые после гностиков II и III вв. превозносится духовное и религиозное достоинство Женщины. По мнению многих ученых, трубадуров Прованса вдохновляла арабская поэзия Испании, прославлявшая женщину и внушаемую ею духовную любовь. Но необходимо также учитывать кельтские, восточные и гностические элементы, которые были вновь открыты или переосмыслены в XII в. [5, т. 3, § 270, с. 53].

Столицей «Верных любви» можно считать Болонью, где жил поэт Гвидо Гвиницелли, а потом Флоренцию, город, в котором лидером «Верных любви» был поэт Гвидо Кавальканти вместе с Данте Алигьери и Лапо Джанни. Целесообразно подчеркнуть, что на данном этапе «Верные любви» возглавляли новое духовно-политическое движение, которое смогло бы преодолеть партизанство времени Данте Алигьери, учитывая, что еще остро чувствовались последствия борьбы за инвеституру,

прорвавшую самую суть христианского мира, раздирая его двумя мечами — один в руках императора, а другой в руках папы римского.

Следовательно, «Верные любви», которые не представляли собой, как считало небольшое число ученых, «гибеллинскую секту» под руководством Фридриха II, *Stupor mundi*, заточенного Данте Алигьери в аду вместе с Пьером делла Винья, а скорее всего, они были мыслителями, философами и политическими деятелями из гибеллинского и гвельфского лагеря, объединенными идеей подставить под начало новых этических принципов курс итальянской политики, чье состояние нам хорошо известно по стихам VI песни «Чистилища». «Верные любви» были тайным духовным воинством, их целью стало исповедание культа «несравненной Дамы» и посвящение в таинство «любви». В данном отношении к Любви, как выражению божественной Мудрости, мы можем обнаружить исторически и документально утвержденное сходство с источниками суфийской мистики. Орден «Верных любви» воплощал в себе как провансальскую (мистическую) традицию, так и суфийскую традицию, носящую глубокие элементы мистицизма.

Как верно отмечает Ю. Эвола в своей работе «Метафизика пола», «суфийская поэзия проникла на Запад во время крестовых походов», за которыми шли слова и учения известных мыслителей Ибн Араби, Аверроэса [4, с. 133]. Другим важным источником мистического символизма и поэзии о любви можно считать труды Рузбихана Бакли Ширази (1128–1209), автора трактата «Жасмин влюбленных», в котором автор пишет, что «Когда душа получила воспитание человеческой любовью и упрочилась в тайне любви, а сердце в огне любви закалилось против низменных и порочных мыслей, от ударов гнева любви душа приказывающая стала успокоившейся» [2, с. 66].

Суфийское учение, старающееся приближать человека к «Оности» Бога [3, с. 59], к тому месту, которому он принадлежит, очень гармонично соединилось с традицией «куртуазной любви», под которой, как мы уже заметили, можно подразумевать мистическое, инновационное движение. Соответственно, на «Любовь» и «Мудрость» можно смотреть как на два лика Бога, на Пения и Порос, о которых в свое время написал Платон в «Пире», и, если брать Эрот как вечное желание знать, возвысить себя на самого себя и, следовательно, приблизиться к Единому, к Высшему Благу, мы можем считать, что такая традиция имеет долгую историю, нуждающуюся в дополнительных исследованиях философского и экзотерического характера, которые давно нас занимают. В данном идеологическом ключе Женщина, в провансальском языке *Donna*, госпожа, повелительница, является воплощением Мудрости, того идеала, к которому необходимо стремиться, чтобы достичь настоящего «Я» вне

суеты тленного мира. Главное — подчеркивать то, что воспетая поэтом или трубадуром замужняя женщина не может принадлежать ему полностью, потому что невозможно владеть мудростью, что представляет собой конечную цель жизни посвященного (адепта). Женщина — роза, мистическая роза, символ, взятый у суфизма, и должна доводить своего возлюбленного (адепта) до экстаза (еще одно слово арабского происхождения), до уровня духовного возвышения, когда предоставляется человеку единственная возможность увидеть Божество во всей его полноте и открывается перед глазами анагогический смысл. Женщина символизирует возвышенный интеллект, мудрость. Любовь к женщине пробуждает адепта от летаргического сна, представляет собой тот момент, когда пелена падает с глаз, как в трепетном моменте посвящения, когда, наконец, Свет не ослепляет, а окружает адепта, ставшего членом ордена.

Другой особенностью движения «Верных любви», как мы уже мимоходом заметили, является то, что они, как трубадуры и труверы, использовали «секретный язык» (*parlar clus*), чтобы «их доктрина не открылась черни», *la gente grossa*, по выражению Франческо да Барберино (1264–1348) [15, т. 3, § 270, с. 54], понятие, которое мы можем найти и у Дж. Боккаччо, тоже члена ордена «Верных любви».

Мощным помощником в исследовании пути к мудрости нам служит интереснейший труд Л. Валли «Тайны язык Данте и “Верных любви”» (1928), который в острой полемике с романтическим и позитивистским толкованием трудов представителей «Сладостного нового стиля» (*DolceStilnuovo*) доказывает, как в языке всех писателей и мыслителей, принадлежащих этому движению, использовались символы и метафоры, скрывающие за собой более глубокий смысл, определяющий их общее членство в ордена «Верных любви», и проводит тщательный анализ тех слов, под которыми можно подразумевать и более эзотерические элементы, и врагов движения, в первую очередь Церковь. К сожалению, внезапная кончина Л. Валли (1931) не позволила ему довести до конца свою кропотливую работу, но труды, оставленные им, дают нам пищу для размышлений о Данте Алигьери как главе «Верных любви» и вдохновителе движения, которое стремилось к новому политическому курсу. Следовательно, в дальнейшем мы будем затрагивать такие темы, как Беатриче, эзотеризм Данте, Вечная Мудрость и другие.

Нашей целью не является поиск ответа на вечный вопрос о том, существовала ли в действительности Донна Беатриче. Главное для нас — то, что она представляет собой почитание Святой Девы, доминировавшее в ту эпоху. Мадонна Беатриче является воплощением *Donna*, Вечной Мудрости, до которой необходимо дойти через сложный экзистенциальный путь, совершавшийся мистическим видением,

стиравшим память того, кто был допущен близко к Божеству. Уже имя Беатриче (дарившая блаженство, создавшая блаженство) указывает на некий проект самого Данте Алигьери, который вложил в нее все высшие градусы совершенства, ведущие человека к освобождению от тяжести «профанского» (позвольте использовать такое выражение) мира до состояния мистического видения.

Зададимся тогда «несвоевременным вопросом» о Любви Данте Алигьери к Беатриче, и, может быть, тогда сумеем пролить новый свет на эту Любовь. Начнем с такого общеизвестного произведения, как «Новая жизнь» (*La Vita Nova*), которое можно считать первым трудом, где Данте Алигьери говорит о своем входе в орден «Верных любви». После первой встречи Данте Алигьери и Мадонны Беатриче прошло девять (!) лет до того, как они вновь встретились и она подарила ему своё приветствие. Это свидетельствует о том, что Данте Алигьери прошел длинный путь инициации до своего окончательного посвящения в орден «Верных любви», когда началась его дорога к настоящей Мудрости под знаком мистической Любви. В упомянутом нами труде Л. Валли приводится интересный факт, который он заметил у Г. Россетти (1783–1854), первооткрывателя «Верных любви» в литературе, и излагает следующим образом:

Россетти напоминает, например, что по «драгоценному сборнику Масонства» возраст адепта — 9 лет, что указывает на уровень взросления и усовершенствования, и само собой разумеется, что данный возраст представляет собой мистическое число, являющееся квадратом числа 3 [7, с. 324].

Скорее всего, как объясняет итальянский литературовед, ссылаясь на стихотворение Дж. да Лентини, девять лет новоиспеченным адептам (ученикам?) было запрещено писать, употребляя мистически-символический язык ордена, чтобы из-за неопытности и рвения к Мудрости они не скомпрометировали своих собратьев в профанском мире. А значит можно предположить, что за эти девять лет, которые можно считать условными, адепт должен был хранить ритуальное молчание до того, пока он не был бы уже посвящен в градус повыше и смог бы более уверенно излагать свои мысли в безопасной форме. Следовательно, «новая жизнь» представляет собой переход от одного статуса к другому, когда человек рождается заново в лоне ордена, которому он хочет принадлежать. Потеряв память о себе, человек может стать кем-то другим, оставляя за собой «ветхого человека», заблудившегося в ложном мире непосвященных. Такая перспектива интересна тем, что Беатриче было 8 лет, а Данте Алигьери — 9 лет, когда они впервые встретились (еще одна

черта романов об инициации), что предполагает зрелость, достигнутую поэтом в первом этапе к своему новому существованию в «новой жизни». Кроме того, нельзя не заметить, что в этом контексте большую роль играют убеждения Данте Алигьери, который придерживался аристотелевско-томистских идей, особенно что касается «активного ума» (*nous poietikos / intellectus activus*), и здесь мы ничего нового не откроем. В данном контексте Беатриче представляет именно его, а Данте Алигьери, соответственно, пассивный ум индивидуума, внутри которого отражается первый, и отсюда следует, что Данте Алигьери и Беатриче находятся в определенном соотношении, объясняющем их объединение. Беатриче представляет собой *spes aeternae contemplationis* (надежда в вечное созерцание), как выразился Августин Блаженный, т. е. Вечную мудрость, достижение которой является конечной целью Данте Алигьери, показывающего путь своим братьям в стихотворении «Вы, жены, те, кому любовь понятна» (*Donne ch'avete intelletto d'amore*), где жёны — это не кто иной, как братья Данте Алигьери в ордене «Верных любви». В конце этого произведения Данте Алигьери пишет, что придет повелительница (Беатриче) к источнику учения, к мистическому фонтану учения, являющемуся той рекой, в которую смотрела Любовь с Данте. Если в дремлющее сердце войдет Любовь, остроумно отмечает Л. Валли, сердце поворачивается к ней, и естественная любовь человека к Святой Мудрости переходит из потенции в акт [7, с. 355].

Нужно подчеркнуть, что Данте Алигьери считал активный интеллект чем-то общим всему человеческому роду, которому неким образом можно научить человеческий род в целях его постоянного усовершенствования, а это приводит нас к заключению, что такой процесс реален лишь при очищении сердца от пороков, которые угнетают человека. Мы также согласны с трактовкой понятия «активный интеллект», предлагаемой итальянскими учеными А. Беккариси и Э. Берти, подчеркивающими, что активный интеллект является «вечной и нетленной совокупностью первых аксиом, основой любой наукой, благодаря которым человеческий интеллект, т. е. пассивный интеллект, переходит из потенции к акту» [6, с. 2], поскольку активный интеллект представляет собой «габитус не столько души каждого взятого человека, а, скорее всего, габитус человеческой души как вида в целом... является святой святых вечных истин, ставших известными человеку, которые человек сам продолжит открывать себе» [там же]. На наш взгляд, здесь возможно выдвинуть новую интерпретацию учения Данте Алигьери, на которое можно смотреть как на путь к искуплению грехов и пороков благодаря осознанию себя как рационального существа (подобное этому учение мы можем найти в

произведении «О монархии»). Данте Алигьери живет Любовью к Беатриче потому, что смотрит на нее с точки зрения, которая не может быть понята простыми людьми, учитывая, что под «Любовью» мы можем еще подразумевать сам орден, который посвящает и принимает в свои ряды Данте Алигьери, который пожертвовал Беатриче (Мудрость) свое сердце.

Но вернемся к Данте Алигьери и мадонне Беатриче, которая умерла в 1290-м (опять число 9!). Ее смерть была ужасным потрясением для Данте Алигьери, а на это мы тоже хотели бы посмотреть с эзотерической точки зрения, потому, что под смертью мадонны Беатриче мы можем подразумевать ритуальную смерть и возрождение Данте при его посвящении в высшие градусы ордена, когда ему явилось ведение Всевышнего во всей полноте. Как предполагает Л. Валли, поэт дошел до высочайшего мистического состояния, а может, и до экстаза [6, с. 368], представляющих собой такое тяжелое испытание для духа, что человеческая память не может выдержать воспоминаний о них. После приобретения мистического опыта Данте Алигьери потрясен, растерян. В 21-й главе «Новой жизни» он рассказывает о том, что встретил еще одну «благородную» Даму, которая одновременно является Беатриче и не есть Беатриче. Начинаются терзания, сомнения, и поэтому кажется, что он готов посвящать себя философии, более земному предприятию, нежели исполнению обязанности Верховного жреца Любви. Но этот туман быстро рассеивается, и Данте Алигьери продолжает свою миссию «Верного любви» [1, с. 72].

Впервые в стихах данной главы «Новой жизни» мы можем заметить тему об «улыбке», представляющей собой высшую степень блаженства, о которой речь идет в «Божественной комедии», в третьей ее части. Раз Беатриче (Святая мудрость) вознеслась на небеса и ее дети («Верные любви») лишились ее, необходимо, чтобы все старались разыскивать ее в земных явлениях, в людях, в сердцах людских, и у тех, кто не оплакивает ее смерть, у них каменное сердце, поскольку они не слушают настоящего Гласа Божьего, словосочетание, определяющее принадлежность земной Вавилонской Церкви Мамоне. Целью «Верных любви» является утешение и восстановление Церкви духовной, другой вдовы, о которой говорили как Джоаккино да Фьоре (Иоахим Флорский), так и Франческо да Барберино. У «Верных любви» мы встречаем ту же самую тему «вдовы», которая звучит и в легенде о Граале, если учитывать, что имя «Парсеваль» значит «сын вдовы». В интерпретации данного словосочетания мы согласны с Ю. Эвола, предпочитая не связываться с падшими ангелами, как сделал М. Серрано, дав толкование: под «вдовой» он подразумевал покинутую традиционную мудрость, к которой следует вернуться, о чем у Данте

Алигьери видим в XXXIX главе «Новой жизни», где он описывает поэта, когда ему около девяти часов было второе могучее видение Беатриче [1, с. 93].

Соответственно, мы можем заметить третью тему, о которых поговорим далее, а именно об улыбке, представляющей собой самую тесную связь со Святой Мудростью, обращенную к евангельским истокам Церкви и Любви, которая движет солнце и прочие звезды в поисках «потерянного слова», того, чего недостает тому, кто не умеет искать в себе Мудрость.

Первые стихи первой песни «Рая» представляют собой качественный переход от старого уровня сознания (от градуса ниже) к уровню выше, потому что

Лучи того, кто движет мирозданье,
Все проникают славой и струят
Где — большее, где — меньшее сиянье [1, с. 369].

Здесь не только замечаем критический намек в отношении нескольких собратьев Данте Алигьери, которые еще не полностью горели рвением к ордену, и поэт, на наш взгляд, указывал на то, что пора развиваться до наивысшего уровня, дойти до Врат Божьих, за которым человек теряет окончательно себя и сливается с Ним, чтобы смерть Беатриче-Рахили (в смысле самого высоко развития мистической Мудрости) произошла не зря. Следуя за Р. Геноном, мы можем заметить, что Рай представляет собой Церковь торжествующую, когда ад и чистилище являются представлениями Церкви страдающей и Церкви сражающейся соответственно. Формулировка дана французским философом интересная, потому что определенным образом может служить и метафорой пути адепта, идущего по дороге, ведущей от низостей Бытия (профанское состояние) к состоянию нахождения и открытия для себя небес, которые, в свою очередь, суть высший уровень Бытия самого.

Но пока перейдем от размышлений Р. Генона к рассуждениям Л. Валли, который писал по поводу символизма «Божественной комедии», и особенно в отношении двух символов: Крест и Орел. Итальянский литературовед справедливо замечает, что

из-за грехопадения человек больше не способен правильно думать (*rectescire*) и правильно действовать (*rectefacere*), то, что Августин Блаженный называл *ignorantia* (невежество) и *difficultas* (неспособность правильно действовать) [7, с. 452].

Искушение грехов через Иисуса Христа исправило эту ситуацию, которую Данте Алигьери в своем произведении «О монархии» назвал *remedia contra infirmitatem peccati* (средства против слабости к грехам). В свою очередь, невежество и неспособность правильно действовать противостоят проявлению Мудрости (*Sapientia*) и Справедливости (*Iustitia*), и противоядием им могут быть только Крест как символ настоящей Церкви и Орел как символ Империи. Здесь мы видим один важный элемент философского учения Данте Алигьери: отсутствие сильной имперской власти ведет к коррупции в Церкви и к тому, что имперская власть морально сгниет и погибнет, — это с горечью он предрек в свое время. Дерево знаний может плодоносить снова, когда у его корней стоит у руля Церковь, а на его вершине сидит Орел, символ имперской власти, метафора, которой Данте Алигьери указывал на проявление нового, более справедливого, общества — главным смыслом того, что Иисус Христос оставил человеку.

Данте Алигьери, путешествуя по сумрачному лесу, попадает в божественный лес рая, тщательно подбирая аналогии и параллели между Крестом и Орлом. Так, несправедливость (волчица) будет изгнана только при помощи созерцания и с надеждой на возвращение Орла. Многие лица в «Божественной комедии» соответствуют этой паре: Вергилий, Энея и Катон — это Орел, а ангел у врат чистилища, Лючия и Беатриче представляют Крест [7, с. 455]. На наш взгляд, целесообразным является то, что в «Божественной комедии» Орел не может исправить то, что Крест натворил, и наоборот (думаем только о великом старце с Крита), или, например, в устах Люцифера вечно мучается Иуда Искариот, предавший Крест, и вместе с ним Кассий и Брут, предавшие Орла.

Соответственно, мы можем предположить, что «Божественная комедия» скрывает в себе политически-мистическое видение Данте Алигьери, которое не все его собратья могли поддерживать и разделять, потому что для них Церковь была главным врагом, Мамоной, которого надо было сравнить с землей для начала эпохи Града Божьего. Диалектика Креста — Орла объясняет и часть пророчеств, которые мы можем найти в «Божественной комедии» в связи с тем, что только гармоничное взаимоотношение между ними может теоретически способствовать второму пришествию Справедливости на землю и обеспечить царство Астреи, о котором написал Вергилий в IV книге произведения «Георгики». Справедливость, как уже подчеркивали, не может существовать, вернее, должна сосуществовать с Мудростью, а как этого можно достичь, если человек заблудился в сумрачном лесу? Мы сейчас не будем проводить неосторожные и не совсем правильные сравнения леса с поиском света при посвящении во всякие ордена, в т. ч. масонские, но мы можем согласиться

с тем, что структура Рая представляет собой вдобавок ко всему путь инициации через небесные сферы, каждая из которых соответствует не только ангельским иерархиям, но и семи либеральным искусствам: Луна — грамматика, Меркурий — диалектика, Венера — риторика, Марс — музыка, Юпитер — геометрия, Сатурн — астрономия, Солнце — арифметика или Просвещенный разум. В этом мы частично согласны с Р. Геноном, предполагающим, что данное видение совпадает с Мистической лестницей катаров, но, одновременно, не можем сходитьсь во мнении с французским философом, что касается его неправильного переноса этой системы в систему масонских координат. Мы склоняемся к «катарскому» толкованию потому, что нам кажется, что невозможно установить прямую связь, как многие делают, между катарами и темперами, хотя, правду сказать, можно обнаружить сходство в ритуальных формах и в учениях. Скорее всего, но это только на уровне предположения, небесные сферы представляют собой структуру ордена и одновременно градус просвещения, достигнутый адептами, поскольку, если мы хотим продолжить наше экзотерическое толкование, должны заметить, что в песне II Данте пишет:

Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц — Музы указуют взору [1, с. 393].

Еще раз видим Мудрость в эпическом облике Минервы, Аполлона, т. е. Солнце как мужское начало Справедливости, и Медведицы (у каждой из них 7 звезд), которые вместе с Беатриче проводят Данте в этот окончательный путь до Божества, и улыбка встречается все чаще и чаще, и, она, насколько мы понимаем, стоит выше простого приветствия. И наконец-то, открывается последняя Тайна, Тайна Божества. Она представляет собой мистическую Розу, которая нам напоминает о связи ордена с восточной мистикой, где Данте, скорее, видит рядом с собой не Беатриче, а старика в белоснежной одежде — св. Бернарда Клервосского, который является последним вождем Данте, чье зрение (пассивный интеллект, превращающийся в активный?) окрепло и он четче может видеть вокруг себя структуру Розы. Любовь здесь становится Божественной Любовью, потому что Перводвигателем Вселенной объявляется именно она, Божественная Любовь, и создатель культа Марии призывает поэта обратить взоры к изначальной любви. Идущая от нее вниз цепочка сидений занята прославленными женщинами Ветхого Завета: за Марией Ева, затем Рахиль и рядом с ней Беатриче. В этом мы можем увидеть, что Ева, Дева Мария, Рахиль и Беатриче представляют собой как надежду созерцания, которой Данте Алигьери так жаждал, и различные

степени Вечной мудрости (Софии), идущей от прародительницы нашей до своей высшей степени, на наш взгляд, представленной Девой Марией как Богородицею, носящей в себе воплощенный Логос. Важно для нас еще и то, что справа от Петра — апостол Иоанн, слева от Адама — Моисей, справа от Иоанна Крестителя — мать Богородицы Анна, слева — Лючия. Здесь обнаруживается очевидная параллель, поскольку в расположении этих лиц можно увидеть важное экзотерическое значение: Адам (ветхий — не посвященный человек) очищается через Софию (Деву Марию), которая передает новую, очищенную, Мудрость Петру, т. е. Кейфе — Камню, уже не будущему «глухим и слепым» орудием земной Церкви, еще Моисей и Иоанн Креститель (представители Орла и Креста), и, наконец, Анна и Лючия, являющиеся надеждой спасения и света (просвещения). Роза не просто цветет — она распускается, т. е. открывает человеку сознание самого себя (еще один мистический и экзотерический элемент), так как к ней прибавляются новые лепестки. Наконец, души не просто пребывают в Розе — они радостно ожидают второго пришествия Христа, на которое мы смотрим как на пришествие Креста с Орлом, Мудрости со Справедливостью для получения человеком Новой жизни и, соответственно, достижения самого высокого уровня посвящения, самого высокого градуса ордена. Следовательно, мы можем считать, что последняя песнь «Рая» повествует о видении Троицы. Данте собирает и связывает в этой песне в один гимн многие мотивы третьей кантики. Бернар Клервосский обращается с молитвой к Богородице, он просит даровать Данте способность увидеть Бога и помочь ему в дальнейшем земном пути. Просьба встречена благосклонно, и Данте вслед за Марией погружает взор в глубины высшего света. Данте обращает взоры к изначальной любви (*primo amore*). Заметим, что совершение внеземного пути Данте Алигьери представляет собой не окончание мира, а грань смерти и новой жизни, где чувствуется страх и трепет и, одновременно, усовершенствование личности после взлета в небеса. За видением Божества следует не падение человека, а вечное стремление возвращения к самому себе через переход к чему-то высшему и более значимому.

В заключение мы можем сказать, что Данте Алигьери и «Верные любви» представляли собой крыло духовного движения, старающегося восстановить политическое влияние Италии под началом Империи и Церкви, что было и программой произведения «О монархии» Данте Алигьери, и оставляли четкий след в литературе и политике Италии (если смотреть на их работы с того ракурса, который мы старались открыть перед нашими слушателями). Такое толкование трудов Г. Гвиницелли. Ч. Д'Асколи, Ф. да Барберино, Б. Орбиччани и других известных писателей может быть использовано для более современного понимания

скрытых от глаз большинства людей политических и духовных движений пленительного края, где раздается sì! Что касается именно фигуры Данте Алигьери, мы можем заключить, что он был высшим выражением данного движения, учение которого он теоретизировал в своих трудах, на которые мы ссылались во время нашего выступления, скрывающих самую экзотерическую и мистическую суть его жизни. Вместе с тем Данте Алигьери не полностью учитывал то, что его политическая программа реформирования могла потерпеть фиаско, потому что не просто укротить волчицу (жадность) и льва (высокомерие), что, увы и произошло. Но это не уменьшает, а может быть, и увеличивает значение Данте Алигьери как великого человека европейской величины и создателя нового, управляемого этическими началами мира.

Литература

1. Алигьери Д. Новая жизнь, Божественная комедия. Библиотека всемирной литературы. Серия: Литература до XVIII века. Т. 28: Поэмы. М.: Художественная литература, 1967. 688 с.
2. Алонцев М. А. Суфийская метафизика любви в трактате Рузбихана Бакли «Жасмин влюбленных» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 3. С. 66–73.
3. Кириллов Г. М. Суфийская традиция становления личности в перспективе философии диалога // Исламоведение. 2014. № 1. С. 54–64.
4. Эвола Ю. Метафизика пола. М.: Беловодье, 1996. 448 с.
5. Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 3. От Магомета до Реформации. М.: Критерион, 2002. 352 с.
6. Beccarisi A. La teoria dell'intelletto come fondamento di una comunità universale in Dante Alighieri e Meister Eckhart in *Per studium et doctrinam fonti e testi di filosofia medievale dal XII al XIV secolo. Studi in onore di Loris Sturlese*. Roma: Casa Editrice Aracne, 2018. P. 1–15.
7. Valli L. *Il linguaggio segreto di Dante e dei «Fedeli d'Amore»*, Le belle lettere. 1928. 665 p.

Пассарини Лоренцо
магистр философии, преподаватель
Российской христианской гуманитарной академии,
lorenzo@passarini.it

АФОРИСТИКА КАК ГЛАВНЫЙ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ «ЗАМЕТОК» Ф. ГВИЧЧАРДИНИ

Цель этой статьи — проанализировать выбор афористического стиля в «Заметках» (*Ricordi*) Гвиччардини. Прежде всего, учитывается скептицизм Гвиччардини по отношению к возможности нахождения общих правил для истории и поведения в общественной жизни. Этот подход приводит к фрагментарному, несистематичному стилю, поддерживаемому такими ключевыми понятиями, как «удача» и «рассудительность». В результате мы имеем то, что считается первой книгой афоризмов о морали и политике Нового времени.

Ключевые слова: афоризм, Гвиччардини, Возрождение, итальянская литература.

Lorenzo Passarini

Aphorism as the main stylistic and poetic medium in the Maxims and Reflections of Guicciardini

The object of this article is to analyze the choice of the aforistical style in the *Maxims and Reflections (Ricordi)* of Guicciardini. It is primarily considered the skepticism of the author about the possibility to find general rules in history and in public behaviour. This theoretical approach has resulted in fragmented, unsystematic style based on key concepts such as “fortune” and “discretion”. As a result we have today what is considered the first modern book of moral and political aforisms.

Keywords: aphorism, Guicciardini, Renaissance, Italian literature.

Эта статья о произведении Франческо Гвиччардини “Ricordi” [5, с. 75–138; на это итальянское издание я буду опираться], или «Заметки» [1], в которой исследуется, соответствовал ли выбор афористического стиля [9, с. 13–14] содержанию и замыслу итальянского писателя. Мы рассматриваем прежде всего окончательный вариант «Заметок», известный

как Редакция С. Следует учитывать, что афоризм, история которого имеет древнее происхождение, утвердился изначально как предписание в сфере медицины и лишь впоследствии — для некоторых именно благодаря произведению Гвиччардини — в сфере политики и морали [9, с. 13; 10, с. 242]. Джино Руоцци из Университета Болоньи пишет, что, должно быть, «между концом шестнадцатого века и началом семнадцатого афоризм, в том числе и формально», обрел «свои современные качества» [9, с. 13–14; здесь и далее перевод критических работ мой. — Л. П.]. Писатель был провозглашен европейским первооткрывателем политического афоризма [8, с. 266], а известный историк литературы Эмилио Пасквини согласен с тем, что «Заметки» — это «первая настоящая книга афоризмов Европы Нового времени» [6, с. 53].

Сначала посмотрим, из чего состоит произведение, множество версий которого писалось с 1512 по 1530 годы. В последней редакции произведение включает 221 заметку разного размера, имеет довольно формальную структуру и порядковую нумерацию. Некоторые из заметок, особенно в начале работы Гвиччардини, состоят более чем из 200 слов, другие же очень короткие и имеют не более 20 слов. Нужно оговориться: автор не предполагал публикацию и, скорее всего, поэтому не дал название сборнику. Но если обратиться к тексту произведения, можно увидеть, что Гвиччардини использует термины *ricordo* [заметка] и *ricordi* [заметки] по меньшей мере раз десять. В истории литературы у «Заметок» были разные названия: *consigli* [советы], *avvertimenti* [предупреждения], *pareri* [мнения], *precetti* [наставления], *sentenze* [убеждения], *concetti* [концепты], *proposizioni* [предложения] [9, с. 12]. Во Флоренции эпохи Возрождения понятие заметки не было чем-то новым: оно означало «предостережение, совет, мнение» [3, с. 200] или предупреждение, которое члены семьи оставляли потомкам, например на полях произведения «Примечания о личном факте» [3, с. 202]. Различные особенности позволили работе Гвиччардини стать частью так называемого жанра семейных книг, являвшихся частными текстами, не предназначенными для публикации, в число которых также входили простые генеалогические отчеты. Цель этих работ была, с одной стороны, исторической — сохранение идентичности рода и исторических воспоминаний семьи, с другой стороны, более практической — принести пользу собственным потомкам с помощью наставлений, полезных в поддержании успехов семьи в коммерческой сфере, в общественной и политической жизни [3; ср.: 11, с. 94].

Несмотря на это универсализм, который характеризует стиль изложения «Заметок», превращает их в нечто новое (ср.: [3, с. 203]): адресатом произведения становятся все те читатели, которые способны его понять [3, с. 218]. Специалисты, изучавшие природу семейных книг и их историю, считают, что произведение Гвиччардини отличается от традиционных семейных книг, в том числе с точки зрения содержания, и движется по направлению к «автономному и строго дифференцированному» жанру [2, с. 36].

Первая особенность, которая очевидна в подобном произведении, это *бессистемный* и *фрагментарный* характер текста, если не сказать беспорядочный. Некоторые критики увидели реальные внешние и внутренние связи между отдельными *заметками* и возможные тематические группы, что, с их точки зрения, подтверждает достоинство задуманного *многопланового*, но в то же время *органичного* произведения [11, с. 119–121]. Другие же отметили отсутствие «подлинного лейтмотива, по которому можно прокладывать путь и который бы иерархизировал и координировал различные темы» [3, с. 219–220], потому и поиск такой логической нити может привести к сомнительным и противоречивым результатам [там же]. Я считаю неправильным принимать бессистемность и сознательный беспорядок за обыкновенную небрежность, даже если такой взгляд может быть подвергнут критике. Возьмем в качестве примера *заметки* 13 и 18, которые являются короткими поучительными отсылками к мнению Тацита о тиранах. Обе отсылки разделены между собой без очевидной логики *заметкой* о практической ценности дружбы и тремя *заметками* о честолюбии, так что если в такой последовательности и есть логика, то она неочевидна.

Самой важной темой в *заметках*, с точки зрения теории познания и философии истории, является неоднократная аргументация невозможности и сложности понимания или формулирования действительно *универсальных правил* для исторического процесса, человеческого познания и действия. Самая наглядная *заметка* по этой теме под номером 6, которая начинается так: «Великая ошибка говорить о делах человеческих, не делая ни различий, ни оговорок и рассуждая, так сказать, правилами» [1, с. 112; далее при ссылке на это издание в скобках будет указан номер заметки]. Мы можем найти две биографические детали, которые лежат в основе этой скептической позиции Гвиччардини: с одной стороны, нужно учитывать его юридическое образование, в котором *правило* — закон — должно дополняться интерпретацией судьи, который,

в свою очередь, должен оценивать каждое конкретное обстоятельство (смотри заметки 111 и 113); с другой стороны, на его позицию повлияли личная и профессиональная неудачи, с которыми Гвиччардини столкнулся в 1527 году во время трагического разграбления Рима (Sacco di Roma / Сакко ди Рома) войсками императора Карла V Габсбурга. Он, как советник и лейтенант папы Клементя VII, поддержал создание и управление общим фронтом итальянских государств в союзе с Францией (Коньячный союз) против императора. В результате такого политического решения Гвиччардини был признан одним из виновных, он потерял свои полномочия и был вынужден уйти в отставку. Эти события явно отражаются в его произведениях через подчеркивание непредсказуемости исторического процесса и невозможности его направлять в желаемую нами сторону.

Для Гвиччардини сложность нахождения и установления *правил* истории и поступков заключается, безусловно, в ограниченности и «вине» человеческой природы, но не только в этом: он объясняет, что «природа сущности вещи» (111), то есть вещей в мире, непонятна. Гвиччардини пишет, что «ведь почти во всех делах благодаря изменчивости условий существуют различия и исключения», «так что нельзя мерить их одной и той же мерой» (6). Заметка 76 начинается с подтверждения факта повторения одних и тех же событий в истории, но, пишет Гвиччардини, «меняются лишь названия и вид вещей», поэтому очень трудно «распознать» и «вывести из этого наблюдения правила или суждения» для всех событий. Углубляясь в метафизику, следует также отметить, что описанная им реальность покинута Божественным провидением, которое могло бы ясно приказывать и понуждать к действию. Если такое Божье провидение и существует, то его намерения нам не ясны, поскольку видимый результат зачастую не соответствует принципам морали [11, с. 111]. Он пишет: «Не надо говорить: Бог помог такому-то, потому что это был человек честный, а такому-то ничто не удалось, потому что он был человек дурной; ведь мы часто видим обратное» (92). Вместе с тем Гвиччардини видит, что положение вещей в мире зачастую обусловлено «судьбой, счастливым случаем» (см. 30 и 31), то есть случайностью, которая является парадигматической концепцией итальянского Возрождения. В *заметке* 30 находим: «...правда, осторожность и старания людей многое могут смягчить, но одного этого все же мало, необходимо еще и счастье». В самом деле, аргументирует Гвиччардини, *безумие* чаще имеет больший успех, нежели разум *мудрых*, в том числе потому, что

безумцы больше всего учитывают силу *удачи* (136). Безумие, например в форме слепой *веры*, также часто дает людям *упорство*, необходимое для достижения своих целей (см. 1).

Филологи и другие исследователи подчеркивают, что Гвиччардини «очистил» последний вариант «Заметок» от текстов, «чрезмерно связанных с актуальной реальностью» или имеющих «муниципальный» характер, от «слишком явных отсылок к конкретной реальности или к деталям, связанным с ней» [11, с. 116; см. также с. 113]. Карло Варотти говорит об исключении автором пятидесяти заметок из предпоследней версии (Редакция *B*). Таким образом, Гвиччардини стремился «сократить заметку», сформулировать ее «сухо и цельно», переписать ее, вновь прорабатывая стиль и двигаясь в сторону «краткости» и «существенности» [там же]. Тенденция к формулировке правил на основе обстоятельств и фактов, связанных в основном с Флоренцией, уступила более «твердым универсальным формулировкам» [4, с. 127]. Результатом является своего рода непоколебимое правило, которое, однако, выходит за собственные рамки, становясь «отражением абсолютной ценности», «квинтэссенцией общепринятой истины» [11, с. 116], — то, что сегодня называется «афористическим наставлением». Афористическая форма достигается путем сознательного, взвешенного решения. Для ученых Гвиччардини фактически является представителем новой эпохи, «он первый, кто составил книгу афоризмов, которая задумывалась таковой» [10, с. 242] и эволюционировала «с трудом сама по себе» — с такой целью — в течение долгих 18 лет [10, с. 231]. В качестве доказательства этого тезиса первостепенное значение имеет воспоминание 210, где автор выделяет идеал краткости всего своего сборника, а не только отдельных цельных заметок, принципов, на которые он поделен (ср.: [10, с. 242]): «Коротко и верно говорит пословица: кто говорит или пишет о многом, непременно нагородит вздору; зато мысли о немногих вещах могут быть все хорошо продуманы и выражены сжато; поэтому было бы, может быть, лучше выбрать из этих заметок один цветок, чем накапливать столько всякой всячины».

Руоцци считает, что есть «прямая связь между стилем и содержанием “Заметок”» (ср.: [10, с. 243]). Обращая внимание непосредственно на связь стиля произведения с его теоретическим замыслом и намерениями, можно поначалу увидеть противоречия. Как уже было сказано ранее, Гвиччардини критикует тех, кто думает, что может сформулировать единые правила и нормы, действующие в различных ситуациях, настаивая

на необходимости учитывать каждую конкретную ситуацию и ее особенности. Однако в то же время он использует стиль, опирающийся на «спекулятивность, абстрактность принципов» и «нормативность правил», и представляет нам «подлинные *максимы* и *нормы*» (таковым является определение, данное в наше время Коррадо Россо для стиля афористов, в противопоставление моралистам [8, с. 265]). В аргументации очевиден индуктивно-эмпирический подход, но в ходе развития произведения автор уходит от отсылок на конкретные обстоятельства, ограничиваясь лишь несколькими конкретными примерами. Как и дедуктивный подход, индуктивный также подвергается осторожному скептицизму со стороны Гвиччардини. В заметке 117 он пишет, что «самое ложное суждение — это суждение по примерам; ведь если они не сходны во всем, то не годятся вовсе».

Понятно, что Гвиччардини не готов отказываться от обобщений и что все-таки следует отличать норму или теоретическое обобщение от афористического. Джино Руоцци пишет, что «педагогичность и нормативность» современных афоризмов имеют «относительную ценность на практике, но не абсолютную и догматическую»; афоризмы Гвиччардини, которые «являются началом авторского афоризма», требуют «критического подхода», а не «безусловного согласия» [10, с. 27, 232]. Представляется, что именно в этой перспективе следует прочитать и самые сильные утверждения, сухие наставления, которые в последнем варианте произведения расположены в основном в начале [4, с. 127]. Зачастую настойчивость поучений Гвиччардини принимает характер «пафосных наставлений» [4, с. 128], а иногда это простые советы, которые, однако, всегда написаны в различной манере. Вот несколько примеров прямого обращения к слушателю или определенной категории людей, с использованием второго лица единственного или множественного числа (ср.: [4, с. 124–128]), в которых выражен призыв или намек на нужду или необходимость: «Князья да остерегаются всего больше людей, которые по самой природе своей всегда недовольны» (130); «Кто заправляет большими делами или стремится к величию, должен всегда скрывать то, что ему не на руку, и раздувать все, что ему благоприятствует» (86); «Кто думает о своей выгоде, у того рука должна быть жесткой» (5); «Будьте уверены, что хотя жизнь людей коротка, но времени всегда будет достаточно» (145); «Положите себе за правило» (169); «Делайте все, чтобы казаться добрым» (44); «Не дорожи приятнью людей больше, чем славой» (42); «Не говори никому о вещах, которые хочешь скрыть» (49);

«Необходимо поэтому хорошо соизмерять положение» (106); «Приходится» (126); «Надо обращать внимание не столько на то, как должен был бы князь поступать по указаниям разума» (128).

С точки зрения методологии, обобщения в афоризмах Гвиччардини обусловлены неколебимой позицией скептицизма и стратегией осторожности, так читатель постоянно получает сигнал, что необходимо развивать «хороший пронизательный взгляд» (117), ибо без него невозможно правильное понимание и разрешение конкретных ситуаций.

Основываясь на вышеприведенных примерах, можно понять, что в «Заметках» немало афоризмов, направленных на универсальную мудрость, и что это, безусловно, интеллектуальный труд, иногда уступающий место теоретическим размышлениям, но они все-таки не самое главное. Я считаю, что стоит, скорее, заострить внимание на первостепенной значимости практической и одновременно педагогической цели советов (ср.: [4, с. 124]) в «Заметках». Педагогическая направленность очевидна в повторяющихся призывах автора сосредоточить внимание на прочитанном и перечитывать наставления, что подчеркивает важность «запоминания», с целью не оставить ту или иную заметку только теоретическим знанием без применения. Рассмотрим важную заметку номер 9 и другие выражения, найденные в тексте: «Читайте эти заметки часто и обдумывайте их как следует, потому что познать и понять их легче, чем следовать им; это облегчается, если свыкнуться с ними настолько, чтобы они всегда свежи были в памяти»; «Запомните мои слова» (150); «Вдумайтесь в эти слова» (116); «Заметка эта важна и должна служить предупреждением» (162); «Воспользуйтесь этим правилом» (192). Вместе с тем в заметке 35 Гвиччардини писал так: «Как отлична практика от теории! Как много людей, хорошо все понимающих, которые либо забывают, либо не умеют претворить в действие свое знание! Для таких людей ум их бесполезен».

Конечно, в связи с характерным для него использованием риторических образов, краткости и обобщенных выводов, афоризм не поддается окончательному анализу, строгому критическому разбору. Афоризм опирается в любом случае на *авторитет (auctoritas)* или по крайней мере на *авторитетность* [8, с. 272] автора. В основе афоризмов Гвиччардини лежит ценность опыта самого автора, но также требуется *опыт* и самого читателя, который он должен накапливать, чтобы повысить эффективность афоризмов. Именно жизненный опыт — аргументирует Гвиччардини — должен поддерживать неполноценный «природный ум» (10) и сочетаться с пронизательностью или *рассудительностью* (2, 6 и

186). Таким образом, без теоретических разъяснений, но со свойственной для него авторитетностью и категоричностью Гвиччардини порой выдвигает и обвинения; так, например, он высказывается в заметке номер 125: «Философы, богословы и прочие, пишущие о вещах сверхприродных или невидимых, говорят тысячи безрассудств; ведь по-настоящему люди о вещах ничего не знают, и разыскания их служили и служат больше упражнению умов, чем открытию истины». Скептические нападки или признание слабости знания также распространяются на юридическую, медицинскую и астрологическую область (111, 206–209). Однако здесь не следует забывать, что мы имеем дело с частным, конфиденциальным текстом, который точно не был написан для конфронтации или дискуссии с интеллектуалами того времени.

Во время развития «Заметок» в некий крайнее синтетический текст третьей редакции [8, с. 271] афоризм частично принимает черты риторического искусства, с его парадоксами и иронией, необычными образами и интуицией, сравнениями и параллелями. Однако, как объяснил Марио Фубини, поиск точности, которую преследовал Гвиччардини, осуществляется не «ради идеала риторического совершенства или приобщения определенным классическим моделям, а ради личной потребности его ума» [4, с. 22–23]. Перед нами не тот афоризм, с которым мы часто сталкиваемся в современном мире: то есть интеллектуальная игра, поддерживаемая эстетическим пафосом. Аргументация Гвиччардини в основном стремится сделать советы как можно эффективнее на практике и быть реалистичными и откровенными. Хотя между двумя следующими аспектами и есть схожесть, однако личностное рвение к теме не то же самое, что рвение диалектического самоанализа Монтеня: в «Заметках» опора на модель универсальной мудрости классиков крайне ослаблена в пользу индивидуализма, в котором прослеживается интерес к семейной выгоде. Подобный искренний, а не лицемерный призыв использовать возможности повседневной жизни уводит нас от риторического стиля. К примеру, автор объясняет: для того чтобы хорошо вести дела, нужно иметь в виду «собственный интерес» (218), однако не ради власти или богатства, а ради других практических целей, таких как «честь», «слава», «доброе имя», определяемых в качестве составляющих конечной цели, к которой и ведет произведение. Искренними в тексте также кажутся и более идеальные слова, например в заметке номер 159, являющиеся по своей простоте прямыми и понятными, без риторических приемов: высказыванию «Не осуждаю ни постов, ни молитв, ни других подобных

благих дел, установленных церковью» он противопоставляет «Однако благо из благ, в сравнении с которым все остальные неважны, — это не вредить никому и быть полезным каждому, насколько ты можешь». В итоге создается ощущение, что личный, а особенно семейный, характер произведения позволяет этой книге быть более аутентичной и откровенной, а значит, более реалистичной и полезной для читателя. Гвиччардини пишет даже, что он предпочел бы видеть в качестве папы римского Лютера, если бы, проще говоря, папы не были ему полезны: «высокое положение, которое я занимал при нескольких папах, заставило меня любить их величие ради моего собственного интереса; не будь этого, я любил бы Мартина Лютера» (28).

Вернемся к стилю «Заметок». Было отмечено, что «у него есть свое собственное значение и ценность: фрагментарный стиль есть непременно отражение гвиччардинианского эмпиризма» [4, с. 22–23]. То есть — так я это интерпретирую — перед лицом фрагментарной природы реальности Гвиччардини излагает мысли также фрагментарно и многогранно, обозначая при этом какие-то строго закрепленные моменты практики. С одной стороны, мы отмечаем те вещи, которые автор, благодаря своему опыту, научился находить, размышляя над поведением человека в обществе, с другой стороны, диктуются слова-приказы и ключевые определения с целью выдерживать заданное направление, делая его продуктивным. Вот ключевые определения: «честолюбие» (*ambizione*), «частность/подробность/собственный интерес» (*particolare*), «слава» (*riputazione*), «честь» (*onore*), «опыт» (*esperienza*), «судьба/счастье» (*fortuna*), «суровость» (*severità*), «притворство» (*simulazione*), «тайна» (*segretezza*), «природный ум / мудрость / разумность» (*prudenza*), «осторожность/рассудительность/чутье» (*discrezione*) и т. п. С этой точки зрения выбор стиля для афоризмов является оправданным и даже идеальным, потому что он фрагментарный, но в то же время аксиоматичный, то есть, с одной стороны, развенчивает, с другой — просвещает. Именно так работает диалектика Гвиччардини.

Афоризмы писателя, хотя и опираются на методологические основы, сомнительны с точки зрения философских и научных исследований, но они все же работают разумно и эффективно в качестве критики амбициозных и в то же время «слабых» теоретических дисциплин того времени, таких как философия политики и философия истории. Отсылки автора к «сырым» данным об обстоятельствах и опыте также предвосхищают язык и проблемы современной науки (ср.: [10, с. 243,

245]). Мы можем увидеть это в заметке номер 182, где Гвиччардини упрекает «мудрых» в том, что они рассматривают в своих рассуждениях только «два или три случая, которые с вероятностью могут произойти, и основывают на этом свое решение, как будто непременно должен произойти именно один из этих случаев», в то время как «часто, а может быть, и преимущественно, наступает третье или четвертое событие, о котором не думали». Тут я воздерживаюсь от рассуждений на эту тему и в то же время подчеркиваю, что, вопреки наличию в тексте Гвиччардини некоторого рода теоретических набросков (особенно философии политики), первостепенная характеристика «Заметок» — это собрание и представление практических советов. Тогда как теоретическая основа в «Заметках» стремится к отрицанию самой себя.

Литература

1. Гвиччардини Ф. Сочинения / пер. с ит. и прим. М. С. Фельдштейн. М.: Academia, 1934. 550 с.
2. Cicchetti A. I libri di famiglia in Italia. Vol. 1: Filologia e storiografia letteraria. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1985. 242p.
3. Cutinelli-Rèndina E. Guicciardini [ed. digitale]. Roma: Salerno Edizioni, 2015. 328 p.
4. Forni P. M. Teoresi e forma del precetto nei Ricordi del Guicciardini // Annali d'Italianistica. Tempe: Arizona State University, 1984. 137 p. Vol. 2.
5. Guicciardini F. Ricordi [ed. digitale] / edizione a cura di Barelli E., introduzione di Fubini M. BUR Classici, 2014. 288 p.
6. Pasquini E. Dai Ricordi del Guicciardini ai Pensieri di Leopardi: gli incunaboli della tradizione aforistica italiana / cura e introduzione Ruozi G. // Teoria e storia dell'aforisma. Milano, Bruno Mondadori, 2004. 190 p.
7. Pasquini E. L'approdo dei Ricordi alla Storia d'Italia / a cura di Claudia Berra, Anna Maria Cabrini // La Storia d'Italia di Guicciardini e la sua fortuna. Parma, Monduzzi Editoriale, 2012. 563 p.
8. Ruozi G. Aforismi / a cura di Emilio Russo // Il testo letterario. Generi, forme, questioni. Roma: Carocci editore, 2020. 488 p.
9. Ruozi G. Da Guicciardini a Longanesi. Dall'aforisma di famiglia all'aforisma di editore // Annali di Ca' Foscari. Padova: Editoriale Programma, 1997. Vol. 36.
10. Ruozi G. Scrittori italiani di aforismi / a cura di Ruozi G // I meridiani. Milano: Mondadori, 1994. 1464 p. Vol. 1.
11. Varotti C. Francesco Guicciardini. Napoli: Liguori, 2009. 216 p.

Пило Боил ди Путифигари Чечилия
кандидат филологических наук
Русской христианской гуманитарной академии,
cecilia173@yahoo.com

ДАНТЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИАНИСТИКИ

Статья посвящена актуальности творчества великого поэта и мыслителя Данте Алигьери. Интерес, который в наше время вызывает Данте во всем мире, не нуждается в доказательствах. Однако если рассматривать эту тему более узко — как роль наследия Данте в современном мире, и в частности в Италии, можно отметить, что в периодической печати, равно как и в литературоведческих работах, наблюдается тенденция сосредотачиваться на человеческой, социальной и политической сторонах его деятельности. Проанализировав несколько недавно опубликованных работ, автор статьи делает вывод, что отмеченная тенденция не только является необходимой для филологического понимания творчества Данте, но и служит основанием актуальности Данте сегодня. Способность поэта донести до нас свое слово через века кроется именно в тесной связи между личностью, исторической действительностью и художественными произведениями.

Ключевые слова: Данте, эпоха, литературоведение, «Божественная комедия», пророк, пророчество.

Cecilia Pilo Boyl di Putifigari
Dante and modernity. On the materials of modern italian studies

This article examines the role attached nowadays to the figure and work of the great poet and thinker Dante Alighieri. And yet, if we shift the focus to the role of Dante's legacy in today's world (and in Italy in particular), one cannot help but notice that both in press and literary studies critics tend to highlight in detail mainly the human, social, and political aspects of his life. Based on an analysis of several recently published works, this article shows that such approach is not simply essential for scholars aiming to understand Dante's work; but it is also a key to his relevance for us today, for the poet's ability to convey his word through centuries lies precisely in the close relationship between his personality, his work, and the historical context he lived in.

Keywords: Dante, epoch, literary criticism, The Divine Comedy, prophet, prophecy.

В 2021 году, когда отмечается 700-летие со дня смерти Данте Алигьери, мы вновь осознаем, насколько этот великий поэт по-прежнему жив и близок нам, современным людям. Сотни цитат из «Божественной комедии» превратились в крылатые выражения. Язык его поэзии, равно как и язык прозы, нам понятен даже более, чем поэзия и проза последующих веков, вплоть до начала XIX века. А большинство его идей и рассуждений, хотя они и появились во времена позднего Средневековья, могут объяснить многие явления и вопросы нашей действительности.

Закономерен вопрос: откуда могла взяться у Данте такая проницательность, такая дальновидность? В чем кроется секрет его актуальности? Ведь о Данте-человеке мы знаем куда меньше, чем о многих других поэтах. Как известно, он оставил очень мало сведений о деталях своей биографии и даже в частной переписке крайне редко и скудно упоминал подробности своей личной жизни, уже не говоря о том, что не сохранилось ни одной его рукописи, и мы, таким образом, даже не знаем, как выглядел его почерк. Зато творчество превосходно отражает его эпоху. Конечно, это было время коммун, но вместе с тем схоластики и томизма, со своими событиями, кумирами, идеалами и культурными ориентирами, со своим средневековым универсализмом.

Чтобы лучше понять, в чем состоит актуальность Данте, мы решили, в первую очередь, рассмотреть публикации и научные работы, недавно вышедшие в Италии по случаю 700-летия смерти поэта. Если фокусировать внимание на более узкой теме значения Данте в современном мире, и в частности в Италии, то можно сказать, что в периодической печати, равно как и в литературоведческих работах, наблюдается тенденция сосредоточивать внимание на человеческой, социальной и политической сторонах его деятельности.

В частности, мы обратились к анализу двух очень разных по форме и стилю работ. Первая из них — объемная монография историка-медиевиста Алессандро Барберо [2], опубликованная в 2020 году издательством Laterza. Работа посвящена исследованию биографии Данте Алигьери и поискам ответов на несколько фундаментальных, но до сих пор не решенных вопросов, связанных с его (личной) жизнью, например, можно ли считать семью поэта частью флорентийской аристократии и более точно определить социальный статус его семьи, включая относящиеся к нему привилегии и обязанности.

Алессандро Барберо напоминает об участии Данте в битве при Кампальдино между гвельфами и гибеллинами, состоявшейся 11 июня 1289 года. То, что молодой человек мог сражаться в качестве всадника, точнее, гражданина, имеющего коня, разумеется, подтверждает высокое положение Данте среди молодежи Флоренции. Однако, как объясняет автор монографии, это еще не доказывает принадлежность поэта к кругу аристократии, в число которой семья Алигьери не входила. Очевиден тем не менее факт, что Данте интересовался этими вопросами: как и многие его современники, он страстно увлекался лошадьми («*condivideva la passione dei suoi contemporanei per i cavalli*») и с пиететом подходил к вопросу о благородстве — по крови или по духу, который неоднократно, а местами даже болезненно, затрагивал в своем творчестве.

С такой же исторической скрупулезностью Барберо исследует корни семьи Алигьери и миф о предке Каччагуиде. Согласно семейной легенде, он был первым представителем рода, посвященным в рыцари, и, по одной из версий, которую не поддерживает автор монографии, участником Второго крестового похода. Также Барберо рассматривает характер дружеских связей юного Данте во флорентийском обществе, детали его службы в республиканских органах города Флоренции, а после отправки в ссылку — отношения с его новым окружением, круг знакомств и развитие политических идей. Исследователь опирается, в первую очередь, на текст самой «Комедии», с филологической скрупулезностью сопоставляя его с теми немногими доступными нам (художественными и архивными) источниками, чтобы определить, где заканчивается историческая правда и начинается художественный вымысел.

С чутким подходом историка Барберо проясняет многие моменты жизни и быта Данте, иногда сомневаясь в бездоказательных мифах о поэте, однако он чаще ставит перед читателем вопросы, чем дает готовые ответы. Главная цель книги, как говорится в рецензии к изданию Laterza, — «описать средневекового человека, погруженного в свою эпоху» [2; здесь и далее перевод критических работ мой. — Ч. П. Б.], со всеми недостатками, личными и семейными, но живого, подвластного модам и идеям своего времени.

Вторая работа, написанная в связи с юбилеем Данте Алигьери, — небольшая статья, опубликованная в марте 2021 года в местной газете маленькой деревушки Южной Италии и написанная самим главным редактором издания «*Presenza Taurisanese*» Джиджи Монтонато [4]. Эта статья не только свидетельствует о культурной активности итальянской

провинции, ее вовлеченности в общеитальянские и общемировые явления и события, но, что более существенно, определяет значение личности Данте в наше время.

В начале статьи автор упоминает, что недавно, в 2020 году, по инициативе Академии делла Круска и Министерства культуры Италии был учрежден День Данте. Он был назначен на 25 марта, когда, по расчетам исследователей «Божественной комедии» [1, I, 25], началось путешествие Данте-героя в загробный мир. Действительно, в 2017 году на волне интереса, поднятого другой важной годовщиной — 750-летием со дня рождения поэта, которое отмечалась двумя годами ранее, было выдвинуто предложение учредить Национальный день Данте Алигьери. Название этой памятной даты было согласовано лингвистическим обществом, которое было создано в конце XVI века и до сих пор определяет все нормативные вопросы итальянского языка с президентом Accademia della Crusca. По-итальянски День Данте звучит как Dantedì.

Монтонато одобрительно отзывается об этой инициативе, напоминая, какое уникальное место занимает наследие Данте в культуре Италии и всего мира. Он подчеркивает роль поэта в создании самого понятия «Италия» и «итальянцы» за 550 лет до фактического объединения Италии в одно государство: в жителях разных итальянских городов поэт, прежде всего, видел их единство, несмотря на различия в языке и культуре. В этом отношении подход Данте оказался, по мнению автора статьи, намного современнее, чем подход Пьемонта во время объединения Италии: тогда новые руководители страны, действуя согласно лозунгу «Италию мы создали, теперь надо создавать итальянцев» и исходя из того, что итальянцев как народа еще не существует, показали, что они не признают права других регионов на отличия в рамках единства. По отношению к мировой культуре, пишет Монтонато, «per più di un aspetto egli è il poeta dell'umanità, e dunque di tutti» («по многим параметрам Данте является поэтом человечества, следовательно, всех людей») [4].

Разумеется, значение Данте для Италии и итальянцев в сфере образования давно признано, учитывая, что еще в 1889 году было создано «Общество Данте Алигьери», призванное защищать и распространять знания об итальянском языке в Италии и в мире. Главное произведение Данте — «Божественную комедию» — изучают во всех лицах страны на протяжении трех лет обучения. «И все-таки, — добавляет автор статьи, возвращаясь к размышлениям об универсальном значении великого поэта

в наши дни, — сегодня Данте нуждается не в восхвалении, а в изучении и критическом осмыслении» [4].

Данте, казалось бы, самый изученный из итальянских поэтов, нуждается в изучении. На первый взгляд, это кажется парадоксом. На самом деле в свете выводов, озвученных в проанализированной здесь небольшой статье Дж. Монтона, труд Алессандро Барберо также обретает новый смысл. Его попытка на протяжении 361 страницы углубиться в детали исторической реальности Данте Алигьери — поэта, мыслителя, гражданина коммуны Флоренция, — разобраться в окружавших его реалиях, обычаях, людях видится в таком свете уже не узким увлечением историка, а ключом к интерпретации, осмыслению и переосмыслению поэтического слова Данте.

Если расширить круг обзора критической литературы о Данте, можно отметить еще одно научное исследование — монографию римского литературоведа Элизы Брилли «Флоренция и пророк. Данте между теологией и политикой» [3], вышедшую в свет в 2012 году, для которой также характерен пристальный интерес к конкретному историко-социальному окружению Данте. Автор монографии не только указывает на глубокую связь Данте с Флоренцией как до, так и после ссылки, т. е. в годы написания «Комедии», главного произведения, ставшего итогом всего творчества поэта [4], но и заостряет внимание на личном отношении Данте к родному городу. В тяжелом переживании событий, связанных с этим городом, Брилли видит толчок, давший развитие одной из главных составляющих поэтического наследия Данте Алигьери — его «пророческого» компонента. В качестве доказательства автор указывает, что все места «Божественной комедии», в которых проявляется «пророчество» (кроме знаменитого, хотя до сих пор не до конца изученного пророчества «del Veltro» в первой песне), помимо апокалиптического подтекста и мотивов августинской «Civitas diaboli», так или иначе порождены воспоминанием, связанным с Флоренцией. «La rassegna [di profezie] dimostra l' anteriorità di Firenze nella tessitura profetica e apocalittica della Commedia» («Анализ [пророчеств] показывает, что в профетической и апокалиптической ткани «Комедии» образ Флоренции всегда предшествует пророческим высказываниям героя-автора и порождает их»), — делает вывод Элиза Брилли [3, с. 304]. Очень важное дополнение к этому выводу содержится в Прологе к работе, где автор упоминает о «l' esigenza di comprendere storicamente» («необходимости

исторического понимания»), объясняя, что «L'interrogativo storico-culturale, quando non ridotto a un'astratta storia delle idee, è animato al suo interno da un interrogativo di natura storico-antropologica» («Вопрос историко-культурного характера, если не рассматривать его как отвлеченное понятие, тесно связан с вопросом историко-антропологического характера») [3, с. 17].

Таким образом, при изучении дантовских текстов, необходимо постоянно возвращаться к Данте-человеку. В этом отношении, как и доказывала работа А. Барберо, любая архивная и историческая деталь может иметь большое значение для понимания творчества поэта. Важно также учесть, что Данте принадлежит к культуре Дученто и Треченто, к культуре Средневековья — той эпохи, когда, как говорит Э. Брилли, «lo scrivere è un atto sociale» («письмо является социальным актом») [3, с. 17]. Из этого следует: «Il sistema-*Commedia* possiede dunque, dietro l'astoricità apparente conferitagli dall'ambientazione ultramondana, una straordinaria storicità interna, e così è delle problematiche che vi sono ripetutamente affrontate» («Таким образом, за кажущейся неисторичностью, объясняющейся тем, что действие разворачивается в потустороннем мире, в “Комедии” как системе кроется поразительная *внутренняя* историчность; то же самое можно сказать и о всех вопросах, к которым неоднократно возвращается Данте») [3, с. 17; здесь и далее курсив мой. — Ч. П. Б.].

Если расширить сферу исследования до тех «прочих вопросов», на которые исследовательница только намекает, можно предположить, что именно та «поразительная внутренняя» связь, которую Э. Брилли выявила между исторической реальностью и пророческим компонентом «Комедии» по отношению к истории и политике Флоренции, играет главную роль в актуальности Данте для нас и нашего времени в целом. Именно тесная связь с реальными событиями и людьми, даже, можно сказать, «привязанность» Данте к реальности (к конкретным местам, событиям, людям, предметам), его глубокое переживание действительности дали ему ключ к будущему и одарили зоркостью пророка во всех вопросах, которых он касался, будь то благородство, судьбы Флоренции, грехи и добродетели, жизнь и ссылка, правосудие и милосердие.

Данте не является пророком только потому, что видит и предсказывает будущее Флоренции, как предсказывает гадалка, — он пророк в более глубоком, истинном, библейском смысле. Давая определение христианскому мышлению в свете роли пророков в жизни Церкви, кардинал Ратцингер объяснял, что «пророк — это не тот, кто предсказывает будущее», а «тот, кто говорит *правду*, потому что чувствует

связь с Богом, т. е. правду, которая действительна *сегодня*, но, естественно, освещает и будущее» («il profeta non è uno che predice l'avvenire. Il profeta è colui che dice la verità perché è in contatto con Dio e cioè si tratta della verità valida per oggi, che naturalmente illumina anche il futuro») [5].

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что именно прямое и честное отношение Данте к собственному времени сформировало парадигму, которая применима ко всем эпохам и поворотам человеческой судьбы (именно потому, что поэт был ярким в своих человеческих проявлениях), и поэтому его образы, суждения и идеи нам, жителям XXI века, понятны и близки.

Литература

1. Alighieri Dante. La Divina Commedia / a cura di Anna Maria Chiavacci Leonardi. Milano: Mondadori, 2005.
2. Barbero A. Dante. Bari: Laterza, 2020. 361 с.
3. Brilli E. Firenze e il profeta. Dante fra teologia e politica. Roma: Carocci Editore, Sapienza Università di Roma, 2012. 383 с.
4. Montonato G. Dante nel 700° della morte. Le sue certezze sono la nostra identità // «Presenza taurisanese», anno XXXIX. № 326, marzo 2021. P. 6.
5. Ratzinger (Cardinale). Intervista concessa al teologo Niels Christian Hvidt. URL: <https://it.aleteia.org/2017/09/29/ratzinger-profezia-cristiana-avvenire-apocalisse/>

УДК 821.161.1

Романова Екатерина Сергеевна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель ВУНЦ СВ «Общевойсковая ордена Жукова академия
Вооруженных Сил Российской Федерации»,
katersromanova@yandex.ru

ТЕМА ВОЗРАСТА В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА МЕЖИРОВА

Цель исследования — поэтапно рассмотреть развитие темы возраста в поэзии Александра Межирова. Научная новизна исследования видится в том, что в статье впервые был проведен детальный тематический анализ. В результате определено, что тема возраста появляется в лирике поэта в 1960-е годы и развивается, тесно соприкасаясь с темами времени, старости, подведения жизненных итогов, смерти.

Ключевые слова: А. П. Межиров, периодизация творчества, тематика, тема возраста.

Romanova Ekaterina Sergeevna **The theme of age in Alexander Mezhirov's poetry**

The paper aims to consider the development of the theme of age in Alexander Mezhirov's poetry by stages. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time provides a detailed thematic analysis. As a result, it is determined that the theme of age appears in the poet's lyrics in the 1960s and develops, closely touching the themes of time, oldness, summing up life results, and death.

Keywords: A. P. Mezhirov, periodization of creative work, subject matter, the theme of age.

Тематика творчества Александра Петровича Межирова разнообразна. Круг основных и периферийных тем отражается в семи этапах творческого пути поэта, составляющих периодизацию творчества автора [5, с. 10–12]. Некоторые темы стали ведущими в его творчестве, развивались от первого до последнего периода (например, темы войны и судьбы военного поколения). Другие возникали с течением времени: темы игры, творчества, Америки, религиозная тематика и т. д. [6, с. 430–438]. Одной из таких тем, на наш взгляд, стала тема возраста. Осмысление жизненного пути, собственного существования и человека в целом является общечеловеческой и универсальной тематикой.

В этой работе рассматривается развитие темы возраста в поэзии Александра Межирова, а также ее взаимосвязь с другими темами. В основе исследования — тематический анализ. Мы учитывали как сюжетные, так и минимальные темы. Руководствуясь взглядами литературоведов

В. М. Жирмунского [2, с. 30] и Ю. Н. Тынянова [8, с. 170], под минимальной темой мы понимаем каждое знаменательное слово в тексте.

Материалом исследования стали все произведения, включенные в периодизацию творчества поэта. Всего мы рассмотрели 567 текстов.

В рамках каждого периода отбирались стихотворения, в которых прослеживалась тема возраста. Эта тема тесно связана с темами времени, старости, подведения жизненных итогов, смерти, что учитывалось при анализе. Мы выделили 27 текстов, где встречается тема возраста / времени / старости / подведения жизненных итогов / смерти. Она раскрывается через жизненный путь лирического героя Межирова. Наше исследование основывается на трудах Б. О. Кормана, Л. Я. Гинзбург, Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина, в которых определяется и раскрывается понятие «лирический герой». Под лирическим героем мы понимаем персонаж, прообразом которого является сам автор [4, с. 96].

Впервые тема возраста встречается в лирике III периода (1961–1963). Здесь наблюдаются лишь отголоски этой темы. Она появляется только в трех стихотворениях (из 40 текстов). В одном из них тема возраста переплетается с темой войны («Возраст»). Разница в возрасте измеряется военными годами: «Но во мне ты недаром узрел старика — / Я с тобой согласиться готов. <...> / Потому что действительно старше, чем ты, / На Отечественную войну» (ВС; 12) [3]. В других она выражается через темы ценности, быстротечности времени и старости: «Засну. Проснусь. И каждый раз / Одно и то же первым делом: / Который час, который час, / Который час на свете белом?» (ВС; 21), «Как быстро и грозно вертится земля / И школьные старятся учителя» (ВС; 83).

Поэтическое творчество IV периода (1964–1970-е годы) состоит из 146 стихотворений и отличается тематическим разнообразием. Среди тематических предпочтений автора встречается и тема времени. Несмотря на то что она развивается всего в пяти произведениях, в контексте творчества Межирова она имеет большое значение. Под ее влиянием меняется содержание основной тематики. Динамика взглядов лирического героя наиболее четко прослеживается в поэзии IV периода. Если в семнадцать лет «даже смерть — <...> малость, <...> любое зло <...> легко воспринималось» (ПОД; 13), то в зрелом возрасте герой осознаёт, что «время милостей не знает» (ПОД; 74) и «жизни заметная долька / От жизни успела отпасть» (ПОД; 4).

Заметна тенденция постижения героем смены возраста: «А возраст мой всё круче забирает / И мыслями блажными забавляет — / Что мне вчера минуло тридцать три» (ПСС; 43), «Люди, люди мои! Между вами / Пообтёрся за сорок с лихвой / Телом всем, и душой, и словами...» (ПОД; 66), «Я наречён отцом. Отныне / Особый возраст настанет» (ПОД; 74),

«Через четыре года / Сорок два / Исполнится — и станет голова / Белым-бела, как свет высоких истин... / Мне этот возраст мудрый ненавистен» (ВРЕМ; 14), «Пятидесяти отроду годов, / Я жить готов и умереть готов» (ВРЕМ; 98).

За плечами лирического героя Межирова большой опыт, резкое изменение жизненных ориентиров, новый взгляд на различные историко-политические события. Впечатления переполняют его, мешают объективно оценить пережитое: «Один вопрос томит меня опять: / Под знаком плюс, или под знаком минус / Всё то, что осознал, воспринимать?» (ВРЕМ; 190).

К основным темам, затронутым в поэзии V периода (1-я половина 1980-х годов), относится также тема возраста. Этот этап содержит 86 произведений. Из них в шести встречается тема нашего исследования. Лирический герой предстает как стареющий поэт, стремящийся оценить свой жизненный и творческий путь: «Ко второй половине дороги земной / Не готовился я. Стихотворцу убогому, / Заклеймённому сызмала страстью одной, / Не пристало готовиться к слишком уж многому» (ПС-82; 38). Характеристика пройденного пути сопровождается оксюмороном 'краткий и длинный', что свидетельствует, с одной стороны, о долгой жизни конкретного человека, с другой — о быстротечности времени.

Герой признаёт то, что его земной путь был неправым, нелепым. Первая половина жизни — «всевозможные пятна и радуги» (ПС-82; 38), вторая — «ушла / На усмешку, на, в общем, смешные дела» (ПС-82; 38).

О своей творческой деятельности лирический герой вспоминает: «В лоб времени писал и напрямик, — / И потому немало строк моих / Изъяло время. С ним согласен я / И вычеркнул из списков бытия / Своей рукой своих немало строк, / Хотя к себе и не был слишком строг» (ПС-82; 74).

VI период (2-я половина 1980-х годов) включает 64 текста. В лирике этого периода также реализуется тема времени, возникает в четырех стихотворениях. Она пересекается с темами подведения жизненных итогов и творчества. Раскрытие этих тем сопровождается недовольством героя, неудовлетворенностью в содеянном в какой-либо сфере, например в отношении творческой деятельности: «И только чувствую, что всё, / Что было прежде, — не годится. / Период, как у Пикассо, / Другого колера страница» (БОРМ-89; 18), и в связи с самоанализом жизненного пути: «Страшного мне не избежать Суда, — / И прегрешений моих вереница / Вытянется беспредельно, когда / Время прервётся, пространство продлится...» (БОРМ-89; 18).

Лирика VII периода (1990 — 1-я половина 2000-х годов) представляет собой американский цикл стихов, состоящий из 96 текстов. Она появилась в результате эмиграции Межирова в Соединенные Штаты Америки.

Мне чужды упования на бессмертье,
Равно как вера в смерть, и потому
Всю процедуру похорон доверьте
Моей семье. И больше никому (ЛГ-0618; 8).

На 86-м году Межиров ушел из жизни. Это случилось 22 мая 2009 года. Поэт был кремирован в США, а затем его прах перевезли в Россию. Захоронение состоялось 25 сентября 2009 года на подмосковном Переделкинском муниципальном кладбище. Организацией похорон занималась дочь поэта Зоя Александровна, она привезла прах отца из Нью-Йорка. Церемонию прощания с Межировым вёл первый секретарь Союза писателей Москвы Евгений Сидоров. В СМИ и интернете появились отклики на смерть поэта [1; 7; 9; 10; 11].

О стихотворении «Всё то, о чём прошу...» Зоя Александровна упомянула в прощальном слове на похоронах отца. «Она рассказала о том, что два месяца до кончины Александр Петрович находился в очень тяжёлом состоянии и пребывал в манхэттенском госпитале» [1]. По ее словам, «Межиров не мог быть похоронен в Нью-Йорке: “У отца не было завещания о том, где его хоронить, но в одном из своих стихотворений он сказал: *Всю процедуру похорон доверьте моей семье и больше никому...* Эту просьбу мы выполнили”» [1].

Подведем некоторые итоги. Исследование темы возраста в поэтическом творчестве Межирова показало, что для поэта обращение к ней особенно актуально во взаимодействии с другими темами. Наиболее четко прослеживается связь с темами времени, старости, подведения жизненных итогов, смерти. Эти темы близки семантически. Но и с другими темами, доминирующими в творчестве поэта, соприкасается тема возраста. Среди них выделяются темы войны, творчества, игры, эмиграции.

Литература

1. Герасимов А. Ближе к милому пределу // НГ EX LIBRIS. 2009. 1 октября. URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2009-10-01/3_mezhirovo.html (дата обращения: 23.02.2021).
2. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 408 с.
3. В статье приняты следующие условные обозначения: **ВС** — Межиров А. П. Ветровое стекло: кн. стихов. М.: Сов. писатель, 1961. 107 с.; **ПСС** — Межиров А. П. Прощание со снегом: кн. стихов. М.: Сов. писатель, 1964. 115 с.; **ПОД** — Межиров А. П. Подкова: кн. стихов. М.: Сов. писатель, 1967. 87 с.; **ВРЕМ** — Межиров А. П. Времена: стихи. М.: Сов. Россия, 1976. 319 с.; **ПС-82** — Межиров А. П. Проза в стихах: новая книга. М.: Сов. писатель, 1982. 95 с.; **БОРМ-89** — Межиров А. П. Бормотуха: стихи. М.: Правда, 1989. 31 с. (Б-ка «Огонька»; № 27); **ПОЗ** — Межиров А. П. Позёмка: стихотворения и поэма / сост. Т. Бек. М.: Глагол, 1997. 180 с.; **ЛГ-0618** — Межиров А. П. На вершине угла // Литературная газета. 2006. 5–16 мая (№ 18). С. 8.

4. Романова Е. С. Лирический герой в творчестве А. Межирова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 1. С. 96–100.
5. Романова Е. С. Тема судьбы военного поколения в поэзии Александра Межирова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 [Место защиты: Смол. гос. ун-т]. Смоленск, 2008. 22 с.
6. Романова Е. С. Тематическое своеобразие поэзии А. Межирова // Автор — текст — читатель: теория и практика анализа. Материалы VII Международных научных чтений «Калуга на литературной карте России». Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2020. С. 430–438.
7. Сухарев Д. Прощание с Межировым // Персональный сайт Дмитрия Сухарева. URL: <http://sukharev.lib.ru/Esse/Poesija/Mezhirov.html> (дата обращения: 23.02.2021).
8. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965. 304 с.
9. Хлебников О. После фронта он служил только поэзии // Новая газета. 2009. 25 мая. № 54. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/054/29.html> (дата обращения: 23.02.2021).
10. Хлебников О. «Загар вчерашних похорон» // Новая газета. 2009. 25 сентября. № 106. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/106/27.html> (дата обращения: 23.02.2021).
11. Хлебников О. В России нет народа, только население // Newsland. 2009. 2 октября. URL: <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/418160/> (дата обращения: 23.02.2021).

УДК 821.131.1

Пиrolа Даниэле
магистр словесности (*summa cum laude*)
Государственного университета города Павии,
свободный исследователь

ARS RHETORICA Данте Алигьери: DE VULGARI ELOQUENTIA

Благодаря краткому изложению содержания второй книги *De vulgari eloquentia* автор определяет *ars rhetorica* Данте «контрапунктную технику мелодий, стихов, слогов и рифм». Поэтому им предлагается сравнение композиционных процедур песни как литературной формы и полифонических творений *ars antiqua*; и, наконец, автор фиксирует особую для Данте единственность между риторикой и музыкой (и, следовательно, между остальными *artes liberales*). Таким образом, автор статьи указывает на возможность междисциплинарного сотрудничества между средневековой музыкой и историей литературы. *De vulgari eloquentia* квалифицируется как «критическое переосмысление литературного и морального опыта, направленное на оценку потребности в новой поэзии». Исследователи трудов св. Фомы Аквинского смогут подтвердить или отрицать наше утверждение о связи между экспериментализмом Данте и теорией познания, разработанной великим схоластиком. Наконец, автор статьи продвигает очень личную гипотезу о разработке третьей цепной рифмы.

Ключевые слова: контрапункт, полифония, единственность, экспериментальность.

Pirola Daniele

Ars rhetorica Dante Alighieri in de vulgari eloquentia

Thanks to a brief exposition of the contents of the second book of *De vulgari eloquentia*, the author defines Dante's *Ars rhetorica* “contrapuntal technique of melodies, verses, syllables and rhymes”. He therefore suggests a comparison between the compositional procedures of the *canzone* as a literary form and the polyphonic creations of the medieval *ars antiqua*; and finally records the peculiar consubstantiality for Dante between rhetoric and music (and, consequently, between the remaining *artes liberales*). He therefore points out the possibility of interdisciplinary collaboration between histories of medieval music and literature. He then describes *De vulgari eloquentia* as a “critical reinterpretation of a literary and moral experience both aimed at evaluating the need for a new poetry”. Experts on the thought of St. Thomas Aquinas will be able to confirm or not our assertion of a link between Dante's experimentalism and the theory of knowledge developed by *Doctor Angelicus*. Finally, he mentions a very personal hypothesis on the elaboration of the third chained rhyme.

Key words: counterpoint, polyphony, consubstantiality, experimentalism.

Hoc autem vulgare quod illustre, cardinale, aulicum et curiale¹ ostensum est, dicimus esse illud quod vulgare latium appellatur [...] Et sicut illud cremonese ac illud lombardum et tertium semilatium dicitur, sic istud, quod totius Ytaliae est, latium vulgare vocatur. Hoc enim usi sunt doctores illustres qui lingua vulgari poetati sunt in Ytalia, ut Siculi, Apuli, Tusci, Romandioli, Lombardi et utriusque Marchie viri.

Et quia intentio nostra, ut polliciti sumus in principio huius operis, est doctrinam de vulgari eloquentia tradere, ab ipso tanquam ab excellentissimo incipientes, quos putamus ipso dignos uti, et propter quid, et quomodo, nec non ubi, et quando, et ad quos ipsum dirigendum sit, in immediatis libris tractabimus².

Non fu tale promessa da Dante mantenuta³, urgendo la necessità compositiva della *Commedia*⁴. Né tuttavia il piano dell'opera restò del tutto disatteso. Alla storia dell'origine della differenziazione linguistica delle genti — conforme all'*auctoritas* scritturale —⁵ all'enunciazione della teoria del volgare unico nazionale, mercé una serrata critica dei non pochi vernacoli peninsulari⁶, segue l'asserzione del primato della poesia sulla prosa:

Sed quia ipsum prosaycantes ab avientibus magis accipiunt et quia quod avietum est prosaycantibus permanere videtur exemplo, et non e converso⁷.

¹ *DVE* I xvii–xviii.

² *DVE* I xix 1–3. — “Mostrato ora codesto volgare quale illustre, cardinale, aulico e curiale, diciamo tale esserlo il volgare comune [...] E così come l'uno è detto cremonese, l'altro lombardo e un terzo parzialmente comune, così questo, che è proprio di tutta quanta l'Italia, è chiamato volgare comune. Di esso si servirono infatti quegli insigni maestri che poetarono in Italia in lingua volgare, come Siciliani, Pugliesi, Toscani, Romagnoli, Lombardi e uomini di entrambe le Marche. Ed essendo volontà nostra, come promesso al principio di quest'opera, insegnare la teoria dell'eloquenza volgare, da questo stesso principiando, come dal più splendido, nei libri seguenti definiremo chi stimiamo degno fruirne, per cosa, in che modo, dove, quando, e a chi debba essere rivolto.” (*Traduzione a cura dell'autore, così come le seguenti*).

³ Il *DVE* s'interrompe *in media re*, trattando del rapporto tra “*ea que canenda*” (l'argomento del canto) e “*stantie prolixitatem*” (la lunghezza della stanza).

⁴ Sterminata è la bibliografia in merito. Basti qui citare *Storia della letteratura italiana*, diretta da Emilio Cecchi e Natalino Sapegno, vol. II, Milano, Garzanti, 1965-'69; GIANFRANCO CONTINI, *Letteratura italiana delle origini*, Firenze, Sansoni, 1976; *Storia della letteratura italiana*, diretta da Enrico Malato, vol. I, Roma, Salerno, 1995. L'introduzione di Pier Vincenzo Mengaldo all'edizione del *DVE* da egli commentata (DANTE ALIGHIERI, *Opere minori*, vol. III, tomo I, Milano-Napoli, Ricciardi, 1996) offre un ricco repertorio di edizioni, traduzioni, commenti e monografie critiche sia generali che su problemi specifici.

⁵ *DVE* I vi–viii.

⁶ *Ivi* I xi–xvi.

⁷ *DVE* II i 1. — “Perché son piuttosto i prosatori ad apprenderlo da chi armonizza parole [*i poeti, n.d.a.*], e perché pare che quanto è stato con parole accordato permanga come esempio alla prosa, e non viceversa”. Il connubio tra poesia e musica è da Dante medesimo diffusamente certificato in *Convivio*, nonché ribadito in *DVE* II iv 2: “[...] *si poesim recte consideremus: que nichil aliud est quam fictio*

Della superiorità spirituale e culturale di chi deve fruirne:

Et cum loquela non aliter sit necessarium instrumentum nostre conceptionis [...] Sed optime conceptiones non possunt esse nisi ubi scientia et ingenium est: ergo optima loquela non convenit nisi illis in quibus scientia et ingenio est.⁸

E dei contenuti ad esso idonei: il valore guerriero⁹, la muliebre beltà, il perfezionamento morale.

La codificazione della canzone, unico saggio della precettistica retorica del *De vulgari eloquentia*, è coerentemente sussunta nelle sullodate premesse speculative, nonché corroborata da *exempla* tratti dalla tradizione lirica occitanica e stilnovistica:

Magni sermone et arte regulari poetati sunt [...] Idcirco accidit ut, quantum illos proximius imitemur, tantum rectius poemur¹⁰.

La canzone, forma metrica per eccellenza¹¹ in cui fa d'uopo rivestire il volgare illustre nazionale sia per cagioni storicamente determinate:

Cum quicquid versificamur sit cantio, sole cantiones hoc vocabulum sibi sortite sunt [...] Quicquid per se ipsum efficit illud ad quod factum est, nobilius esse videtur quam quod extrinseco indiget; sed cantiones per se totum quod debent efficiunt [...] Illa videntur nobiliora esse que conditori suo magis honoris afferunt; sed cantiones magis deferunt suis conditoribus quam ballate [...] Que nobilissima sunt carissime conservantur; sed inter ea que cantata sunt, cantiones carissime conservantur [...] Quod autem tota comprehendatur in cantionibus ars cantandi poetice, in hoc palatur, quod quicquid artis reperitur in omnibus aliis et in cantionibus reperitur, sed non convertitur hoc¹².

retorica musicaque poita". (...se ben giudicheremo l'arte poetica: la quale altro non è che creazione fatta di eloquenza e musica.)

⁸ *DVE II* i 8. — “E non essendo la lingua altro che la necessaria disposizione dei nostri pensieri [...] Non possono trovarsi i più elevati se non dove studio e talento sono: non si confà quindi il volgare illustre che agli individui più studiosi e dotati”.

⁹ *DVE II* ii. E' un dato pacifico, in conformità all'argomentazione dantesca, che “*salus*” deve tradursi come “istinto di autoconservazione”. Ne consegue la celebrazione delle sue più nobili ipostasi. Sulle ragioni per cui, insieme con “*venus*” (successivamente significato col più letterario “*amor*”) e “*virtus*”, è opportuno che “*salus*” sia cantata in volgare illustre, nulla è più pertinente e perspicuo della stessa giustificazione dantesca (*DVE II* ii 6–8).

¹⁰ *DVE II* iv 3. — “Versificarono i migliori in una lingua e con tecnica normative [...] E' d'uopo quindi che più loro imiteremo più noi rettamente poeteremo”.

¹¹ *DVE II* iii 3.

¹² *DVE II* iii 5–8. — Pur essendo canzone qualsiasi cosa scriviamo in versi, sol per sé le canzoni hanno in sorte avuto nome tale [...] Quel che con le sole sue forze perviene al fine per cui è stato creato,

Che per l'intrinseca sua perfezione formale:

Dicimus ergo quod cantio, in quantum per superexcellentiam dicitur, ut et nos querimus, est equalium stantiarum¹³ sine responsorio ad unam sententiam tragica coniugatio¹⁴.

Essendo la canzone una successione di stanze, ne sono queste l'elemento costituente. Lo studio della canzone si fa così necessariamente studio della singola stanza; e la scienza della tecnica retorica impone una tripartita disamina della sua fenomenologia metrica:

Tota igitur scilicet ars cantionis circa tria videtur consistere: primo circa cantus divisionem, secundo circa partium habitudinem, tertio circa numerum carminum et sillabarum¹⁵.

La stanza può essere composta per il fluire di un'ininterrotta modulazione¹⁶, o per reiterare precise scansioni melodiche. Mercé il diesis, è suddivisa in quest'ultimo caso in due distinti periodi metrici:

Et diesis dicimus deductionem vergentem de una oda in aliam¹⁷.

esser migliore pare di quel che d'aiuto invece necessita; e pervengon da sole le canzoni allo scopo loro [...] Pare migliore quella creazione che gloria maggiore procura al suo artefice; e ne procura la canzone al proprio più delle ballate [...] Con maggior scrupolo si conserva quel che è più prezioso; e dei canti, le canzoni son le più scrupolosamente conservate [...] La tecnica poetica è nelle canzoni integralmente adoprata, e a tal punto profusa, che quella ricercatezza che di altre [*forme metriche, n.d.a*] è propria la si ritrova anche nelle canzoni, non però il contrario".

¹³ E' in metrica con tale vocabolo significata la strofa propria della canzone.

¹⁴ DVE II viii 8. — "Affermiamo dunque che la canzone, per quel che mercé la sua preminenza si rivela, e come noi la esigiamo, consiste nell'unione in stile tragico di stanze di durata eguale, non separate da ritornello, al fine di enunciare un unico pensiero." Non si confonda "*responsorium*" con "*reiteratio*" e "*repetitio*": significa infatti "*responsorium*", conformemente alla prassi liturgica, un canto il cui testo è ad ogni strofa inframmezzato da un ritornello; "*reiteratio*" e "*repetitio*" traducono invece la duplicazione melodica strutturalmente interna a una stanza con diesis.

¹⁵ DVE II ix 4. — "Sembra che l'intera tecnica della canzone si articoli in tre fasi: la prima inerente alla scansione melodica, la seconda alla correlazione tra le parti, la terza al numero di versi e sillabe".

¹⁶ E' come *auctoritas* citata la produzione lirica del provenzale Arnaut Daniel (1150 ca. — 1210 ca.), nonché menzionata la propria canzone — appartenente al complesso delle rime cosiddette "petrose" — "*Al poco giorno e al gran cerchio d'ombra*".

¹⁷ DVE II x 2. — "Diesis è detto il passare da una linea melodica a un'altra". Come già osservato (vd. note 7–12–13–14), abbondano, nel gergo e nei concetti, le asserzioni sull'identità tra l'organizzazione della forma metrica letteraria e la grammatica della composizione musicale, certificando così la consustanzialità tra le *artes liberales* nella speculazione filosofica dantesca. Rimarchevole poi che in anni in cui la prassi esecutiva della canzone si stava lentamente affrancando dall'accompagnamento strumentale, quest'ultimo venga, sia pur fuggacemente, accennato (*Purg.* II, 76 e ss.).

Se interverrà la ripetizione melodica prima del diesis, e solo in quest'unico momento, la stanza avrà due piedi nel primo periodo metrico, e una sirma (ossia il secondo periodo metrico, rimasto indiviso); se la ripetizione melodica occorrerà al contrario unicamente dopo il diesis, la stanza sarà detta avere una fronte iniziale e due volte finali; se le melodie infine, sia prima che dopo il diesis, saranno entrambe reiterate, la stanza avrà allora due piedi e due volte¹⁸. Quattro sono quindi in conclusione le possibilità di scandire melodicamente la stanza e, per estensione, la canzone: senza diesis, con piedi e sirma, con fronte e volte, con piedi e volte.

Più complesso e articolato lo studio della correlazione tra le parti. Inerendo infatti all'equilibrio strutturale tra i costituenti la stanza:

Maxima pars eius quod artis est. Hec etenim circa cantus divisionem atque contextum carminum et rithimorum relationem consistit: quapropter diligentissime videtur esse tractanda¹⁹.

Nella stanza con diesis, — l'unica in tal materia meritevole di attenzione mercé l'occorrere della duplicazione melodica, — i due periodi metrici possono in ragione del numero dei versi e del numero delle sillabe tra loro variamente armonizzarsi secondo una delle seguenti combinazioni²⁰, fermo restando l'obbligo, — inderogabile al fine di reiterare la melodia, — che i due piedi devono tra loro mantenere egual numero di versi e sillabe; e che pur vale la testè sullodata prescrizione per entrambe le volte²¹.

1) Rapporto tra piedi e sirma per numero di versi e numero di sillabe:

- piedi > sirma per n.versi e n.sillabe
- piedi < sirma per n.versi e n.sillabe
- piedi > sirma per n.versi ma < per n.sillabe
- piedi < sirma per n. versi ma > per n. sillabe

2) Rapporto tra fronte e volte per numero di versi e numero di sillabe:

- fronte > volte per n.versi e n.sillabe
- fronte < volte per n.versi e n.sillabe
- fronte > volte per n.versi ma < per n.sillabe
- fronte < volte per n. versi ma > per n. sillabe

¹⁸ DVE II x 3-4.

¹⁹ DVE II xi 1. — “E’ la fase essenziale della sua [dell’arte retorica, n.d.a] tecnica. Comprende infatti la scansione melodica, la trama dei versi e l’organizzazione rimica: ragion per cui sembra che con la massima cura debba studiarsi”.

²⁰ DVE II xi.

²¹ Ivi II xi 13.

3) Rapporto tra piedi e volte per numero di versi e numero di sillabe:

- piedi > volte per n.versi e n.sillabe
- piedi < volte per n.versi e n.sillabe
- piedi > volte per n.versi ma < per n.sillabe
- piedi < volte per n. versi ma > per n. sillabe

Differenti le norme che disciplinano la trama tra i vari tipi di versi:

In usu nostro maxime tria carmina frequentandi prerogativam habere videntur, endecasillabum scilicet, eptasillabum et pentasillabum [...] Horum prorsus, cum tragice poetari conamur, endecasillabum propter quandam excellentiam in contextu vincendi privilegium promeretur [...] Et sicut quedam stantia est uno eptasillabo conformata, sic duobus, tribus, quatuor, quinque videtur posse contexi, dummodo in tragico vincat endecasillabum et principiet²².

Non indaga il *De vulgari eloquentia* la stanza composta di soli endecasillabi perchè fatica insensata, essendo l'armonia già connaturata all'eguaglianza metrica, e pertanto indiscutibile. Negli altri tipi di stanza, però, se il primo piede (o la prima volta) comprenderà un numero di versi più o meno elevato, nonché due o tutti e tre i versi leciti (endecasillabo, settenario, quinario), sarà fatto obbligo al poeta, — al fine sempre di consentire la ripresa melodica, — di organizzare il secondo piede (o la seconda volta) nella medesima sequenza di versi del primo²³. Dato, ad esempio, il modello:

endecasillabo
I piede settenario
endecasillabo

Dovrà il secondo pedissequamente riprenderlo:

endecasillabo
II piede settenario
endecasillabo

²² *DVE* II xii 2–3–5. — “Pare che nella nostra tradizione più frequentemente si preferisca ricorrere a tre versi, all'endecasillabo soprattutto, al settenario e al quinario [...] Di questi, quando tentiamo di poetare in stile tragico, l'endecasillabo gode per una certa qual superiorità sua del privilegio di primeggiar nella tessitura [...] Come una stanza è stata composta con un settenario, così pare possa comporsi anche con due, tre, quattro, cinque [*settenari, n.d.a*], purché nello stile tragico l'endecasillabo predomini, e ne sia il cominciamento”.

²³ *DVE* II xii 9–10.

Come per la stanza senza diesis, nonché per quella composta di soli endecasillabi, l'*ars rhetorica* non indulge, — per la patente inanità di impegnarsi in tali casi nella creazione armonica, — all'esame della canzone a stanze con rime incomitate o continuate²⁴:

Sic proinde restat circa rithimos mixtos debere insisti. Et primo sciendum est quod in hoc amplissimam sibi licentiam fere omnes assumunt, et ex hoc maxime totius armonie dulcedo intenditur [...] Quidam alii sunt, et fere omnes cantionum inventores, qui nullum in stantia camen incomitatum relinquunt quin sibi rithimi concrepantiam reddant, vel unius vel plurium²⁵.

Le rime possono così tra loro divergere o reiterarsi, sia prima che dopo il diesis (particolarmente apprezzata la rima che lega l'ultimo verso del primo periodo metrico col primo verso del secondo²⁶). E come già suesposto circa il rapporto tra il numero dei versi e il numero delle sillabe, nonché sull'intreccio tra versi dissimili, così cura particolare è riservata, — in funzione sempre della inderogabile duplicazione melodica, — alla tecnica della disposizione rimica nei piedi:

Et si in altero pedum exsortem rithimi desinentiam esse contingat, omnimode in altero sibi instauratio fiat. Si vero quelibet desinentia in altero pede rithimi consortium habeat, in altero prout libet referre vel innovare desinentias licet, vel totaliter vel in parte, dumtaxat precedentium ordo servetur in totum²⁷.

²⁴ *Ivi* II xiii 2–3.

²⁵ *DVE* II xiii 3–6. — “Non resta così dunque che il compito di occuparsi della rima tra vocaboli differenti. E deve innanzitutto sapersi che si riservano in ambito tale quasi tutti la libertà più ampia, ed è da ciò principalmente dispiegata la dolcezza dell'armonia intera [...] Altri ve ne sono, e quasi tutti di canzoni creatori, che nessun verso nella stanza lasciano incomitato, senza cioè per esso escogitare analogia di terminazione fonetica, una che sia o più”. Pur non essendo questo l'ambito più appropriato a una digressione storico-musicale, si consenta tuttavia una nota sul significato di “*armonia*”. Come classicamente e comunemente intesa, quale cioè teoria dei rivolti e dei gradi, di relazioni accordali inerenti alla tensione/risoluzione tra tonica e dominante, non era come tale ovviamente concepita nel Medioevo. Nell'*ars antiqua*, erano infatti il virtuosismo contrappuntistico e la risultante polifonia ad esser definiti “*armonia*”. Di conseguenza, e in conformità a quanto già postillato (vd. nota 17), agevolmente se ne deduce la determinazione dell'*ars rhetorica* della canzone come tecnica contrappuntistica di melodie, versi, sillabe e rime.

²⁶ *DVE* II xiii 7.

²⁷ *DVE* II xiii 10. — “E se un verso si trova nel primo piede incomitato, in ogni modo la rima nel secondo gli si procuri. Qualora invero ogni verso abbia nel primo piede corrispondente rima, sia lecito nel secondo ripeterle o innovarle come piace, in tutto o in parte, purché mantenuto sia l'ordine precedente, esattamente”.

Posto, ad esempio, un primo piede di tre endecasillabi tra loro così in rima disposti:

A
B
A

S'imporrà la composizione per il secondo di altrettanti tre endecasillabi, nonché la trascelta di una delle seguenti permutazioni²⁸:

A	C	B
B	B	A
A	C	B

Per la ragione già suesposta, i precetti normativi validi per l'organizzazione rimica dei piedi regoleranno anche quella delle volte, eccezion fatta però qualora occorrerà una concatenazione tra i periodi metrici²⁹. Ferma opposizione incontrano la rima equivoca, — suscitando essa una possibile oscurità di pensiero, — soverchia asprezza sonora, nonché eccessiva reiterazione di un medesimo fonema³⁰.

Benchè la tradizione tramandi canzoni intessute di vari tipi di versi:

Quorum omnium endecasillabum videtur esse superbius, tam temporis occupatione quam capacitate sententiae, constructionis et vocabularium [...] Et licet hoc quod dictum est celeberrimum carmen, ut dignum est, videatur omnium aliorum, si eptasillabi aliqualem societatem assumat, dummodo principatum obtineat, clarius magisque sursum superbire videtur³¹.

²⁸ Prescindendo da ipotesi metricologiche arcaiche, che consideravano la terza rima una germinazione dantesca del serventese tetrastico caudato, — forma metrica strutturata secondo lo schema rimico: AAAb, BBbc... (ANTONIO DA TEMPO, *Summa artis ritmici vulgaris dictaminis*, ed. princ. Venezia, Simone de Luere, 1509; GIDINO DA SOMMACAMPAGNA, *Trattato e arte deli ritimi volgari*, ed. princ. Bologna, Romagnoli, 1870), — si sono congetturati un suggerimento dall'organizzazione rimica delle terzine dei sonetti del *Fiore* (PIO RAJNA, *La questione del "Fiore"*, in "Il Marzocco", 16 gennaio 1921; GIANFRANCO CONTINI, *La questione del "Fiore"*, in "Cultura e scuola", gennaio-giugno 1965); e una fruizione del principio permutativo che fonda la struttura rimica della "petrosa" *Amor, tu vedi ben che questa donna* (FRANCO GAVAZZENI, *Approssimazioni metriche sulla terza rima*, Verona, Valdonega, 1983).

²⁹ *DVE* II xiii 11.

³⁰ *Ivi* II xiii 13.

³¹ *DVE* II v 3-5. — "Di tutti pare l'endecasillabo il più splendido, tanto per scansione ritmica quanto per ampiezza di pensiero, costruzione e lessico [...] Ed è naturale che esso, definito, come è giusto, di tutti il più illustre verso, se accompagnato al settenario, purchè consegua l'egemonia, sembra ancor più nobile e maggiormente distinto". Non poche sono le combinazioni ritmiche con le quali può congegnarsi l'endecasillabo: tra queste, si identificano tre modelli-base: con accenti di 4^a, 8^a e 10^a; di

La canzone esige infine un lessico congruente coi contenuti ad essa idonei e con la strutturazione armonica delle parti, che sia cioè degno di appartenere allo stile tragico:

Sola etenim pexa yrsutaque urbana tibi restare videbis, que nobilissima sunt et membra vulgaris illustris. Et pexa vocamus illa que, trisillaba vel vicinissima trisillabitati, sine aspiratione, sine accentu acuto vel circumflexo, sine z vel x duplicibus, sine duarum liquidarum geminatione vel positione immediate post mutam, dolata quasi, loquentem cum quadam suavitate relinquunt³².

Ne sono come emblematici indicati *amore, donna, disio, virtute, donare, letitia, salute, securtate, difesa*³³.

Irsuta quoque dicimus omnia, preter hec, que vel necessaria vel ornativa videntur vulgaris illustris³⁴.

Ossia monosillabi e interiezioni (ad es. *sì, no, me, te, se, a, e, i, o, u*), nonché lemmi stravaganti e inusitati come *benaventuratissimo, inanimatissimamente, disaventuratissimamente, sovramagnificentissimamente*³⁵. Già per il connubio tra rime aspre e dolci, la combinazione tra *pexa* e *yrsuta*, — quali dissonanze sapientemente distribuite in una partitura, — contribuisce anch'essa alla composizione della complessiva dolcezza della canzone.

La non mai sufficientemente deprecata interruzione del *De vulgari eloquentia* ci priva della speculazione su sonetto e ballata, nonché sui relativi stili. Resta in ogni caso il trattato emblematico nell'apprezzamento dell'*iter* intellettuale dantesco: sia quale prima storia critica della letteratura, occitanica e italiana, ad esso più o meno coeva; che rigorosa autoesegesi della propria produzione *ante quem*. Un'ermeneutica della tradizione insieme con la rivisitazione critica di un'esperienza letteraria e morale tese entrambe a valutare

6^a e 10^a; e infine di (1^a), 4^a, 7^a e 10^a (GIANFRANCA LAVEZZI, *Manuale di metrica italiana*, Roma, La Nuova Italia Scientifica, 1996).

³² *DVE* II vii 4–5. — “E vedrai così restare soli ricercati vocaboli pettinati e irsuti, dignitosissime membra del volgare illustre. E definiamo pettinate quelle parole che, trisillabe o al trisillabismo prossime assai, senza spirata [“f”, “v”, “s”, *n.d.a*] né accenti acuto o circumflesso, senza doppie z o x, senza le due liquide [“l” e “r”, *n.d.a*] ripetute o poste subito dopo muta [“h”, “p”, “b”, “t”, “d”, “c”, “g”, “q”, *n.d.a*], a chi parla lascian la sensazione di una certa qual dolcezza, come se fossero levigate”.

³³ *Ivi* II vii 5.

³⁴ *DVE* II vii 6. — “Ed irsuti definiamo tutti quei vocaboli che sembrano, in aggiunta a questi [*i* “pexa”, *n.d.a*], del volgare illustre necessità e ornamento”.

³⁵ *DVE* II vii 6.

tomisticamente la necessità di una nuova *ποίησις*: l'ammaestramento morale mercé l'armoniosa musicalità della parola.

Malgrado la solennità dell'enunciazione, i precetti dell'*ars rhetorica* del *De vulgari eloquentia* non sono definitivi. Una sia pur brevissima escursione nelle concordanze certifica infatti l'unione nella *Commedia* di quanto nel *De vulgari eloquentia*, sia pur con limitate deroghe, era stato dichiarato dover essere proibito: l'amalgama polistilistico. Quel che vale per la lingua si predica *a fortiori* per il metro: la sua forma non è più perfettamente compiuta, bensì un flusso ininterrotto di versi, potenzialmente *ad infinitum*.

La teoria del *De vulgari eloquentia* non è tuttavia nella *Commedia* integralmente obliterata: il predominio dell'endecasillabo è infatti in essa assoluto, e vi permane la necessità della corrispondenza fonetica. Ci permettiamo anzi di osservare che se da una parte l'incatenatura rimica dei versi già occorre nelle canzoni (e sonetti), — metri, è bene ribadirlo, che devono entrambi essere in sé e nelle loro parti perfettamente conchiusi, , dall'altra i principi permutativi collaudati nelle stanze di *Amor, tu vedi ben che questa donna* rendono tale canzone una forma aperta³⁶. E' pur vero che l'indulgere in essa a un'eccessiva "*rithimi repercussio*"³⁷ è in linea di principio censurato, tuttavia permesso "*nisi forte novum aliquid atque intentatum artis sibi preroget*"³⁸. Licenza questa valida, — ne siam persuasi, — non solo per giustificare la passata tensione agonistico-sperimentale con Arnaut Daniel, — ossia il virtuosismo compositivo delle "petrose", — ma per orientare anche il futuro. Rispondendo quindi a quest'ultima impellente necessità, insieme pratica e spirituale, — di escogitare cioè *novum aliquid atque intentatum artis*, — e mercé i sullodati precetti di rispondenze rimiche misurate e armonicamente cangiate, l'*ars rhetorica* del *De vulgari eloquentia* può in conclusione definirsi come l'ultimo vettore di un'inesausta approssimazione metrica alla terza rima incatenata.

³⁶ F. GAVAZZENI, op. cit., pp. 83–88.

³⁷ *DVE* II xiii 13. — "Risonanza della rima".

³⁸ *DVE* II xiii 13. — "Se per caso anticipatamente non chiedo [l'argomento del canto, n.d.a] per necessità proprie qualche tecnica nuova, e inusitata".

Сорелла Антонио

*профессор, заведующий кафедрой итальянистики
Государственного университета Абруцци (Италия),
sorella@italianistica.it*

ГРОБ ДАНТЕ: СПОРЫ И ЗАГАДКИ

По случаю 700-летия со дня смерти Данте Алигьери проф. Антонио Сорелла впервые объявил на нашей конференции о публикации своей книги «Бембо и Данте: история отсутствия любви. Изобретение итальянского языка, утерянная рукопись Петрарки, филологические, космологические и религиозные споры, сентиментальные и политические интриги»; он также прочитал и впервые публикует в этом Сборнике отрывок из вышеупомянутой книги, в котором проясняется вопрос об отъезде из Рима великого филолога Пьетро Бембо в 1920-е годы, очевидно связанном с двойной ролью, которую Пьетро Бембо сыграл в конфликте между представителями Равенны и флорентинцами за перенос гробницы Данте во Флоренцию, где он тайно помог жителям Равенны избежать «возвращения» костей Поэта его родному городу.

Ключевые слова: Данте, итальянский язык, гроб, памятник, Гуманизм, Средневековье, город, Бембо.

Antonio Sorella

Dante's Tomb: disputes and riddles

On the occasion of the 700th anniversary of the death of Dante Alighieri, prof. Antonio Sorella announced for the first time at our conference the publication of his book “Bembo and Dante: A Story of Lack of Love. The invention of the Italian language, the lost manuscript of Petrarch, philological, cosmological and religious disputes, sentimental and political intrigues”; he also read and for the first time published here an excerpt from the aforementioned book, which clarifies the issue of the departure from Rome of the great philologist Pietro Bembo in the 1920s, related to the double role that Pietro Bembo played in the conflict between the representatives of Ravenna and the Florentines over the transfer of the tomb Dante to Florence, where he secretly helped the people of Ravenna to avoid the “return” of the Poet’s bones to his hometown.

Key words: Dante, Italian, tomb, monument, Humanism, Middle Ages, town, Bembo.

Per fortuna, è giunto fino a noi un documento che ci può aiutare a capire ciò che dovette essere successo in quel torno di tempo. Infatti, nell’esemplare del commento alla *Commedia* di Cristoforo Landino che si pensa l’autore avesse fatto preparare per inviarlo a Ravenna a Bernardo Bembo, c’è una lettera autografa, rilegata all’inizio del volume, oggi conservato nella Bibliothèque Nationale de France (Rés.Yd. 17)³⁹. In questa specie di dedicatoria

³⁹ In questo esemplare ci sono postille di Bernardo e Pietro Bembo che sono state individuate per la prima volta da Barbara Marx, *Zwischen Generationskonflikt und Paradigma. Latein und Volgare im Hause Bembo*, in *Latein und Nationalsprachen in der Renaissance*, a cura di Bodo Guthmüller,

personalizzata, Landino si felicitava con Bembo per il restauro della tomba di Dante a Ravenna, si rammaricava del fatto di non aver potuto ricordare il suo bel gesto nel commento ormai già finito di stampare, in ben 1200 esemplari; tiratura che, per un incunabolo non destinato alle università o ai religiosi, era notevole⁴⁰. A me sembra di poter inferire che Lorenzo avesse fatto inviare da Landino a Bembo una copia dell'edizione con quella lettera di accompagnamento quasi a dimostrazione di aver mantenuto un patto che aveva forse stabilito con Venezia, proprio per il tramite del suo amico ambasciatore. Il linguaggio degli umanisti come Landino va interpretato tenendo conto delle sue caratteristiche specifiche, che consistono in un alto tasso di allusività, di intertestualità e di ambiguità (che connotano ancora oggi il linguaggio accademico usato, per esempio, nei giudizi per i concorsi di abilitazione universitaria, le recensioni di libri o articoli, le citazioni in nota, ecc.). Leggiamo, sotto quest'ottica, l'epigramma che Landino pone in calce alla sua lettera a Bernardo Bembo:

Foccerat egregia constructum ex arte sepulchrum
 Tyrrheno danthi prisca rauenna nouum
 Inuida sed sacris obsunt quoque fata sepulchris
 Et turpi obducunt omnia pulchra situ
 At tu delitie veneti bernarde senatus
 Tutela et sacri maxima bembe chori
 Liuida mordaci quod triuerat ante uetustas
 Dente nouum niueum marmore restituis⁴¹.

Wiesbaden, Harrassowitz, 1998, pp. 31–61: 39–42. Si veda anche Massimo Danzi, *La biblioteca del cardinal Pietro Bembo*, Genève, Droz («Travaux d'Humanisme et Renaissance», 399), 2005, p. 322. Claudio Vela, *Il Villani del Bembo*, in «Prose della volgar lingua» di Pietro Bembo. Atti del Convegno (Gargnano del Garda, 4–7 ottobre 2000), a cura di Silvia Morgana-Mario Piotti-Massimo Prada, Milano, Cisalpino, pp. 255–275: 262 non esclude che le postille di Pietro su quel volume fossero vergate quando era ancora molto giovane. Sulle postille di Bembo si veda Carlo Pulsoni, *Il «Comento sopra la Comedia» di Cristoforo Landino e Pietro Bembo*, in *Miscellanea di studi linguistici offerti a Laura Vanelli da amici e allievi padovani*, a cura di Roberta Maschi-Nicoletta Penello-Piera Rizzolatti, Udine, Forum, 2007, pp. 419–426.

⁴⁰ In Simona Foà, voce *Landino, Cristoforo*, in *Dizionario Biografico degli Italiani*, cit., LXIII, 2004 (consultata in rete): «Una lettera del L. al Bembo scritta nel 1481 in occasione del restauro della tomba di Dante voluto dallo stesso Bembo quando era podestà a Ravenna è stata pubblicata da Ledos (Eugène-Gabriel Ledos, *Lettre inédite de C. L. à Bernardo Bembo*, in «Bibliothèque de l'École des chartes», LIV 1893, pp. 721–724; pp. 723 s.).

⁴¹ *Comento di Christophoro Landino fiorentino sopra la Comedia di Danthe poeta fiorentino*, Firenze, Nicolò di Lorenzo della Magna, 30 dagosto 1481, es. della Bibliothèque Nationale de France, Rés.Yd. 17, con lettera autografa di Landino legata nel volume, come una specie di carta di guardia, in cui lo scritto si presenta sul verso (il fatto che non ci sia alcuna intestazione sul recto farebbe pensare a una carta scritta e poi fatta legare da Landino all'inizio del volume, prima di mandarlo a Bembo, come se fosse appunto una dedicatoria).

L'antica Ravenna aveva allestito per Dante, che veniva dall'altro mare, il Tirreno, un sepolcro nuovo, che però, con il tempo, i fati invidiosi avevano deturpato. Ma alla fine era arrivato Bernardo Bembo, amabile senatore veneziano, a restituire in bianco marmo quel monumento che gli anni, con il loro morso famelico, avevano rovinato e annerito.

Qui non ci sono apparenti accuse a Ravenna, che anzi è definita *prisca*, cioè antica e perciò nobile. La colpa dello stato in cui versava il sepolcro di Dante prima della sua ricostruzione monumentale era solo del fato e del tempo, che sono sempre ostili alla conservazione dei monumenti e della memoria in essi custodita. Se, però, ora leggiamo la lettera che precede l'epigramma, il punto di vista di Landino non appare più così lineare e benevolo:

Ex Jacobo Tedaldo accepi danthis florentini poetae sepulchrum rauennae positum cum iam et uetustate et hominum incuria pene assumptum esset ornatusque a principio constitutum fuerat tua impensa restaurasse imitatus M. tullium ciceronem: qui in sicilia questor cum esset Archimedi mathematico insigni idem olim munus prestiterat. Quamobrem uniuersus populus florentinus plurimum se tibi debere fatetur. Qui ciuem suum, suumque poetam ex squalore in splendorem reuocaueris. Mihi autem in tanta omnium uoluptate permolesto accidit quod anteaquam hoc ex jacobo cognoscerem comentarios quos in illius poema scripseramus iam mille ac ducentis uoluminibus impressos edideram. Poteram M(ille) in illis, modo id prescissem, immortalis tuum nomen florentinum beneficij perpetuum testimonium exhibere⁴².

Innanzitutto, Landino dice di aver avuto la notizia del restauro della tomba da Iacopo Tedaldi, un mercante fiorentino che era allora a Ravenna. Possibile che uno stretto collaboratore di Lorenzo venisse a sapere un fatto del genere quasi per caso, da un amico lontano? Possibile, poi, che a Firenze non fosse ancora arrivata l'eco di quella impresa di Bembo e che essa non avesse suscitato reazioni, positive o negative? Ovviamente, no, come lo stesso Landino sottolinea, quando sostiene contraddicendosi, secondo me con un pizzico di ironia, che l'intero popolo fiorentino riconosceva di essere debitore a Bembo. Probabilmente, allora, la scelta della fonte dell'informazione sarà stata studiata ad arte: si trattava di uno degli ultimi superstiti dell'assedio di Maometto II alla capitale dell'Impero romano d'Oriente, un eroico e famoso difensore della cristianità durante l'assedio di Costantinopoli nel 1453⁴³. Landino dovette misurare attentamente le parole, ma tirando in ballo Tedaldi avrà voluto contrapporre l'eroismo di chi aveva difeso Costantinopoli, e con essa la speranza di riconquistare il santo sepolcro, ai fiorentini dei suoi tempi, che non avevano

⁴² Ibid.

⁴³ In *The Oxford Dictionary of Byzantium*, New-York-Oxford, Oxford University Press, 1991, s. v. *Iacopo Tedaldi*: «Florentine merchant who helped defend Constantinople against the siege of Mehmed II; fl. ca.1453. Tedaldi escaped capture by swimming to a Venetian ship that took him to Negroponte».

saputo riprendersi le ossa di Dante e che avevano lasciato che la sua tomba ravennate fosse restaurata da un forestiero. Anche il paragone istituito tra Bembo e Cicerone, che aveva trovato e fatto adornare la tomba di Archimede, contro la dimenticanza e l'abbandono in cui i siracusani l'avevano lasciata⁴⁴, è, leggendolo in filigrana, un atto d'accusa sia contro i ravennati, che non avevano avuto cura della tomba di Dante, sia contro Firenze, che, come Siracusa, si era disinteressata di dove fosse custodito il sepolcro del suo celebre cittadino e aveva aspettato che uno straniero lo ritrovasse e lo facesse restaurare. Infatti, a differenza che nell'epigramma, nella lettera Landino attribuisce la causa del degrado della tomba di Dante non solo alla *vetustas*, ma anche alla «hominum incuria»; e si riferiva sicuramente ai ravennati, ma anche alla noncuranza dei fiorentini (con una frecciatina, secondo me, anche contro Lorenzo)⁴⁵. L'episodio è stato finora interpretato in modo completamente diverso: secondo Resta, i fiorentini sarebbero stati grati a Bembo per il restauro della tomba di Dante a Ravenna⁴⁶; la Giannetto, seguita dalla Roush, ha ipotizzato che l'ambasciatore avesse fatto quanto in suo potere per indurre Venezia a costringere Ravenna a rendere le ossa di Dante, ma, non avendo avuto successo, si risolse a lasciare la tomba dove era e a restaurarla amorevolmente:

⁴⁴ Marco Tullio Cicerone, *Tusculanae disputationes*, V, 23, 64–66: «Cuius [*scilicet*: Archimedis] ego quaestor ignoratum ab Syracusanis, cum esse omnino negarent, saeptum undique et vestitum vepribus et dumetis indagavi sepulcrum. Tenebam enim quosdam senariolos, quos in eius monumento esse inscriptos acceperam, qui declarabant in summo sepulcro sphaeram esse positam cum cylindro. Ego autem cum omnia collustrarem oculis — est enim ad portas Agragantinas magna frequentia sepulcrorum — animum adverti columellam non multum e dumis eminentem, in qua inerat sphaerae figura et cylindri. Atque ego statim Syracusanis — erant autem principes mecum — dixi me illud ipsum arbitrari esse, quod quaererem. Immissi cum falcibus multi purgarunt et aperuerunt locum. Quo cum patefactus esset aditus, ad adversam basim accessimus. Apparebat epigramma exesis posterioribus partibus versiculorum dimidiatum fere. Ita nobilissima Graeciae civitas, quondam vero etiam doctissima, sui civis unius acutissimi monumentum ignorasset, nisi ab homine Arpinate didicisset».

⁴⁵ Le parole della dedicatoria di Landino dovettero rimanere impresse nella mente di Pietro Bembo, che le riutilizzò in una lettera a proposito del ritrovamento del presunto sepolcro di Laura da parte di un italiano, mentre i francesi ne avevano colpevolmente perso il ricordo. Pietro Bembo, *Lettere*, cit., III, pp. 437–438: 437, Avinionem. P.B. Bartholomeo Castellano. Diacono Avinionensi. Sept. Kal. Maias MDXXXIII. Patavio: «Cum enim cepi magnam voluptatem ex tua epistola, qua me de Laurae perquisito nuper et reperto sepulchro certiolem facis, addisque tuum ea de re carmen, elegans me hercule et luculentum. Qua quidem in re non minorem mihi videtur laudem Nicolaus ille Perusinus apud vos consequutus, quam olim Marcus Cicero apud Siculos fuerit, invento a se Archimedis mathematici clarissimi hominis sepulchro, cuius illi memoriam amiserant».

⁴⁶ Gianvito Resta, voce *Bembo, Bernardo*, in *Enciclopedia Dantesca*, cit., VI, p. 161: «Durante la sua permanenza a Firenze il B. aveva promesso a Lorenzo dei Medici di adoperarsi perché le ossa di D. fossero restituite alla città natale del poeta; e certamente dovette mantenere la promessa, pur senza conseguire alcun risultato, durante il periodo in cui fu podestà a Ravenna. A lui si deve comunque nel 1483 il restauro del sacello che conservava le ossa di D. nella chiesa di S. Francesco: questo fatto gli procurò la riconoscenza dei Fiorentini, di cui si fece eco il Landino in un epigramma e in una lettera dove esprimeva al B. il rammarico di non aver conosciuto prima il suo nobile gesto, in maniera da poterlo eternare nel suo Commento alla Commedia».

Given Bernardo Bembo's personal alliances of friendship with Florentines Lorenzo de' Medici, Ficino, Landino, and others, and his sincere desire to honour the memory of Dante, he may very well have tried his best to induce the governments of Venice and Ravenna to repatriate Dante's remains. As Nella Giannetto said, «Proprio Bernardo nel 1476 si adopera presso il governo della Serenissima perché induca i Ravennati a consegnare ai Fiorentini le ossa di Dante, ma i suoi sforzi, evidentemente, risultarono vani». Only then does Bembo take it upon himself to do what he can to honour Dante where he remains. Subsequently this action takes on sometimes veiled, civically partisan interpretations⁴⁷.

La Roush ha almeno il merito di alludere alle interpretazioni partigiane che a Firenze ebbe in seguito quel gesto di Bembo, una volta podestà a Ravenna. Nessuno spiega, però, il fatto che nel proemio landiniano mancasse una chiara richiesta di restituzione delle ossa di Dante, nonostante che l'edizione fosse stata concepita, come si legge fin dalle prime pagine introduttive, per riportare trionfalmente il poeta nella sua città. Probabilmente, l'umanista, insieme con Marsilio Ficino e Antonio Manetti, che, come si vedrà meglio fra poco, collaborarono alla stesura del proemio, avevano ricevuto da Lorenzo la disposizione di non menzionare affatto il fallito progetto del 1475-1476 di riportare le ossa di Dante a Firenze, di onorarlo con la corona poetica postuma e di costruire nella sua città natale una tomba monumentale (secondo quanto previsto nella citata lettera di Manetti a Lorenzo: «circa ricevere quelle degnissime ossa, la corona, la sepoltura e luogo»). D'altra parte, c'è da credere che neppure Bembo si sarebbe avventurato a ricostruire il sepolcro per Dante a Ravenna, se non avesse ottenuto l'assenso di Lorenzo: perché, infatti, avrebbe dovuto irritare l'amico più potente che aveva a quei tempi, nonché il banchiere che gli prestava denaro senza garanzie? Evidentemente, tra il 1478 e il 1480, ci doveva essere stato un patto tra Lorenzo e Ravenna, per il tramite di Venezia e del suo ambasciatore, affinché si lasciassero le cose come stavano, per evitare inutili conflittualità in un momento storico molto delicato per Firenze. Secondo questo ipotizzabile accordo, di cui però non abbiamo alcun riscontro, Lorenzo avrebbe concesso a Venezia di lasciare a Ravenna la tomba di Dante, rinunciando anche in futuro a rivendicazioni su di essa, a suggello di un'amicizia, o per lo meno di una non belligeranza, tra i due Stati, nei difficili anni dell'asestamento del potere mediceo dopo la congiura dei Pazzi. È un dato storico il fatto che, nel periodo immediatamente precedente alla stampa del commento landiniano, Lorenzo aveva dovuto difendersi dagli attacchi di Roma e

⁴⁷ Sherry Roush, *Speaking Spirits*, cit., p. 128 (e n. 30, per la citazione di Nella Giannetto, *Bernardo Bembo, umanista e politico veneziano*, cit.). Sherry Roush, *Speaking Spirits*, cit., a pp. 84–85 parla della lettera di Manetti a Lorenzo e dell'allestimento della tomba di Dante da parte di Bembo a sue spese; si veda anche il capitolo *Divining Dante: Scandals of His Corpus and Corpse*, ivi, pp. 69–107.

di Napoli, cosicché aveva cercato in tutti i modi di evitare che il papa riuscisse a coinvolgere altri Stati italiani nell'alleanza antiflorentina. In questo quadro, si capisce la sua necessità di mantenere buoni rapporti con Venezia soprattutto tra il 1478 e il 1480, quando appunto l'ambasciatore veneziano a Firenze fu per la seconda volta Bembo.

НОМО LOQUENS В ЯЗЫКЕ И ПЕРЕВОДЕ

УДК 81`42

Акашева Татьяна Валентиновна
кандидат филологических наук, доцент
Магнитогорского технического государственного университета
им. Г. И. Носова,
akasheva.tv@yandex.ru

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА В. ТОКАРЕВОЙ «ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ВСЕ ХОРОШО» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

В статье рассматриваются приемы перевода интертекстуальных включений в художественном дискурсе на примере рассказа В. Токаревой «Все в порядке, все хорошо». Цитаты из известных песен, литературных произведений, лозунги легко узнаваемы русскоязычным читателем и являются маркером эпохи, страны и культуры. Сравнительно-сопоставительный анализ показал, что в тексте перевода возможности кросс-культурной адаптации ограничены.

Ключевые слова: художественный перевод, интертекст, переводческая стратегия, приемы перевода, кросс-культурная адаптация.

Akasheva Tatiana Valentinovna
**Cross-cultural adaptation of intertext in artistic translation
(on the example of the story by V. Tokareva “everything is in order,
everything is good” and its translation into german language)**

The article examines the techniques of translating intertextual inclusions in artistic discourse on the example of V. Tokareva's story “Everything is in order, everything is good”. Quotes from famous songs, literary works, slogans are easily recognizable to the Russian-speaking reader and are a marker of the era, country and culture. Comparative analysis showed that in the text of the translation the possibilities for cross-cultural adaptation are limited.

Key words: literary translation, intertext, translation strategy, translation techniques, cross-cultural adaptation.

Интертекстуальность вот уже более полувека является объектом научного интереса исследователей разных областей. Человек развивается и развивает культуру, вместе с которой развивается и язык. В настоящее время в связи с господствующим положением интертекстуальности в сфере лингвокультурологии и литературоведения возрос интерес

исследователей именно к проблеме включения в текст элементов, обладающих высокой аллюзивной плотностью. В литературоведении, лингвистике ей посвящены многие диссертации и монографии. Все ученые, в том или ином ключе занимающиеся проблемой интертекста, отмечают важность изучения интертекстуальных компонентов в национально-культурном аспекте, так как именно они тесно связаны с духовной жизнью народа, передают оценку того или иного общественного события, представляют языковой колорит эпохи, национальную и индивидуальную специфику языковой картины мира (приводится по: [4]).

Сегодня значение концепции интертекстуальности выходит далеко за рамки чисто теоретического осмысления современного культурного процесса, поскольку она ответила на глубинный запрос мировой культуры XX столетия с его явной или неявной тягой к духовной интеграции. Приобретая необыкновенную популярность в мире искусства, она, как никакая другая категория, оказала влияние на саму художественную практику, на самосознание современного художника. Новые направления в искусстве порождают множество новых слов, знаковых фактов, а за ним и множество произведений словесности.

Социальное устройство общества также оказывает влияние на язык. В различные эпохи в обществе существовал свой язык, свои понятия, события, которые не всегда совпадали у носителей разных языков, а следовательно, порождали проблемы при попытках их передачи для носителей культуры другого языка. Так появились социокультурные аспекты перевода, в рамках которых предполагалось изучение языковых и культурологических явлений двух языков, социологии, религии и других областей знаний в сравнении, поскольку культура и язык тесно взаимосвязаны. Однако в теории перевода проблема, связанная с трудностями перевода/переложения интертекстуальных включений как образцов наибольшей концентрации лингвокультуры текста оригинала, начала рассматриваться сравнительно недавно с появлением понятия «переводческая стратегия» и «культурный трансфер».

Перевод художественного произведения — это один из видов культурного трансфера, благодаря которому текст переносится в другую культуру и воспринимается читателями, не владеющими языком произведения [2, с. 197].

Культура, социальное устройство общества, человек и язык — неразрывно связаны. Само собой разумеется, что сохранение своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов — задача чрезвычайно сложная в плане как теоретического анализа, так и практического ее решения, так как

процесс его [художественного текста. — *Прим. авт.*] понимания является сложным, так как требуется задержка внимания и многократное возвращение с целью проверки уместности данного понимания [1, с. 5].

Поэтому часто в последнее время на многие аспекты прагматической адаптации накладывается сугубо культурологическая категория «кросс-культурная адаптация». Возможности ее решения на практике и рассмотрения в теории связаны в первую очередь со степенью имеющихся у переводчика высокого мастерства и глубоких экстралингвистических знаний, а у предполагаемых реципиентов — фоновых знаний о жизни, изображенной в оригинале. Если же такие знания ограничены или отсутствуют, переводчику во избежание потерь требуется адаптировать текст к принимающей культуре. Особенно ярко и отчетливо это проявляется в художественном переводе [4].

Для анализа взаимоотношений пары языков «русский — немецкий» и возможностей кросс-культурной адаптации послужил рассказ популярной российской писательницы Виктории Токаревой «Все нормально, всё хорошо» («Alles okay, alles in Butter», перевод с немецкого М. Танцшер). В ходе сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и перевода мы выявили обилие интертекстуальных компонентов, обладающих разной функцией в пространстве художественного текста и разной степенью переводимости с точки зрения прагматики. Некоторые из них, наиболее яркие, мы разберем в этой статье подробнее.

Например, цитата из известной советской песни и способ ее передачи на немецкий язык: «...“Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт...” Старики получают нищенскую пенсию — шестьдесят рублей в месяц. Только бы не умереть с голоду. Не умереть, но и не жить» [5, с. 321] — «“Der Jugend stehen alle Wege offen, die Alten werden überall geehrt...” In Wahrheit bekamen die Alten eine erbärmliche Rente — sechzig Rubel im Monat. Gerade so viel, dass sie nicht verhungern mussten. Sie verhungerten nicht, aber “leben” konnte man das auch nicht nennen» [6, s. 220]. Анализ перевода позволяет высказать мнение о том, что в данном случае цитата из песни «От края и до края», написанной композитором Исааком Дунаевским на слова поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача для кинофильма «Цирк», скорее всего, остается неузнанной, поскольку почти дословный перевод этой фразы с сохранением рифмы и размера стиха с использованием очень распространенного в немецком языке клише «все дороги открыты» (alle Wegestehen offen) передает слишком прямое значение фразы и не передает грустную иронию автора. Подобный подход понятен, так как цитатный перевод, вероятно, был бы не признан современным немецкоязычным читателем. Данная цитата не вошла в немецкий культурный контекст так, как она вошла в русский. Следующий

пример: «...Самый привилегированный класс в нашей стране — это дети» [5, с. 321] — «Der privilegierte Klasse in unserem Land sind die Kinder...» [6, s. 220]. Представленный перевод так же, как и в случае выше, не сопровождается ни пояснением, ни комментарием, выявляющим источник цитаты, из чего следует вывод о том, что в данном случае намек на один из лозунгов советских времен остался «неузнанным» переводчиком.

Данные примеры наглядно показывают, что использование в литературных текстах цитат из известных современных песен, различных политических лозунгов и других маркеров общественного строя и социальных групп по-прежнему остается для Виктории Токаревой основным источником создания игрового момента и пародии в произведениях. Даже при очень удачном переводе М. Танцшер этот подтекст для немецкоязычного читателя остался недоступен.

Следующий пример иллюстрирует, что переводчик при переводе цитаты предпочел прием опущения и одновременно смысловое развитие. «Бочаров ел одно, а вспоминал о другом. “Так глядят, глядя в потолок, чужих и нелюбимых”» [5, с. 318] — «Botscharow aß und dachte dabei an die indische Küche» [6, s. 215]. Известная цитата из поэмы «По дороге к Тинатин», написанной в 1964 году Булатом Окуджавой, никак не маркирована в переводе, какой-либо комментарий или компенсация данной цитаты просто отсутствуют, а упоминание индийской кухни контекстуально совпало по смыслу с ностальгией главного героя по годам работы в Индии, чем и воспользовался переводчик. В следующем примере «Но как выразить талант, если он спрятан, как Кошечья смерть?» [5, с. 317] — переводчица использовала комплексный прием опущения и замены, она вообще не стала переводить данное предложение, заменив его на фразу «спрятан в глубине океана». Вероятнее всего, сложность для переводчицы заключалась в переводе имени одного из персонажей русских народных сказок. Как известно, Кощей Бессмертный является отрицательным персонажем русских сказок и в русском фольклоре. Ключевым в данном случае является то, что согласно существующим версиям найти смерть Кошечья не так-то просто, она спрятана очень далеко.

Также абсолютно непередаваемыми при переводе оказались «локтевики», «комитетчики», «шило в мешке не утаишь», «вождь народов», «лишние люди», «маленький человек» и т. д. Все эти включения являются не только элементами стилового своеобразия В. Токаревой и выразительными средствами авторского языка. Они формируют определенный пласт культуры исходного текста, который на немецком языке частично, а где-то полностью утратил эту соотнесенность с исходной культурой и эпохой. В данном случае мы предполагаем, что переводчик явно пошел по пути приоритета принимающей культуры, т. е.

в ущерб культуре оригинала с полной или частичной утратой интертекстуальности, что, несомненно, снизило художественную ценность рассказа в переводе на немецкий язык.

Очень любопытен пример с упоминанием божьей коровки, она появляется в самых сложных хитросплетениях повествования и отсылает главного героя и читателя, знакомых с детства со считалочкой «Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают конфетки...», к воспоминаниям о доме, родителях, детстве и вере в чудеса: «Его никто не слышал, кроме божьей коровки. Бочаров плакал в подушку и звал: “Мама...”» [5, с. 326] — «Niemandhörteihn, außerdem Marienkäferchen. Botscharow weinte ins Kissen und murmelte den Namen seiner Mutter» [6, s. 225]. Неслучайно главный герой рассказа заботливо укладывает божью коровку в коробочку, нарезает ей гостиничный фикус и очень переживает, когда наутро ее в коробочке не находит. Вера в чудо, возвращение туда, где было тепло и уютно, где рядом была мама, связано у него с божьей коровкой, и русскоязычному читателю это абсолютно близко.

Удивительно, но во многих других культурах, в частности немецкой, имеются такие же ассоциации. У немцев божья коровка также относится к приносящим счастье — *Glücksbringer*. К ней обращаются с вопросами о жизни и смерти, о погоде и урожае, о женитьбе. Она является древнейшим символом счастья и удачи. Найти божью коровку считается хорошей приметой. Уже само название говорит о том, какую роль играло это насекомое в жизни наших предков. Считалось, что божья коровка живет на небесах и лишь время от времени спускается с небес, чтобы передать человеку волю божью. Многие народы верили, что ее молочком питаются сами боги, поэтому божью коровку ни под каким предлогом нельзя было убивать. Есть предположение, что божьи коровки раньше назывались «божьи кровки», так как походят на капельки крови. В Германии её называют — «свечка Божья», жук Марии, божья птичка / лошадка, золотой петушок, солнечная птичка, солнечный петушок, солнечный теленок (ср. *Gottesküchen, Marienkäfer, Osternkälbchen*).

Таким образом, аллюзия на детский стишок про божью коровку выполняет ту же функцию в переводе, что и в оригинале, и играет важную роль в развертывании основных мотивов в рассказе. Она легко считается реципиентом и не требует дополнительных приемов для кросс-культурной адаптации текста. К сожалению, при очень хорошем переводе М. Танцшер, таких примеров немного.

Итак, рассматривая возможности и способы перевода интертекстуальных компонентов в художественном тексте с русского языка на немецкий, нами выявлено, что в процессе перевода из основных типов переводческих трансформаций применяются три: замена,

добавление и опущение, которые, однако, не всегда позволяют достичь кросс-культурной адаптации произведения на русском языке к принимающей культуре. Иногда, как мы убедились на вышеперечисленных примерах, это приводит к полной утрате интертекстуальности и ее функции в пространстве художественного текста. Но в данном конкретном случае подобный метод позволил переводчику восстановить в процессе перевода единство текста, что также является очень важным. Подобную мысль относительно сложности перевода интертекстуальных компонентов высказывает известный ученый-германист, переводчик А. В. Белобратов:

Необходимо очень осторожно обходиться с аллюзивными ситуациями: пережмешь — будет манерно, искусственно, «недожмешь» — уйдет из текста совсем. Пускаться же в объяснения в сносках-примечаниях — дело очень сомнительное и единство книги разрушающее [3, с. 233].

Эта цитата очень образно очерчивает границы возможного кросс-культурной адаптации: мастерство переводчика заключается, прежде всего, в умении правильно выбирать переводческую стратегию и разумно устанавливать баланс приоритетов культур, как исходной, так и принимающей. Говоря о возможностях и способах перевода интертекста на другой язык/культуру, необходимо исходить из того, что сама культура интертекстуальна, и перевод (в широком понимании этого слова) является постоянным признаком межтекстовых отношений как в рамках одной культуры, так и в межкультурном общении.

Литература

1. Песина С. А., Акашева Т. В., Рахимова Н. М., Землянухина Е. В. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе Э. Елинек // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5–10.
2. Акашева Т. В., Рахимова Н. М., Рахимова Л. М. Культурный трансфер как основополагающий фактор реализации переводческой стратегии // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 3–2. С. 195–203.
3. Белобратов А. Эльфрида Елинек: «Я ловлю язык на слове...»: интервью с Э. Елинек // Иностранная литература. 2005. № 7. С. 232–238.
4. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов международной научной конференции / под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. 701 с.
5. Токарева В. Всё нормально, всё хорошо: рассказ. М.: ЭКСМО-Пресс, 1996. С. 306–328.
6. Tokarjewa V. Alles okay, alles in Butter // Sag ich' oder sag ich 's nicht? Diogenes Verlag AG Zürich. 1993. S. 197–232.

УДК 81.161

Бочегова Наталья Николаевна
доктор филологических наук, профессор
Курганского государственного университета,
nbochegova1@yandex.ru,
Сатина Дарья Дмитриевна
кандидат филологических наук, старший преподаватель
Курганского государственного университета,
dsatina@mail.ru

РОЛЬ КОНЦЕПТА «GAMBLING» В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА Ч. ДИККЕНСА «ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ»

В статье исследуется структура концепта «gambling» и его роль в формировании концептуального пространства романа Ч. Диккенса «Лавка древностей». Выявляются ядро, приядерная зона, ближайшая и дальнейшая периферия концепта. Ядро представлено когнитивно-пропозициональной структурой. Приядерная зона формируется лексическими репрезентациями ее составляющих. Ближайшую периферию составляют образные представления игры, а дальнейшую периферию — связанные с игрой социально-культурные аспекты.

Ключевые слова: концепт, когнитивно-пропозициональная структура, ядро, приядерная зона, ближайшая периферия, дальнейшая периферия.

*Bochegova Natalia Nikolaevna,
Satina Daria Dmitrievna*

The role of the concept “gambling” in shaping the conceptual space of the novel “The old curiosity shop” by Ch. Dickens

The article examines the structure of the concept “gambling” and its role in creating the conceptual space of the novel “The Old Curiosity Shop” by Ch. Dickens. The nucleus, the co-nuclear area, the nearest and further periphery of the concept are identified. The nucleus of the concept is presented by the cognitive-propositional structure. The co-nuclear area is formed by lexical representations of the cognitive-propositional structure. The nearest periphery includes artistic images of gambling, and the further periphery consists of social and cultural characteristics of gambling.

Keywords: concept, cognitive-propositional structure, nucleus, co-nuclear area, nearest periphery, further periphery.

Влияние игры на культуру человеческого общества трудно переоценить. По мнению Й. Хейзинги, автора философского труда «НомoLudens», игра дает начало всем значимым культурным и

социальным явлениям [4]. Однако в данном произведении не рассматриваются азартные игры, культурное влияние которых столь же велико, хотя и не всегда положительно.

Согласно классификации, предложенной Р. Кайуа, данная разновидность игр формирует категорию Alea — игры, исход которых определяется случаем, а не усилиями игрока [3, с. 54–57].

Дж. Эштон отмечает, что в Англии азартные игры появились достаточно давно и отношение общества к ним было противоречивым. Данное развлечение имело огромную популярность, которая настораживала государство и церковь. Азартные игры не единожды пытались запретить или хотя бы ограничить, но их привлекательность лишь возрастала [5, р. 40].

Неудивительно, что тема игры нашла отражение в литературном творчестве. Данная статья посвящена анализу концепта «gambling» в тексте романа Ч. Диккенса «Лавка древностей».

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин предлагают следующий алгоритм анализа концептуального пространства текста.

1. Выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста: время его создания; имя автора, несущее определенную информацию о нем; роль эпиграфа (если имеется) и пр.
2. Анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте.
3. Проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления набора ключевых слов текста.
4. Выявление повторяющихся слов, сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами. Определение ключевого слова текста — лексического репрезентанта текстового концепта.
5. Анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности.
6. Описание концептосферы текста (или совокупности текстов одного автора), предусматривающее обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова — носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе образных.
7. Моделирование структуры концептосферы, т. е. выделение в ней ядра (базовой когнитивно-пропозициональной структуры), приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей периферии (образных ассоциаций) и дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов) [1, с. 60–61].

Ч. Диккенс рано начал зарабатывать на жизнь в связи с тяжелым финансовым положением семьи, и тема потерянного детства нашла отражение в его творчестве. Одним из примеров может служить роман «Лавка древностей». Данное произведение, публиковавшееся в 1839–

1841 годы в еженедельнике «Часы мистера Хамфри», быстро завоевало популярность, так как история девочки, вынужденной с детства противостоять жестокости и несправедливости мира, никого не оставляла равнодушным.

Заглавие не позволяет сделать однозначный вывод о содержании произведения, но в нем номинируется один из наиболее значимых концептов, составляющих концептуальное пространство данного текста. В данной работе основное внимание уделяется концепту игры, который не является первостепенным в концептосфере анализируемого произведения, однако играет немаловажную роль в формировании его сюжета и проблематики.

Мистер Трент вместе с внучкой Нелли живет при своей антикварной лавке, но вынужден заложить ее Дэниэлу Квилпу, главному антагонисту романа, так как проиграл в карты все свои сбережения и не смог вернуть Квилпу деньги, которые занимал у него. Дедушка и внучка покидают дом и отправляются на поиски лучшей жизни. Вскоре Нелли находит работу, но, когда у нее появляется заработок, Трент возвращается к своему увлечению. Однажды, чтобы добыть денег для игры, он решает ограбить хозяйку Нелли, однако девочка узнает о его планах и убеждает деда снова отправиться странствовать.

Согласно классификации М. М. Бахтина, хронотоп данного произведения в наибольшей степени подходит под описание авантюрно-бытового романа. Данной разновидности свойственно изложение трансформации личности с течением времени, что часто проявляется в использовании мотива дороги: «Для романа прежде всего характерно слияние жизненного пути человека (в его основных переломных моментах) с его реальным пространственным путем-дорогой, то есть со странствованиями» [2, с. 157].

Как видно из вышесказанного, герои романа не могут найти свое место в жизни, как в буквальном, так и в переносном смысле, и во многом это обусловлено увлечением Трента азартными играми.

Благодаря проведенному анализу микроконтекстов, содержащих упоминания игровой деятельности, мы можем выявить структуру концепта *gambling* в тексте данного произведения и представить ее в виде поля. Ядром концепта в нашем случае является когнитивно-пропозициональная структура концепта *gambling*: субъект игры — предикат игры — причина игры — цель игры — результат игры — следствие (проявление) игры.

Приядерная зона представлена лексическими репрезентациями тех или иных составляющих когнитивно-пропозициональной структуры концепта.

1. Субъект игры — в нашем случае дедушка Нелли, обозначается

лексемами *grandfather, oldman*.

2. Предикат игры. В данном случае, по нашему мнению, предикатом следует считать характеристики не столько субъекта игры, сколько азартной игры как явления. Словарная дефиниция азартной игры указывает на риск и неопределенность результата, однако привлекательность игре придает вера играющего в благоприятный исход. В тексте встречаются лексические единицы и словосочетания, иллюстрирующие непостоянство и переменчивость удачи.

Ah! It's a weary life for an old man — a weary, weary life — but there is *a great end to gain* and that I keep before me [6, p. 3].

I have been rendered uneasy by what you said the other night, and can only plead that I have done all for the best — that it is too late to retract, if I could (though I cannot) — and that *I hope to triumph yet* [6, p. 7].

If I could have gone on a little longer, only a little longer, *the luck would have turned on my side* [6, p. 53].

3. Целью игры является получение прибыли. В тексте игра описывается следующими лексическими единицами и словосочетаниями: *the precious scheme to make your fortune; the secret certain source of wealth; inexhaustible mine of gold; El Dorado*. Во всяком случае, так игру воспринимает субъект, однако в тексте перечисленные выражения употребляются иронически:

This was the precious scheme to make your fortune, was it; this was the secret certain source of wealth in which I was to have sunk my money (if I had been the fool you took me for); this was your inexhaustible mine of gold, your El Dorado, eh? [6, p. 18.]

“Yes,” cried the old man, turning upon him with gleaming eyes, “it was. It is. It will be, till I die” [Ibid.].

4. Причина игры. Побуждением к игре являются не эгоистичные мотивы героя, а стремление обеспечить счастливое будущее внучки, что подтверждается следующими лексическими единицами и словосочетаниями: *for her sake; to spare her the sufferings; to spare her the miseries; to leave her with what would place her beyond the reach of want for ever; to never play for love of play; to be bestowed to the last farthing on a young sinless child; to not one selfish thought*.

All is *for her sake*. I have borne great poverty myself, and would *spare her the sufferings* that poverty carries with it. I would *spare her the miseries* that brought her

mother, my own dear child, to an early grave. I would *leave her* — not with resources which could be easily spent or squandered away, but with what would place her beyond the reach of want for ever [6, p. 7].

I call Heaven to witness that I *never played for gain of mine, or love of play*; that at every piece I staked, I whispered to myself that orphan's name and called on Heaven to bless the venture; — which it never did [6, p. 18].

My winnings would have been from them, my winnings would have been *bestowed to the last farthing on a young sinless child* whose life they would have sweetened and made happy [Ibid.].

5. Результат игры. Несмотря на все старания пожилого джентльмена, чаще всего результат его усилий отрицательный и абсолютно не совпадает с поставленной целью. Фактически игра не приносит Тренту ничего, кроме беспокойства и финансовых потерь: *to lose time and money; to undergo the agony of mind; to be ruined; to find no pleasure; grief and wildness; anxious days and sleepless nights; loss of health and peace of mind; gain of feebleness and sorrow; torture; anxiety and care; old passion; distraction, disease of the brain, cares; terrible temptations.*

But if he deserts me, Nell, at this moment — if he deserts me now, when I should, with his assistance, be recompensed for all the *time and money I have lost*, and all *the agony of mind I have undergone*, which makes me what you see, I am *ruined*, and — worse, far worse than that — have ruined thee, for whom I ventured all. If we are beggars —! [6, p. 17]

“When did you first begin this *mad career*?” asked Quilp, his taunting inclination subdued, for a moment, by the old man's *grief and wildness*” [6, p. 18].

I *found no pleasure* in it, I expected none. What has it ever brought me but *anxious days and sleepless nights*; but *loss of health and peace of mind*, and *gain of feebleness and sorrow*! [Ibid.]

And yet she was the innocent cause of all this *torture*, and he, gambling with such a savage thirst for gain as the most insatiable gambler never felt, had not one selfish thought! [6, p. 53]

And nothing can be won without *anxiety and care* — nothing. Come, I am ready [6, p. 54].

6. Следствие (проявление игры). Выражается через описание эмоционального и физического состояния героя в процессе игры: *excitement and impatience, deadly pale, bloodshot, to tremble, to groan, flushed and eager, strained, to undergo a complete change, to come short and thick, to tremble violently, rapid impatience, anxious to begin, wild and restless,*

feverishly and intensely anxious, terribly eager, ravenous, a savage thirst for gain, haggard face, white face, pinched and sharpened by the greediness, unnaturally bright, a monstrous distortion of his image, wildly, the fire that burnt him up.

Seeing that he was in a state of *excitement and impatience*, I turned to put on an outer coat which I had thrown off on entering the room, purposing to say no more [6, p. 3].

The child saw with astonishment and alarm that his whole appearance had *undergone a complete change*. His face was *flushed and eager*, his eyes were *strained*, his teeth set, his breath came *short and thick*, and the hand he laid upon her arm *trembled so violently* that she shook beneath its grasp [6, p. 52].

He seized it with the same *rapid impatience* which had characterized his speech, and hastily made his way to the other side of the screen [6, p. 53].

I wonder who is more *anxious to begin* than I [Ibid.].

Ближайшую периферию концепта составляют связанные с игрой образные представления. Исход азартной игры, как отмечалось выше, зависит от удачи игрока, и в анализируемом тексте удача представляется как живое существо — с ней возможно договориться, однако она в любой момент может обидеться и покинуть человека:

“All done *to save money for tempting fortune, and to make her triumph greater*”, cried the old man [6, p. 18].

Fortune will not bear chiding. We must not reproach her, or she shuns us; I have found that out [6, p. 53].

Стремление героя к выигрышу сравнивается с чувством голода и жажды или со сжигающим изнутри огнем:

Exulting in some brief triumph, or cast down by a defeat, there he sat so *wild and restless, so feverishly and intensely anxious, so terribly eager, so ravenous* for the paltry stakes, that she could have almost better borne to see him dead. And yet she was the innocent cause of all this torture, and he, gambling with such *a savage thirst for gain* as the most insatiable gambler never felt, had not one selfish thought! [6, p. 53]

If she told the truth (so thought the child) he would be treated as a madman; if she did not supply him with money, he would supply himself; supplying him, she fed *the fire that burnt him up*, and put him perhaps beyond recovery [6, p. 57].

Дальнейшая периферия концепта формируется микроконтекстами, отражающими социально-культурные аспекты соответствующего концепту явления. Отношение к азартным играм в обществе всегда было неоднозначным: это весьма популярное развлечение часто ассоциировалось с аморальным образом жизни. В начале повествования рассказчик, замечая, что Трент по ночам отлучается из дому, предполагает, что это делается не с добрыми намерениями, и хотя цель героя на данный момент неизвестна, в связи с последующими событиями данное упоминание помогает формировать соответствующий ассоциативный ряд:

I could see that twice or thrice he looked back as if to ascertain if I were still watching him, or perhaps to assure himself that I was not following at a distance [6, p. 3].

I had a strong misgiving that his nightly absence was for no good purpose” [Ibid.].

What could take him from home by night, and every night! I called up all the strange tales I had ever heard of dark and secret deeds committed in great towns and escaping detection for a long series of years; wild as many of these stories were, I could not find one adapted to this mystery, which only became the more impenetrable, in proportion as I sought to solve it [Ibid.].

Когда тайна Трента раскрывается, Квилп намекает, что азартные игры — настолько постыдное занятие, что их даже неприлично упоминать в разговоре:

“For now, I know, that all those sums of money, that all those loans, advances, and supplies that you have had from me, have found their way to — shall I say the word?”

“To the gaming-table”, rejoined Quilp, “your nightly haunt” [6, p. 18].

Однако Трент утверждает, что между ним и другими любителями карточных игр нет ничего общего, так как он играет из благородных побуждений, а не из жажды наживы:

“That I should have been blinded”, said Quilp looking contemptuously at him, “by a mere shallow gambler!”

“I am no gambler”, cried the old man fiercely” [Ibid.].

Who were those with whom I played? Men who *lived by plunder, profligacy, and riot; squandering their gold in doing ill, and propagating vice and evil* [Ibid.].

What would they have contracted? The *means of corruption, wretchedness, and misery* [Ibid.].

Кроме того, к дальнейшей периферии можно отнести указания на принятые в игре правила поведения. Азартные игры имеют сомнительную репутацию в обществе, однако это не исключает необходимости соблюдения принципа «честной игры»:

Do I think them honest — yes, they played honestly [6, p. 55].

Принцип *fairplay* может означать как игру без мошенничества, так и, в широком смысле, честное отношение к окружающим [7]. Кроме того, данный принцип подразумевает умение достойно, не жалея себя, проигрывать. Герой романа, с точки зрения товарищей по игре, совершенно не обладает данным умением, из-за чего к нему обычно не относятся как к равному:

That's the way with you whining, puny, pitiful players. When you lose, you're martyrs; but I don't find that when you win, you look upon the other losers in that light [6, p. 75].

Так же, когда Квилп уличает Трента в обмане, он использует связанную с карточной игрой метафору. Выражение *to hold all the cards* означает «держат ситуацию под контролем», а выражение *to see but the backs and nothing more* — «невозможность понять чужие планы»:

Let me be plain with you, and *play a fairer game* than when you *held all the cards*, and I *saw but the backs and nothing more*. You have no secret from me now [6, p. 18].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о преимущественно негативной оценке автором азартной игры как социального явления. В данном произведении показано пагубное влияние азартной игры на личность. Более того, подобные увлечения могут быть опасны не только для самого человека, но и для окружающих. В конечном итоге именно страсть старика к игре разрушила его собственную жизнь и жизнь его внуки. При всем благородстве намерений героя трагический исход закономерен, так как нечестные методы не оправдывают даже благую цель.

Итак, концептуальное пространство текста создается и разворачивается, главным образом, за счет реализации когнитивно-пропозициональной структуры концепта, включающей такие составляющие, как субъект, предикат, цель, причина, результат и следствие. Последовательный анализ репрезентации каждого из перечисленных компонентов позволяет осмыслить место концепта «gambling» в концептуальном пространстве целого текста, а также его роль

в формировании сюжета и проблематики данного произведения. Этой же цели служат образные представления азартной игры и упоминания связанных с ней социально-культурных аспектов.

Литература

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
2. Бахтин М. М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975. С. 72–233.
3. Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
4. Хёйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс: Традиция, 1997. 416 с.
5. Ashton J. The history of gambling in England. London: Duckworth & Co, 1898. URL: <https://archive.org/details/historyofgamblin00ashtrich> (дата обращения: 25.02.2021).

Гавронова Юлия Дмитриевна
кандидат психологических наук,
ассистент кафедры иностранных языков
Смоленского государственного университета,
kozadereza2@yandex.ru

РОЛЬ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

В статье рассматривается мораль сказок о животных на немецком языке, символика животных и их роль в жизни человека в немецкой культуре. Среди животных выделяются говорящие животные, животные братья и сестры, животные жених или невеста, животные жена или муж, животные, отражающие душу героя, животные-помощники, герои, противники.

Ключевые слова: немецкая культура, сказка, животные, птицы, мораль.

Gavronova Yulia Dmitrievna
**The role of german fairy stories
in the upbringing children**

The article examines the morality of fairy tales about animals in German, the symbolism of animals and their role in human life in German culture. Among the animals there are talking animals, animal brothers and sisters, animals groom or bride, animals wife or husband, animals that reflect the soul of the hero, animals helpers, heroes, opponents.

Keywords: German culture, fairy tale, animals, birds, morality.

На уроках немецкого языка в школе сказки выступают важным средством познавательной мотивации в развитии интереса детей к культуре и традициям немецкоязычных стран и желания изучать иностранный язык. Кроме того, сказки помогают учителю сделать урок интересным и увлекательным и удержать внимание детей, учат детей жизни, рассказывают о добре и зле. Сравнение сходных по сюжету сказок на родном и иностранном языках позволяет увидеть особенности, сходства и различия разных культур [2].

Поэтому цель данной статьи проанализировать символику животных в немецких сказках и исследовать их воспитательное воздействие на детей.

Символика животных в сказках зависит от присущих им качеств и от роли, которую они играют в жизни человека в той или иной культуре. В основе сказок о животных лежат анимистические и тотемические культы. Мир животных в сказках представлен как иносказательное

изображение человеческого. Возникнув в древности, данные сказки отразили наблюдения человека над животными. Этот жанр сказок популярен и в настоящее время. Со многими животными в разных языках связаны более или менее сходные символы или образы. В сказках животным присваиваются черты поведения людей и высмеиваются человеческие пороки, например жадность, трусость, зависть, лень. С животными происходят события, характерные для общества людей [2].

Говорящие животные являются типичной чертой немецких сказок и как элемент фантастики являются четким признаком того, что повествование покидает почву реальности. Сказочные животные могут играть разные роли: помощника, героя или противника. Особую группу животных в сказках составляют такие мифические животные, как единорог, дракон, феникс и грифон, возникшие из воображения человека и несущие в себе внешние черты различных реальных животных (крылатый конь, рогатый заяц) [2].

В немецких сказках животные выступают в роли действующих лиц. Так же как и люди, животные в сказках переживают и страдают. Если им оказывают помощь, они стараются отблагодарить, а за грубость — наказать. Очень часто животные в сказках затем приобретают свой истинный образ и превращаются в людей. Тот факт, что сказки являются очень старой формой повествования, конечно, заслуживает внимания [2].

В немецких сказках животные, а нередко и растения, ни в чем не уступают человеку, т. е. это сознательные существа наравне с человеком. В сказках животные буквально братья и сестры. Это особенно видно в тех сказках, в которых люди — братья и сестры — превращаются в животных, а затем снова в людей: например, сказки братьев Гримм «Братец и сестрица», «Семь воронов», «Птичий найдёныш» и сказка Ганса Христиана Андерсена «Дикие лебеди» [2]. В этих сказках животные (заколдованные братья и сестры) временно находятся в невыгодном положении и в изоляции. Из этого состояния их может освободить только один из их братьев и сестер, обычно сестра. Эти сказки рассказывают об исключительной верности и солидарности между братьями и сестрами [2].

Распространенным мотивом сказки является брак между человеком и животным, при этом животное является заколдованным человеком. Заколдованным партнером может быть как мужчина, так и женщина. Для того чтобы герой смог вернуть себе облик человека, ему требуется помощь другого партнера, чаще всего будущего или настоящего супруга или супруги. Спасение партнера подтверждает, что он или она действительно готовы к браку. Эти сказки можно интерпретировать таким образом: животное-партнер является неизвестным или защитным аспектом противоположного пола. Например, в сказке братьев Гримм «Король-

лягушонок, или Железный Генрих» принцесса должна бросить лягушку в стену; в сказке «Ганс — мой ёж» жена сжигает колючее платье мужа; в сказке «Бедный мельничный подмастерье и котёнок» для молодого человека достаточно служить кошке семь лет [2].

Можно выделить множество немецких сказок, в которых женщина почти выкупила своего мужа, следуя определенным правилам. Но незадолго до спасения она совершает непростительную ошибку, нарушая табу, что приводит к разлучению двух партнеров. Поэтому женщине приходится искать мужчину и проходить различные испытания, прежде чем, наконец, оба смогут жить вместе. Например, так происходит в сказке братьев Гримм «Поющий и прыгающий львиный жаворонок» [2].

Во многих сказках животные выступают помощниками сказочного героя. Эти животные часто обладают магическими способностями или особыми знаниями, которые они доверяют герою, чтобы он мог решать различные задачи, ожидающие его. Магические силы обычно работают, потому что животное появляется в нужное время, чтобы волшебным образом помочь герою выбраться из затруднительного положения. Такие животные-помощники встречаются, например, в сказке Ганса Христиана Андерсена «Дикие лебеди» и в сказках братьев Гримм «Белая змея» и «Морской зайчик» [2].

В этих сказках животное олицетворяет часть души (часто скрытую) героя. Это может быть желание, в котором герой пока не признается самому себе, подавленное или скрытое знание о том, что делать в определенной ситуации, или качество героя, которое не проявляется из-за внешних обстоятельств [2]. Одно из самых известных сказочных животных — это «Кот в сапогах» в сказке братьев Гримм: более решительное и энергичное эго сына бедного мельника, который, будучи младшим из трех братьев, унаследовал не что иное, как этого кота. Когда мальчик думает, что этот кот ни на что не годится, кроме как на пару меховых перчаток, которые можно сделать из него, то, конечно, он только проецирует на животное свое плохое мнение о себе. Но с удивительной гордыней кот с самого начала дает понять, что он (а значит, и сын бедного мельника, которому он служит) имеет благородное происхождение: несмотря на скудные финансы сына мельника, он требует себе пару кожаных сапог [2].

В сказке «Гусятница» говорящая лошадь Фалада — это голос, который напоминает дочери короля, которая была низведена до служанки, о ее благородном происхождении. Камеристка принцессы обманом выдала себя за невесту сына короля и приказала отрубить голову говорящей лошади настоящей принцессы. Но несмотря на то что лошадь мертва, голова лошади, прикрепленная к городским воротам, говорит. Но голова

лошади — всего лишь символ чего-то, что умерло в душе королевской дочери, но может быть возвращено к жизни. За этим стоит противоречие между отрубленной головой лошади и голосом, который раздается из нее [2].

Хотя виды животных появляются в разных повествовательных культурах в зависимости от природных условий (например, белый медведь, несомненно, животное Крайнего Севера), можно выделить некоторые общие классификации символов в немецких сказках. Например, жаба — это существо, связанное с матерью-землей. С одной стороны, она символизирует плодородие, а с другой — является типичным аксессуаром ведьмы, символом разрушительного. Лягушка — это амбивалентное существо между водой и сушей. В фольклоре лягушка становится символом внутреннего изменения героев. Принц-лягушка теряет лягушачий облик в результате внутренних изменений [1, с. 111]. Например, в сказке братьев Гримм «Король-лягушонок, или Железный Генрих» лягушка окунается в колодец (бессознательное), чтобы извлечь золотой шар принцессы, т. е. исполнить желание принцессы и превратить его в реальность [2].

Птицы в немецких сказках служат олицетворением души человека. Они проводят часть своей жизни на небе, а часть на земле и контактируют с людьми. Но у них также есть жизнь за пределами этого ограничения. Таким образом, птицы символизируют свободу и фантазию, отделение мыслей от тела и освобождение от ограничений и плена. Соответственно, пойманная и сидящая в клетке птица символизирует эмоциональный плен, как в сказке братьев Гримм «Йоринде и Джорингель». В данной сказке Джорингель, которая еще не готова к браку, превращена ведьмой в птицу и содержится в клетке [2].

Некоторые виды птиц имеют очень специфические значения, например: ворон — вестник бедствий, голубь — вестник послания мира, сова же — символ мудрости [2].

Таким образом, во многих сказках животные являются главными героями, а люди появляются только на периферии. Звери и птицы сильно очеловечены и изображены как более сложные персонажи со стремлениями и желаниями. Хотя животные в сказке символизируют определенный аспект человеческой души, они играют определенную роль в сказке. Сказки о животных обладают эмоциональной глубиной, несмотря на их простую повествовательную структуру, и допускают различные интерпретации при передаче морали. В некоторой степени это люди, одетые в костюмы животных, причем костюм служит символом определенного типа людей — хитрых, простодушных, безрассудных.

Литература

1. Жучкова А. В. Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре // Вестник славянских культур. 2014. № 4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-lyagushki-kak-simvol-vnutrenney-transformatsii-geroia-v-russkom-i-nemetskom-folklore> (дата обращения: 23.03.2021).
2. TiereimMärchen. URL: <http://www.maerchenatlas.de/miszellaneen/marchenfiguren/tiere-im-marchen/> (дата обращения: 28.07.2020).

УДК 811.111-26

Гатауллина Наталья Анатольевна

преподаватель

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,

natalya.gataullina@gmail.com

КОГНИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ CONTRACT: СТАТИЧЕСКИЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается прототипический сценарий CONTRACT терминосистемы американского договорного права, его статический и динамический аспекты. Статический аспект представлен терминологическими единицами, входящими в содержательное ядро терминосистемы. Динамический аспект репрезентирован последовательностью пяти сцен, которые описаны в рамках фреймовой семантики в виде слотов «активатор», «статусы участников», «результаты».

Ключевые слова: когнитивный сценарий, прототипический сценарий, содержательное ядро терминосистемы.

Gataullina Natalia Anatolievna

CONTRACT cognitive of Scenario: Static and dynamic Aspects

The paper considers the prototypical scenario CONTRACT of the American Contract Law, specifically, its static and dynamic aspects. The static aspect is represented by the terminology of the terminological substantial core. The dynamic aspect is composed of five stages described in the frame of the Frame semantics by the slots “activator”, “the participants’ statuses”, “the stage results”.

Keywords: cognitive scenario, prototypical scenario, the terminological substantial core.

Одной из основных задач когнитивного направления в терминоведении можно считать выявление сущности термина. В работах по когнитивному терминоведению перечисляются такие важные цели, как систематизация понятийной системы предметной области, установление закономерностей организации терминосистем, которые диктуют решение таких задач, как выявление корпуса единиц и установление их лингвистических характеристик и особенностей, исследование сущности и структуры понятий сферы специального профессионального общения, выявление функции терминов в данных терминосистемах и др. [1, с. 6]. Именно поэтому обращение к прототипическим моделям, подходам, позволяющим моделировать содержательное ядро терминосистемы с

использованием различных инструментов когнитивной лингвистики, помогает решить данные задачи.

Договор (*contract*), в том числе коммерческий американский договор, — уникальное, глубокое, многогранное и захватывающее явление. Он является основой для развития бизнеса и экономики в целом, стягивает (*to contract*) и связывает (*to bind*) в единые целые ресурсы (людей, фонды, накопления, объекты), организует процесс, в динамическом развитии которого рождается синергически новое, имеющее новую ценность, материальную и нематериальную. Когнитивная модель прототипического сценария позволяет выявить и структурировать эту динамику.

В настоящее время интерес к описанию прототипических сценарных моделей лавинообразно нарастает. Так, статистика библиографической базы данных научных публикаций РИНЦ показывает практически экспоненциальное увеличение количества статей, обращающихся к модели сценария в «*медиадискурсе, политическом дискурсе и массовом сознании* (Авдеенко И. А., 2010, 2012; Марьянчик В. А., 2011; Мурейко Л. В., 2016; Солопова О. А., 2017; Шипунова О. Д., Полатовская О. С., 2013; Шунейко А. А., Тагильцева Ю. Р., 2012; и многие др.); в описании *сценариев отдельных концептов или аспектов языка и коммуникации* (Буданов В. Г., 2004; Варгунина А. В., 2000; Загриценко С. А., 2002; Казыдуб Н. Н., 2012; Семенова А. А., 2010; и др.), *англоязычных лингвокультурных и культурно-обусловленных сценариев* (Белякова О. В., 2014, 2007; Вежбицкая А. 1999; и др.), *фрейм-сценариев как концептов* (Демьянков В. З., 1996; Полатовская О. С., 2013; и др.), *сценариев в институциональных дискурсах* (Гусейнова И. А., 2011; Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., 2011; и др.); в *юридическом дискурсе* (Микутина И. О., Ласкова М. В., 2015; Палашевская И. В., 2010; и др.)» [2, с. 40]. Однако описания фрейма-сценария договора (*contract*) в тематике договорного англоязычного и американского права не найдено. Наше исследование восполняет данный пробел.

Концептуальная модель сценария позволяет представить американский договор в динамике и статике. Когнитивный сценарий кодирует комплексное явление в виде прототипической модели как типологической последовательности сцен, которые казуально связаны, разворачиваются во времени и, реже, в пространстве, последовательно активируются типологическими активаторами, и представляет собой динамическую когнитивную структуру.

Говоря о разграничении статического и динамического аспектов, важно заметить, что в статическом аспекте концептуализация — это система знаний, категоризация — система категорий в противоположность динамическим аспектам как системам осмысления окружающего мира,

формирования мета-единиц знания о них [3, с. 38]. На наш взгляд, описание метаединиц знания и его компонентов в виде сценария (динамический аспект) невозможно без концептуализированных систем этого знания, без обращения к системе категорий (статический аспект) [7, с. 115]. Следовательно, в описании динамического аспекта знания в представлении его как динамической системы априори присутствует статический компонент. В данной работе сценарий CONTRACT описан как взаимодействие динамического и статического аспектов.

А. П. Бабушкин предлагает описывать концепт-сценарий, стратифицируя информацию следующим образом: 1) идентификация ситуации или темы, 2) типичные темы, 3) типичные роли, 4) условия ввода типичной (или нетипичной) ситуации, 5) последовательность целенаправленных сцен [4]. В данной работе мы придерживаемся этого подхода, представляя сценарий CONTRACT в виде последовательности сцен и рассматриваем сценарий CONTRACT как когнитивную концептуальную схему, хранящуюся в коллективной профессиональной памяти и закреплённую в юридических лексикографических источниках.

Содержательное ядро явления, репрезентированного словом или словосочетанием, представляет собой прототипическую структуру, лингвистическую сущность, способную с одной стороны репрезентировать в свернутом виде все потенциальные смыслы явления, и, с другой стороны, порождать новые смыслы через процессы метафоры и метонимии. Содержательное ядро терминосистемы, как минимальный и достаточный набор терминологических единиц, также является прототипической структурой, отражающей ключевые смыслы явления. Именно поэтому, моделирование сценария в данной работе проводится на терминологии содержательного ядра терминосистемы.

Прототипический сценарий CONTRACT является воплощением системы отношений человека-гражданина как физического лица, компании как юридического лица и государства, точнее — института права. Именно этот сценарий, его последовательность сцен как процедур гарантирует *исковую силу договора (enforceability of contract)* и, следовательно, защиту сторон договора институтом права. В сущности, система отношений представляет собой матрицу, в которой каждый из акторов на определенных этапах может взаимодействовать с каждым. Кроме того, CONTRACT как сценарий представляет собой концепт, который, вслед за З. Д. Поповой и А. А. Стерниным, мы определяем как «дискретное ментальное образование, исходя из базовой единицы мыслительного кода человека, обладающей относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную,

энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [5, с. 34].

На предварительном этапе исследования было определено, что прототипический сценарий CONTRACT распадается на два подсценария, которые в работе названы *желаемый* и *нежелательный*. *Желаемый сценарий* рассматривается как система событий, приводящая к *договору, имеющему юридическую силу (legally binding contract)*, который гарантирует исковую силу договора. Терминология этого сценария представляет собой прототипическое ядро терминосистемы (158 терминов) [1, с. 200–204]. Нежелательный сценарий, а именно события, которые приводят к временной приостановке договора или к *расторжению договора (contract termination)*, составляют периферию терминосистемы.

Исследование имеет несколько ограничений: 1) отбор терминологии ограничен доменом американского договорного права; 2) сценарная модель ограничивается рассмотрением только желаемого сценария, то есть фиксированной последовательностью этапов, приводящих к желаемому результату и гарантирующая исковую силу договора; 3) сферы договоров — бизнес, коммерция; 4) из рассмотрения исключены типы договоров, которые априори не имеют исковой силы (*illegal contracts, voidable contracts, void contracts*).

Статическая составляющая сценария CONTRACT репрезентирована системой условий исковой силы договора. Словари и юридические источники дают разный список терминов условий. Самый короткий список представлен четырьмя элементами: 1) *offer, acceptance, and mutual consent*; 2) *consideration*; 3) *competence*; 4) *legal purpose*. Самый длинный составляют 9 элементов: 1) *minimum two parties*; 2) *offer (proposal) and acceptance (offer & acceptance) = agreement*; 3) *legal obligations (mutual obligations, mutuality of obligations)*; 4) *consideration*; 5) *competent parties*; 6) *free consent*, 7) *lawful object (subject matter, certainty of subject matter), not expressly declared void*; 8) *certainty and possibility of performance*; 9) *legal formalities (form)*. На основании полного авторского корпуса текстов был сделан вывод о том, что в содержательное ядро CONTRACT входят два кластера: кластер *Contract essentials*, состоящий из семантически взаимосвязанных компонентов *offer & acceptance* и *consideration*, и кластер *Mutuality*, представленный 13 взаимосвязанными компонентами (*mutual agreement, mutual rights, mutual consent / mutual assent, mutual promises / mutual promises of contract, mutuality of obligation, mutuality of obligations, mutuality of contract, mutuality of agreement, mutuality of contract law,*

doctrine of mutuality, mutuality of remedy) [1, с. 119]. Эти кластеры репрезентируют условия исковой силы договора.

Важно отметить также, что в текстах сайта USLegal, который выбран в нашей работе одним из основных источников примеров, при описании условий исковой силы договора встречаются два термина: добросовестность (*good faith*) и свобода воли (*free will*). Не относясь напрямую к терминологии договорного права, эти два термина принадлежат в общеюридическому блоку и могут интерпретироваться на уровне ценностей и убеждений системы логических уровней Бейтсона-Дилтса [6]. *Good faith* семантически связан с кластером *Mutuality, free will* — с кластером *Contract essentials*.

Динамическая составляющая сценария CONTRACT может быть представлена системой пяти сцен, описываемых слотами *активатор, статусы участников, результат(ы)*.

Сцена 1. Подготовка оферты (preparation of a/-contract preparation, drafting a contract)

На этом этапе не происходит коммуникации между сторонами договора. Тем не менее сторона, готовящая *оферту (offer)*, уже мыслит себя в рамках договора и может считать себя потенциальным *физическим или юридическим лицом (physical person / legal person)*, а не только *гражданином (citizen)*. Активатором данной сцены становится желание получить материальную или нематериальную выгоду. Результатом данной сцены должен стать *договор (contract)*, его основные, ключевые, прототипические условия, которые будут гарантировать условие *исковой силы договора (contractenforceability)*. Данный этап может быть описан в виде следующих слотов:

Активатор: *intention to gain a benefit / profit;*

Статусы участников: *potential physical person, potential legal person, potential offeror, lawyer, legal consultant, in-house lawyer;*

Результат(ы): *written offer / written contract / written agreement / formal agreement, verbal offer / verbal contract / verbal agreement / oral contract / informal contract;*

Переход к следующей сцене возможен, если сторона — *potential offeror* — готова сделать предложение, предложить оферту своему потенциальному партнеру (*potential offeree*).

Активатор перехода от сцены 1 к сцене 2: субъективно переживаемое состояние *готовности потенциального оферента (preparedness of the potential offeror)*.

Сцена 2. Переговоры, торг (negotiations)

Сцена 2 может включать необязательный этап — предварительные переговоры (Сцена 2а), которые могут закончиться договоренностью устной или письменной — *письмом о намерениях / протоколом о намерениях (letter of intent (LOI))*. Данная письменная договоренность в большинстве случаев не может считаться договором.

Таким образом, слоты сцены 2а таковы:

Сцена 2а. Предварительные переговоры (preliminary negotiations / preliminary contract negotiations)

Активатор: *preparedness of the potential offeror;*

Статусы участников: *potential physical person, potential legal person, potential offeror, lawyer, legal consultant, in-house lawyer;*

Результат(ы): *tentative intentions, letter of intent, LOI.*

Сцена 2б. Переговоры, торг (negotiations, bargain)

На этом этапе осуществляется процесс переговоров, offerent (*offeror*) делает *предложение-оферту (offer) адресату оферты (offeree)*. В процессе могут участвовать юристы, помогающие оптимизировать процесс переговоров. Соглашение может быть как достигнуто, так и не достигнуто. В случае достижения соглашения участники переговоров становятся сторонами договора, меняя свой статус. Если соглашение не достигнуто, возможен переход к **Сцене 1**. Таким образом, данная сцена может быть описана следующими слотами фрейма:

Активатор: *manifestation of offer (written offer, oral offer, initial offer);*

Статусы участников: *physical person, legal person, offeror, offeree, lawyer, legal consultant, in-house lawyer;*

Результат(ы):

— **the agreement is not reached:** *a certain percentage of agreement, agreement on certain issues, agreement on specific issues, counter offer / counter-offer, a rejection and counter-offer, revocation of the offer (by the offeror) / with drawal of the offer (by the offeror), termination of offer (lapse of time, death or disability of either party, mentally incompetent offeror / offeree, incapacity of the offeror / offeree, performance of the contract becomes illegal after the offer is made), rejection of the offer / refusal of the offer (by offeree);*

— **the agreement is reached:** *act, fact, conduct, acceptance (of the offer); agreement / mutual assent / mutual consent; offer and acceptance / offer & acceptance; to reach agreement / an agreement, to reach compromise, etc.*

Сцена 3. Заключение договора (the formation of a contract / the formation of a legally binding contract / contract formation)

Переход к этой сцене происходит автоматически по достижении согласия сторонами, основанием которого служат взаимность и взаимовыгодность. На данном этапе меняется статус сторон, они становятся сторонами договора. Приведенные ниже слоты эксплицируют этот этап:

Активатор: *the fact that agreement is reached / reached agreement;*

Статусы участников: *parties to a/-contract, promissor, promisee;*

Результат(ы): *mutuality, meeting of the minds (mutual meeting of minds), mutual contract, valid accord, satisfaction between the parties, mutual assent / mutual consent, mutuality of consent / lawfully expressed consent / lawfully expressed assent, mutual intention; contract / signed contract / legal contract / rights / contractual rights, obligations / contractual obligations etc.*

Сцена (этап) 4. Исполнение договора (Performance of a contract / Contract implementation).

В ходе исполнения договора стороны получают определенную выгоду в соответствии с условиями договора. В случае, если одна из сторон либо обе стороны не исполняют условия договора (полностью, либо частично) и не могут разрешить конфликты, либо устранить препятствия на пути исполнения договора, активируется фрейм «СУД», и происходит переход в *нежелательный сценарий*.

Слоты данной сцены выглядят следующим образом:

Активатор: *the fact that the contract is formed / formed contract;*

Статусы участников: *parties to a/-contract, promissor, promisee;*

Результат(ы): *terms of contract / contract terms; profitability, utility; critical lack or absence of profitability; performance (proper performance, improper performance, non-performance), ability, failure or incompetence to resolve the conflict etc.*

Сцена 5. Завершение (расторжение) договора

Завершение (расторжение) договора возможно в двух случаях: в результате полного исполнения договора на основе взаимного согласия об окончании сотрудничества, либо в результате частичного или полного неисполнения договора. Во втором случае возможна активация фрейма «СУД» и изменение статусов участников на *истца (plaintiff)* и *ответчика (defendant)*. Слоты данного этапа выглядят следующим образом:

Активатор: *mutual satisfaction, a party's / parties' / the parties' dissatisfaction;*

Статусы участников: *parties to a/-contract, physical person, legal person, plaintiff, defendant, lawyer, legal consultant, in-house lawyer;*

Результат(ы): *termination by agreement, the mutual consent, mutual satisfaction; termination for cause, the Court, etc.*

Таким образом, прототипический сценарий, гарантирующий исковую силу договора, представляет собой последовательность из пяти сцен: 1) *подготовка предложения (contract preparation)*; 2) *переговоры, торг (negotiations)*, разделенный на два подэтапа: *предварительные переговоры (preliminary negotiations)* и собственно *переговоры, торг (negotiations, bargain)*; 3) *заключение договора (contract formation)*; 4) *исполнение договора (performance of contract)*; 5) *завершение (расторжение) договора (termination of agreement)*. Потенциально каждая из сцен имеет два направления дальнейшего развития: *желаемое* (если стороны договора решают проблемы, возникающие по мере разворачивания сценария) и *нежелательное* (если стороны не могут разрешить возникающие конфликты). Ключевые условия исковой силы американского договора CONTRACT репрезентированы двумя кластерами: *Contract essentials* и *Mutuality*, входящими в содержательное ядро терминосистемы contract. Эти кластеры представляют собой статическую составляющую, действующую на протяжении всего сценария.

Литература

1. Хижняк С. П. Когнитивная проблематика в общей теории термина: Монография. Саратов: Наука, 2016. 172 с.
2. Гатауллина Н. А. Когнитивно-семантические особенности терминологии американского договорного права: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 205 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
4. Бабушкин А. П. Картина мира и концептосфера языка // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Междунар. симпоз.: в 2 ч. Ч. 2: Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 12–13.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
6. Дилтс Р. Моделирование с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
7. Киселева С. В., Миронова М. Ю., Трофимова Н. А. Проблемы концептуализации и категоризации в терминологии английского языка // Дискурс. 2020. № 6 (2). С. 115–124.

Дашевская Анастасия Иосифовна
кандидат филологических наук, доцент
Института иностранных языков,
Русской христианской гуманитарной академии,
arago@yandex.ru

СООБЩЕСТВО АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ «ТВИТТЕР» В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА

В статье представлены результаты изучения социолингвистических особенностей дискурса в англоязычном сегменте социальной сети «Твиттер» и влияние периода социальной изоляции на данный дискурс. Рассматриваются особенности микротекстов и нововведения, которые данная языковая и социальная группа привносит в современный английский язык.

Ключевые слова: дискурс, неоместоимения, микротекст, высокий контекст.

Anastasia Iosifovna Dashevskaya **English-Medium Twitter Discourse and its Participants during Lockdown: Sociolinguistics Aspects**

The article presents the results of research into sociolinguistic features of English-medium Twitter discourse. It deals with language specifics of the micro texts and discusses new linguistic features that this group of communicators contributes to the contemporary English language.

Key words: discourse, neopronouns, micro text, high context.

Мир сейчас переживает один из самых сложных периодов современности, и последствия пандемии, вероятно, будут проявляться еще многие годы. Прошедший 2020 год был крайне тяжелым для многих в экономическом плане, однако, на наш взгляд, последствия социального характера, вызванные долгой изоляцией людей друг от друга, не менее тяжелы и значимы. За этот год многим из нас пришлось изменить привычные способы общения; сейчас большинство людей в мире имеют возможность общаться в основном только в социальных сетях. Такой рост интенсивности подобного рода общения может повлечь за собой определенные изменения в способах коммуникации и, в определенной степени, в языке общения. Поэтому дискурс социальных сетей представляет особый интерес для исследователей — как социологов и

психологов, так и лингвистов. В результате наблюдения за процессом общения в сети «Твиттер» (Twitter), которое проводилось в течение года, были выявлены некоторые особенности и тенденции как социолингвистического, так и собственно лингвистического плана, которыми хотелось бы поделиться в данной статье.

Краткая характеристика участников коммуникации

В ходе исследования был рассмотрен англоязычный сегмент «Твиттера»: большинство пользователей — авторов исследуемых текстов — проживают в Великобритании и США; несколько меньшее количество коммуникантов — из европейских стран, для которых английский не является родным (Чехия, Германия, Франция). Выбор группы коммуникантов для исследования обусловлен тем, что англоязычный сегмент является наиболее многочисленным в сети Твиттер, так как английский язык за последний год стал еще более, чем когда-либо, востребован в качестве языка межнационального общения.

Средний возраст участников коммуникации (исследуемой аудитории) составляет 15–38 лет. Возраст собеседников является одним из основных факторов для выбора круга общения, состоящего из подписчиков (*mutuals* или *moots* — принятый у аудитории «Твиттера» термин для обозначения людей, подписанных на аккаунты друг друга), поскольку авторы пишут свои сообщения, ориентируясь на собственную возрастную и социальную группу как в плане языка, так и в плане содержания, и ожидают, что собеседник имеет сходный контекст и объем фоновых знаний. Часто в профиле можно увидеть четкие возрастные рамки для тех людей, с кем его обладатель будет общаться — например, 15–26 лет. Это может быть обусловлено многочисленными за последнее время словесными баталиями между собеседниками, принадлежащими к разным возрастным группам, на темы, в равной степени интересующие и тех, и других. Разногласия часто вызваны недостаточной осведомленностью собеседников более старшего возраста о темах, болезненно воспринимаемых молодежью и подростками (например, гендерные различия), и о языковых конвенциях, принятых в данной возрастной группе (например, неоместоимения, о которых речь пойдет ниже).

Как можно заключить на основании проанализированного языкового материала, основной причиной, по которой люди приходят в сеть «Твиттер», является потребность в эмпатии, обсуждении своих чувств и эмоционального состояния, а также поиск единомышленников. Это особенно заметно в последнее время, поскольку возможности для «живого» общения между людьми резко сократились, а среди молодежи возросли депрессивные настроения. В подавляющем большинстве случаев

эти люди лично не знакомы друг с другом и, вероятнее всего, никогда не встретятся. Приблизительно у 80 % исследуемой аудитории в профилях не указаны их настоящие имена, а вместо фотографии — абстрактный графический образ, фото героя или известного человека, поклонниками которого они являются. Поэтому представить себе собеседника порой бывает очень сложно. Вызвано это может быть, прежде всего, желанием соблюсти анонимность, но также и тем, что многие молодые участники коммуникации в «Твиттере» находятся в активном поиске себя, своей идентичности; некоторые из них за этот год изменили свои имена. Многие из тех, чьи сообщения мне довелось прочитать, стремятся объединиться вокруг общего увлечения (конкретный фильм/сериал/группа/актер и т. д.) — вероятно, это дает им чувство защищенности в непростое время.

Контекст общения

В своей книге «Beyond Culture» американский ученый-антрополог Эдвард Т. Холл (E. T. Hall) утверждает, что для любого дискурса необходим контекст, или определенный объем информации, необходимый участникам для достижения взаимопонимания. В этой же работе он впервые ввел термины «высокий и низкий контекст общения». При общении с *низким контекстом* участники на момент начала коммуникации не обладают достаточным объемом информации, известным им всем, и поэтому значительный объем передаваемой информации выражается эксплицитно — при помощи вербальных сообщений, визуального контента и т. д. Участники стремятся выражать свои мысли как можно точнее, чтобы избежать превратного истолкования сообщения. В *высококонтекстных сообществах* участники процесса коммуникации обладают настолько значительным объемом сведений, известных им всем, что им нет необходимости выражать эту информацию эксплицитно [4, с. 105–110]. Объем контекста, необходимого для эффективной коммуникации, различен в различных культурах и часто обусловлен историей развития конкретных национальных или культурных сообществ [5]. Поскольку большинство участников высококонтекстного дискурса по умолчанию обладают значительным объемом общих фоновых знаний, для высококонтекстных сообществ характерно использование внутренних кодов и сокращений, сами сообщения могут быть предельно краткими, и понять их человеку со стороны зачастую очень сложно или вовсе невозможно.

Результаты наблюдений позволяют охарактеризовать исследуемое сообщество (англоязычный сегмент сети «Твиттер») как *сообщество с высоким контекстом*, так как его участники группируются вокруг определенных интересов или людей, за творчеством которых они следят. Людям извне попасть в это сообщество очень сложно, поскольку для

эффективного общения с ними нужно обладать значительным объемом знаний не только об обсуждаемых ими людях/произведениях/событиях и политической жизни Великобритании и США, но и об особенностях их эмоционального фона. Немаловажным фактором для вступления в такое высококонтекстное сообщество является знание особых языковых кодов, зачастую понятных только этому сообществу, и правил ведения дискурса — например, правильное использование местоимений третьего лица и неоместоимений, о которых речь пойдет ниже.

Особенности структуры и языковые особенности текстов

Общение в сети «Твиттер» происходит посредством микротекстов (максимальный объем такого текста — около 240 знаков); следовательно, пишущему необходимо донести свое сообщение до читателя в максимально сжатой форме. Главная характерная особенность таких текстов — их краткость, и пишущему приходится либо применять компрессию к изначально задуманному тексту, либо изначально создавать текст таким образом, чтобы вложить максимум смысла в максимально лаконичную форму.

Исследуемый дискурс можно в целом охарактеризовать одной фразой: «we are all trying to be nice to each other». Авторы сообщений стараются, чтобы их тексты имели положительную эмоциональную окраску и таким образом добавляли положительных эмоций в общий контекст. Многие пользователи младшей части исследуемой возрастной группы (15–26 лет) включены в общение в Твиттере буквально круглосуточно. Их день начинается с пожелания доброго утра своей аудитории, в течение дня они периодически сообщают подписчикам о том, что делают и о чем думают в данный момент, а ложатся спать они только после того, как пожелают подписчикам спокойной ночи и дождутся ответных пожеланий:

I'll probably be offline for most of the evening tonight as I'm not feeling the best, but I'll see y'all tomorrow. Goodnight, darlings! Sleep well and sweet dreams!

Степень включенности коммуникантов в процесс общения «здесь и сейчас» такова, что они ожидают от аудитории (часто довольно обширной, в несколько сотен человек) одобрения их конкретных действий, побуждения с их стороны:

Someone tell me to clean my room pls x

therapy today haha

could someone please kick me very hard so that I could finally start writing my 10-page-long paper for tomorrow?

i am going to do homework so if i'm on here in the next few hours (UNLESS i say that i've finished) please aggressively shout at me.

Многие пишут в «Твиттер», чтобы похвастаться своими достижениями и получить немедленное одобрение и восхищение. Часто реакция выглядит несколько эмоционально избыточной, но, как представляется, это именно то, что нужно автору текста:

Y'ALL BE PROUD OF ME I DID A THING

Автор этого текста успешно сдал экзамен, сообщил об этом и тут же получил желаемую реакцию:

Full marks I'm dazzled omg I'm so pleased

YESSS WELL DONE U LEGEND :DD

Damnlevel 6?? Amazing!

Однако так же часто авторы текстов ищут поддержки и сочувствия у аудитории:

The urge to stay curled up in a little ball in bed today is very strong

Please may i have some little hugs please? I just started crying when i saw something and started thinking about a friend i had when i was little x

Автор этого текста просит в качестве эмоциональной поддержки прислать фотографии любимой группы актеров (довольно распространенная просьба в «Твиттер») — и, конечно, через несколько минут в ответ получает десятки фотографий:

sad hours. gonna go watch some НН, idiots pics are appreciated

Авторы текстов, в данный момент находящиеся в позитивном расположении духа, часто сами предлагают свою эмоциональную поддержку тем, кто в ней сейчас нуждается:

Hugs for everyone, especially those who need it at the moment

Oh, I know how that can feel. I'm always here to talk about it if you want to rant it out or to talk about anything that could make your mood a bit better

Участники коммуникации тщательно следят за тем, чтобы поддерживать общий положительный фон дискурса, не производить негативное впечатление на окружающих и никого не расстраивать собственным плохим настроением и даже незначительными отрицательными коннотациями в своих текстах:

I'd like to apologise if I've ever made any of you uneasy or uncomfortable. That's the last thing I want to do.

Thank you to everyone who helped cheer me up today i really appreciate it and i hope i didnt bring the mood down too much, ly xx

Авторы текстов настолько оберегают собственное эмоциональное состояние, что в профиле уведомляют потенциальных собеседников о том, какие темы для них неприятны или неприемлемы (часто это болезни, кровь, убийства и насилие в целом), и просят использовать специальные обозначения (TW — triggerwarning, CW — contentwarning) в текстах, где будут появляться подобные темы, чтобы, увидев эти обозначения, можно было на этом месте прекратить чтение текста и избежать неприятных тем.

Языковые особенности микротекстов

Для того чтобы сообщить максимально емкую мысль в максимально кратком высказывании, авторам приходится прибегать к компрессии. В основном тексты сокращаются за счет подлежащего, вспомогательных глаголов и артиклей, а также пунктуационных знаков:

so sorry again, gonna delete that tweet tho suddenly i dont feel comfyidk what i was thinking shouldnt be doing that here help

Кроме того, авторы часто прибегают к сокращениям и акронимам. Многие из них являются частью уже привычного интернет-сленга (см. в примере выше idk = I don't know):

Ur gonna do so well!! I'm excited for u!!

roflmao ly tysm («rolling on the floor laughing my ass off, love you, thank you so much»)

brb moving to finland («be right back»)

tbh («to be honest»)

При этом некоторые аббревиатуры являются кодами, понятными только узкому кругу участников коммуникации:

Please please CoBW may I be accepted? (CoBW = Church of Ben Willbond, сообщество поклонников этого британского комедийного актера.)

Еще одной характерной особенностью рассматриваемых текстов является отсутствие заглавных букв в именах собственных и в начале фраз; это можно объяснить, вспомнив о том, что до определенной степени микротексты «Твиттера» имитируют устные высказывания; они должны быть написаны и отправлены быстро, пока собеседник ждет и «слушает», поэтому пишущий старается не тратить времени на переключение регистра:

listening to **betty blue** eyes for the first time and may be having a breakdown over reece singing

a bit of a simp for **jim** as **christopher marlowe**

Значительно реже в данном сообществе применяется написание всего текста заглавными буквами (что, как известно, в интернет-общении воспринимается как крик). Вероятно, это происходит потому, что участники коммуникации стремятся поддерживать у читателей позитивный настрой и быть приятными в общении:

HE'S ACTING LIKE EVERYTHING IS OKAY WHEN IT'S NOT ACTUALLY OKAY AND IT'S NOT OKAY

При этом встречаются эмоционально окрашенные тексты, авторы которых намеренно используют заглавные буквы как дополнительное выразительное средство для своего эмоционального состояния:

Y'ALL BE PROUD OF ME I DID A THING

Неоместоимения

Одной из важных особенностей языка общения в сети «Твиттер» является использование неоместоимений (neopronouns). И. Б. Руберт отмечает, что гендер является совокупностью культурных и социальных норм, предписываемых обществом людям в зависимости от их биологического пола [1, с. 59]. В настоящее время все больше людей осознают свою небинарную сущность (то есть не ассоциируют себя полностью с одним из двух общепризнанных гендеров); по этой причине существующий в современном английском языке набор местоимений не

устраивает довольно широкий круг пользователей языка, которые считают, что закрепленные нормой языка местоимения третьего лица (например, *he, she* и *it*) не передают в должной мере их самоощущение. Поскольку люди, входящие в исследуемую социально-языковую группу (15–35 лет), зачастую заняты активным поиском своего места в жизни и определением собственной идентичности, тема употребления правильных местоимений особенно важна для этой категории пользователей сети «Твиттер».

Согласно общепринятому определению местоимений (например, определению А. И. Смирницкого), личные местоимения не могут быть закреплены за каким-то конкретным лицом или предметом. Личные местоимения обозначают людей «не вообще, а относительно, т. е. с точки зрения отношения к данной речи» [2, с. 178]. Таким образом, согласно утверждению А. И. Смирницкого, местоимения третьего лица исключают участие данного человека в конкретном дискурсе. Однако в последнее время растет число людей, для которых важно, какие местоимения третьего лица используют другие, говоря о них даже в их отсутствие. Таковы многие пользователи сети «Твиттер», относящиеся к исследуемой группе. При этом, как отмечает Луи Александер, употребляя местоимение третьего лица, мы имеем точное представление о том, кого имеем в виду [3, с. 72]. Представляется, однако, что данное утверждение не всегда применимо к неоместоимениям, поскольку многие из них либо придуманы непосредственно их пользователем и не имеют прецедента / устоявшегося в сознании говорящих референта, либо (даже если они уже используются определенной группой людей) не позволяют читающему представить того, кто это местоимение использует (привычную говорящим гендерную принадлежность и т. д.).

Неоместоимения — не абсолютно новое языковое явление. Одно из старейших неоместоимений *thon* (*thon/thon/thons/thon's/thonself*, 1853), включено в словарь *Webster's International Dictionary* (издание 1910 года) и представляет собой сращение / сокращенную форму от *that one*. Оно, как и многие последующие неоместоимения, было создано отдельным человеком (американским композитором Чарльзом Конверсом) для собственного использования, однако впоследствии им стали пользоваться и другие. В настоящее время оно не так популярно, как другие неоместоимения, появившиеся позднее.

Парадигма изменения этого первого неоместоимения выглядит так:

Nominative	Thon	<i>Thon</i> went to the store.	/ðan/
Accusative	Thon	I met <i>thon</i> today.	/ðan/
Pronominal	Thons	Thon walked <i>thon's</i> dog today.	/ðanz/

Possessive			
Predicative Possessive	Thon's	If I need a phone my friend will let me borrow <i>thon's</i> .	/ðanz/
Reflexive	Thonself	Thon has to drive <i>thonself</i> to school.	/ðanself/

(<https://lgbta.wikia.org/wiki/Neopronouns>)

Появившиеся позднее неоместоимения изменяются по сходной парадигме. Одним из наиболее часто используемых неоместоимений является *xe* (zi) (*xe*, *xem*, *xyr*, *xurs*, *xemself*), е. г. *Xe walked xyr dog today*. Местоимение *ze* (zi) также (*ze*, *zir*, *zir*, *zirs*, *zirsself*) достаточно распространено, е. г. *I met zir today*. Кроме того, в профилях участников сети «Твиттер» можно встретить местоимение *fae* (fei) (*fae*, *faer*, *faer*, *faers*, *faersself*), е. г. *I met faer today*. *Fae* относится к категории неоместоимений, созданных на основе уже существовавших единиц языка, — оно образовано от существительного, обозначающего определенный тип фей (the *fae*). Встречаются неоместоимения, созданные на основе других существительных (например, *vamp*).

Помимо этих и других искусственных конструктов, довольно широко распространено применение местоимения *they/them* для гендерно-нейтрального обозначения собеседника в третьем лице.

Вот несколько примеров того, как пользователи сети Твиттер описывают изменение своих предпочтений в отношении местоимений третьего лица, которые они хотели бы видеть в текстах, обсуждающих их самих в их отсутствие:

went from she/her to she/they, to she/they/xey, to they/xey, to she/they/xey

my pronouns: she/her → she/they → she/he/they/xem

he/fae/vamp/nya → he/fae → he/vamp/boo → he/vamp/it → he/it/vamp → it/nya/squeak → it/rot/he (i think)

Эти местоимения можно увидеть не только в профилях участников, но и непосредственно в микротекстах:

guy who thinks to **themsself** “this is just like in chess” everytime something happens

Okay, hang on, before I go to sleep, I’d like to send congrats to Esther for hitting 800 followers! I’m very proud of **them** and love **them** to the moon and back!

please look after Marlowe I need **xem** so much but I need sleep too make sure **xeyr** okay for me please

And I love Georgie, because **they're** very special to me!

Исследование показало, что участники исследуемой группы очень ревностно относятся к тому, какие местоимения используют другие участники коммуникации, ссылаясь на них в третьем лице. В профилях примерно 75 % авторов исследуемых текстов обязательно указаны местоимения, которые они хотели бы видеть в текстах о себе. Неоместоимения — относительно новое, но стремительно развивающееся явление английского языка, которое представляет большой интерес для дальнейших исследований.

В заключение хотелось бы сказать, что в год пандемии сеть «Твиттер» сплотила многих людей из самых разных стран мира, предоставив им возможность при сохранении анонимности высказываться на волнующие темы, сообщать о своем эмоциональном состоянии и получать поддержку, а также найти единомышленников. Многие из них пишут о том, что общение в «Твиттере» очень поддержало их эмоционально. Кроме того, люди исследуемой возрастной группы, активно общающиеся в англоязычном сегменте, оказывают определенное влияние на развитие современного английского языка. Благодаря им в языке закрепляются неоместоимения (хотя они еще не вошли в нормативный состав языка, и вопрос о том, станут ли они частью нормативной английской грамматики, остается открытым). Кроме того, возможно, благодаря им многие из тех, кто пользуется английским языком для неформальной переписки, начинают более внимательно относиться к языковой личности, уважать личные границы собеседника и учатся выражать свои мысли и эмоции в максимально сжатой форме.

Литература

1. Руберт И. Б., Казанцева Е. А. Гендер как социально-психологический и когнитивно-лингвистический феномен // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 58–62.
2. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.
3. Alexander L. G. Longman English Grammar. Longman, 1988.
4. Hall E. T. Beyond Culture. Anchor Books, DOUBLEDAY, 1989.
5. Nam K. A. High-context and low-context communication // J. M. Bennett (ed.). The SAGE Encyclopedia of Intercultural Competence. Thousand Oaks, CA: Sage Publication, Inc, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/280948728_Nam_K_A_2015_High-context_and_low-context_communication_In_J_M_Bennett_ed_The_SAGE_Encyclopedia_of_Intercultural_Compentence_Thousand_Oaks_CA_Sage_Publication_Inc

Список электронных ресурсов

6. <https://www.mypronouns.org/neopronouns>
7. <https://lgbta.wikia.org/wiki/Neopronouns>

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА Э. МАНРО «ГЛАЗ»

Данная статья представляет собой лингвостилистический анализ рассказа Элис Манро «Глаз», который входит в автобиографический сборник «Дорогая Жизнь». В статье дается описание основных особенностей рассказа, отражающих конститутивные свойства индивидуального стиля Элис Манро.

Ключевые слова: мнемоническое повествование, категория напряженности, категория эмотивности, идиостиль автора.

Levina Anna Olegovna **Linguostylistic features of autobiographic story by A. Munro “Eye”**

This article is a linguistic and stylistic analysis of the story by Alice Munro “The Eye”, which is included in the autobiographical collection “Dear Life”. The article describes the main features of the story, which represent the constituent properties of the individual style of Alice Munroe.

Keywords: mnemonic narration, category of tension, category of emotiveness, author's idiosyncrasy.

Элис Манро приобрела известность благодаря коротким рассказам. Способность канадской писательницы, лауреата Нобелевской премии, изображать обычную жизнь обсуждается многими критиками по сей день. Они пишут и о влиянии ее родного города на стиль повествования. Маргарет Этвуд говорит о Элис Манро: «Выросшая в маленьком городе, она хорошо их знает — небольшие города на юго-западе Онтарио» [4, с. 34].

Чаще всего действие разворачивается в графстве Онтарио, города и провинции которого мастерски описывает. Последний сборник Элис Манро называется «Дорогая жизнь» и представляет собой автобиографические рассказы. Сама автор считает, что рассказы в сборнике являются тем, «что она должна сказать о своей жизни» [5, с. 8].

Четыре рассказа объединены названием «Финал», они дают возможность читателям заглянуть в детство писательницы. Во многих рассказах описывается местность возле озера Гурон, в них автор ярко изображает окрестности, прорисовывая каждую деталь.

Талант Элис Манро заключается в том, что фоном ее произведений является канадский пейзаж сельской местности. Главная героиня сборника «Дорогая жизнь» также делится своими воспоминаниями о детстве, и они резонируют в ее сознании на протяжении всей жизни. Каждое произведение оживляет небольшие города Канады, показывая места детства или юношества Элис Манро.

Чарльз Макгрэт описывает стиль Манро, «который раскрывает хронологию, где можно наблюдать начало и конец» [3, с. 76]. Этот стиль, «не следовать последовательности», отражает ее взгляд на мир, где вещи происходят не последовательно, а одновременно.

Утрата иллюзий является одной из главных тем в творчестве Элис Манро. В произведениях главные героини часто разочаровываются в жизни из-за несбыточных надежд или неоправданных ожиданий.

Рассказ «Глаз» является первым автобиографическим рассказом. Он повествует о пятилетнем возрасте Элис Манро в тот момент, когда в семье рождается брат.

Повествование ведется от первого лица. Весь текст представляет собой записки из дневника. Главная героиня вспоминает события тех дней, мысли приходят постепенно, поэтому она добавляет к уже ранее написанному описанию новые детали. Рассказ «Глаз» — это обращение к читателю. Автором много раз упоминается местоимение «ты», что повышает интерес читателей к рассказу. В произведении представлена повествовательная точка зрения самой писательницы, местоимение от первого лица используется автором для моделирования мнемонического повествования, «ты» для читателя, а местоимения третьего лица даются для второстепенных персонажей.

When I was five years old my parents all of a sudden produced a baby boy... [5, с. 1]

Рассказчик вспоминает свое детство, описывает события прошлого, свои эмоции и чувства, которые испытывает в тот момент. Элис Манро показывает отношения матери и дочери, девочки и ее няни, а также момент взросления и осознания ребенком, что есть правда, а что ложь.

Весь рассказ построен в форме воспоминаний взрослого человека о событиях прошлого. Элис Манро использует риторические вопросы, ведя диалог сама с собой, пытаясь осмыслить данную ситуацию, найти правильные ответы.

“Why do I say ominous?” I didn’t feel frightened [5, с. 1].

В данной цитате эпитет *ominous* указывает на отношение главной героини к своей матери. Повествование ведется от лица маленькой

девочки, и автор старается наиболее полно отразить эмоции и чувства, которые она переживала в тот момент. Детям свойственно гиперболизировать события, которые происходят в их жизни, и героиня рассказа не исключение.

Сама Элис Манро всегда отмечает, что ее мать сыграла в ее жизни важную роль.

Отношения матери и дочери в данном рассказе показаны многопланово. С одной стороны, мать позволяет дочери мечтать, выражать свою точку зрения. Однако, с другой стороны, стремится формировать характер дочери так, как ей хочется, не обращая внимания на желания дочери.

Она не пытается понять свою дочь, не интересуется, что та чувствует, что хочет и о чем мечтает. В результате их отношения портятся.

The whole house was full of my mother, of her footsteps, her voice, her powdery yet ominous smell that inhabited all the rooms when she wasn't in them [5, с. 1].

Дом был наполнен чувствами привязанности девочки к матери, ее звук, ее шаги, даже запах появлялся там, где ее не было физически. Прием перечисления в сочетании с эпитетами и олицетворением показывает чувства девочки. Для нее ее мать была главным человеком в жизни.

Однако у эпитета присутствует отрицательная коннотация. "Ominous — suggesting that something bad is going to happen in the future" (Oxford Dictionary). Данная лексическая единица повторяется в тексте несколько раз, она представляет собой тематическую единицу, способствующую репрезентации эмоций девочки, реконструкции эмотивной памяти.

Когда у героини появляется брат, она замечает, как меняется ее мама. Их отношения становятся холодными, они начинают отдаляться друг от друга. Из-за конфликта девочка отстраняется от матери и оказывается в изоляции от всего мира. Она уходит в свой внутренний мир, постигая одиночество. Элис Манро показывает, что отношения матери и дочери необычайно сложны, поэтому они часто приводят детей к изоляции.

That was me, my mother said, and I supposed it was though I wouldn't have figured it out without her telling, and I rather wished it wasn't so [5, с. 1].

Для героини рассказа ее мать была главным человеком в жизни, поэтому она всегда прислушивалась к ее словам и не могла представить, что в жизни может происходить не так, как говорила ее мать.

Использование аллюзий способствует репрезентации категории эмотивности:

The thing I really felt miserable about was Alice in Wonderland huge and tapped in the rabbit hole, but I laughed because my mother seemed delighted [5, с. 1].

Эпитет *miserable* использован автором для передачи эмоций рассказчицы. Пятилетняя девочка преувеличивает ситуации, которые происходят с ней, одновременно испытывая противоречивые эмоции, столь отличные от ожидаемых взрослыми.

В рассказе «Глаз» автором очень четко переданы чувства человека в детстве и то, как они меняются по мере взросления. Сравнение чувств ребенка с чувствами взрослого репрезентируется в ходе моделирования так называемого мнемонического повествования.

Л. М. Ньюбина вводит данное понятие для объединения мемуарных жанров, разница которых состоит в присутствии субъекта воспоминаний в тексте, а также его различной дистанции от событий прошлого: «Человеческая жизнь абсолютно индивидуальна и переполнена событиями и впечатлениями. Динамизм отношений между “я”, миром и автобиографией и сопоставляет пространство литературы воспоминаний» [1, с. 213].

Мы читаем рассказ, в котором повествование ведется от лица пятилетней девочки, однако читатель может распознать и голос взрослого повествователя, который описывает события прошлого, анализируя свои действия, эмоции и чувства, и таким образом моделируется полифоническая структура автобиографического повествования.

Эта тема становится центральной, так как рассказчик выражает чувства маленькой Алисы, те, которые она испытывала в детстве.

Автобиографическое повествование раскрывает мучительный процесс взросления, фокусируя внимание на важнейшей гендерной составляющей многих рассказов Манро: взаимоотношения дочери и матери.

Until one day, one day when I may even have been in my teens, I knew with a dim sort of hole in my insides that now I didn't believe it anymore [5, с. 1].

Использование оригинальной метафоры выдвигает на первый план эмотивный аспект воспоминаний повествователя, оценивающего свою жизнь.

Элис Манро виртуозно показывает чувства маленькой девочки и ее становление девушкой, то, как меняются ее чувства, ее переживания. Она описывает постепенное превращение персонажа, который обладает зависимым мышлением, в персонажа с независимыми мыслями. Она понимает, что ребенок чувствует каждую вещь по-особенному, но,

взрослея, теряет эту способность идеализировать мир и становится грустным.

В данном рассказе мы видим трех главных героев — маленькую девочку, саму Элис Манро в детстве, ее мать и Сэди. Все женщины являются символами. Они неоднозначны и расплывчаты. Все персонажи воспринимают мир по-своему. Авторская обработка завораживает, так как Элис Манро смогла показать отношения матери и дочери, изоляцию ребенка и обожание няни. В мире Манро персонажи женщин сложны и способствуют возникновению нарративной эмпатии со стороны читателей, представляющих себя на месте персонажей.

Уточняющие фразы в описаниях Сэди дают дополнительную информацию о ней, однако у читателей может сложиться впечатление, что они добавлены рассказчиком уже во взрослом возрасте, для того чтобы дополнить образ, сформировавшийся в детстве. Обособление способствует у Манро фокусированию внимания читателей на репрезентации «я вспоминающего» и «я переживающего события прошлого».

Л. М. Ньюбина считает, что «написанные известным автором воспоминания о своей жизни включают не только конкретные факты, но и их оценку, описание, рассуждения по разным поводам, в которых может активно проявляться не только оценочная деятельность авторского сознания, но и особенности его творческого и стилистического метода, характерного и для его литературной деятельности» [1, 2017, с. 105].

The most unusual thing about Sadie — though it was not a thing stressed in our house — was that she was a celebrity [5, с. 4].

При описании места работы Сэди автор использует превосходную степень прилагательных: *the most sophisticated... the smallest*. Гиперболические прилагательные свойственны детям при описании событий.

Параллельные конструкции *strong and sad... loneliness and grief...* также используются автором для описания характера Сэди.

Героиня рассказа считает, что отношения с Сэди «предательские», так как ей не нравилось ее пение, но она слушала его, чтобы быть рядом с ней.

She went to dances every weekend but she went by herself. By herself and for herself, she said [5, с. 3].

Повторяющиеся конструкции *by herself, be herself* и *for herself* позволяют показать отношения маленькой героини к своей няни. При описании Сэди автор использует прием парцелляции и подхвата.

She wasn't like some, she said. She didn't mean to get caught. Caught. When she said that... If you were her, if you were inside her. "You" could distinguish maybe what was light outside and what was dark [5, с. 3].

Анафорический повтор, использование метафоры и антитезы усиливают эмоциональное воздействие на читателей. Местоимение «ты» выделяется автором для привлечения внимания читателей. Персонажи и второстепенные герои воспринимаются читателем через точку зрения главной героини.

Эпифорические повторы, которые используются автором в тексте, показывают отношение рассказчика ко всему происходящему, усиливая эмотивность текста.

Then my mother said something about it being better when school sarterd. Something about me being better or something about Sadie that would be better. I didn't want to hear [5, с. 3].

I hoped that I wasn't what had to get better or else stop. I truly did not want it to stop [5, с. 3].

Элемент сцепления и повторяющиеся сказуемые создают поэтический эффект, который придает ритмичность и красочность описываемым событиям.

Now school has started. It started some weeks ago, before the leaves turned red and yellow. Now they were mostly gone [5, с. 3].

В рассказе также присутствует отец девочки, но он не играет особой роли в ее жизни, да и вообще в жизни своей семьи.

My father didn't have much to say. I was my mother's business, except for later on when I got really mouthy and had to be punished. He was waiting for my brother to get older and be his [5, с. 3].

Точка зрения самой Элис Манро в рассказе представлена эксплицитно и выражается в использовании глаголов, во внезапных изменениях темы.

Рассказ «Глаз» имеет необычное название. Скорее всего, оно соотносится с ситуацией, когда главная героиня видит движение закрытого глаза у лежащей в гробу Сэди. Данное событие рождает у девочки мысли, что «если бы ты был ею, если бы ты был внутри нее», «ты» мог бы «отличить, может быть, то, что было светлым снаружи, а что темным» [5, с. 3]. В любом случае финал рассказа остается открытым и задает больше вопросов, чем дает ответов, однако именно это и является одной из главных черт индивидуально-авторского стиля Элис Манро.

Такая атмосфера неопределенности поддерживается созданием сюжетного напряжения. По мнению Т. В. Юдиной, «разрешение напряжения является собственно кульминацией рассказа». По характеру разрешения напряжения она выделяет три типа кульминации:

1) традиционная кульминация, которая базируется на подтвержденном ожидании;

2) антикульминация, которая представляет собой элемент обманутого ожидания;

3) имплицитная кульминация, т. е. присутствие ее как элемента фрейма рассказа, но отсутствие в тексте самого рассказа, воссоздаваемая читателем за счет субъективно-оценочной и эмоциональной информации [2, с. 136–138].

Моделированию напряженности способствует механизм нарушения локальной связности в повествовании, а также хронологические нарушения, где автор скрывает информацию от читателей, давая ее в полном объеме лишь в конце или же заставляя читателей самих находить всю информацию и сводить ее воедино. Например, то, что Сэди покинула их дом задолго до ее смерти, говорится только в самом конце, уже после похорон.

As a matter of fact, some of her importance had faded in that first week in September when she said she had to stay home now to look after her father and mother, so she wouldn't be working for us anymore [5, с. 3].

Описание залов для танцев дается в подробностях, мы можем увидеть перед глазами данный образ. Рассказчик делится своими воспоминаниями, стараясь не упустить ни одной детали, которая происходила в детстве.

There was one in the town, off the main street, where the curling rink was in the winter. You paid a dime for a dance, then went up and danced on a platform with people gawking all around, not that she cared... [5, с. 4]

Использование повествования от второго лица и местоимение *you* способствует усилению эмпатии.

В рассказе реализуется ирония, которую можно найти при описании мальчиков в доме Сэди. Ирония контрастирует с готическими элементами истории, типичными для творчества канадской писательницы, оставляя ощущение двусмысленности и неоднозначности от переживаемых событий.

The younger one is stuffing a whole cookie into his mouth in a comical way and the other, older, one is making a disgusted face. Not at the cooker stuffer, but at me [5, с. 4].

В заключение можно отметить, что рассказ «Глаз» имеет отличительные черты индивидуального стиля Элис Манро. Данное произведение представляет собой мнемотическое повествование, финал которого остается открытым, стимулируя когнитивную активность читателей и способствуя усилению эмоциональной эмпатии адресатов.

Литература

1. Нюбина Л. М. Категория времени в текстах литературной автобиографии // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти профессора Л. В. Шишкиной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 104–116.
2. Юдина Т. В. Категория напряженности и средства ее выражения: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.
3. Atwood M. Talks about Alice Munro. 2013.
4. McGrath Ch. The sense of Ending. New York Times, 2012.
5. Munro A. Dear Life. New York, 2012.

УДК 81`255

Макарова Евгения Юрьевна
преподаватель английского языка
Курганского государственного колледжа,
23_makarova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена описанию и систематизации специфики перевода текстов англоязычного научного психологического дискурса. Рассматриваются характерные признаки психологического дискурса, выявляются и анализируются трудности переводческих трансформаций на примере текстов, относящихся к разным направлениям психологической науки.

Ключевые слова: психологический дискурс, перевод, переводческие трансформации.

Makarova Evgeniya Yuryevna **Peculiarities of Translation of the English-language Psychological Discourse Texts**

The paper deals with the problem of translation of the English-language texts related to psychological discourse. The main features of psychological discourse are considered. Translation difficulties and translation transformations are analyzed on the basis of the examples from scientific texts belonging to different fields of psychology.

Keywords: psychological discourse, translation, translation transformations.

Антропоцентристский вектор развития научной мысли, который наблюдается в последнее время [3, с. 39], обусловил повышенный интерес исследователей к понятию «дискурс». Дискурс — это текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [2, с. 137]. Научный дискурс — это клишированная разновидность общения между учеными, взаимодействующими в соответствии с нормами научного сообщества [4, с. 130–131]. В центре внимания нашего исследования находится научный психологический дискурс — сложная практика, определяемая системой конвенциональных правил и ограничений, задающих условия реализации научного диалога между представителями научного психологического сообщества, определяемая историческим и социокультурным контекстом [7, с. 8].

Психологическая наука в нашей стране долгое время развивалась изолированно в силу социально-политических факторов [1, с. 153]. В

настоящее время психология все еще находится на этапе активного изучения знаний и опыта, накопленных за рубежом. А для этого, в свою очередь, необходимо изучение англоязычной научной литературы. Однако вопросы, связанные с лингвистическими особенностями современной психологической научной литературы, а также с трудностями, с которыми сталкиваются специалисты и переводчики, работающие в данной области, являются недостаточно изученными. Этим обусловлена актуальность нашего исследования.

Целью данной работы стало выявление и описание особенностей перевода научных текстов по психологии с английского языка на русский на примере перевода текстов по психологии, относящихся к разным направлениям психологической науки — гуманистической психологии и бихевиоризму.

Первым проанализированным нами текстом был перевод статьи Карла Роджерса «Эллен Вест и одиночество» («Ellen West — And Loneliness»), которая была опубликована в научном журнале «Review of Existential Psychology and Psychiatry» в 1961 году [8, p. 164–180]. Карл Рэнсом Роджерс — выдающийся американский психолог, автор получившей распространение во всем мире клиенто- или человекоцентрированной психотерапии, основоположник человекоцентрированного подхода в психологии, который впоследствии стал применяться и в других сферах, таких как медицина, образование, политика и т. д. В своей работе Карл Роджерс представляет свой взгляд на случай «легендарной пациентки» Эллен Вест, акцентируя свое внимание на проблеме одиночества. Перевод статьи был выполнен кандидатом психологических наук В. Н. Цапкиным.

На первом этапе исследования мы проанализировали жанрово-стилистические особенности текста.

Текст статьи имеет многие отличительные признаки научно-популярного подстиля — он диалогичен, автор ведет повествование от первого лица и использует простые синтаксические конструкции:

I would like to give my view of the basic isolation felt by modern man [8, p. 165].

В данной статье я хочу изложить свою точку зрения относительно чувства одиночества, испытываемого современным человеком [5, 1993, с. 64].

Автор также активно использует вопросительные предложения — он ставит перед читателями вопросы, а затем представляет свой взгляд на поднятые проблемы:

Is this loneliness contemporary only? [8, p. 166]

Является ли одиночество исключительно проблемой, специфической для наших современников? [5, с. 64]

В статье встречается большое количество терминов, большинство из которых удачно переведены с помощью приема калькирования, например *realself* — подлинное «я», *the rapeutic goal* — психотерапевтическая цель и др.

Однако некоторые термины переводятся непоследовательно, например термин *experiences* переводится как «стремления», «переживания», а в некоторых случаях опускается в тексте перевода. То же происходит и с другой формой этого слова — *experiencing*, варианты перевода которой очень разнообразны, хоть и близки по смыслу. Встречаются варианты перевода от «переживаемого опыта», «непосредственного опыта» и «собственного опыта» до «переживаний» и «чувств». Переводчик иногда приводит этот и некоторые другие оригинальные термины в скобках.

На следующем этапе мы проанализировали переводческие трансформации и приемы. Прием членения и объединения предложений использовались чаще других.

In earlier times, the individual *also* distrusted or ignored his experiencing in order to keep the regard of significant others. But the facade he adopted, the meaning he now felt he had found in his experiences, became a unified and strongly supportive set of beliefs and meanings [8, p. 166].

Хотя и в прежние времена люди не доверяли своему непосредственному опыту или игнорировали его, с тем чтобы сохранить уважение значимых других, однако выстроенный человеком сознательный фасад, смысл, который он стал теперь приписывать своим переживаниям, становился унифицированной системой ценностей и смыслов, дававшей ему поддержку и опору в жизни [5, с. 64].

Кроме приема объединения, можно отметить, что вместо простого предложения с наречием *also* переводчик использует придаточное уступительное предложение с союзом «хотя», потому что такая конструкция чаще употребляется в русском языке и будет легче восприниматься русскоязычным читателем.

Удачно были использованы приемы описательного перевода, генерализации и модуляции.

Для более точной передачи смысла переводчик использует прием развертывания:

First, Ellen West's diaries and letters add much personal richness to the account [8, p. 167].

Во-первых, дневники и письма самой Эллиен Вест *существенно обогащают описание ее случая*, придавая ему особую личностную глубину [5, с. 65].

Однако прием опущения, использованный переводчиком, ведет к потере некоторых деталей, иногда они значимы для повествования:

In some of the most significant moments of life, she was made to feel that her own experiencing was *invalid, erroneous, wrong, and unsound*, and that what she should be feeling was something quite different [8, p. 173].

В решающие моменты своей жизни Эллиен убеждали, что ее *собственный непосредственный* опыт ошибочен и ненадежен и что ей следует чувствовать нечто совсем другое [5, с. 70].

Также не совсем корректно переведено следующее предложение:

We know nothing of the content of this most crucial interaction, but I would speculate that her *psychological life hung in the balance here* [8, p. 170].

Нам неизвестно, о чем они говорили, но я предполагаю, что это была чрезвычайно важная встреча, в момент которой решалась *судьба* Эллиен [5, с. 68].

Во-первых, выбранный переводчиком вариант перевода «...решалась судьба...» для *...psychological life hung in the balance here* не только стилистически далек от оригинального, но и не передает авторского смысла. Наш вариант перевода: «...на кону стояло психическое здоровье Эллиен». Во-вторых, в переводе суть предположения автора смещена с одной части предложения на другую — с риска для психического здоровья Эллиен на важность описываемой встречи, что также меняет смысл предложения.

Таким образом, к главным недостаткам перевода можно отнести непоследовательность перевода нескольких терминов и необоснованность использования некоторых переводческих приемов, что ведет к искажению стиля автора. Однако несмотря на то что форма текста изменилась, смысл был донесен до читателей. Переводчик успешно справился с переводом терминов и устойчивых выражений, сохранил логичность и последовательность изложения.

Второй текст, который стал предметом нашего анализа, — это статья Б. Скиннера «Бихевиоризм в пятьдесят лет» (Skinner B. «Behaviorism at Fifty») [9, p. 115–133]. Беррес Фредерик Скиннер — американский психолог, который внес значительный вклад в развитие и популяризацию бихевиоризма. Перевод статьи на русский язык был опубликован в Вестнике Новосибирского государственного университета в 2013 году, перевод был выполнен кандидатом психологических наук А. А. Федоровым [6, с. 76–89].

В статье Берреса Скиннера «Бихевиоризм в пятьдесят лет» автор рассуждает о достижениях психологической науки в целом и ее бихевиористского направления, в частности, за последние пятьдесят лет — именно столько лет прошло с момента, когда впервые была сформулирована бихевиористская теория.

Данный текст обладает всеми характеристиками текста академического подстиля научного стиля. В статье практически отсутствуют характеристики научно-популярного текста, в отличие от статьи Карла Роджерса, которую мы проанализировали ранее. Единственным признаком, сближающим текст с научно-популярным подстилем, является наличие в тексте вопросительных предложений, которые автор использует во время своих рассуждений:

The next step was inevitable: If evidence of consciousness and reasoning could be explained in other ways in animals, why not also in Man? And if this was the case, what became of psychology as a science of mental life? [9, p. 118]

Признаков академического или собственно научного подстиля в тексте намного больше. Например, автор использует сложные синтаксические конструкции, которые сохраняются в переводе, не ведет повествование от первого лица, в тексте отсутствует личное местоимение *I*, вместо него иногда автором используется местоимение *we*:

We may recognize the restrictions imposed by the operations through which we can know of the existence of properties of subjective events, but the operations cannot be identified with the events themselves [9, p. 120].

Мы можем признать ограничения, которые накладывают операции, посредством которых мы можем знать о существовании характеристик субъективных событий, но операции нельзя отождествить с самими событиями [6, с. 79].

Кроме того, в статье не встречаются сокращения по типу *can't*, *doesn't* (разговорный стиль), автор использует полные формы — *can not*, *does not* и т. п., что характерно для академического стиля.

В данной статье встречаются все виды терминов, некоторые из них были переведены непоследовательно. Например, термин *mind* переводится и как «разум», и как «психика», несмотря на то что данная лексическая единица является одной из ключевых для такого текста.

Перейдем к обсуждению использованных переводчиком приемов и техник.

Для перевода терминов чаще всего использовался прием калькирования: *self-observation* / самонаблюдение, *conscious content* / сознательное содержание и т. д.

Большинство предложений переведено с помощью приема дословного перевода:

It is tempting to attribute the visible behavior to another organism inside-to a little man or homunculus [9, p. 116].

Заманчиво приписать видимое поведение другому организму внутри — маленькому человечку или гомункулусу [6, с. 77].

Исходные синтаксические конструкции были сохранены в переводе, мы можем увидеть практически абсолютный параллелизм. Соответствуют оригинальным даже знаки препинания, за исключением нескольких примеров.

В тексте можно встретить лишь шесть примеров использования приема членения предложения, а прием объединения предложений использован только один раз:

So far as behavior is concerned, both sensation and perception may be analyzed as forms of stimulus control. The subject need not be regarded as observing or evaluating conscious experiences [9, p. 125].

Коль скоро дело касается поведения, и ощущение, и восприятие могут быть проанализированы в форме стимульного контроля, нет необходимости рассматривать субъекта в качестве наблюдающего или оценивающего сознательный опыт [6, с. 83].

Также можно отметить не совсем подходящую по стилю конструкцию «коль скоро» в данном примере. При этом нельзя сказать, что у переводчика не было других вариантов перевода — например, нейтральное «поскольку» подошло бы гораздо лучше в данном случае.

В тексте переводчик часто приводит в скобках синонимы для более точной передачи смысла предложения:

A need for “mediators” of behavior which might serve as objective alternatives to thought processes led him to emphasize subaudible speech [9, p. 118].

Потребность в «медиаторах» поведения, которые могли бы служить объективной заменой мыслительных процессов, стала причиной того, что он придавал особое значение *скрытой (субаудиальной)* речи [6, с. 78].

А когда в самом тексте не удастся представить все дополнительные значения лексической единицы, переводчик активно использует сноски для пояснения.

Мы уже отметили, что переводчик попытался сохранить параллелизм грамматических конструкций и часто использовал прием дословного перевода, однако некоторые конструкции переведены слишком дословно, например чрезвычайно часто встречающееся *within the skin*: в русском

языке словосочетание «внутри кожи» употребляется редко, чаще используются конструкции «во внутреннем мире», «у *кого-либо* в голове» и т. п.

The relations between organism and environment involved in knowing are of such a sort that the privacy of the world *within the skin* imposes more serious limitations on personal knowledge than on the accessibility of that world to the scientist [9, p. 121].
Отношения между организмом и средой, вовлеченные в познание, таковы, что приватность мира *внутри кожи* накладывает более серьезные ограничения на личное знание, нежели на научную доступность [6, с. 80].

В данном примере переводчик не уделил должного внимания деталям:

The kind of *thoughts* Freud called “unconscious” took place without the knowledge of the thinker [9, p. 118].

Вид *мышления*, который Фрейд назвал бессознательным, протекает без ведома мыслящего субъекта [6, с. 78].

Мысли могут возникать у человека без участия сознания, т. е. бессознательно, но бессознательного вида мышления не существует.

Следующий пример относится к части, где автор критикует некоторые положения психоаналитического подхода к изучению психики:

The objection is not that these things are mental but that they offer no real explanation and *stand in the way* of a more effective analysis [9, p. 117].

Возражение заключается не в том, что эти части имеют ментальную природу, а в том, что они не предлагают настоящего объяснения и *ждут* более эффективного анализа [6, с. 77].

Во второй части предложения говорится о том, что эти положения *...stand in the way of a more effective analysis*, т. е. «...препятствуют более эффективному анализу» — такой перевод был бы более подходящим, так же как и «...стоят на пути более эффективного анализа».

Таким образом, нам удалось выделить несколько недочетов перевода, к которым относятся: непоследовательность перевода термина *mind*; чрезмерное стремление сохранить исходные синтаксические и грамматические конструкции, что привело к искажению смысла нескольких предложений; несколько ошибок, возникших из-за невнимания переводчика к деталям. Однако в то же время данный перевод сохраняет авторский стиль изложения, переводчику также удалось найти адекватные эквиваленты простым конструкциям оригинального текста, и, главное, перевод отлично справляется с передачей смысла исходного текста.

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что переводчики, работающие с текстами, относящимися к научному психологическому

дискурсу, сталкиваются с рядом трудностей, которые обусловлены спецификой таких текстов. Трудности, например, вызывают разные традиции написания научных текстов на английском и русском языках, что требует учета стилистических характеристик текстов. Кроме того, дополнительного внимания переводчиков требуют термины, встречающиеся в таких текстах.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А., Анцыферова Л. И. и др. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во Института психологии РАН, 1997. 576 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Болсуновская Л. М., Диденко А. В. Дискурсология: анализ теоретических подходов к исследованию дискурса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. Вып. 7. С. 39–44.
4. Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 130–131.
5. Роджерс К. Эллиен Вест и одиночество // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 57–74.
6. Скиннер Б. Ф. Бихевиоризм в пятьдесят лет // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 7, № 2. С. 76–89.
7. Солодухо А. С. Трансформация научного дискурса идейного наследия Л. С. Выготского: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Минск, 2005. 23 с.
8. Rogers C. R. *Ellen West — And Loneliness // A Way of Being*. Boston: HoughtonMifflin, 1980. P. 164–180.
9. Skinner B. F. *Behaviorism at Fifty // Skinner for the Classroom / Ed. by R. Epstein*. Champaign, IL: Research Press, 1982. P. 115–133.

УДК 81'373.612.2

Панкратова Светлана Анатольевна
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения,
svetpankrat@yandex.ru

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПЕРЕВОДА И ПРЕПОДАВАНИЯ КИНОТЕРМИНОЛОГИИ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Статья рассматривает одну из интереснейших теоретико-методологических проблем лингвистики — проблему генезиса терминов и связанную с этим возможность успешного методического обеспечения процесса обучения терминологии в кинематографическом вузе. Каждый из этих аспектов, как генезис, так и методика терминопредпоавания, имеют свой вектор: генезис ориентирован на структурирование и объяснение типов терминологических подразделений, методология ищет способы и средства оптимального способа преподнести термин студенту в процессе обучения, в том числе и на основе приема перевода термина на принимающий язык. Анализируются разные типологии терминов и их способность служить продуктивным методологическим базисом в обучении студентов кинематографического вуза.

Ключевые слова: термин, терминосфера, кинематография, перевод, классификация, оптимизация, творческий подход.

Pankratova Svetlana Anatolyevna
**The questions of methods of translation and teaching film
terminology in a film institute**

The paper deals with one of the most interesting theoretical and methodological problems of the linguistics — the problem of the terminological genesis and its connection with the possibility of the successful methodological provision of the language-teaching process in the film institute. Each of these aspects, genesis as well as methodology, has its own vector: genesis is oriented on the structuring and explanation of terminological subdivisions, while methodology seeks optimal means of rendering the term to the student in the teaching process, including the method of term's translation. The paper analyzes different types of terms and their ability to serve as the productive methodological basis in teaching students of the film institute.

Keywords: term, terminological sphere, cinematography, translation, classification, optimization, creative approach.

Терминологическая лексика играет роль особого кода для трансляции научных знаний в среде специалистов, как полагают многие исследователи [2; 5; 7; 8; 10]. Слово и термин различают по ряду признаков: 1) специфика употребления, 2) функция называния понятия, 3) дефинированность, 4)

точность значения, 5) контекстуальная устойчивость, 6) стилистическая нейтральность, 7) эзотеричность, 8) конвенциональность, 9) номинативный характер, 10) воспроизводимость в речи. Иными словами, чтобы быть термином, лексическая единица должна принадлежать к специальной области знания, иметь научную дефиницию, значение термина должно быть понятно без контекста и известно специалистам, номинация должна быть целенаправленной, термином должно быть существительное или словосочетание на основе существительного.

Смыслоформирующая функция в общем и целом ложится на каждое третье слово-термин или устойчивое терминологическое выражение в английских специальных текстах по кинематографии. Термины сферы кино так же, как иные специальные термины, должны в принципе отвечать требованиям краткости, легкости, общепонятности, ясности, различимости, целесообразности, простоты, единства, четкой значимости и экономности.

Однако не все термины являются таковыми в сугубом смысле слова. Само понятие «термин» трактуется учеными по-разному. В. А. Татаринov полагает, что термин — это «слово или словосочетание, служащее для обозначения понятия или специального явления в профессиональной области знания или человеческой деятельности и являющееся основным объектом изучения в терминоведении» [11, с. 221–222]. Солидарны с этим и другие компетентные терминоведы [1; 6; 3; 8].

Формально-структурная классификация терминов сферы кино учитывает их деление на морфологически нечленимые и производные слова, дериваты, сложные слова, устойчивые словосочетания нефразеологического характера. Во-первых, это простые слова (*props, cast, floodlight, etc.*). Во-вторых, термины кино могут быть дериватами и аффиксальными производными, сформированными по моделям: корень/основа + суффикс (*director, electrician, producer, etc.*); префикс + корень/основа (*performance, location, rehearsal, etc.*); префикс + корень/основа + суффикс (*unscripted, nonfiction, malapropism, etc.*). В-третьих, кинотермины могут являть собой сложные или сложнопроизводные знаки (*run-through, director-cameraman, scene-setting, etc.*). В-четвертых, кинотермины включают бинары и триплетные терминологические номинативные комплексы (*premiere jitters, box-office hit, far distance shot, etc.*). В-пятых, кинотермины содержат генитивные сочетания с предлогом *of* (*director of photography, mother of all cutes, etc.*). В-шестых, сфера кино богата и свободными терминологическими словосочетаниями (*go-for-broke performance, lucrative intellectual property etc.*). Все термины сферы кино не только передают знания, но и выполняют

особую роль в кинодискурсе в целом и в метадискурсе кинематографистов в частности.

Более современный когнитивный подход видит за термином и его антропоцентрическую сторону, признавая за ним производное чисто человеческой номинативной активности. В новом свете термин считается языковым знаком, соединяющим в своем значении научное знание о референте с информацией о себе самом как о единице естественного языка. Находя применение в различных типах дискурса, термин полностью реализует свою функцию лишь при употреблении в особом научно-техническом контексте.

О важной роли, которую играет нетерминологическая лексика в научном дискурсе, говорит Т. В. Дроздова, подчеркивая, что и общая лексика принимает участие в формировании ткани научно-технического текста, способствуя тем самым созданию, «передаче, хранению и развитию научного знания» [7, с. 84]. Терминовед убедительно доказывает, что вхождение нетерминологической лексики в терминосферу обусловлено рядом естественных и очевидных причин. Во-первых, термины включаются в структуру предложения или высказывания, сложенного из номинативных единиц повседневной лексики, без передачи сути научного знания все-таки была бы невозможной роль нетерминологических единиц в формировании обращения, аргументации, логики повествования и т. п. Во-вторых, существует целый ряд понятий и категорий, языковая передача которых сущностно не отличается по набору номинативных единиц в научной и обыденной, наивной картинах мира. Различия в подобных случаях обусловлены контекстом. В-третьих, когнитивная наука учитывает постулат о филогенезе человеческого познания, которое, как считается, первично реализовывалось на повседневном, обыденном уровне (солнце восходит, луна зашла), и именно тогда был сформирован словарный состав языка. С переходом познания в сферу рационального и появлением научных терминов человек связал их со знакомыми именами, «стремясь при этом подтянуть обыденное представление до научного» [7, с. 84–85].

Интереснейшим моментом в терминоведении является отслеживание того, как именно обыденная лексика в научных текстах терминологизуется и как происходит (или не происходит) четкое разграничение терминов и нетерминологических единиц в тексте, какова установка при создании таких терминов (объяснительная либо вуалирующая), а также вопросы методики преподавания терминологических тонкостей в кинематографическом вузе.

Касательно тенденции к смысловому затемнению отметим, что источником новых терминов может служить и канцелярский, чиновничий язык, и тогда наблюдается установка на затушевание сути понятий. Об

этом говорят М. Ю. Федосюк и И. И. Бакланова: «Усложнение кода проявляется во введении в оборот новых терминологических обозначений. Как правило, они представляют собой не слова, а словосочетания и потому, расширяя код, во многих случаях не укорачивают, а, наоборот, удлиняют текст» [12, с. 144]. К примеру, предметная область в таких терминологических единицах, как «структурные подразделения, итоговая аттестация», затушевывается. Истинный смысл канцелярских штампов состоит в отмежевании канцелярита от других стилей для создания ореола учености, представления его как жреческого служения, чьи правила доступны лишь посвященным, ибо «не каждый, даже образованный человек сможет написать заявление, служебную записку» [9, с. 15]. Авторы делают вывод, что в канцелярском стиле отправитель не заинтересован в хорошем понимании своих сообщений максимальным числом получателей. Напротив, в эпоху резкой демократизации языка антиномия «язык — текст» разрешается в пользу текста.

Практические результаты многолетнего авторского наблюдения за кинематографической терминосферой позволили определить ряд тенденций, проявляющихся в доминировании особых типов терминоположения в современном кино. Кратко перечислим их: усечения, бленды, акронимы, голофразисы, рифмотворчество, заимствование, цепочечные эпитеты и образность.

1. Усечения: *ad lib* (экспромт), *baddie* (антагонист), *flick* (кинокартина), *goof* (киноляп), *indie movie* (независимое кино), *lead part* (главная роль), *lip sync* (правильная синхронизация), *pan shot* (панорамный кадр), *props* (реквизит), *rushes* (отснятый материал), *spec script* (сторонний сценарий), *doxx* (публиковать личные данные в сети в качестве мести), *hubbub* (шумиха), *naysayer* (недоброжелатель).

2. Бленды: *claymation* (пластилиновая анимация), *docudrama* (документальная драма), *erstwhile frenemy* (заклятый враг, бывший другом), *moscap* (технология захвата движения), *travelogue* (фильм о путешествии с разговорами), *blaxploitation film* (фильм об эксплуатации афроамериканцев), *bromance* (мужская дружба), *dramedy* (комическая драма), *Netfliconomics* (экономика сетевого телевидения), *prosumer camera* (полупрофессиональная фотокамера).

3. Акронимы: *CGI* (компьютерная графика), *DS* (съемка с движения), *NG take* (неудачный кадр), *SFX* (спецэффекты), *A-lister* (актер первой величины), *B movie* (низкобюджетный фильм), *B roll* (сопутствующий документалке материал).

4. Голофразисы: *whodunnit* (детектив с убийством), *pix stix* (кинокритики), *shoot-em-up* (стрелялка).

5. Рифмованные: creature feature (монстр-муви), chick flick (дамское кино).

6. Заимствования: authentic milieu (mise-en-scène) (аутентичные декорации), damsel in distress (девушка в беде), denouement (развязка), expose film (фильм-разоблачение), film noir (нуар), doppelganger (двойник).

7. Цепочечные эпитеты: back-and-forth chronology (перекрестная хронология), walk-on part (эпизодическая роль), blow-up (фотоувеличение), stand-in (дублер), body-swap (перемена местами), box-office (кассовые сборы), cliff-hanger (захватывающий фильм), coming-of-age story (история взросления), crowd-pleaser (приятный публике фильм), day-for-night shot (кадр «день под ночь»), kitchen-sink drama (бытовая драма), feel-good movie (духоподъемный фильм), first-contact mystery (фильм о первом контакте с пришельцами), gender-bending movie (фильм о перемене полов местами), go-for-broke performance (игра с отдачей), guilty-pleasure film («стыдный» фильм), gung-ho thriller (ура-патриотический триллер), rags-to-riches story (история обогащения), voice-over (озвучание), white-saviour film (фильм о белом спасителе), larger-than-life character (настоящий персонаж), point-and-shoot camera (мыльница), shaggy-dog story (небылица), state-of-the-nation drama (фильм о состоянии нации), shot-by-shot facsimile (покадровая копия), tried-and-tested formula (испытанная формула), will-they-won't-they intrigue (неслучившийся роман).

8. Образные: creeping titles (бегущие титры), fantasy-adventure hodge-podge (фантазийно-приключенческое попурри), fizzle out (выдохаться: о сюжете к финалу), flashback (воспоминание), flawless impersonation (безупречное воплощение), fluff a line (забыть слова), ham it up (переигрывать), holiday fodder («воскресная жвачка»), landmark film (эпохальный фильм), loop film (кольцовка), midnight movie (фильм, неожиданно ставший популярным), multy-faceted story (многогранная история), potboiler (халтурка), rainbow casting (многонациональный состав), screen chemistry (экранное взаимодействие героев), screwball comedy (эксцентрическая комедия), shoestring budget (минимальный бюджет), twist ending (неожиданный финал), beef up the story (улучшать сценарий), big-budget turkey (крупнобюджетный провал), break the fourth wall (обращаться к зрителю с экрана), cold reading (первая читка), cookie-cutter character (картонные персонажи), hook («зацепка», первые ноты мелодии), mudslinging (клевета), love-letter film (фильм-оммаж, признание в любви), perfect foil (прекрасная роль второго плана), pilot season (сезон премьер), production limbo (производственный спад), script doctor (сценарист-доработчик), truncated plot («обезглавленный» сюжет).

Обратимся к детализации предложенной авторской методики критического терминологического анализа на примере отрывка из текста кинокритики.

1. На первом этапе происходит идентификация салиентного элемента (к примеру, пусть это будет термин ‘rainbow casting’). Яркость, необычность элемента может происходить от его контрастной тематики текста кинорецензии природы, либо от его нетрадиционной словообразовательной природы. Сигналами салиентности могут случить кавычки, инициальная позиция элемента в предложении, его капитализация, т. е. аббревиатура.

2. На втором этапе студентам предлагается обратить внимание на стилистическую маркированность единицы (в данном примере — образность как основа метафорического переноса из сферы ПРИРОДА в сферу ЧЕЛОВЕК).

3. На третьем этапе рассматривается терминологическая весомость единицы (предлагается ряд вопросов-оценок по шкале весомости терминоединицы: является ли единица специфичной для киносферы? Какую функцию выполняет единица? Обладает ли она дефинированностью? Обладает ли она точностью значения? Какова контекстуальная устойчивость единицы? Какова стилистическая нейтральность единицы? Является ли единица конвенционализированной? Носит ли единица номинативный характер? Воспроизводима ли единица в речи?).

4. На четвертом этапе происходит терминологическая сверка с имеющимся базовым словарем кинематографиста, который осваивается студентами института кино на втором курсе. Там мы находим термин «multinational casting».

5. На пятом, заключительном, этапе происходит анализ степени терминологизированности новой единицы. В примере с «многонациональным актерским составом» делается вывод, что термин стилистически окрашен, неконвенционализирован, но уже воспроизводим в ряде иных рецензий, поэтому находится на пути влияния в терминологическую базу носителей языка.

Междисциплинарная организация содержания обучения не могла не отложить свой отпечаток на область кино. Интегрированное освоение законов природы, техники и общества естественным образом отражается и на освоении сферы кино. Подобный современный подход, несомненно, способствует формированию творчески созидательной личности студента-кинематографиста. Критическое осмысление ключевых терминологических узлов кинорецензии позволит сформировать и развивать социально ответственную личность, киноспециалиста высшей квалификации. Значительная роль в формировании креативной, критически мыслящей личности лежит на преподавателе киновуза, способном идентифицировать и обратить внимание студентов на языковые

и терминологические новшества, фасилитирующие освоение инновационных профессиональных технологий. Подготовка будущих специалистов в сфере кино, обладающих инновационным, критическим типом мышления, является важной задачей в деятельности вуза. Более того, инновационность преподаваемых техник освоения кинорецензий не может не повлиять на качество подготовки специалистов. Креативный, критический, терминоцентрический анализ кинорецензий способен не только количественно изменить базу знаний студентов, но и способы их мышления в том случае, когда преподаватель грамотно акцентирует внимание на терминологических новшествах, тематизирует и обсуждает их природу в студенческом коллективе.

Сегодня инновация, как подчеркивает К. Ангеловская, должна распространять «дух и атмосферу творчества» [2, с. 57], требуя от участников образовательного процесса организованного, планомерного и систематического внедрения нового. Знание потенциала инновационных терминологических единиц киносферы есть не простое утилитарное знание, это долгосрочная инвестиция в будущее киноспециалистов, благодаря ознакомлению с новшествами в кинотерминологии у студентов кинематографических вузов вырабатывается чуткость ко всему новому, вкус к новаторству, стремление к самообразованию, в том числе и на английском языке, и, соответственно, умение самим создавать новшества в своей профессиональной сфере.

Литература

1. Авербух К. Я. Терминологическая вариативность: Теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 38–42.
2. Ангеловски К. Инновации и учителя / пер. с макед. М.: Просвещение, 1991. 156 с.
3. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Кадерина Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 534 с.
4. Володина М. Н. Термин как средство специальной информации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
6. Головин Б. Н., Р. Ю. Кобрин. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
7. Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты). М.; Астрахань: АГТУ, 2003. 233 с.
8. Киселева С. В., Миронова М. Ю., Трофимова Н. А. Проблемы концептуализации и категоризации в терминологии английского языка // Дискурс. 2020. № 6 (2). С. 115–124.
9. Найдич Л. Э. След на песке: Осерки о русском языковом узусе. СПб., 1995. С. 10–15.
10. Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи (элементы эмоционально-субъективной оценки). М.: Наука, 1972. 168 с.

11. Татаринов В. А. Общее терминоведение / Энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. 528 с.
12. Федосюк М. Ю., Бакланова И. И. Наименования объектов в современной русской деловой речи с точки зрения их ориентации на восприятие адресатом // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 141–148.

УДК 130.121.4

Песина Светлана Андреевна
профессор

*Магнитогорского государственного технического университета
им. Г. И. Носова,
spesina@bk.ru,*

Стаменкович Д.

*Университет Ниш, факультет философии, Сербия,
dukiss@gmail.com*

МЕТАФОРА КАК СТРУКТУРНАЯ И СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА КОГНИЦИИ

В статье представлена попытка описать способы хранения и функционирования метафорических значений в языковом лексиконе. Представлены механизмы, обеспечивающие быстрый доступ к лексемам без необходимости сканировать списки значений. Выдвинута гипотеза о том, что использование лексического инварианта как содержательного ядра слова позволяет в процессе коммуникации осуществлять эффективный поиск и встраивание метафорических значений в контекст высказываний. Лексический инвариант выступает как общая когнитивная модель восприятия и осмысления окружающего мира, а на нейробиологическом уровне приводит к наращиванию новых нейронных связей. Приведены результаты инвариантно-компонентного анализа по определению лексического инварианта.

Ключевые слова: многозначное слово, семантическая структура слова, метафора, семантика.

Pesina Svetlana Andreewna
Stamenkovich D.

Metaphor as a structural and sense-forming unit of cognition

The article presents an attempt to describe the ways of metaphorical meanings storing and functioning in the lexicon. Mechanisms that provide quick access to the language signs without having to scan lists of meanings are described in the article. A hypothesis has been put forward that the use of a lexical invariant, as the meaningful core of the word, allows to carry out an effective search of metaphorical meanings in the process of communication. The lexical invariant acts as a general cognitive model of perception and understanding of polysemous words semantics. The results of the invariant-component analysis of the lexical invariants are presented. The lexical invariants act as effective substitutes for the entire content of a concept or a word, freeing the mind from the need to scan the entire spectrum of meanings, in accordance with the principle of linguistic economy.

Keywords: polysemous words, a semantic structure of a word, a metaphor, semantics.

К настоящему моменту не удается получить целостного непротиворечивого представления о способах функционирования значений слова в лексиконе: имеются известные семантические теории, высвечивающие отдельные аспекты функционирования слов в виде логогенов, модулей, когнитивных прототипов, вербализованных концептов, фреймов, концептуальных метафор и т. п. Лингвисты не сходятся во мнении относительно того, пользуемся ли мы готовыми значениями, либо происходит их сборка в лексиконе.

Исследования в области многозначности фактически сводятся к двум диаметрально противоположным точкам зрения: запоминание значений списками, аналогичными словарным статьям, или сведение структур слов к общим значениям [5; 6; 7; 9]. Наиболее широкую поддержку в западных публикациях получила списочная теория хранения и функционирования слов в лексиконе [15], согласно которой значения многозначного слова не связаны семантически и функционируют в лексиконе отдельно, как омонимы.

Имеются экспериментальные данные о том, что в языковом сознании прямые значения хранятся отдельно от переносных: прямые и метонимические значения существительных и глаголов хранятся в одной ментальной репрезентации, а метафорические — в отдельных репрезентациях [1; 19]. Возникает вопрос о том, как именно разобщиенно хранящиеся значения удерживаются в ментальном лексиконе в одной структуре и не распадаются на омонимы. По нашему мнению, связанность является одним из основополагающих принципов работы когнитивной системы человека, и в частности языкового пространства, организованного по принципу семантической сети.

Еще один круг проблем в когнитивистике касается постулирования или опровержения зыбкого характера природы значений [4]. Обсуждается вопрос об эффективном использовании значений со свойствами текучести и неустойчивости, поскольку подобные характеристики значений входят в противоречие с высказыванием Л. С. Выготского о том, что значение есть зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная [2].

Кроме того, в последнее время предпринимаются попытки обращения к семантике многозначных слов со стороны специалистов по компьютерной обработке текстовых массивов. Ключевая задача, которую они не могут до конца решить, — это разрешение лексической многозначности (word sense disambiguation). Так, в качестве инвентаря значений слов на сегодняшний день используются семантические сети наподобие WordNet.

Наконец, специалисты в области нейролингвистики посредством исследования функционирования нейронов мозга пытаются пролить свет

на строение лексикона и ответить на ряд других фундаментальных вопросов по семантической организации слов. Так, экспериментальные данные по энцефалографическому обследованию мозговой активности свидетельствуют о том, что в момент реакции на представленное слово у испытуемого визуализируется активность целой группы взаимосвязанных нейронов, находящихся в соседних областях мозга. Существует теория о том, что в мозге функционируют нейроны, чувствительные к определенным семантическим свойствам и принимающие участие в формировании более чем одной семантической сети [18]. В работах проводится все больше аналогий функционирования значений и признаков связей внутри слова и нейронных сетей.

Интересно, что А. Р. Лурия утверждал, что изначально человеческий мозг понимает объекты как совокупность компонентов, в которых мозг разделяет полученные изображения или информацию, но с ростом понимание объекта приобретает символизированный характер [3]. Личное субъективное культурно и социально обусловленное восприятие окружающей среды постоянно корректирует их языковую картину мира.

Экспериментальные данные, полученные нами в течение ряда лет, свидетельствуют о том, что слова не организованы в нашем языковом сознании по принципу словаря и далеко не всегда значение, представленное в словаре как наиболее частотное, функционирует как первое в индивидуальном лексиконе [8; 14]. Сами информанты зачастую довольно субъективны, их толкования значений довольно абстрактны и сумбурны. Ни один тестируемый не смог привести все имеющиеся значения многозначного слова, какие-либо значения всегда оставались упущенными. Кроме того, получив задание дать толкование значению, информанты зачастую толковали абстракции через абстракции, а фразеологизмы через фразеологизмы.

Тот факт, что некоторые информанты игнорировали первые значения, указало на возможное существование и функционирование в языковом лексиконе некой семантической доминанты в виде значения либо инварианта, к которому имелся самый быстрый доступ. Кроме того, испытуемые довольно редко пользовались развернутыми дефинициями: для идентификации значений им достаточен был минимальный набор признаков.

С вышесказанным связан тот факт, что порядок хранения значений многозначных слов в ментальном лексиконе не соответствует порядку, приведенному в толковых словарях, так как на порядок значений в ментальном лексиконе оказывают влияние частотность и ряд экстралингвистических факторов (интерес, окружающая среда и пр.). Как показал эксперимент, часто на первое место носитель языка ставит

значение, актуальное для него в данный момент времени. Значения хранятся либо в довольно свернутом виде, либо в виде набора семантических признаков абстрактного характера.

В целом, экспериментальные данные свидетельствуют также и о том, что наш лексикон является динамически развивающимся и, с одной стороны, склонным к обобщениям, а с другой — в достаточной степени социально, культурно обусловленным хранилищем данных, где личная интерпретация входящей информации часто преобладает над объективно-инферентной. Функционирование концептуальной системы человека осуществляется по принципу семантической сети со многими выходами как сложной многоуровневой системы парадигматических связей, позволяющих эффективно ориентироваться в окружающей среде, адаптироваться к ней и управлять ею [10; 11; 12].

Метафора — это когнитивная модель, объединяющая понятия из разных лексических категорий в одно целое, с обязательным сохранением двух семантических доменов и образного элемента. Для описания метафорических механизмов используются следующие термины: «двойная денотация», «эффект двойного видения» / «двойное восприятие», «две семантические области» и т. д. Эти термины указывают на то, что одна семантическая область понимается в понятиях другой с извлечением общего признака [17].

Когда дело касается выявления функционального механизма метафоры, некоторые исследователи выделяют механизм палимпсестного наложения образов. Например, пытаясь понять значение метафоры «человек — это обрыв», мы как бы «сливаем» персонажа и обрыв вместе, а затем, оставив основную черту персонажа, «лишаем» его всех других черт.

Например, при использовании слова *лиса* для описания человека принято говорить, что новая сема 'человек' появляется в пределах смысловой структуры области источника. Если бы другие семы, соответствующие чертам характера, не типичным для человека, были потеряны при появлении новой семы человека, новое значение не приобрело бы прагматического эффекта и образности. Следовательно, предыдущие семы не исчезают, а блекнут в своей интенсивности и уходят в структуру смысла на задний план. На самом деле две области в структуре значения коррелируют в нашем сознании из-за семы 'наносить вред с помощью уловок и хитрости', которая существует в обеих областях значения. Когда мы используем лексему *лиса*, говоря о человеке, мы визуализируем животное, обозначаемое тем же словом. Корреляция в нашем сознании двух понятий, соответствующих прямому и переосмысленному значениям, приводит к образованию семейного

сходства в структуре значения. Метафора является обоюдным перекрестным ментальным переносом в рамках концептуальной системы.

Имеется и другая проблема в понимании метафорических механизмов, которую мы кратко рассмотрим в рамках этой статьи. Известно, что в процессе метафоризации некоторые области, структурируясь по образцу источника, формируют метафорическую проекцию (*metaphorical mapping*) или когнитивное отображение (*cognitive mapping*). В понимании автора концепции когнитивной метафоры (Дж. Лакоффа) исходный и целевой домены концептуально разделены. Однако возникает вопрос: может ли осуществляться взаимовлияние исходного и целевого доменов в метафорах. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо объяснить двунаправленность метафорических моделей, т. е. необходимо уточнить или даже отказаться от предложенных базовых структур метафор, разделяемых многими лингвистами.

Поясним проблему двунаправленности метафорических моделей на примере использования метафор в политдискурсе. Так, в американском политдискурсе республиканцы характеризуются метафорически с позиции более жестких политиков, в то время как демократы символически представлены как более мягкие. Это концептуальное отображение приводит к тому, что консерваторы настаивают, что семье или американскому обществу, говоря метафорически, нужен «строгий отец», а либералы утверждают, что ей нужен «заботливый родитель» [19; 21].

Когда подобная метафора создана и активизируется, она с неизбежностью вызывает и имитирует сенсорные модальности. То есть концептуальная метафора может формировать способ восприятия проприоцептивных ощущений: рукопожатие Д. Трампа, вероятно, будет ощущаться более крепким, чем рукопожатие Дж. Байдена. Происходит обратное влияние источника метафоры (жесткое рукопожатие) на концепт соответствующей политики (жесткая, как строгий отец).

Происходит как бы уплотнение когнитивно-коммуникационного канала, то есть передача двусторонних информационных потоков или мультиплексирование. На нейронном уровне картирование концептуальных метафор, пока во всяком случае, не представляется возможным. Однако мощным верифицирующим средством может служить синестетическая метафора (например, горячее рукопожатие, холодный прием, кричащий оранжевый и др.). Она может оказаться хорошей моделью для понимания метафор, поскольку ее структурные и функциональные нейронные аспекты кажутся более доступными для изучения.

Итак, метафоры — это, несомненно, ключ к пониманию основ мышления и процессов создания универсального национально-

специфического образа мира. Они демонстрируют связь с логикой, поскольку схематизируют и категоризуют наш мир. Метафоры — это вторжение воображения в зону интеллекта, поскольку это нагрузка на рабочую память и контроль внимания [20]. Изучение метафоры позволяет наблюдать и анализировать то сырье, из которого образуется значение слова. Без метафоры не существовало бы лексики внутренней жизни человека, абстрактных понятий, вместе с тем она снимает запрет на эмоциональное воздействие. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка.

Литература

1. Белоусов К. И., Ерофеева Е. В., Лещенко Ю. Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей // Вопросы психолингвистики. 2018. Ч. 35, № 1. С. 39–53.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
3. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 413 с.
4. Киселева С. В., Трофимова Н. А., Миронова М. Ю. Метафтонимическое комбинирование как основа формирования значения // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах. Курган: КГУ, 2020. С. 211–215.
5. Песина С. А. Структурирование концепта и концептуальное ядро // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). Рига; Москва, 2011. С. 24–31.
6. Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. 2016. № 2 (20). С. 120–128.
7. Песина С. А., Зимарева О. Л., Баклыкова Т. Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3, № 4. С. 34–38.
8. Песина С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка. Учебное пособие. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014.
9. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Формирование семантической структуры многозначного слова. Казанская наука. № 3. 2019. Казань: Казанский Издательский Дом, 2019. С. 75–79.
10. Песина С. А. Прототипический подход как средство понимания и интерпретации многозначного слова // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. / ред. и сост. И. П. Вишнякова-Вишневецкая. СПб.: Береста, 2005. С. 209–211.
11. Песина С. А. Функционирование полисемантов в механизмах речепроизводства // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской. Выпуск 4. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. С. 113–115.
12. Песина С. А. Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте: монография. М.: Флинта; Наука, 2012. 152 с.
13. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 4. С. 1083–1089.

14. Foraker S., Murphy G. L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance // *J. Memory Lang.*, 2012. Vol. 4, № 67. P. 407–425.
15. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science // *The ubiquity of metaphor*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 1985. P. 327–383.
16. Hodges J. R., Patterson K. Semantic memory disorders // *Trends in Cognitive Sciences*. 1997. № 1(2). P. 68–72.
17. Kiseleva S., Trofimova N. Metaphor as a device for understanding cognitive concepts // *Revista de Lenguas para Fines Especificos*. 2017. № 23 (2). P. 226–246.
18. Klein D. E., Murphy G. L. The representation of polysemous words // *J. Memory Lang.* 2001. Vol. 2, № 45. P. 259–282.
19. Lakoff G., Johnson M. A Metaphor-Enriched Social Cognition // *Psychological Bulletin* 136. 2010. № 6. P. 1045–1067.
20. Musolff A. Metaphor scenarios in public discourse // *Metaphor and Symbol* 2006. № 21(1). P. 23–38.
21. Sullivan K. *Frames and constructions in metaphoric language*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 184 p.

Росянова Татьяна Сергеевна
доктор филологических наук, доцент
Русской христианской гуманитарной академии,
rosyanova@mail.ru

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ МАРКЕТИНГА

В статье рассматривается одна из малоизученных современным отечественным терминоведением проблем номенклатурных наименований. Анализируются возможные причины данного состояния дел в исследовании терминологии естественных и технических наук. В статье подчеркивается лингвистический аспект брендинга в маркетинге и особенности англоязычных колоративных номинаций для линеек декоративной косметики. Показывается, что среди четырех измерений брендинга, постулируемых теоретиками маркетинга, действительно отчетливо прослеживаются ментальная и духовная составляющие.

Ключевые слова: термин, номен, терминоведения, терминология, номенклатура, терминосистемы.

Rosyanova Tatiana Sergeevna
**Nomenclature classifications in the english-language
marketing terminology system**

The article deals with one of the problems of nomenclature names that are poorly studied by modern Russian terminology scientists. The possible reasons for this state of affairs in the study of the terminology of natural and technical sciences are analyzed. The article emphasizes the linguistic aspect of branding in marketing and the features of English-language colorative nominations for lines of decorative cosmetics. It is shown that among the four dimensions of branding postulated by marketing theorists, the mental and spiritual components are really traced.

Keywords: term, nomen, term studies, terminology, nomenclature, term systems.

Единицы языка для специальных целей в приложении к области маркетинга охватывают широкий пласт лексики, который включает, помимо классических терминов, номены, представляющие собой, главным образом, наименования видов продукции промышленного производства или наименования предоставляемой услуги.

Целью настоящей статьи является характеристика брендов и брендинга с терминоведческих позиций и выделение уникальности подходов маркетологов к наименованиям товарного ассортимента.

Изучению номенов традиционно уделяется меньше внимание, чем терминам, по нескольким причинам. Во-первых, номены редко включаются в толковые терминологические словари и, таким образом, выпадают из поля зрения терминографии. Во-вторых, номенклатурные классификации и списки однородных объектов профессиональной действительности относятся к видимым и воспринимаемым предметам, требующим учитывать их технические спецификации, характеристики, конструкционные особенности. В-третьих, номенклатура, по сравнению с терминологией, категория значительно более новая. Так, например, номенклатура описательной ботаники была систематизирована К. Линнеем в 1751 году на основе биномиального метода построения, для фауны применение единых принципов систематического описания началось в 1758 году, объекты исследования химии были систематизированы ко второй половине XIX века. В-четвертых, часть номенклатурных наименований использует латинский язык (фармацевтика, например), что также выводит ее за рамки мейнстрима современных исследований.

Тем не менее современными исследователями отмечается потребность внесения номенклатуры в терминологические базы данных, поскольку их приходится переводить и локализовать для зарубежных рынков (матрас *Dreamland Soft*, подушка *Delux Beauty Relax*, лампа *Ecomoods Fabia*) [2, с. 207].

Классический период отечественного терминоведения, в рамках которого интенсивно изучалась терминология естественно-научных и технических дисциплин, выявил предметную направленность номена, его ослабленную связь с понятием, опосредованную через предмет. Кроме того, система номенов не замкнута и не столь строго организована, как система терминов [7, с. 34]. Термин, лишь соотносясь с понятием, называет предмет, а номен, лишь соотносясь с предметом, получает связь с понятием. Научный номен часто фиксирует предел классификации на определенном этапе развития науки, представляя собой последнее звено, до которого дошла научная мысль.

Технический термин устанавливает связь с объектами реального мира через понятие и окружен системой технических номенов, обычно обозначающих типы и классы машин и механизмов. В силу условности и привязанности к термину, технический номен имеет ослабленную связь с понятием [7, с. 35]. Более того, номенклатурные единицы могут иметь специфическую форму, например, включать цифры и другие знаки, создавать особые способы словообразования, нетипичные для естественных языков [4, с. 78].

По мнению С. В. Гринева-Гриневича, номен является не выражением, а названием, ярлычком какого-то конкретного предмета, его

содержательная сторона игнорируется, и в этом проявляется его абстрактность. Таким образом, разница между термином и номеном — это разница между отражением понятия и этикетированием отдельного конкретного предмета [1, с. 38]. Известный терминовед середины прошлого века А. А. Реформатский полагал, что функция номенклатуры — маркировка отдельных объектов [5]. Для номенклатурной единицы номинативная функция является основной, в то время как для термина основной является сигнификативная функция. В этом номенклатурная единица приближается к именам собственным.

Помимо существенных различий по сравнению с терминами, номены обладают также рядом общих с терминами свойств, например: принадлежность к специальной области знания, независимость от контекста, принадлежность к нейтральному слою лексики, целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи [1, с. 41]. Поскольку номены этикетируют объекты той или иной отрасли науки и техники, они прямо не соотнесены с общими понятиями науки и существование номенклатурной единицы непосредственно не обусловлено определенным местом в системе понятий [5].

Важно обратить внимание и еще на одну особенность номенов по сравнению с терминами. Для терминов науки и техники характерно наличие дефиниций, которые чаще всего содержат указания на ближайший род и отличительные видовые признаки. Номенам науки или искусства дефиниции, как правило, не нужны [1, с. 41].

Принимая к сведению вышеперечисленные идеи о номенах в сфере науки и техники, перейдем непосредственно к задачам данной статьи, то есть к обсуждению лингвистических особенностей номенов в области маркетинга (брендов).

Маркетологи признают значительное влияние брендов на поведение покупателей, работают над созданием образа продуктов и поддерживают их на протяжении всего производственного цикла. Теоретики маркетинга подчеркивают следующие особенности в отношении брендинга и брендов: «*Branding is the process of creating that identity. A brand is a name, term, sign, symbol, design, or some combination that identifies the products of one firm while differentiating these products from competitors' offerings*» [8, с. 378].

Брендинг как особый вид маркетинговой деятельности является, безусловно, не только дизайнерским занятием, связанным с созданием образов, но и исключительно интеллектуальным упражнением в области лингвистики. Тем не менее специалисты в данной профессиональной области не всегда подчеркивают в дефинициях брендинга и брендов свою любовь к слову. Рассмотрим несколько определений российских

профессионалов. Так, например, по одному из словарных определений, брендинг — «область системы маркетинговых коммуникаций, занимающаяся разработкой фирменного стиля и его элементов, формированием уникального имиджа фирмы» [3, с. 157]. В данном определении лингвистическая составляющая работы маркетологов выражена не явно и включается в понятие маркетинговых коммуникаций. Если анализировать определения собственно бренда как самостоятельного объекта маркетинга, то обнаруживаются следующие формулировки: «Бренд — это последовательный набор функциональных, эмоциональных и самовыразительных обещаний целевому потребителю, которые являются уникальными, значимыми и трудно имитируемыми» [6, с. 123]. Ключевым для лингвиста словом в данном определении является «обещание», которое может быть сформулировано вербально или передано эмоционально и образно.

В соответствии с концепцией 4D (от англ. *dimention* — измерение), бренд имеет четыре измерения — функциональное, ментальное, социальное и духовное [6, с. 125]. Исходя из данного постулата, правомерно сделать вывод о ментализме и когнитивной составляющей бренда в современном понимании.

Помимо понятия *бренд*, в отечественном маркетинге используются также более ранние понятия, такие как: *товарная единица*, *ассортиментная группа*, *товарная номенклатура*, *ассортиментная позиция*, *товарная линия*, *линейка товаров* [6, с. 126].

Особенность номенклатуры с терминоведческих позиций заключается в том, что ее классы формируются на основе более или менее протяженного списка необходимых признаков, которые не являются достаточными для четкого выделения класса, особенно если учитывать диахронический аспект. Отечественные терминоведы отмечают, что номены являются обозначением примитивных классов и для номенов невозможно составить классическое родовидовое определение [2, с. 207].

Рассмотрим несколько определений бренда и брендинга в англоязычных толковых словарях.

- **Brand (1)** Defined simply and narrowly, the proprietary name of a product, along with the personality and visual identity given to it by its creator and owner [10, с. 52].
- **Brand (2)** A make of product, which can be recognised by a name or by a design [9, с. 27].
- **Brand (3)** A product (a good or service) with a set of characteristics which clearly and readily differentiates it from all other products. *Branding* is a technique basic to marketing practice as an attempt to differentiate a product in the market place [11, с. 33].

Лингвистическая составляющая создания брендов отмечена в первых двух определениях, причем в первом случае подчеркивается именно имя бренда, а не товар как таковой. Третье из приведенных определений фокусируется именно на продукте и усилиях его дифференцировать от конкурентных продуктов, не отмечая ментальное и духовное измерение, свойственное брендам.

- **Branding (1)** The use of techniques by which a company, organization or product distinguishes itself from others. This is how it expresses its identity and function in its markets. In current marketing thinking, branding is the process of identifying and differentiating a product or service, and establishing its uniqueness [10, с. 53].
- **Branding (2)** The act of giving brand names to products [9, с. 28].
- **Branding (3)** The practice of creating a unique name for a product and giving marketing support to that name. Such a name may or may not be supported by the company's name. Many companies use both these routes to market success, for example, Rowntree's Fruit Pastilles and Yorkie [11, с. 33].

Сравнивая вышеприведенные определения брендинга, отметим, что в первом из них ментальная составляющая брендов игнорируется, однако второе и третье определения брендинга подчеркивают именно процесс создания нового имени, которое затем получает маркетинговую поддержку. Добавим, что брендинговая политика в отдельных случаях использует название самой компании (например, шоколадки *Cadbury*, автомобили *Ford*, сухие завтраки *Kelloggs*) или каждый продукт обладает самостоятельным наименованием.

В эпоху интернета, когда создаются обширные каталоги товаров для компаний, предлагающих товары исключительно через интернет-платформы, востребована точность номенклатурных наименований, включая, например, цветовую гамму. Поразительно, как маркетологи придумывают названия оттенков помады (*shades that are rich, warm, and ultra-flattering*), не довольствуясь банальными однословными оттенками (*red, pink, rose, plum, peach, cherry, strawberry, darkbrown*) или относительно унылыми двухкомпонентными описаниями (*Deep Rose-Beige, Perfect Red, Toned Red*).

В сайтах, рекламирующих декоративную косметику, появляются розовые тона: *pink sand, pink wink, pink flare, pink score, pink thrill*; сливовые оттенки: *plum rule, plum paradise, plum perfect*; ягодные фантазии: *berry go, blissful berry, Currant News*; размышления на тему о красном: *red revolution, red revival, Empire Red*; экзотические ассоциации: *African Nights, Desert Rose*; метафорические истории: *crimson race, wine rush, hot chase*,

sunset spark, truffle tease; а также призывы к действию: *Keep It Red* [Amazon.com].

Подобные маркетинговые изыски в цветовой палитре встречаются не только в словообразовании номенклатуры косметики, но и в описаниях одежды, предлагая неординарные номинативные творческие решения. Таким образом, номенклатурные номены действительно сочетают в себе ментальное и духовное измерения. Они разнообразят гамму эмоций и чувств современного человека, предлагая ему развивать воображение и погрузиться в ряды ассоциаций.

Литература

1. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
2. Кудашев И. С. Об объекте терминологического описания в терминологическом банке данных // Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума. М., 2010. С. 203–213.
3. Кузякин А. П., Семичев М. А. Реклама и PR в мировой экономике: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2002. 319 с.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2006. 256 с.
5. Реформатский А. А. Что такое терминология? // Вопросы терминологии (материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961. С. 46–62.
6. Розова Н. К. Маркетинг. СПб., 2005. 224 с.
7. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 2003. 248 с.
8. Kurtz D. Contemporary Marketing. 13 ed., 2008. 786 p.
9. [DM] Ivanovic A., Collin P. H. Dictionary of marketing. 2003. 305 p.
10. [IDM] Yadin D. International Dictionary of Marketing. 2002. 449 p.
11. [MDMA] Baker M. J. Macmillan Dictionary of Marketing and Advertising. 1990. 278 p.

УДК 130.121.4

Стернин Иосиф Абрамович
профессор

Воронежского государственного университета,

Песина Светлана Андреевна
профессор

Магнитогорского государственного технического университета

им. Г. И. Носова,

spesina@bk.ru,

Виноградова Светлана Аюповна
доцент

Мурманского арктического государственного университета,

svetvin@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОПЛОЩЕНИЯ

В рамках данной статьи на материале лексической структуры многозначного слова *arm* (рука) продемонстрировано, что человеческий организм (точнее, его строение и функционирование) предопределяет жизненно важные аспекты нашего мышления, вербализации и в целом существования. Показано, что описание функционирования человеческого тела спроецировано на окружающие нас трудные для осмысления абстрактные явления окружающей среды. Сделан вывод о том, что определенные языковые и концептуальные процессы нельзя рассматривать изолированно от человеческого воплощения.

Ключевые слова: семантическая структура слова, антропоморфизм, когнитивная лингвистика, воплощение, метафора.

Sternin Iosif Abramovich,

Pesina Svetlana Andreevna,

Vinogradova Svetlana Aupovna

Interaction of cognitive and language structures through the prism of embodiment

Within the framework of this article, based on the material of the lexical structure of the polysemous word *arm*, it is demonstrated that the human body (more precisely, its structure and functioning) predetermines the vital aspects of our thinking, verbalization and existence in general. Hence human mind and therefore language cannot be investigated in isolation from human embodiment. The notion embodiment is used to refer to the social and cultural context in which the body, cognition, and language are perpetually situated. By our recent investigations of metaphorical mappings we can provide the proof that a human body determines vital aspects of our existence and experience.

Keywords: semantic structure of a word, anthropomorphism, cognitive linguistics, embodiment, metaphor.

Семантическое пространство, исследуемое в данной работе, связано с антропоморфным отражением реальности как отличительной особенностью одного из наиболее значительных сегментов концептуальной и языковой картины мира. В целом такое знание заключается в аккумуляции наиболее устоявшихся в языковом сообществе знаний и представлений об окружающей реальности, запечатленных в структуре многозначных слов, номинирующих как тело человека, так и объекты, составляющие ближайшее окружение человека. Соответственно, это представляет интерес для когнитивной лингвистики, поскольку речь идет о структурировании и далее хранении целых пластов информации вместе с соответствующими когнитивными механизмами, необходимыми для извлечения того или иного значения в процессе их актуализации. Поскольку подобные механизмы предполагают функционирование таких семантических примитивов, как инварианты, речь пойдет об инвариантном методе анализа взятых для анализа семантических полей [1].

При антропоморфическом подходе используется принцип развития языка в тесной связи с бытием человека, когда именно человек становится центром языковой и концептуальной картин мира и мерилем духовных и материальных ценностей. Считая себя центром реальной действительности, индивид воспринимает все окружающее как отражение своего существования. При этом поиски системообразующего начала именно образного и эмоционально-чувственного антропоморфического начала в содержательной организации языковых лексем привели нас к семантическому анализу лексики. Данный подход являет собой синтез системного подхода к исследованию номинативных процессов и соответствующий семиозис в области значений и выявление национально-специфических особенностей антропоморфной картины мира носителей языка.

В самом широком понимании гипотеза воплощения связана с утверждением о том, что физические, познавательные и социальные ниши человека обуславливают наши концептуальные и лингвистические системы. С этой точки зрения человеческий разум должен нести отпечаток воплощенного опыта (в традиционной лингвистике — антропоцентризм: *a house stands on a hill* / дом стоит на холме).

В физиологическом смысле термин «воплощение» соотносится с изменениями в развитии, которые переживает организм, трансформируясь от зиготы к плоду или от ребенка к взрослому индивиду. Таким образом, столь же важное значение термина «воплощение» соотносится с

эволюционными изменениями, которые переживает организм по ходу своей генетической истории.

В нейрофизиологическом смысле термин «воплощение» отсылает нас к определенным нейронным структурам и областям, которые соотносятся с такими функциями, как метафорическая проекция, интеграция схем изображения, ориентированных на зрителя в визуальной системе, и т. д. Подобные нейронные структуры и регионы могут также восприниматься как модели активности на концептуальном и психологическом уровне обработки.

Воплощение имеет и феноменологический смысл, в котором оно может отсылать нас к ассоциациям между нашим телом и актами сознательного и продуманного размышления о различных структурах нашего опыта.

В этом смысле логично, что Р. Декарт выступал против идеи воплощения знания, поэтому «воплощение» также используется как сокращенный термин для картезианского философского соотношения ума и тела. Так, на примере трактовки Декартом значения термина «треугольник» он пришел к выводу о том, что знание бесплотно, то есть принципиально не зависит от какого-либо конкретного телесного ощущения.

Наконец, термин «воплощенность познания» теперь также широко используется в когнитивной робототехнике. Вариант реализации схематичных изображений часто ассоциируется с проектами роботов-гуманоидов, в частности, с теми случаями, когда работа, выполняемая роботами, зависит от конкретных морфологических характеристик тела робота (морфология используется здесь в биологическом, а не в лингвистическом смысле).

В когнитивной лингвистике использование термина «воплощение» связано с первоначальной формулировкой гипотезы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, касающейся структурирования метафор. В частности, авторы утверждали, что мы обычно довольно предсказуемо (т. е. по определенным алгоритмам) проецируем образные и схематические модели знаний из более воплощенного исходного домена на менее понятный целевой домен с целью лучшего понимания [8]. Другими словами, каждое отображение между элементами источника и элементами цели имеет однонаправленный характер: схема отображения проецируется от источника к цели, а не от цели к источнику.

Возвращаясь к проблемам, связанным с исследованием воплощенного сознания в лингвистике, мы можем констатировать тот факт, что одна и та же нейронная система, участвующая в осмыслении того, как устроено и функционирует наше тело, играет центральную роль в процессах

концептуализации и, далее, в вербализации сформированных концептов. То есть важнейшим аргументом в пользу гипотезы воплощения служит тот факт, что одни и те же нейронные механизмы, отвечающие за активность более низкого уровня, такие как восприятие и движение, считаются важнейшими для развития когнитивных способностей более высокого уровня, а именно причиной обусловленности наших поступков, умозаключений и концептуализации в целом. Так, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «the very properties of concepts are created as a result of the way the brain and body are structured and the way they function in interpersonal relations and in the physical world» («Свойства концептов формируются в зависимости от того, как структурированы мозг и тело, и как они функционируют в межличностных отношениях и физическом мире») [8, с. 37]. Очевидно, в будущем нейролингвистике предстоит исследование процессов взаимодействия конкретных нейронных и физиологических процессов для более детального изучения концептуальной деятельности человека в различных средах и культурах.

Что касается когнитивной лингвистики, то теория воплощения может дать объяснение так называемой проблеме сложных метафор (*complex metaphors*), которые классифицируются как концептуальные метафоры (Дж. Лакофф). Их логическая абстрактная сущность понимается как часть физического мира, отражающего объекты разной степени важности.

В рамках данной статьи на материале конкретных семантических структур слов мы продемонстрируем тот факт, что наш организм (точнее, его строение и функционирование) определяет жизненно важные аспекты нашего мышления и существования. Описание функционирования человеческого тела абсолютно спроецировано как на окружающие нас объекты, так и на абстрактные понятия, зачастую трудные для осмысления.

Так, главное значение английского существительного *arm* (рука) можно интерпретировать как «верхняя конечность человеческого тела от плеча до запястья». Представленные ниже метафоры отражают сравнение различных объектов и артефактов с внешним видом и функцией человеческой руки. Эта часть исследования направлена на демонстрацию того, что является исходной основой в формировании и расшифровке метафорических значений.

Так, метафора *arm* — «an arrow strip of water or land projecting from a larger body» основана на сравнении узкой полоски воды/земли с человеческой рукой, которая является продолжением (проекцией) тела человеческого в той же степени, как узкий пролив / мелководье / песчаная отмель представляется в форме выступающей из более крупного участка

земли частью ландшафта. В основе этого значения лежат семантические компоненты *strip of water / land, projecting from a larger part, narrow*.

Значение *arm of a company/organization* основано на сравнении филиала какой-либо организации с рукой человека, функционирующей самостоятельно, но являющейся частью тела (в основе значения компоненты *a division of a company/organization, smaller part of it*).

В приведенных и последующих значениях реализуется антропоморфический принцип концептуализации и далее номинации объектов и явлений окружающей среды, где человек, помещая себя в центр, становится главным ориентиром, точкой отсчета и олицетворением всех окружающих объектов и явлений, которым он приписывает собственные характеристики [4; 5]. Данные объекты воплощаются, уподобляясь внешнему виду, строению и функционированию тела человека как наиболее близкого из всех осязаемых объектов. Поскольку эти объекты и явления выглядят и «ведут себя» так же, как и человек, происходит просвечивание или осциллирование сквозь семантику этих воплощенных объектов семантики и/или визуализированного фонового представления о соответствующей части тела человека.

Так, метафорическое значение *arm of angles* («any of the usually two parts of a chromosome lateral to the centromere») основано на схематическом представлении луча (в геометрии), проходящего через одну точку и образующего стороны угла. При этом поднятые под углом руки человека вполне могут напоминать такую геометрическую фигуру, как комбинацию двух полулинейных лучей с общей точкой. В основе семантики этого значения можно выделить следующие компоненты: *combination of two half-lines/rays, with a common end point*.

Таковы метафоры *arm of an anchor* (основана на сравнении части якоря от его «макушки к лапе» с отведенными в стороны руками человека), а также *arm of a chromosome* («any of the usually two parts of a chromosome lateral to the centromere»). Последняя представляет собой любую из обычно двух боковых частей хромосомы, которая уподобляется руке человека (компоненты *one of the two thread like structures of nucleicacids, carrying genetic information, lateral*).

Следующее значение представляет интерес, поскольку оно полностью подтверждает тот факт, что данное многозначное слово передает понятие о любом объекте, внешний вид которого и его функция, положение или форма связаны с человеческой рукой: «arm is a thing comparable to an arm in a form or function; any thing considered to resemble an arm in appearance, position, or function: *arm of a counter weight / completed machine / cables / stabilizer / cultivators / bridge / tractor / robotic / landing / sea / record player etc.*».

Итак, человек мыслит антропоцентрически (человек — центр мироздания) и антропоморфически (все вокруг функционирует по образу и подобию того, как устроено и функционирует тело человека, и, наоборот, свойства наиболее важных для человека объектов переносятся на него самого). При этом антропоцентрический/антропоморфический способ концептуализации и вербализации реальности является как универсальным, так и национально специфичным [2; 9].

Данный подход ставит во главу угла системный взгляд на значение слов, которое рассматривается как рефлекс суммы знаний, которую содержит в себе соответствующая когнитивная структура. Поиски именно системообразующего начала наивного образного антропоморфического начала в содержательной организации языка послужили стимулом к инвариантному семантическому анализу лексики.

Помимо этой специфической особенности анализируемого полисеманта, существует еще один важный вопрос, связанный с семантическим тождеством многозначного слова: что именно скрепляет все значения слова, не давая ему распасться на омонимы. Эта проблема может быть решена с помощью признания внеконтекстного инвариантного значения, имеющего общий характер, который формируется на основе функционирования слова на уровне языковой системы.

Осуществленный эмпирически компонентный анализ метафорических значений позволил выявить наиболее частотные семантические составляющие всех переосмысленных значений. Такие компоненты, как *something long / narrow, lateral, projects from a larger structure* и *a smaller division of a company / organization*, отражают антропоморфное мировоззрение среднего носителя языка о том, что рука — это важнейшая функциональная составная часть намного более сложного и значительного по размеру и строению главного объекта, и эта часть как бы выступает из более крупной структуры. Анализ привел к объективной постановке подобного абстрактного информативного ядра полисеманта (его лексического инварианта).

В этой связи наше мышление довольно предсказуемо и по определенным алгоритмам проецирует образные и схематические модели знаний из более воплощенного исходного домена на менее понятный целевой домен с целью лучшего оперирования понятиями [6; 7].

Выявленный абстрактный схематический конструкт позволяет зафиксировать стереотипное антропоморфное отражение человеком объектов и явлений, соответствующих как наивной, так и научной (*arm of angles in maths*) картина мира, преломленного человеческого отражения реальности как определенный этап в развитии его сознания.

Итак, в рамках данной статьи на материале конкретной семантической структуры слова мы продемонстрировали, что наш организм (точнее, его строение и функционирование) предопределяет жизненно важные аспекты нашего мышления, вербализации и в целом существования. Описание функционирования человеческого тела абсолютно спроецировано как на окружающие нас объекты, так и на абстрактные понятия, часто трудные для осмысления.

Ввиду того что лексема содержит выявленные антропоцентрические компоненты, связанные с человеческим телом, способным генерировать новые ассоциации, можно предположить, что анализируемый полисемант продолжит свое антропоцентрическое развитие в направлении лексического инварианта [3; 10]. Функционирование в сознании выделенного лексического конструкта вытекает из того факта, что человеческое сознание запоминает ситуации, когда в смысловых структурах высказываний были реализованы данные образные компоненты.

Литература:

1. Песина С. А., Юсупова Л. Г., Пулеха И. Р. Антропоморфизм в языке сквозь призму воплощения // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 115: Филологические науки. 2019. № 1 (423). С. 106–123.
2. Песина С. А. Структурирование концепта и концептуальное ядро // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). Рига; Москва, 2011. С. 24–31.
3. Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. 2016. № 2 (20). С. 120–128.
4. Песина С. А., Зимарева О. Л., Баклыкова Т. Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3, № 4. С. 34–38.
5. Песина С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка. Учебное пособие. М.: ФЛИНТ; Наука, 2014.
6. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. М.: Директ Медиа, 2015.
7. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Формирование семантической структуры многозначного слова. Казанская наука. № 3. 2019. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. С. 75–79.
8. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books, 1999.
9. Pesina S., Solonchak T. Lexical Eidos in Linguistics // Procedia — Social and Behavioral Sciences. Vol. 192, № 24. 2015. P. 764–768.
10. Pesina S., Solonchak T. New Ways of Vocabulary Enlargement // International Science Conference. Vol. 8, № 6. Part XI. Venice, Italy, 2014. P. 1000–1007.

Смирнова Наталья Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
Русской христианской гуманитарной академии,
доцент Санкт-Петербургской духовной академии,
nts343@gmail.com

ПРОБЛЕМА ИНВАРИАНТА ПЕРЕВОДА ПРИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА

В понимании понятия инварианта перевода среди отечественных теоретиков перевода нет единообразия, однако различия преимущественно касаются состава тех содержательных компонентов источника, которые подлежат обязательной передаче при переводе — это понимание может быть как более узким, так и расширительным (включающим, помимо семантических элементов, также прагматические и функциональные). При этом любое понимание инварианта исключает возможность смысловых искажений, модификации коммуникативно-функциональной программы исходного произведения или авторского намерения. В то же время практика перевода предлагает множество примеров сознательного отступления переводчиков от постулируемых норм. Чаще всего это происходит в процессе идеологической адаптации произведения. Однако отказ от сохранения инварианта в данном случае, нарушая принципы классической теории перевода, соответствует принципам так называемой теории скопоса, которая ставит во главу угла обеспечение функциональной приемлемости перевода для принимающей культуры, а отнюдь не точность и полноту передачи смысла оригинала.

Ключевые слова: теория перевода, инвариант перевода, идеологическая адаптация, теория скопоса.

Smirnova Natalia Sergeevna **The Problem of Translation Invariant in Ideological Adaptation of the Text**

Although there exists some discrepancy in the understanding of the concept of “translation invariant” by researchers, the differences mainly relate to the specific elements of the source content that are subject to mandatory transmission during translation — thus, this understanding may be narrow or broad, the latter incorporating pragmatic and functional elements in addition to the semantic ones. Whatever the understanding, however, neither semantic distortions nor modifications of the author’s intention and functional orientation of the original are deemed acceptable. At the same time, the practice of translation offers numerous examples of the translator's conscious deviation from the postulated norms. It happens primarily in the process of ideological adaptation of the text. However, failure to preserve the invariant, while violating the principles of classical theory of translation, in this case complies with the principles of the so-called Skopos theory, which highlights functional

appropriateness of the translation for the target culture rather than its accuracy and faithfulness in transmitting the original message of the source text.

Keywords: translation theory, translation invariant, ideological adaptation, scopos theory.

В большинстве фундаментальных работ по теории перевода упоминается понятие «инварианта» перевода, под которым понимается компонент или набор компонентов исходного текста, которые предназначены автором исходного текста для передачи. Содержание имеет комплексный характер и может пониматься расширительно — тогда в него включается не только семантическое наполнение сообщения, но и ситуативная соотнесенность, а также функциональные аспекты текста, направленные на оказание определенного коммуникативного воздействия на получателя перевода. Такая трактовка содержания является преобладающей в отечественном переводоведении, и именно с ее передачей связывается понятие инварианта перевода. Отступления допустимы, если вызваны естественными различиями языков и культур. Имея в виду такие проблемные случаи, Л. К. Латышев, помимо собственно *инвариантных*, выделяет в своей ранговой иерархии компонентов содержания текста также *инвариантно-вариабельные* компоненты, которые также являются обязательными к переводу, но, обладая этнокультурной спецификой, могут быть переданы только через замены [4, с. 67]. Классический пример, иллюстрирующий такого рода замену (в данном случае замену образа), находим у В. Н. Комиссарова:

*I have never seen such an avid **orstrich** for wanting to gobble everything.*

*Я никогда еще не видал такой жадной **акулы** — все готов проглотить* [3, с. 88].

Зачастую замены приводят к потере важной семантической и культурной составляющей — например, в полной мере передать семантику и ассоциативные связи русского слова «терем» не могут ни *(painted) tower*, ни *mansion-house*, ни *stately home*, встречающиеся в английских переводах. Аналогичные потери происходят при замене «богатырей» на *knights*, «светлицы» на *chamber* и т. п. Однако такие потери являются вынужденными и неизбежными.

Далее Л. К. Латышев выделяет *вариабельные компоненты*, которые являются второстепенными с точки зрения их функциональной нагрузки (в наименьшей степени задействованы в передаче коммуникативного задания) и поэтому могут быть заменены или даже опущены.

Компоненты содержания, обычно не входящие в состав содержания как такового (формальные элементы типа морфемного состава слов, их

грамматических категорий) классифицируются как *пустые* и, следовательно, могут быть опущены при переводе без какого бы то ни было ущерба [4, с. 68].

Основанное на таком или подобном ранжировании содержания понимание инварианта традиционно определяет подход к оценке качества перевода в отечественном переводоведении.

Согласно этому подходу, только такой текст следует считать переводом, при котором переводческие трансформации, применяемые с целью обеспечения культурно-когнитивной приемлемости перевода в принимающей культуре, не ведут к искажению смысла оригинала и функционально-интенциональной программы автора исходного произведения.

В то же время, обратившись к переводческой практике, можно обнаружить богатый материал отступлений от этого принципа. В большинстве своем они вызваны необходимостью адаптировать переводимый текст к привычным для принимающей читательской аудитории культурно-когнитивным и идеологическим установкам. Чем больше различий проявляют в этой связи исходная и принимающая культура и чем больше их отражено в содержании исходного текста, тем выше вероятность и степень культурно-когнитивной и идеологической модификации текста в процессе перевода.

Ярким примером в этой связи становятся переводы английской литературы на русский язык, выполненные в советский период. В силу различий советской и западной идеологии можно выделить основные типы изменений, вносимых переводчиком в текст. Эти изменения могли быть требованием как цензуры внешней, так и результатом применения «внутренней» цензуры самого переводчика.

Итак, можно выделить следующие основные виды идеологически обусловленных манипуляций с текстом:

1. Опускания и замены «религиозных» элементов. Переводчики избегают упоминания Бога и, в целом, любого религиозного контекста, отсылок к библейским сюжетам. Встречаются случаи замены нейтральных или положительных по значению «религиозных» элементов на отрицательные. Причина ясна — советская идеология была антирелигиозной по своей сути.
2. Опущение «классовых» элементов, негативизация монархии, высших классов и, напротив, позитивизация представителей так называемых низших классов общества. Истоки такого рода манипуляций — в провозглашаемой «бесклассовости» советского

общества, состоящего из рабочих, крестьян и «народной» интеллигенции.

3. Опускание «политически нежелательных» элементов, например, создающих отрицательный образ представителей тех социальных групп, которые должны вызывать исключительно положительные ассоциации у советского читателя.

Приведем некоторые примеры.

Исключения и замены «религиозных» элементов довольно многочисленны в прозе и поэзии:

1-1) ...without asking **God's blessing** or my father's... (Robinson Crusoe)
...не спросившись ни у отца, ни у матери... (пер. К. Чуковского);

1-2) опускание при переводе строки «**Then let us pray that come it may**» (стихотворение «For A' That and A' That» Роберта Бернса в переводе С. Я. Маршака); замена при переводе названия английской народной баллады «King John and **the Abbot**» в переводе С. Я. Маршака 1936 года на «Король и **пастух**»;

1-3) изменение положительной или нейтральной репрезентации «религиозных» элементов на отрицательную:

...**by God; Holy Jesus** («The Grapes of Wrath» by J. Steinbeck)
...*Эх, черт; Ах, черт...*

Красноречивым подтверждением того, что переводчику зачастую приходится вынужденно «адаптировать» текст к главенствующей на данный момент идеологии, свидетельствуют переводы английской баллады «King John and the Abbot», выполненные С. Я. Маршаком. Известны три перевода этого произведения, выполненные им в разное время — в 1918–1919, 1926 и 1936 годах. В качестве иллюстрации возьмем следующий показательный отрывок:

*For thirty pence our Saviour was sold
Amongst the false Jews, as you have been told,
And nine and twenty's the worth of thee,
For I think thou art one penny worser than he.*

В переводе 1918–1919 годов ответ пастуха более-менее точно соответствует оригиналу:

*Изволь, я скажу, государь-повелитель:
За тридцать лишь пенсов был продан Спаситель,
За милость твою двадцать девять я дам,
На пенс ты дешевле, — ты знаешь и сам.*

Правда, уже в этом своем первом переводе Маршак опускает факт продажи Спасителя евреям(и). Видимо, делает он это по личным причинам

— известно, что Маршак происходил из религиозной еврейской семьи (был потомком раввина-талмудиста) и никогда не забывал своих еврейских корней [11].

Для сравнения приведем перевод Ф. Миллера, опубликованный в конце XIX века [2, с. 2], который является более точным и отражает опущенную Маршаком деталь:

*Господь наш Спаситель, скажу я в ответ,
Был продан евреям за тридцать монет;
За двадцать девять назначу примерно:
Одною хоть меньше вы стоите верно.*

Во втором, уже послереволюционном, переводе Маршака (1926) русификации подверглись лишь «пенсы», замененные на «копейки». Первоначальная степень смыслового соответствия оригиналу при этом сохранилась:

*Изволь, я скажу, мой король-повелитель.
За тридцать копеек был продан Спаситель.
За милость твою двадцать девять я дам.
Ты стоишь дешевле, — подумай-ка сам!*

Но спустя всего лишь десять лет Маршак, видимо, имея в виду произошедшие в общественном сознании кардинальные ценностно-идеологические сдвиги и практически полное удаление религиозного элемента из культурной сферы советского общества, вкладывает в уста пастуха ответ, не имеющий смыслового соответствия в оригинальном тексте. Да и название стихотворения переводит уже как «Король и пастух», избегая всяческих отсылок к религии. Итак, ответ пастуха из перевода 1936 года:

*Пастух королю отвечает с поклоном:
Цены я не знаю коронам и тронам.
А сколько ты стоишь, — спроси свою знать,
Которой случалось тебя продавать!*

Очевидно, что последний перевод искажает смысл оригинала и отличается от него своей функциональной направленностью, эффектом коммуникативного воздействия на адресата. Таким образом, в этом случае инвариант перевода не сохранен.

Примеры манипуляций с «классовыми» элементами включают опущения — как, например, в следующем примере из перевода романа Д. Дефо «Робинзон Крузо»:

2) I likewise taught him *to say Master*; and then let him know that was to be my name. — Затем я научил его произносить мое имя...

«Господин» — фактически первое (после Пятницы) слово, которому учит герой дикаря. В советском обществе «господа» традиционно представлялись эксплуататорами простого народа, поэтому упоминание классового неравенства в отношении двух ключевых положительных персонажей было нежелательно. Примечательно, что в первой части повествования обращение «господин» (*Master*), используемое в иных ситуациях, переведено.

Кроме опущений, присутствуют также замены и добавления, цель которых — облагородить и даже героизировать образы крестьян, нищих и разбойников.

Многочисленные примеры такого рода приводит исследовательница творчества Р. Бернса доктор Наталия Кало Вид [5].

Например, в стихотворении «The Tree of Liberty» Маршак переводит слово «beggar» как «товарищ», а слово «peasant» в тех случаях, когда оно употреблено применительно к людям простого (низкого) звания, заменяет на «холоп», избегая употребления слова «крестьянин», которое в советском обществе связывалось с почетным общественным статусом.

В стихотворении «To the Guidwife of Wauchope House» Бернс говорит, что он гордится тем, что он шотландец. В переводе Маршак добавляет слово «крестьянский», как бы уравнивая обе характеристики:

A Scot still, but blot still, I knew no higher place.

Шотландской, крестьянской породой был я горд.

Пример, возможно, не столь очевидный, но все же показательный: заключительная строка стихотворения «For A' That and A' That» (название, кстати, переведено Маршаком как «Честная бедность») «The rank is but the guinea-stamp / The man's the gowd for a' that», смысл которой в том, что самое ценное в человеке — не его положение, а его достоинства, переведена как «Богатство штамп на золотом, но золото мы сами», что как минимум обедняет, если не искажает смысл оригинала.

Яркие примеры идеализации грабителей можно найти в переводе поэмы «Прощание Макферсона» («Macpherson's Farewell»), в которой грабитель с большой дороги превращается в национального героя и революционера.

Например, строка «I've liv'd a life of sturt and strife» переведена как «Я жизнь свою провел **в бою**». Аналогично «героика», отсутствующая в оригинале, добавлена в следующей строке: «Oh! What is death but parting breath?» — «**В полях войны среди мечей** встречал я смерть не раз».

Вместе с тем упоминания представителей высших слоев общества, как и сама монархия, либо опускаются, либо приобретают отрицательные коннотации:

The honest man, though e'er sae poor, / Is **king** o' men for a' that...
Кто честным кормится трудом, того зову я **знатью**.

«Farewell, Ye dungeons dark and strong / The wretch's destinie!» переведено Маршаком как «Привет вам, тюрьмы **короля**, где жизнь влачат **рабы**». Здесь добавлено отсутствующее в оригинале слово «король» (в отрицательном смысле), тогда как слово «негодяй» заменено на «раб», что в целом способствует созданию негативного образа монархии, которого нет в оригинале.

Также доктор Кало Вид отмечает игнорирование стихов, адресованных друзьям Бернса, если они принадлежали к аристократическому кругу, потому что «советский» Бернс не должен был сохранить никаких связей с высшими классами.

3) Многочисленные примеры опущения «политически нежелательных» элементов находим в переводах романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (40–60-х годах).

Так, изъятию подвергались места, в которых говорится об ошибочных приказах командования, рассуждения о грехе убийства одного из главных героев (положительных), удалено упоминание о попытке партизана ограбить убитого офицера — в целом, удалялось все, что могло бросить тень на моральный облик советского человека и коммуниста. В данном случае нам известно, что купирование и замены текста осуществлялись по указанию начальства — сохранилась так называемая партийная записка 1962 года, в которой, в частности, говорилось: «...не нарушая смысла, заменить некоторые политически сомнительные и двусмысленные формулировки». Задача для переводчиков была непростой, потому что по замыслу автора по-настоящему положительным героем, наделенным высокими нравственными качествами, является американский журналист либеральных взглядов, а отнюдь не выразители коммунистической идеологии, выведенные Хемингуэем как циничные, аморальные и жестокие люди ограниченного ума [1].

Впрочем, при всей показательности советских переводов, справедливым будет указать на универсальный характер такого рода адаптаций. Из дореволюционных переводов можно вспомнить переводы Байрона Жуковским, которые часто называют переложениями или интерпретациями — Жуковский подчеркивал религиозные мотивы и всячески избегал темы бунта.

Примеры идеологической адаптации обнаруживаются в текстах на разных языках и относящихся к разным стилям — это и художественная проза, и поэзия, и публицистика, и даже официальные политические документы (см., например, статью Кристины Шеффнер [9]). Свободны от такого рода манипуляций, пожалуй, лишь научно-технические тексты.

Достаточно показательным в этом отношении является обилие так называемых феминизированных версий перевода на английский язык. Причем переводчики отнюдь не скрывают своих мотивов — так, переводчица Лотбиньер-Харвуд прямо указывает в предисловии к своему переводу произведения франкоязычной канадской писательницы Лиз Говен: «Мой перевод — это политическая деятельность, направленная на то, чтобы язык говорил за женщин» [6, с. 9].

Известно, что для американского общества одной из болезненных тем является расизм, расовое неравенство. Именно желанием избежать такого рода ассоциаций было вызвано, например, удаление из перевода сказки Андерсена «Русалочка» версии 1993 года прилагательного «белые» (white) при описании рук русалки (в оригинале оно в этом сочетании встречается неоднократно). Кстати, в более ранней версии перевода Жана Хершолта (1949) этих пропусков нет [10].

Еще один пример манипулятивного перевода приведен в предисловии к книге «Scandals of Translation» [13, с. 2–3]. На этот раз в центре внимания оказался английский перевод испанской статьи об истории мексиканских народов, который изобиловал унижительными для мексиканцев и искажающими реальность лексическими заменами: «древние мексиканцы» превратились в «индейцев» (Indians), «мудрецы» в «прорицателей» (diviners) и т. п. Возможно, переводчик действовал бессознательно, подбирая лексические соответствия исходя из привычных для него когнитивно-культурных установок.

Наконец, стоит упомянуть и о тенденции менять переводы сообразуясь с изменениями в общественной нравственности. Так, в современных английских переводах Библии отсутствует слово «блуд» (fornication) — оно заменено на общенейтральное «безнравственность» (immorality).

Все приведенные примеры подтверждают слова Д. Робинсона о том, что «перевод всегда в какой-то степени манипулятивен — переводчик либо “помогает” автору произвести желаемый эффект на читателя, либо меняет и даже искажает его» [7].

Как относиться к такого рода манипуляциям? В отечественном переводоведении данной проблеме уделено не так много внимания, в то время как зарубежные теоретики перевода достаточно давно отреагировали на такие явления. К концу XX века помимо традиционного

понимания инварианта перевода, связанного с передачей содержательного ядра исходного текста с учетом вложенных в него автором функциональных доминант, стал оформляться новый подход, при котором во главу угла была поставлена функция перевода, его цель. При этом в качестве определяющей была провозглашена функция не исходного текста, а именно функция перевода и цель, ради которой он осуществляется. Такой функционально-ориентированный подход, при котором исходный текст рассматривается как «информационное предложение» для целевой культуры и его функциональные доминанты, равно как и элементы содержания, могут быть изменены переводчиком или заказчиком перевода с учетом особенностей и потребностей получателей перевода, получил развитие в рамках так называемой теории скопуса, автором которой считается Ганс Вермеер (Hans Vermeer).

Таким образом, происходит отход от постулируемого в классическом переводоведении принципа лингвистической равнозначности (эквивалентности) оригинального текста и перевода, а на первый план в рамках данной теории выдвигается функциональная приемлемость текста для принимающей культуры. При этом допустимы как потери культурно значимой информации, содержащейся в оригинале, так и ее искажение, что в итоге может сформировать неверное представление о культуре источника.

Выделены также стратегии и приемы осуществления необходимых манипуляций с текстом, применение которых можно проследить в некоторых из приведенных выше примеров, например так называемый «идеологический квадрат» Ван Дейка [12], включающий четыре приема:

- 1) подчеркивание **наших** положительных действий или свойств;
- 2) приуменьшение **их** положительных действий или свойств;
- 3) подчеркивание **их** негативных действий или свойств;
- 4) приуменьшение **наших** негативных действий или свойств.

Как же оценивать такие манипулятивные переводы? Кристина Шеффнер констатирует, что современное переводоведение больше не занимается установлением степени «верности» перевода исходному тексту. Основное же внимание уделяется социальным, культурным и коммуникативным факторам, культурной и идеологической значимости перевода, внешней стратегии перевода [8].

В своей статье, посвященной политическому переводу, она приводит впечатляющий список приемов манипулятивного воздействия на читателя через использование эвфемизации, поляризации, гиперболы, неясности и

даже посредством изменения грамматико-синтаксических характеристик текста, например замены актива на пассив, номинализации и проч.

Подводя итог, можно сделать вывод, что традиционный подход к определению инварианта перевода и критериям качества перевода в целом не соответствует современной мировой практике перевода, и в зарубежном переводоведении такой традиционный подход уже был подвергнут пересмотру. Очевидно, что в настоящее время с учетом сложившейся ситуации отечественным переводоведам необходимо вновь уделить пристальное внимание вопросу об инварианте перевода и критериях оценки качества перевода, о приоритетности отражения авторской интенции или ожиданий заказчика перевода, равно как о степени свободы переводчика.

Литература:

1. Блюм А. «Интернациональная литература»: подцензурное прошлое // Иностранная литература. 2005. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/10/internacziionalnaya-literatura-podczenzurnoe-proshloe.html> (дата обращения: 30.08.2021).
2. Гербель Н. В. Английские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1875.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981. 247 с.
5. Kaloh Vid N. Ideological translations of Robert Burns's poetry in Russia and in the Soviet Union. Maribor: Filozofska fakulteta, Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, 2011.
6. Lotbinière-Harwood S. de. "About the *her* in other", Preface to *Letters from an Other* by Lise Gauvin. Toronto: The Women's Press, 1989.
7. Robinson D. The Translator's Turn. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1991.
8. Schäffner C. Political discourse analysis from the point of view of translation studies // Journal of Language and Politics. 2004. № 3 (1). P. 117–150.
9. Schäffner C. Unknown agents in translated political discourse // Target 24:1. 2012. P. 103–125.
10. URL: https://andersen.sdu.dk/vaerk/hersholt/TheLittleMermaid_e.html (дата обращения: 30.08.2021).
11. URL: <https://isralove.org/load/13-1-0-1737> (дата обращения: 30.08.2021).
12. Van Dijk T. A. Opinions and Ideologies in the Press // Bell, Allan & Peter Garrett (Eds.). Approaches to Media Discourse. Oxford: Blackwell, 1998.
13. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.

Трофимова Нэлла Аркадьевна
доктор филологических наук, доцент
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургского государственного университета,
Федулова Алина Олеговна
выпускница Санкт-Петербургского
государственного экономического
университета

УРБАНОНИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА: АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются некоторые урбанонимические номинации как элементы пространства вымышленного города Анк-Морпорк в серии книг «Плоский мир» Терри Пратчетта. Авторы анализируют значения, репрезентированные в номинациях объектов городского пространства, и адекватность примененных переводческих приемов при передаче семантики этих номинаций на русский язык. Выводом из рассмотрения является утверждение, что при передаче топонимов переводчик всегда вынужден комбинировать приемы перевода для достижения его максимальной точности и отражения замысла автора при создании «говорящего» урбанонима.

Ключевые слова: урбаноним, топоним, язык городского пространства, ономастика, номинация, Терри Пратчетт, Плоский мир, перевод топонимов.

*Trofimova Nella Arkadyevna,
Fedulova Alina Olegovna*

The urbanonyms in the work of Terry Pratchett: analysis of the translation

The article examines some urbanonymic nominations as elements of the space of the fictional city of Ankh-Morpork in the series of books “Discworld” by Terry Pratchett. The authors analyze the meanings represented in the nominations of urban space objects and the adequacy of the applied translation techniques when transferring the semantics of these nominations into Russian. The conclusion from the consideration is the assertion that when transferring toponyms, the translator is always forced to combine translation techniques to achieve its maximum accuracy and reflect the author's intention when creating a “speaking” urbanonym.

Keywords: urbanonym, toponym, language of urban space, onomastics, nomination, Terry Pratchett, Discworld, translation of toponyms.

1. Постановка проблемы

Исследование имен собственных, несмотря на уже давнюю историю их изучения, не теряет своей актуальности и сегодня. Особенный интерес исследователей вызывают имена собственные в рамках фантастических и фантазийных произведений, так как каждое имя героя или название какой-либо локации уникально, поскольку вымышлено, рождено творческой мыслью автора.

Творчество Терри Пратчетта представляет собой настоящий клад для исследователей имен собственных, ономастика его произведений необычна, разнообразна и многогранна, полна пародий, символов и аллюзий. Авторы настоящей статьи предпринимают попытку заглянуть в ономастический мир произведений Терри Пратчетта, разобраться в семантике его элементов и специфике их перевода. Материалом для исследования послужили отобранные методом сплошной выборки 40 топонимических единиц из романа «The colour of magic» и его перевода на русский язык И. Кравцовой.

2. Терри Пратчет и Плоский мир

Терри Пратчетт (Теренс Дэвид Джон Пратчетт) писал в жанре фэнтези и был одним из самых любимых писателей в Англии. Роман «The colour of magic» («Цвет волшебства») был первым романом автора, вошедшим впоследствии в цикл под названием «Плоский мир» (сегодня цикл насчитывает 40 романов, 4 рассказа, 3 справочника и одну поваренную книгу). Каждое произведение цикла — это яркие эмоции, юмор и, безусловно, проявление огромного таланта автора.

Плоский мир — невероятная Вселенная Терри Пратчетта — с подробно описанной физической и политической географией, собственным причудливым городским пространством. Каждый из топонимических элементов Плоского мира находится в четко определенной взаимосвязи с другими элементами, позволяя читателю «вжиться» в фантазийную повседневность. Поскольку большинство топонимов входят в состав обозначений объектов города *Анк-Морпорк*, обратимся к его краткому описанию, чтобы получить представление о нем.

Анк-Морпорк — торговый и научно-магический центр и в то же время крупнейший морской порт Плоского мира. Он расположен в устье реки *Анк*, одной из самых грязных рек Плоского мира. Описание города позволяет узнать в нем черты Нью-Йорка, Сиэтла и Лондона, с них Терри Пратчетт и «писал» портрет города. *Анк-Морпорк* — истинный мегаполис ввиду своей многонациональности (тролли, гномы, вампиры и т. д.) и численности населения — 1 000 000, а вследствие близкого расположения к *Круглому морю* и наличия известного одноименного порта считается еще и судостроительным центром.

Из названия города следует, что он поделен на две части: более богатый *Анк* и менее состоятельный *Морпорк*. В названиях улиц города отражено его территориальное деление (здесь есть спуски, проезды, переулки и улицы), улицы названы по расположению на них профессиональных сообществ (*Пивоваренная улица*, *Сывороточный проезд*, *Веревочная улица*, *Ременный проезд*, *улица Праздных Подмастерьев* и др.), указывают на материальный достаток их жителей

(*Дешевая улица, Котоедная улица*), на отсутствие освещения на улице (*Колглазная улица*), на частотность заболеваний кишечными инфекциями у жителей улицы (*Поносная улица*), есть и геройские или околочеродейские названия (*улица Героев, переулок Жестяного Шлема*). Семантика названий улиц настолько разнообразна и аллюзивна, что требует специального исследования.

В городе множество рынков и гастрономических заведений, в которых можно пообедать или отведать необычные горячительные напитки. Есть в городе и учебные заведения, престижные (*школа при Гильдии Убийц*) и не очень (*школа при Гильдии Жертв*). Здесь получают не только необходимый уровень знаний, но и соответствующую названию школы профессию. Весьма интересным фактом является то, что образовательные учреждения делятся на мужские и женские. Так, к примеру, в Анк-Морпорке расположен *Щеботанский колледж благородных девиц*. Такая система очень напоминает реально существовавшие учебные заведения как в Российской империи, так и во многих других странах. Главными соперниками колледжа являются *Незримый университет* и *Бронзовошейный колледж*. Если с осмотром второго не возникает никаких проблем, то посетить университет не так-то просто, ведь название ему дано в соответствии с его особенными характеристиками — он незрим. Но если кому-то посчастливится все-таки попасть в университет, то разочарования не будет — высокие башни, ломаные арки, стрельчатые окна и невероятной красоты цветники — то, что ожидает терпеливого посетителя [1].

Практически все здания в городе построены из дерева, что однажды сослужило плохую службу городу: в результате большого пожара (впоследствии его стали называть *Великий пожар Анк-Морпорка*) сгорел практически весь город, и понадобилось немало времени и сил на его восстановление. Это, к сожалению, был не единственный пожар, пережитый Анк-Морпорком. Состоятельные горожане, живущие в каменных домах, саркастически замечают, что пожар — хороший способ избавиться от «ненужного»: крыс, тараканов, блох и жителей, которые никак не могут позволить себе каменный дом.

Основным содержанием городского пространства Анк-Морпорка являются городские топонимы или урбанонимы (названия улиц, переулков, проспектов, бульваров, площадей, рынков, гастрономических объектов, жилых комплексов, административных районов, отдельных зданий, церквей, монастырей), они специфически организуют городское пространство, отражают, как уже было сказано выше, уникальное «лицо» и «характер» города [3]. Рассмотрению

семантики наиболее интересных урбанонимов и анализу их перевода мы обращаемся в следующем разделе статьи.

3. Урбанонимы Терри Пратчетта и особенности их перевода

3.1. Названия увеселительных заведений

1. *The Crimson Leech* «Багровая пиявка»

Так называется шумная таверна, полная дыма и нетрезвых посетителей. Еда здесь не подается, в меню таверны есть только одна категория — алкогольные напитки. Название передано на русский язык дословно: *crimson* — багровый, *leech* — пиявка. Таким образом сохраняется семантика этого «говорящего» урбанонима, рождающего ассоциации с толстой напившейся крови (здесь — алкоголя) пиявкой. Как кажется, это наиболее подходящий прием перевода, так как использование других переводческих трансформаций, в частности транслитерации или транскрипции, не способствовало бы созданию не только верной атмосферы, но и возникновению необходимых ассоциаций.

2. *The Broken Drum* / «Порванный барабан»

Это типичная таверна Анк-Морпорка, которая находится немного южнее центра города, является самым многолюдным и популярным гастрономическим заведением. Здесь предлагают алкоголь, различные вариации блюд и, как ни странно, молоко. На первый взгляд может показаться, что урбаноним передан при помощи дословного перевода, однако здесь есть небольшой нюанс. Первый компонент *broken* имеет значение *сломанный*. Но ведь барабан обычно не ломается, а рвется, лопается, поэтому подобранный переводчиком контекстуальный эквивалент является успешным вариантом перевода.

3. *The Groaning Platter* / «Стонущая миска»

Еще одна таверна Анк-Морпорка классом пониже, расположенная неподалеку от *Медного моста*. Здесь можно перекусить и попробовать эль. Низкий класс таверны выражен в семантике имени — миска стонет, вероятно, от необходимости терпеть свое содержание — блюда, приготовленные на кухне таверны. Переводчик прибегнул к дословному переводу, но тоже с небольшим нюансом. С первой частью топонимической единицы все предельно ясно: *groaning* — стонущий, а вот вторая часть требует пояснений. «Оксфордский словарь английского языка» дает такое определение слову *platter*: «большая тарелка, которая используется для сервировки блюд» (перевод наш) [4, р. 653]. Исходя из этого значения, переводчик подобрал разговорный вариант обозначения денотата *миска*, которое, на наш взгляд, лучше сочетается с прилагательным *стонущий*: словосочетание *Стонущая миска* благозвучнее чем *Стонущая тарелка*.

3.2. Названия достопримечательностей

1. *Unseen University / Незримый университет*

Это странный университет, который можно увидеть только по его желанию. Дело в том, что университетская библиотека обладает огромной коллекцией волшебных книг, магическая сила которых способна преломлять реальность и сделать университет невидимым. Перевод выполнен при помощи калькирования, этот прием дает возможность выделить «незримость» университета как его характеристику, а не просто как часть имени.

2. *Braseneck College / Бронзовошейный колледж*

Бронзовошейный колледж — главный конкурент *Незримого университета*. Каждый компонент названия интересен по-своему с точки зрения перевода. Второй из них — *College* — передается на русский язык транскрибированием, но, как кажется, это не совсем верно. Во-первых, лексема *college* переводится как «вуз», «университет». Во-вторых, такое понятие, как *колледж*, не приравнивается к высшим учебным заведениям, а является синонимом слова «техникум» или аббревиатуры ПТУ. Таким образом, *college* и *колледж* не являются полными эквивалентами. В таком случае корректнее было бы прибегнуть к методу этимологического соответствия и употребить существительное *университет*, что еще больше подчеркнуло бы соперничество двух учреждений. Теперь перейдем к первому компоненту, который состоит из двух других: *brase* и *neck*. Второй из них, *neck*, переведен дословно. А элемент *brase* правильнее было бы перевести *медный*. Вероятно, переводчик опять исходил из благозвучности топонима, и вместо меди в названии появился ее сплав с оловом — *бронза* как контекстуальный синоним исходному понятию. Однако, как кажется, можно было бы обойтись и без замены, ведь вариант *Медношейный* не менее благозвучен и семантически более точен.

3. *The temple of Bel-Shamharoth / Храм Бел-Шамгарот*

Бел-Шамгарот — один из темных богов, пожиратель душ, образ которого наиболее точно описывают слова «негатив» и «пустота». Его храм (зброшенный в романе) построен из камней, на стенах и потолке висят кристаллы, излучающие жуткий темно-фиолетовый, почти черный свет. Любой коридор храма ведет к его центру, где расположены большая каменная плита и восьмигранный алтарь. При передаче топонима на язык перевода был применен так называемый смешанный способ. Это значит, что первая часть названия переведена дословно, а вторая при помощи транслитерации и транскрипции одновременно. Следует обратить внимание на некоторые особенности перевода. Во-первых, имя *Шамгарот* стоит в родительном падеже и поэтому в соответствии с нормой русского

языка получает падежное окончание: *Шамгарота*. Во-вторых, первая часть имени переведена транслитерацией (*Bel* — *Бел*), если бы перевод был осуществлен при помощи транскрипции, то, скорее всего, это выглядело бы так: *Бэл* [5]. И, в-третьих, вторая часть имени божества переведена транскрибированием. Это заметно в передаче буквы *h* и сочетаний букв *sh*, *th*. Исторически сложилось, что *h* и *th* передаются на русский язык как *э* и *т* соответственно. Анализ показал, что все примененные переводчиком трансформации уместны.

4. *The temple of Small Gods / Храм Мелких Богов*

Этот храм — одна из ключевых достопримечательностей. Сюда приходят молиться богам, не имеющим достаточного количества верующих для создания отдельного храма. Это церковь «по умолчанию» для многих жителей Анк-Морпорка, которые не исповедуют какую-либо конкретную религию, а верят в нечто. Переводчик передал все компоненты топонима пословно, чтобы сохранить элемент противопоставления. Ведь речь идет не о величине богов, а о величине общины, поклоняющейся каждому из них.

5. *The temple of the Seven-Handed Sek / Храм Семирукного Сека*

Так назван храм бога, который знает, чего хочет, а его семь рук ему в этом помогают — забирают у людей желаемое. Поклоняющиеся Секу жестоки, часто причиняют страдания другим, чтобы показать свою преданность богу. Перевод топонимического названия осуществлен также при помощи смешанного способа: первая часть, *the temple*, — перевод эквивалентной единицей; вторая часть, *the Seven-Handed*, — калька; третья часть, *Sek*, — транслитерация, но с добавлением окончания родительного падежа. Следовательно, можно сделать вывод, что переводческие приемы были применены с учетом особенностей языка перевода, в результате был получен топоним, максимально близкий к оригиналу.

6. *The Leaning Tower / Падающая башня*

Это особенная достопримечательность, расположенная на пересечении *Заиндевелой улицы* и *Мерзлого переулка*. Она является штаб-квартирой одного из героев романа по имени *Утор / Аймор*. Данный топоним интересен тем, что рождает ассоциации с *Пизанской башней* как с одной из самых известных падающих башен. Однако Пратчетт никак не связывает эти две башни между собой. Следовательно, переводчик поступил корректно, прибегнув к калькированию.

7. *The Pearl Dock / Жемчужный док*

Это название пирса в Анк-Морпорке, где по пятницам открывает свои двери городской рыбный рынок. Этот топоним ассоциируется у читателя с именем крупнейшей военной базы США *Pearl Harbor / Перл Харбор*, первая часть которого транскрибируется. В романе этот элемент

переведен, вероятно, во избежание отсылок к реалии, а также чтобы подчеркнуть, что именно в этом месте находится склад драгоценностей. Второй компонент означает «причал», «пирс», «пристань». Однако в составе топонима на языке перевода эти слова не присутствуют, поскольку переводчик прибегнул здесь к приему транскрипции. Такое решение обусловлено наличием аналогичного слова в русском языке, которое обозначает «специальное сооружение, предназначенное для ввода в него судов с целью ремонта, осмотра, или окраски их подводной части, а также с целью стоянки в портах с приливами» [2, с. 234]. Можно утверждать, что перевод данной топонимической единицы является адекватным.

8. *Brass Bridge* / *Медный мост*

Так называется мост в городе Анк-Морпорк. Его охраняют восемь статуй гиппопотамов, которые планируют убежать, если городу будет грозить опасность. Рядом с мостом находится упомянутая выше таверна «*Стонущая миска*». Переводчик прибегнул в этом случае к дословному переводу, преобразовав в соответствии с нормой русского языка существительное *brass* (медь) в прилагательное *медный*. Это топоним из категории единиц, не вызывающих трудности при переводе.

3.3. Названия улиц и площадей

1. *Merchants Street* / *улица Торговцев*

На улице *Торговцев*, одной из улиц Анк-Морпорка, расположено множество складов, где хранятся бочки с легковоспламеняющимися веществами (возможно, с порохом). Перевод осуществлен по модели названий улиц в русском языке (определяющий компонент ставится после определяемого «улица», например, *улица Рубинштейна* — *Rubinstein Street*). Компонент *Merchants* передан русским эквивалентом, вариант «купец» не может быть употреблен в переводе данного текста, поскольку имеет ярко выраженную временную и культурную коннотацию в значении.

2. *Rime Street* / *Заиндевелая улица*

Холодом веет от места расположения *Падающей башни* — *Заиндевелой улицы*. На русский язык эта топонимическая единица переведена при помощи калькирования: *rime* — иней, изморозь; *street* — улица. Переводчик вынужден прибегнуть к морфологической замене и передать значение существительного *rime* прилагательным *заиндевелая* в силу особенностей русского языка и логики формирования словосочетания.

3. *Frost Alley* / *Мерзлый переулоч*

Это вторая ось, на пересечении которой с *Заиндевелой улицей* расположена *Падающая башня*. Перевод осуществлен по аналогии с предыдущим примером — при помощи калькирования: *frost* — мороз,

холод, мерзлота, *alley* — переулок. Переводчик не попался в ловушку ложных друзей переводчика и правильно передал значение слова *alley* (*переулок*, а не *аллея*).

4. *Short Street* / *Короткая улица*

Данная улица по факту является самой длинной в городе, поэтому можно констатировать, что ее название демонстрирует отличный юмор жителей Анк-Морпорка. Переводчик поступил правильно, передав название улицы при помощи калькирования и сохранив при этом эффект иронии.

5. *Filigree Street* / *Филигранная улица*

На этой улице расположена таверна «*Порванный барабан*» (впоследствии «*Залатанный барабан*» (англ. *Mended Drum*)) и штаб-квартира Гильдии Наемных Убийц (англ. *Assassins' Guild*). Этот топоним переведен по тому же принципу — калькирование, что и примеры выше: *filigree* — филигранный, *street* — улица. В ходе анализа топонимов романа авторами был найден ювелирный магазин в Лондоне с одноименным названием *Filigree Street*. Однако, к сожалению, не удалось выяснить, был ли этот магазин назван так уже после публикации книги или же имел свое название до появления цикла историй о Плоском мире.

6. *Wizards' Quarter* / *Квартал Волшебников*

Это ключевая локация во всех историях о Плоском мире — квартал, в котором живут волшебники и маги, в центре которого расположена *Башня Искусств* (англ. *Tower of Art*), высокая и уродливая башня. Переводчик передал урбаноним, опираясь на модели названия улиц в русском языке: *wizard* — волшебник, маг, *quarter* — квартал, т. е. определяющее слово в родительном падеже стоит после определяемого.

7. *The Plaza of Broken Moons* / *площадь Разбитых Лун*

Это самая большая площадь в городе Анк-Морпорк, центр значимых событий. Данный топоним заслуживает внимания по следующим причинам. Во-первых, из-за первого компонента названия *Plaza*, ведь его обычно употребляют для обозначения торговых или деловых центров. Однако если обратиться к «Оксфордскому словарю», то определение понятия *plaza* как торгового центра стоит лишь на втором месте, первое же его значение — *square* / *площадь*. Следовательно, можно сделать вывод, что эквивалент подобран правильно. Что касается двух последних компонентов, то здесь применен дословный перевод с постановкой определяющего словосочетания в требуемую нормой русского языка форму родительного падежа.

Заключение

Подводя итог этому короткому рассмотрению — лишь мимолетному взгляду в ономастику Терри Пратчетта, — можно констатировать, что переводчик прибегал сразу к нескольким трансформациям: от транслитерации до транспозиции. Одним из самых частотных методов было калькирование (55 %, т. е. 22 примера), также были выявлены смешанные способы перевода, когда переводчик использовал сразу несколько переводческих трансформаций при передаче топонима на ПЯ (25 %, т. е. 10 примеров). Реже применялись следующие способы: транспозиция (7,5 %, 3 примера) и транскрипция (7,5 %, 3 примера). Отдельно метод транслитерации был выявлен только у 2 примеров, что составило 5 % от общего числа рассмотренных примеров.

Таким образом, все вышесказанное позволяет убедиться в том, что переводчик никогда не прибегает исключительно к одному способу передачи названия, пытаясь достичь максимально точного перевода, а также отразить именно то, что закладывает в определенный топоним автор. Вместе с тем вопрос об адекватности перевода довольно спорный, так как у каждого переводчика свой взгляд и подход, что, вероятно, обуславливает появление ряда разногласий и возникновение новых дискуссий.

Литература

1. Пратчетт Т. Цвет волшебства — Colour of Magic / пер. с англ. И. Кравцовой. М.: Эксмо, 2017. 560 с.
2. Самойлов К. И. Морской словарь: в 2 т. Т. 1: А-Н. М.; Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. 654 с.
3. Трофимова Н. А. Урбанонимы в языке городского пространства (на примере г. Гамбург) // Актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт. СПб.: СПбГЭУ, 2021. С. 120–137.
4. Soanes C. The Oxford dictionary of current English. Oxford Univ. Press, 2006. 1082 p.
5. Upton C. The Oxford dictionary of pronunciation for current English. Oxford, 2001. 1208 p.

Шумков Андрей Арнольдович
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета,
noizen@mail.ru

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ИДИШ-ТАЙЧ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ СО СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В статье рассматриваются конструкции условного наклонения в языке идиш-тайч, структурно отклоняющиеся довольно часто от соответствующих конструкций, принятых в германских языках. Учитывая историю идиш-тайч, в работе предпринято сопоставление видовременных конструкций, в нем использующихся, с германскими и славянскими видовременными конструкциями. Для плана настоящего высказывается предположение, что будущее II в ряде славянских языков, в силу замены причастия II на инфинитив I (супин), может восприниматься как будущее I. Аналогично, для плана прошедшего возможно предположить, что будущее II воспринимается как будущее I, даже вне вышеуказанной замены. Однако в славянских языках будущее время образуется довольно часто с помощью флексии, а в германских — с помощью модального глагола. Не исключено, что модальный глагол «желать» в идиш-тайч мог быть переосмыслен в плане прошедшего в спрягаемую часть будущего II, воспринимаемого как будущее I, и выполняет функцию частицы «бы». Для большей убедительности высказанных предположений приводятся примеры конструкций сослагательного наклонения в идиш-тайч, представляющие собой, по всей видимости, результат замены инфинитива I на причастие II. Рассмотрение ведется в рамках идеи двухчастности (ЛЭТИ, 1993).

Ключевые слова: идиш-тайч, видовременные конструкции, условное наклонение, идея двухчастности, семифинитив.

Shumkov Andrey Arnoldovich
**The conditional mood in yiddish as a result of interference
with slavonic languages**

The article deals with the constructions of the conditional mood in Yiddish, which are, rather often, structurally different from the corresponding constructions in Germanic languages. Taking into account the history of Yiddish, the paper undertakes a comparison of tenses in this language with the tenses in Germanic and Slavonic languages. For the Present it is assumed, that Future II in some Slavonic languages, because of the substitution of Participle II for Infinitive I (Supine), may be perceived as Future I. Likewise, for the Past one can assume, that Future II is perceived as Future I, even without the substitution pointed out. However, in Slavonic languages the future tense is formed, rather often, by means of a flexion, and in Germanic languages — by means of a modal verb. It is not excluded, that the modal verb «will» in Yiddish could be reinterpreted in the Past into the conjugated part of Future II, and fulfills the function of a conditional particle. To enhance the credibility of the proposed

assumptions some examples of subjunctive constructions in Yiddish are given, which are, apparently, the result of substituting Infinitive I for Participle II. The consideration is conducted within the binomiality idea (LEEI, 1993).

Keywords: Yiddish, tenses, conditional mood, binomiality idea, semifinitive.

Конструкции условного наклонения в языке идиш-тайч по своей структуре, с одной стороны, могут совпадать с немецкими, а с другой стороны, вместо инфинитива I в них встречается причастие II. В других германских языках такая замена не принята. Пожалуй, причину появления особых конструкций условного наклонения в идиш-тайч следует искать в его истории.

Уже в X–XI веках западногерманские тексты стали записывать еврейскими буквами, но самым ранним текстом, существенно отличающимся от немецкого, считают рифмованное благословение в вормском праздничном молитвеннике, созданном в 1272 году. Можно полагать, что в эту пору еврей-ашкеназы говорили на собственном языке или диалекте, в котором было до 30 % оригинальных включений негерманского происхождения. Поскольку идиш того времени изобилует гебраизмами и романизмами, предполагается, что евреи не прониклись языком немцев, представителей чуждой христианской религии, а уже в VIII–IX веках переходили с еврейского диалекта старофранцузского или староитальянского на свои, особые варианты древневерхнемецких диалектов.

В XIII веке ашкеназы, населявшие рейнские территории, стали переселяться в Восточную Европу, которую, видимо, и следует считать местом формирования современного варианта идиш-тайч. Влияние со стороны славянских языков было столь сильным, что морфосинтаксические особенности, характерные для германских и романских языков, приобрели славянский оттенок, вплоть до появления у глаголов разделения на совершенный и несовершенный вид. Иные нововведения — аффиксы с разнообразной семантикой, перестройка системы видовременных конструкций, отклонение от германского порядка слов. Может сложиться впечатление, что ашкеназы весьма сильно перемешались со славянским населением, что привело к возникновению своего рода гибридного языка. Однако исконная лексика идиш-тайч весьма устойчива, а некоторые синтаксические конструкции являют собой крайне необычные для славянских (и германских) языков инновации [1; 2; 3].

Германские видовременные конструкции, в частности немецкие (наиболее релевантные языку идиш-тайч), представляют собой следующий набор:

настоящее

- перфект (настоящее от «иметь» или «быть» + причастие II)
- претерит
- плюсквамперфект (претерит от «иметь» или «быть» + причастие II)
- будущее I (настоящее от «становиться» + инфинитив I)
- будущее II (настоящее от «становиться» + инфинитив II)
- кондиционалис I (претерит конъюнктив от «становиться» + инфинитив I)
- кондиционалис II (претерит конъюнктив от «становиться» + инфинитив II)

Некоторые славянские видовременные конструкции, в частности польские (наиболее повлиявшие, на наш взгляд, на условное наклонение в идиш-тайч), являют собой следующий набор:

- настоящее
- перфект ((флексия) настоящего от «являться» + причастие II)
- претерит отсутствует
- плюсквамперфект отсутствует
- будущее I, может быть также выражено настоящим от «быть» + инфинитив I
- будущее II (настоящее от «быть» + причастие II)
- кондиционалис I выражен кондиционалисом II
- кондиционалис II ((флексия) претерита конъюнктива от «быть» + причастие II)

Флексия может присоединяться не только к части сказуемого, но и к другим элементам предложения, например: «*Myśmy robili*» («Мы работали»), «*Wyście pisali*» («Вы писали»), «*Kiedyście wyjechali?*» («Когда вы выехали?»), «*Dawnośmy się niewidzieli!*» («Давно мы не виделись!»), «*Czy byście poszli jutro do kina?*» («Пошли бы вы завтра в кино?»), «*Prosili, żebym przyszedł*» («Они просили, чтобы я пришел» — в русском варианте, как видно, частица «бы» также является своего рода флексией).

Видовременные конструкции в идиш-тайч представляют собой следующий специфический набор [4]:

- настоящее
- перфект (настоящее от «иметь» или «быть» + причастие II)
- претерит (настоящее от «заботиться» + инфинитив I)
- плюсквамперфект отсутствует
- будущее I (настоящее от «желать» + инфинитив I)
- будущее II (настоящее от «желать» + инфинитив II)
- кондиционалис I (претерит конъюнктив от «желать» + причастие II)
- кондиционалис II (претерит конъюнктив от «желать» + партицип инфинитива II)

Под партиципом инфинитива II мы понимаем конструкцию, состоящую из причастия II от «иметь» (и, возможно, «быть») и причастия II от смыслового глагола. На «ступеньке» претерита находится также двойной перфект — перфект от «иметь» или «быть» + причастие II. В кондиционалисе возможен инфинитив.

Кроме того, в идиш встречается конструкция сослагательного наклонения, не имеющая, на первый взгляд, аналогов в германских и славянских языках и состоящая из претерита конъюнктива от «желать» или «долженствовать», причастия II от глагола «быть» и инфинитива I от смыслового глагола [5; 6].

Весьма ярко конструкции условного и сослагательного наклонений можно видеть в следующем примере: «Ven ikh zol geven visn, volt ikh (geven) gekumen» («Если бы я знал, я бы пришел»). Как видно, в независимом предложении допустимо употребить и кондиционалис I, и кондиционалис II. Это наводит на мысль о том, что конструкция сослагательного наклонения обладает довольно тяжелым «весом», позволяющем ей выражать предшествование одного действия другому (или их одновременность).

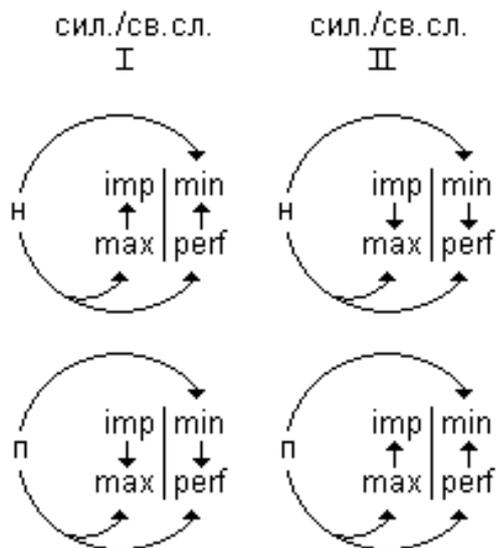
Замена инфинитива I на причастие II в конструкциях условного наклонения в идиш-тайч заставила нас обратить внимание на тот факт, что в ряде славянских языков для плана настоящего в будущем II возможна замена причастия II на инфинитив I (супин), после чего это будущее воспринимается как будущее I. По аналогии для плана прошедшего мы склонны предположить, что будущее II имеет шанс быть воспринятым как будущее I, даже вне вышеуказанной замены. Однако в славянских языках будущее время образуется довольно часто с помощью флексии, а в германских — с помощью слова (модального глагола). Не исключено, что модальный глагол «желать» в идиш-тайч мог быть переосмыслен в плане прошедшего в спрягаемую часть будущего II, воспринимаемого как будущее I, и выполняет функцию частицы «бы». Тем не менее для большей убедительности высказанных предположений нам следует рассмотреть примеры конструкций сослагательного наклонения. На наш взгляд, в этих конструкциях также происходит замена инфинитива I от глагола «быть» на причастие II от того же глагола — «geven» или «gevesn» (в зависимости от диалекта и стиля речи).

Вообще говоря, восприятие будущего II в качестве будущего I характерно лишь для некоторых западно- и восточнославянских языков. В южнославянских языках видовременные конструкции сходны по своей структуре с германскими. В этой работе мы не будем выяснять причину сдвига будущего II в будущее I, но воспользуемся этим фактом для объяснения конструкций условного наклонения в языке идиш-тайч.

Прежде всего следует отметить, что методологией нашего исследования мы считаем необходимым избрать формально-логический подход, используемый в так называемой идее двухчастности. Эта идея была высказана в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в ходе моделирования синтаксических явлений. Оказалось, что двухчастные модели глагольных и субстантивных членов предложения обладают высокой универсальностью и позволяют рассмотреть видовременные конструкции, употребляемые в различных языках, в одной общей схеме.

В рамках идеи двухчастности сказуемое (т. е. видовременная конструкция) представляет собой глагольный семифинитив, зафиксированный по верхней или нижней плоскости временного уточнителя. Глагольный семифинитив состоит из положительно заряженной мембраны и отрицательно заряженной внутренней полости, и, будучи заведомо осциллирующим, поляризуется еще до фиксации. Фиксация в отрицательно заряженном временном уточнителе усложняет общую поляризационную картину сказуемого, в котором возникают видовые оттенки. При этом крайне важным является размер внутренней полости и мембраны.

Весьма наглядно поляризационная картина видовременных конструкций может быть изображена следующей схемой:

Размер семифинитива обозначен символами «сил.» и «св. сл.» — сильный (внутренняя полость и мембрана велики) и сверхслабый (внутренняя полость и мембрана малы) соответственно. Римские цифры указывают тип семифинитива (I или II). Русские буквы «н» и «п» задают план настоящего и план прошедшего соответственно. Латинские

сокращения маркируют мембрану и внутреннюю полость (с учетом ее размера), а также видовые оттенки:

min — видовой оттенок будущности (внутренняя полость);

max — видовой оттенок временной полосы (внутренняя полость);

perf — видовой оттенок совершенности (мембрана);

impr — видовой оттенок несовершенности (мембрана).

Рассмотрим процесс фиксации глагольного семифинитива во временном уточнителе более подробно, отслеживая в образующемся сказуемом появление видовых оттенков, как в плане настоящего, так и в плане прошедшего. При этом мы полагаем, что уточнитель плана настоящего приближается к семифинитиву сверху, а уточнитель плана прошедшего — снизу. Мы полагаем также, что общий заряд семифинитива I положительный, а семифинитива II — отрицательный, что связано, вероятно, с очевидным различием в распределении смыслового центра.

План настоящего

Семифинитив I:

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики) фиксация прерывается и такого сказуемого не существует (1.1).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются, и это приводит к появлению четкого видового оттенка будущности (1.2).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются, и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка временной полосы (1.3).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и мембрана семифинитива не соприкасаются, и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка совершенности (1.4).

Семифинитив II:

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики), фиксация прерывается, и такого сказуемого не существует (2.1).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются, и это приводит к появлению нечеткого видového оттенка будущности (2.2). Этот оттенок можно сделать четким, указав, к какому моменту действие завершится.

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются, и это приводит к появлению четкого видového оттенка временной полосы (2.3).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и мембрана семифинитива соприкасаются, и это приводит к появлению четкого видového оттенка совершенности (2.4).

План прошедшего

Семифинитив I:

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики) фиксация прерывается, и такого сказуемого не существует (3.1).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются, и это приводит к появлению нечеткого видového оттенка будущности, что, вкуче с планом прошедшего, привносит в сказуемое сослагательность (3.2).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются, и это приводит к появлению четкого видového оттенка временной полосы (3.3).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются, и это приводит к появлению четкого видového оттенка совершенности (3.4).

Семифинитив II:

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики), фиксация прерывается, и такого сказуемого не существует (4.1).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются, и это приводит к появлению четкого видového оттенка будущности (4.2). Заменяется на 1.2, ближайшую к будущему.

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются, и это приводит к появлению нечеткого видového оттенка временной полосы (4.3).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и мембрана семифинитива не соприкасаются, и это приводит к появлению нечеткого видového оттенка совершенности (4.4). Этот оттенок можно сделать четким, указав, к какому моменту действие завершилось.

Легко видеть, что немецкие видовременные конструкции соответствуют вышерассмотренным типам сказуемого следующим образом:

- настоящее — 1.3 и 1.4
- перфект — 2.3 и 2.4
- претерит — 3.3 и 3.4
- плюсквамперфект — 4.3 и 4.4
- будущее I — 1.2
- будущее II — 2.2
- кондиционалис I — 3.2
- кондиционалис II — 4.2

Польские видовременные конструкции соответствуют вышерассмотренным типам сказуемого следующим образом:

- настоящее — 1.3 и 1.4
- перфект — 2.3 и 2.4
- претерит отсутствует
- плюсквамперфект отсутствует
- будущее I — 1.2, может быть также выражено будущим II
- будущее II — 2.2
- кондиционалис I выражен кондиционалисом II
- кондиционалис II — 4.2

Видовременные конструкции идиш соответствуют выше рассмотренным типам сказуемого, вероятно, следующим образом:

- настоящее — 1.3 и 1.4
- перфект — 2.3 и 2.4
- претерит — 1.3 и 1.4

плюсквамперфект — нет подходящего типа

будущее I — 1.2

будущее II — 2.2

кондиционалис I — тип трудно определим

кондиционалис II — тип трудно определим

Рассмотрим конструкцию 2.2 подробнее. Эта конструкция выражает нечеткий оттенок будущности, но в польском и немецком языках он проявлен различными способами: в польском верхняя фиксация маркируется глаголом *być*, а в немецком — глаголом *werden*.

По нашим наблюдениям, в западно- и восточнославянских языках семифинитив II, образуясь посредством совершенной формы «быть», становится сверхслабым и фиксируется исключительно по верхней плоскости. Если в образовании такого семифинитива участвует совершенное причастие II, в плане настоящего фиксация не допускается, но допускается в плане прошедшего. Если же в образовании такого семифинитива участвует несовершенное причастие II, фиксация допустима как в плане настоящего, так и в плане прошедшего. Следует отметить, что семифинитив I от совершенного смыслового глагола также является сверхслабым и фиксируется исключительно по верхней плоскости. В западно- и восточнославянских языках уточнители настоящего и прошедшего времени представляют собой флексию.

Наблюдения в отношении германских языков привели нас к выводу, что семифинитив II (и семифинитив I) также может становиться сверхслабым, но фиксируется как по верхней, так и по нижней плоскости. Уточнители настоящего и прошедшего, представляющие собой не флексию, а слово, обеспечивают верхнюю фиксацию гарантированно, в особенности уточнители, избираемые для маркирования видового оттенка будущности. В немецком языке это формы *werden* в настоящем и претерите конъюнктиве, в нидерландском — формы *zullen* в настоящем и прошедшем, в английском — *shall, will* и *should, would*, в шведском — *ska* и *skulle* и т. д.

В польском, и особенно в русском, языке причастие II, участвующее в образовании сверхслабого семифинитива II, заменяется на инфинитив I при фиксации семифинитива в плане настоящего. В плане прошедшего такой замены не происходит.

Мы склонны предположить, что в плане настоящего славянский семифинитив II, после уточнения глагола «быть» флексией и замены причастия II на инфинитив I, может восприниматься как германский семифинитив I, сопровождаемый словом-уточнителем. Тем самым конструкция 2.2 становится структурно тождественной конструкции 1.2, и

глагол «быть» семантически уравнивается с глаголами «хотеть», «долженствовать» или «становиться».

В плане прошедшего славянский семифинитив II, после уточнения глагола «быть» флексией и сохранения причастия II неизменным, не воспринимается как германский семифинитив I, сопровождаемый словом-уточнителем. Конструкции 4.2 и 3.2 не являются структурно тождественными, и глагол «быть» не уравнивается семантически с глаголами «хотеть», «долженствовать» или «становиться». Тем не менее мы полагаем, что вследствие весьма «полезного» сдвига 2.2 → 1.2, позволяющего обрести четкость видового оттенка будущности, предпринимается попытка восприятия конструкции 4.2 конструкцией 3.2, пусть и в нарушение структурной тождественности. Однако в языке идиш-тайч это нарушение устраняется весьма специфически — причастие II сопровождается словом-уточнителем, являющим собой претерит конъюнктив от «желать». Этот глагол, видимо, семантически уравнивается с глаголом «быть». В электронных словарях претерит конъюнктив от «желать» переводится иногда как «бы», что весьма курьезно и отчасти подтверждает наше предположение. Конструкция «*ikh volt gekumen*» воспринимается как «я пришел *бы*».

Для польского языка существование будущего II и кондиционалис II с учетом вышерассмотренных сдвигов может быть подвергнуто сомнению. В самом деле, конструкция «*jabęde czytał(a)*» отличается от конструкции «*jabęde czytać*» не в лексическо-грамматическом значении, а лишь стилистически, считаясь более вежливой. По всей видимости, это связано с тем, что изначально в конструкции 2.2 проявляется нечеткий (более «мягкий») видовой оттенок будущности. Кроме того, дополнительным свидетельством полного сдвига 2.2 в 2.1 может служить невозможность употребить в 2.1 инфинитив I или причастие II от совершенного глагола. Будущее I в случае совершенного глагола выражено семифинитивом I, а в случае несовершенного глагола — семифинитивом II, в котором причастие II может заменяться на инфинитив I. Кондиционалис I, по существу, мог бы выражаться тем же способом, однако семифинитив I в нем не используется вовсе, а в семифинитиве II замены причастия II на инфинитив I не происходит. Будущее I и кондиционалис I оказываются тем не менее довольно равновесными — в будущем I несовершенные и совершенные глаголы разделены двумя различными конструкциями, а в кондиционалисе I объединены в одной, различающейся лишь причастием II (совершенным и несовершенным).

Для языка идиш-тайч, в котором, как мы полагаем, кондиционалис I подвергся структурной перестройке со стороны польской конструкции 4.2,

а будущее I в известном смысле подвергается семантической перестройке со стороны польской конструкции 2.2, наличие будущего II и кондиционалиса II не вызывает никаких сомнений. При этом конструкция «ikh volt gekumen» всецело является конструкцией 3.2 (кондиционалисом I) и не имеет отношения к конструкции 4.2 (кондиционалис II), которая по германскому образцу должна бы выглядеть в идиш как «ikh volt gekumen zaun», аналогично конструкции 2.2 (будущее II) «ikh vel gekumen zaun». Однако переход смыслового глагола в причастие II в конструкции 3.2 может повлечь за собой такой же переход глагола «zaun» (или «hobn») в конструкции 4.2: «ikh volt *geven* gekumen». Более того, если смысловой глагол предваряется каким-нибудь дополнительным глаголом, в основном модальным, то дополнительный глагол переходит в причастие II:

ikh volt gekent kumen
ikh volt *geven* kumen

Если сказуемое строится на «voltn», такой переход в ряде диалектов наблюдается исключительно часто; другие модальные глаголы сопровождаются семифинитивом (I или, гораздо реже, II):

ikh vel kenen kumen
ikh mekht kenen kumen
ikh zol kenen kumen

Однако в идиш-тайч довольно часто встречается конструкция:

ikh zol *geven* kumen

Эта конструкция является особенно интересной, поскольку глагол «zaun» должен бы пребывать не в причастии II, а в семифинитиве I (с «zollen» в идиш-тайч обычно сочетается именно семифинитив (I или II) — «ikh zol visn» или «ikh zol *gevisn* hobn»). По всей видимости, для выражения сослагательности в идиш предпринимается модификация «voltn» или «zoln» семифинитивом I от глагола «zaun»; однако этот семифинитив, вслед структуре условных конструкций, преобразуется в причастие II — «geven» или (гораздо реже) «gevesn».

С учетом наших разысканий мы считаем возможным объявить о следующем соответствии видовременных конструкций идиш вышерассмотренным типам сказуемого:

настоящее — 1.3 и 1.4: **ikh freg**

сильный и сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флексии;

перфект — 2.3 и 2.4: **ikh hob gefregt**

сильный и сверхслабый семифинитив II, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флексии;

претерит — 1.3 и 1.4: **ikh fleg fregn**

сильный и сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флектированного слова «флегн»;

плюсквамперфект — нет подходящего типа;

будущее I — 1.2: **ikh vel fregn**

сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по верхней плоскости настоящего посредством слова «veln»;

будущее II — 2.2: **ikh vel gefregt hobn**

сверхслабый семифинитив II, зафиксированный по верхней плоскости настоящего посредством слова «veln»;

кондиционалис I — 3.2: **ikh volt gefregt**

сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по верхней плоскости прошедшего посредством слова «voltn» и, как правило, преобразующийся в причастие II;

кондиционалис II — 4.2: **ikh volt gehat gefregt**

сверхслабый семифинитив II, зафиксированный по верхней плоскости прошедшего посредством слова «voltn» и, как правило, преобразующий свою первую часть в причастие II;

двойной перфект мы склонны соотнести с конструкциями 1.3 и 1.4, но признать при этом, весьма гипотетически, существование семифинитива III — фактически перфектного семифинитива II (по аналогии можно заявить, что семифинитив II представляет собой перфектный семифинитив I). По «глубине» двойной перфект совпадет с претеритом [7] (интересно отметить, что в идиш-тайч претерит также являет собой конструкции 1.3 и 1.4);

двойной перфект — 1.3 и 1.4: **ikh hob gehat gefregt**

сильный и сверхслабый семифинитив III, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флексии;

конструкции сослагательного наклонения, образующиеся посредством «voltn», мы склонны соотнести с конструкцией 3.2, но признать при этом, что это слово-уточнитель модифицируется семифинитивом I от глагола «zaun». В общей тенденции к унификации структур глагол «zaun» переходит из семифинитива I в причастие II;

сослагательное I — 3.2: **ikh volt geven fregn**

сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по верхней плоскости прошедшего посредством слова «voltn» — уточнителя, модифицированного семифинитивом I «zaun», который преобразуется в причастие II «geven». Такой же модификации может подвергаться слово-уточнитель «zohn», фиксация в котором, вообще говоря, должна проходить по верхней плоскости настоящего. Не исключено, что в идиш наличествуют два типа сослагательных конструкций — конструкция 3.2

(сослагательное I в прошедшем) и конструкция 1.2 (сослагательное I в настоящем) — **ikh zol geven fregn**.

На сегодняшний день нам не удалось обнаружить сослагательное II, ни в настоящем, ни в прошедшем. Это хорошо согласуется с тем фактом, что в германских языках в модифицированных уточнителях фиксируются в основном лишь семифинитивы I, например:

ich habe *fragen* können (немецкий язык)

ik ben daar wezen *kijken* (нидерландский язык)

jag ska kunna *komma* (шведский язык)

Кроме того, нам представляется, что модификация уточнителя сама по себе приводит к «отдалению» семантического центра, сосредоточенного в смысловом глаголе. Такое же «отдаление» наблюдается и в условных конструкциях II вследствие наличия в них семифинитива II.

Для языка идиш ограничение конструкций сослагательного наклонения семифинитивом I от смыслового глагола особенно актуально, поскольку оно позволяет избежать образования конструкции «*ikh volt geven geven zayn*»*.

Следует отметить также, что сослагательная конструкция страдательного залога 1.2 «*ikh zol geven gefregt zayn*» по набору входящих в нее элементов не имеет никаких отличий от изъявительной конструкции страдательного залога 2.2 — «*ikh zol gefregt geven zayn*» (курсивом выделены семифинитив I и семифинитив II соответственно). Однако же сослагательная конструкция страдательного залога 1.2 «*ikh zol geven gefregt vern*» по набору входящих в нее элементов имеет существенное отличие от изъявительной конструкции страдательного залога 2.2 — «*ikh zol gefregt gevern zayn*». Поэтому конструкции страдательного залога в сослагательном наклонении в идиш-тайч употребляются с учетом возможных структурных совпадений или используются весьма редко [8; 9].

В заключение приведем допустимый набор страдательных конструкций условного и сослагательного наклонений с глаголами «*zayn*» и «*vern*» в сопоставлении с действительными:

кондиционалис I — 3.2:

ikh volt gefregt

ikh volt gefregt geven

ikh volt gefregt gevorn

ikh volt fregn

ikh volt gefregt zayn

ikh volt gefregt vern

кондиционалис II — 4.2:

ikh volt gehat gefregt

ikh volt gefregt geven geven*

ikh volt gefregt gevorn geven

ikh volt gefregt hobn

ikh volt gefregt geven zayn

ikh volt gefregt gevorn zayn

сослагательное I — 3.2:

ikh volt geven fregn

ikh volt geven gefregt zayn

ikh volt geven gefregt vern

ikh zol geven fregn

ikh zol geven gefregt zayn

ikh zol geven gefregt vern

Однако в идиш аналитический пассив употребляется менее часто, чем в иных германских языках, заменяясь, например, на возвратные конструкции [10]. Учитывая семантику глаголов «*zaun*» и «*vern*», можно предположить также, что кондиционалис I с «*zaun*» способен заменять тяжеловесный и противоречивый кондиционалис II [11]. Однако невозможно согласиться с тем, что конструкция «*ikh volt gefregt geven*» является «ирреалисом в прошлом» [12], даже несмотря на ее очевидную «утяжеленность» причастием II. Следует отметить также, что в грамматике З. Рейзена [9] эта конструкция признана одной из разновидностей кондиционалиса I и в отношении ее нет никаких упоминаний об «ирреалисе в прошлом». В самоучителе С. А. Сандлера, впрочем, весьма интересным является перевод конструкции «*ikh volt gefregt*» как «я *спросил бы*», а конструкции «*ikh volt fregn*» — «я *спрашивал бы*» [4]. Такие параллели, однако, вряд ли возможны.

Разномастность трактовок видовых и временных значений конструкций условного и сослагательного наклонений в языке идиш-тайч объясняется его диалектальной неоднородностью и, пожалуй, излишней самоуверенностью исследователей. Вместе с тем за каждой видовременной конструкцией стоит вполне прозрачная структура, ограничивающая число возможных видовых оттенков. Несмотря на тяготение к различению совершенных и несовершенных глаголов, идиш сохраняет германский образец глагольного вида. Воспринимать причастие II, фигурирующее в конструкциях условного наклонения, показателем совершенности или предшествования действия в корне неверно. Смысловой глагол переходит из семифинитива I в причастие II в результате сложной структурно-семантической перестройки конструкции 3.2, что вызвано сильной синтаксической интерференцией идиш-тайч с западно- и восточнославянскими языками.

Появление конструкций сослагательного наклонения столь специфического типа на сегодняшний день с привлечением интерференции объяснено быть не может — неизвестно, какие языки способны привести в идиш-тайч такие синтаксические структуры. К тому же среди видовременных конструкций идиш обнаруживаются структурно идентичные — так, претерит образуется, по сути, модификацией глаголом «*flegn*» флексии настоящего, а сослагательное I — модификацией глаголом «*zaun*» слова — уточнителя претерита конъюнктива (или настоящего). Возможно, в этой структурной идентичности и кроется причина появления особых сослагательных конструкций в языке идиш-тайч.

Литература

1. Сандлер С. А. Самоучитель языка идиш. М.: Русский язык, 1989. 440 с.

2. Федченко В. В. Развитие видовременной семантики у маркеров пассивного залога в идише // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 94–113.
3. Шапиро М. А., Фалькович И. М. В помощь изучающим идиш. СПб.: Еврейский общинный центр, 2006. 234 с.
4. Шумков А. А. Формальный анализ сказуемого в германских языках. Видовременные конструкции в языке идиш-тайч. С.-Петербург. гос. электротехн. ун-т. СПб., 1996. 15 с. Деп. в ИНИОН РАН 24.07.96, № 51788.
5. Jacobs N. G. Yiddish: a Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 348 p.
6. Karlen N. The Story of Yiddish: How a Mish-Mosh of Languages Saved the Jews. NY: HarperCollins, 2009. 336 p.
7. Katz D. Grammar of the Yiddish Language. London: Duckworth, 1987. 290 p.
8. Litvinov V., Radčenko V. Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache // Studien zur deutschen Grammatik. Band 55. Tübingen: Stauffenburg, 1998. 238 S.
9. Rejzen Z. Yudishe gramatik. Varshe: Progres, 1908. 99 p.
10. Talmy L. Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // Proceedings of the 8th Annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1982. P. 231–250.
11. Weinreich U. College Yiddish: An Introduction to the Yiddish Language and to Jewish Life and Culture. NY: YIVO Inst. for Jewish Research, 1976. 399 p.
12. Zaretski I. Yidishe gramatik. Vilnius: B. Kletskin, 1929. 322 p.

Яловенко Мария Александровна
аспирант кафедры английской филологии
Института иностранных языков
РГПУ им. А. И. Герцена,
remarka123@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АВТОФИКЦИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассматриваются некоторые лингвопрагматические стратегии создания современного автобиографического повествования с позиций субъектно-объектной организации текста, позволяющих сделать вывод об автофикциональном статусе исследуемых в рамках данной статьи современных англоязычных произведений.

Ключевые слова: автобиография, автофикция, лингвопрагматические стратегии, авторская интенция, активная читательская интерпретация

Yalovenko Maria Alexandrovna **The relational quality of autofiction: An introduction**

This article investigates some of the linguopragmatic strategies with regard to the voice relations in contemporary autobiographical narratives. At the beginning of the article we outline what is understood by the term “autofiction”, which aims at providing the foundations for our usage of it throughout.

Keywords: autobiography, autofiction, linguopragmatic strategies, authorial intention, active readerly interpretation

None of this is real and all of it is true.
Jim Carrey

Немецкий философ Вильгельм Дильтей, основатель философской герменевтики, отзывался об автобиографии как о «высшей и наиболее поучительной форме, в которой нам представлено понимание жизни» [3, с. 248]. Его последователь, философ Георг Миш, наиболее известный своей многотомной работой «История автобиографии», отмечал, что автобиография всегда служит отражением исторического периода, хотя и создается отдельно взятыми личностями [16]. Вслед за Г. Мишем, вероятно, справедливо было бы заключить, что отражением периода «пост-правды» [17], языковыми маркерами которого являются такие единицы, как *post-truth*, *disinformation*, *misinformation* etc., мог бы стать новый тип/вид автобиографии, в основу которой заложена «игра в семантическом

поле правда-вымысел» [5, с. 55]. Так, появившийся еще в 70-х годах прошлого века полемический термин «автофикция» продолжает переосмысливаться в работах зарубежных (Н. Dix, А. Gibbons, М. Worthington et al.) и отечественных исследователей (Е. М. Болдырева, Л. М. Бондарева). Одна из ведущих исследователей современной литературы в рамках когнитивно-стилистического подхода, Элисон Гиббонс, несколько расширяя исторический контекст, выходя за пределы эпохи постправды, предлагает считать автофикцию явлением эпохи метамодерна (*metamodernism*) — (R. van den Akker, T. Vermeulen) — концепции «осциляции» / «колебания» между модерном и постмодерном.

«Remake» (1996) Кристин Брук Роуз, «What is the what: Autobiography of Valentino Achak Deng» (2006) Дейва Эггерса, «How should a person be?» (2012) Шейлы Хети, «10:04» Бена Лернера (2014), «Memoirs and Misinformation» (2020) Джима Керри и Даны Вачон — лишь несколько из ярчайших современных произведений двойственной (автофикциональной) природы: текстов, характеризующихся стиранием (условных) границ между правдой и вымыслом, текстовой и экстратекстовой реальностью (когда фикционализации подвергается содержание, воспоминания), а также усложненным характером субъектно-объектных отношений внутри триады «автор — рассказчик — персонаж». Е. М. Болдырева предлагает следующее определение автофикции: «...автофикция — это автобиография, в которой автобиографический пакт искажен референциальными неточностями, которые касаются и событий реальной жизни автора, и нарративного тождества “автор — повествователь — персонаж”, определенного Ф. Леженом в книге “Le pacte autobiographique”» [2, с. 41]. По ее мнению, автобиографический пакт является некой отправной точкой в определении принадлежности произведения к документальному или художественному жанру. Действительно, Филипп Лежён, известный французский исследователь автобиографического жанра, в 1989 году предлагает схему прескриптивного характера, задуманную для разграничения автобиографического и фикционального/романного пактов.

<i>protagonist's name</i> <i>Pact</i> ↓	≠ author's name	= 0	= author's name
fictional	1a <u>NOVEL</u>	2a <u>NOVEL</u>	
= 0	1b <u>NOVEL</u>	2b indeterminate	3a <u>AUTOBIOGRAPHY</u>
autobiographical		2c <u>AUTOBIOGRAPHY</u>	3b <u>AUTOBIOGRAPHY</u>

Рис. 1. Схема Ф. Лежёна, иллюстрирующая параметры «автобиографического» и «романного» пактов [14]

Представление этой схемы в рамках данной статьи важно по двум причинам. Во-первых, в результате предпринятой Ф. Лежёном попытки разграничения автобиографии и романа обнаружилось некое пограничное пространство, «лакуна» (серые незаполненные прямоугольники, см. рис. 1), что, в свою очередь, позволяет строить предположения о существовании текстов, которые не могут быть охарактеризованы как автобиографии или романы, а, скорее, находятся, по мнению Ф. Лежёна, в отношении «соотношения», вызывающих некую «двойственность восприятия», обнаруживающих «фантазмы индивида» [14, с. 27] [перевод наш. — М. Я.]. Таким образом, можно говорить о появлении третьего, «фантазматического» пакта, который заключают между собой автор и читатель автофикционального текста.

Во-вторых, схема представляет комплексный подход к исследованию текстов, попадающих в «зону жанровой неопределенности» [1, с. 143]: она учитывает взаимодействие текстовых элементов (дейксис субъектно-объектных отношений), паратекстовые элементы (в частности, жанровый дескриптор) и интерпретативную роль читателя.

Важным в ходе данных рассуждений представляется мнение В. Ю. Клейменовой об априорном наличии вымысла в тексте:

Репрезентированная в тексте любого типа действительность — это продукт мыслительной деятельности автора, получивший свое материальное воплощение с помощью языковых средств, она характеризуется не наличием или отсутствием вымышленного содержания, а соотношением этих двух составляющих в рамках одного произведения [4, с. 100].

Задачей данной статьи является попытка анализа некоторых прагматических стратегий, направленных на усложнение субъектно-

объектных отношений внутри произведений и, как следствие, провоцирующих работу активной читательской интерпретации.

Так, *стратегия алиенации творящего субъекта* в рамках усложненных пространственно-временных отношений становится основой сюжетодвижения книги Бена Лернера «10:04». Сначала перед читателем предстает герой, повествующий от первого лица, при этом ономастическое сходство внутри триады «автор — повествователь — персонаж» не вызывает сомнений:

The city had converted an elevated length of abandoned railway spur into an aerial greenway and the agent and I were walking south along it in the unseasonable warmth after an outrageously expensive celebratory meal in Chelsea that included baby octopuses the chef had literally massaged to death [15, с. 3].

Лексическая единица *agent* намекает на вид деятельности рассказчика: он — писатель, и, по-видимому, его карьера весьма успешна (*outrageously expensive celebratory meal*).

Однако буквально в конце этого же абзаца рассказчик выражает сомнения в отношении того, что воспоминания принадлежат ему и события происходят с ним, провоцируя, таким образом, онтологическое противоречие — «это “я” и это “не Я”»:

We sat and watched the traffic and **I am kidding and I am not kidding** when I say that **I intuited an alien intelligence**, felt subject to a **succession of images, sensations, memories, and affects that did not, properly speaking, belong to me**: the ability to perceive polarized light; a conflation of taste and touch as salt was rubbed into the suction cups; a terror localized in my extremities, bypassing the brain completely [15, с. 3].

Прямая референциальная соотнесенность языковых сигналов авторского присутствия с «Я» субъекта воспоминаний находит свое отражение в тексте современной канадской писательницы Шейлы Хети «How should a person be?: Anovelfromlife», композиционно-структурно напоминающем пьесу:

How should a person be? For years and years, I asked it of everyone I met. I was always watching to see what they were going to do in any situation, so I could do it too [13, с. 1].

Приём *смены повествовательной перспективы* как элемента *стратегии создания калейдоскопа авторских масок* посредством субъектных номинаций (местоимение *they*, антропоним *Sheila*) одновременно с «рефлексивной игрой как прагматической установкой

автора» [7, с. 163] обнаруживают себя в процессе подготовки к написанию пьесы, происходящем на глазах у читателя:

Later that same week, after buying the tape recorder, Margaux and Sheila sit in the front window of a neighborhood diner. They order a breakfast to share and two coffees. The midday sunlight filters onto Margaux's peroxide hair. They both wear dirty sneakers. They both wear dirty underwear.

SHEILA

Do you mind if I record?

Sheila pulls out her tape recorder, puts it on the table, and turns it on.

MARGAUX

What? [13, с. 58].

Кажущиеся на первый взгляд вполне определенными и традиционными субъектно-объектные отношения в тексте британской писательницы Кристин Брук Роуз «Remake» на фоне чередования реминисценций прошлого с философскими размышлениями о сущности памяти объективированного всеведущего повествователя вскоре усложняются появлением нескольких ипостасей одного и того же героя (*the old lady, the little girl, Tess* и *John*), разделенных пространственно-временными границами текстового мира (в терминах теории текстового мира такого героя принято называть «исполнителем роли» — *enactor*). Любопытным образом рассказчик словно намекает на автофикциональную природу представленного читателю нарратива:

The old lady thinks about the techniques of fiction, now regularly used in documentary [10, с. 2].

В произведениях «What is the what: The Autobiography of Valentino Achak Deng» (2006) Дейва Эггерса и «Memoirs and Misinformation» (2020) Джима Керри и Даны Вачон, маркированных как «роман», реализуется стратегия создания автобиофикции с акцентом на первой (авто-) или второй (био-) части термина соответственно. Само по себе сущностно близкое «автофикции», но подразумевающее несколько иной характер субъектно-объектных отношений понятие «биофикция» может быть определено как «гибридная жанровая форма, базирующаяся на биографии реального исторического персонажа и сочетающая в своей семантике реальность и вымысел, объективность и субъективность» [8, с. 81].

Так, заявленная в заголовке произведения Дейва Эггерса документальность — *the autobiography* — входит в противоречие с жанровым дескриптором — *a novel*, — сигнализирующим о фикциональности повествования, «усиливая когнитивную активность читателя» за счет «возникновения когнитивного диссонанса» [5, с. 56] или

«когнитивной дезориентации» [9, с. 36]. Нарушение ономастического единства «автор — рассказчик — герой» также обнаруживает себя на паратекстовом уровне: несмотря на то что повествование ведется от первого лица, в прологе Валентино Ачак Денг, не рассказчик, но герой и «реальный исторический персонаж» объясняет читателю мотивы выбора такой стратегии:

This book was born out of the desire on the part of **myself and the author** to reach out to others to help them understand the atrocities many successive governments of Sudan committed before and during the civil war. To that end, over the course of many years, **I told my story orally to the author. He then concocted this novel, approximating my own voice and using the basic events of my life as the foundation. Because many of the passages are fictional, the result is called a novel**” [12].

Схожим образом в произведении «Memoirs and Misinformation» авторы реализуют *стратегию создания автобиофигиции* через повествование от третьего лица, за счет неопределенности внутри отношений «автор — рассказчик — герой»: если рассказчиком выступает сам Джим Керри, заявленный как основной автор (паратекстовый сигнал — выделенное более крупным шрифтом имя на обложке книги) и герой, то в таком случае можно говорить о приеме *смены повествовательной перспективы* внутри *стратегии создания автофигиции*; если же повествование ведется вторым автором (соавтором) — Даной Вачон, при том что героем по-прежнему остается Джим Керри, то справедливым представляется указывать на *стратегию создания биофигиции*. Однако невозможность уверенно заявить ни то, ни другое позволяет нам тем не менее рассматривать данное произведение как реализацию *авторской стратегии создания автобиофигиции*:

He was bearded and bleary eyed after months of breakdown and catastrophe. He lay naked in his bed, so far from peak form that if you watched through a hacked security camera at this moment you might barely recognize him, might at first confuse him with a Lebanese hostage. Then, in a swell of facial recognition, you’d realize: This is no ordinary shut-in watching television alone on a gigantic bed, and as the bloodred Netflix logo glared from an unseen TV you’d say, “I know this man, I’ve seen him on everything from billboards to breakfast cereals. He’s the movie star: Jim Carrey [11, с. 1].

Таким образом, подводя итог этого краткого анализа прагматических стратегий, лежащих в основе построения некоторых современных автофигициальных нарративов можно сделать следующие выводы:

1) целый набор прагматических стратегий, рассмотренных в данной статье, оказывается направленным на трансформацию традиционных субъектно-объектных отношений автобиографического нарратива;

2) в автофикциональных произведениях одну из ключевых ролей в активной читательской интерпретации играют паратекстовые сигналы, как то: имя автора на обложке книги, жанровый дескриптор, предисловие/пролог и т. д., «формируя определенные горизонты читательских ожиданий» [6, с. 186];

3) к произведениям, находящимся в «зоне жанровой неопределенности», можно отнести так называемые автофикциональные произведения, характеризующиеся усложненной природой соотношения правды и вымысла;

4. Кроме того, представляется возможным говорить о существовании некоего гибридного нарратива — «автобиофикции», определение статуса которого пока представляется затруднительным: в данной статье понятие «автобиофикция» было заявлено в рамках одной из авторских стратегий, однако вопрос о возможности ее отнесения к разновидности автобиографического жанра пока остается открытым.

Дальнейшее исследование особенностей автофикционального нарратива, в частности выявление новых лингвопрагматических стратегий с позиций пространственно-временной организации текста, представляется необходимым для определения возможных конститутивных признаков автофикции как отдельного жанра.

Литература

1. Андреева В. А. Об одной из зон жанровой неопределенности (автобиография и автобиографический роман). *Studia Linguistica*. 2000. № 9. С. 143–150.
2. Болдырева Е. М. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX — начала XXI в. // *Верхневолжский филологический вестник*. Ярославль, 2018. № 4 (15). С. 34–44.
3. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе: в 6 т. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.
4. Клейменова В. Ю. Фактуальность и вымысел в тексте // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2011. № 143. С. 94–102.
5. Чемодурова З. М. Стратегии создания современного англоязычного автобиографического текста // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2019. № 192. С. 52–59.
6. Чемодурова З. М. Игра в постмодернистском детективе // *Грамота*. Тамбов, 2014. № 8 (38): в 2 ч. Ч. II. С. 184–188.
7. Чемодурова З. М. Рефлексивная авторская игра в метапрозе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 2013. Т. 7, № 2. С. 160–171.

8. Урусова Н. А., Чемодурова З. М. Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса «Шум времени» // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2020. Т. 2, № 2. С. 81–92.
9. Alber J. Unnatural narrative. Impossible worlds in fiction and drama. Lincoln: University of Nebraska Press, 2016. 320 p.
10. Brooke-Rose Ch. Remake. Carcanet Press Limited, 1996. 172 p.
11. Carrey J., Vachon D. Memoirs and misinformation. Knopf Publishing Group, 2020. 255 p.
12. Eggers D. What is the what: The Autobiography of Valentino Achak Deng. McSweeney's, 2006. 475 p.
13. Heti S. How should a person be?: A novel from life. Henry Holt and Company, 2012. 320 p.
14. Lejeune P. On autobiography. University of Minnesota Press, 1989. 289 p.
15. Lerner B. 10:04. Farrar, Straus and Giroux, 2014. 256 p.
16. Misch G. A History of Autobiography in Antiquity. Cambridge: Harvard University Press, 1951. 2 Vol. 706 p.
17. Roberts D. Post-truth politics. Grist. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (дата обращения: 10.03.2021).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 070 (050)

Болошина Марина Сергеевна
преподаватель
Русской христианской
гуманитарной академии
boloshina_marina@mail.ru

РОЛЬ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «УРАНИСИКИ»)

В настоящей статье рассматривается культурная значимость издательской деятельности Русской духовной миссии на примере журнала «Уранисики», который являлся печатным органом женской духовной школы и известен тем, что наряду с духовно-нравственными наставлениями в нем печатались переводы произведений Пушкина, Гоголя, Толстого и других русских писателей. Журнал «Уранисики» не только знакомил японцев с русской культурой и литературой, но и создавал культурный образ России как страны высокой культуры, что способствовало развитию диалога культур между нашими странами.

Ключевые слова: Николай Японский, «Скромность», «Уранисики», японские переводы русской литературы, японская русистика.

Boloshina Marina Sergeevna

The role of Nikolai Yaponskyi's publishing activity in the dialog of cultures (based on the materials of the magazine "Uranishiki")

This paper explores the cultural importance of the publishing activity of the Russian Ecclesiastical Mission exemplified by *Uranishiki*, a print edition of the female ecclesiastical school known for publishing the translations of the masterpieces of Pushkin, Gogol, Tolstoy and other Russian writers in addition to spiritual and moral guidance. *Uranishiki* not only acquainted the Japanese with Russian culture and literature but also formed a cultural image of Russia as a country of high culture, thus contributing to the development of the intercultural dialog between our countries.

Keywords: Nicholas of Japan, *Skromnost* (Modesty), *Uranishiki*, Japanese translations of Russian literature, Russian Study in Japan.

В контексте современной международной обстановки представляется особенно важным обратиться к опыту успешного диалога культур между Россией и Японией, который был основой миссионерской деятельности Николая Японского. Найденные им способы репрезентации русской культуры и формирования интереса японцев к России, пока недостаточно изученные, могут обогатить современную практику межкультурной коммуникации.

Важными источниками для исследования культурного наследия св. Николая являются журналы, которые издавались при Миссии. Выпускались четыре основных журнала: «Сэйкё: дзихо» («Православный вестник», 1880–1912 гг.; с 1912 г. по наст. время выходит под названием «Сэйкё: симпо» («Православные вести»)), «Сэйкё: ёва» («Православная беседа», 1893–1918 гг.), «Синкай» («Духовное море», 1893–1899 гг.) и «Уранисики» (1892–1907). Кроме вышеперечисленных, в разные годы выходили и другие периодические издания: «Нива» («Сад»), «Симэй» («Предназначение») и др.

Ежемесячный журнал «Уранисики» являлся печатным органом женской духовной школы, одной из первых и лучших женских школ в Японии. Журнал издавался с ноября 1892 по 1907 год и известен тем, что наряду с духовно-нравственными наставлениями в нем печатались переводы произведений Пушкина, Гоголя, Толстого и других русских писателей. «Уранисики» не только знакомил японцев с русской культурой и литературой, но и создавал культурный образ России как страны высокой культуры, что способствовало развитию диалога культур между нашими странами. В данной статье на основании культурологического анализа контента журнала предпринята попытка выявить особенности примененных в «Уранисики» методов ведения межкультурного диалога. Исследование опирается на результаты фронтального просмотра сорока одного журнала, которые хранятся в фондах РНБ: № 1–38 (1892–1895), 56, 57 (1898) и 72 (1899).

Можно выделить следующие отличительные черты межкультурного взаимодействия, которое было осуществлено благодаря миссионерской деятельности отца Николая:

— использование японской внутрикультурной коммуникации для распространения русской культуры и литературы, что явилось воплощением основополагающего миссионерского принципа Николая Японского: создание новой духовной реальности японской культуры усилиями самих японцев, учитывая особенности национальной культурной традиции;

— важная роль рецепции русской культуры и литературы в Японии в создании положительного культурного образа России;

— использование особого вида японской периодики — просветительских журналов как эффективных посредников в культурном диалоге между нашими странами.

На примере журнала «Уранисики» рассмотрим последовательно данные положения.

1. Уважение к традиционной японской культуре проявляется в чисто японском стиле оформления обложек и иллюстраций всех изданий Миссии, но в выбранном нами журнале основной миссионерский принцип св. Николая и в особенностях формирования контента, и в выборе названия журнала. Перевод названия пока однозначного русскоязычного аналога не имеет. В работах российских японоведов можно встретить различные варианты: «Скромность», «Изнанка парчи», «Подкладка из парчи». Название «Скромность» сопровождало журнал в русскоязычный культурный мир с конца XIX в. Так, А. И. Мамонов в монографии «Пушкин в Японии» цитирует японский раздел из книги П. Д. Драганова «Пятиязычный Пушкин» (1899), где упоминается журнал «Уранисики» с таким переводом названия. Драганов ссылается на библиографическую статью православного японца Сергея Сёджи, помещенную в «Церковных ведомостях» (1893), в которой сообщается, что «орган православных японских женщин и их интересов “Уранисики” (“Скромность”) с первого же года своего существования (с 1892 г.) стал помещать в отделе литературном в переводе некоторые первоклассные словесные произведения, серия которых начата “Борисом Годуновым” Пушкина. Кроме того, переведены басни Крылова, стихотворения Никитина, повести Тургенева, графа Л. Н. Толстого и других великих русских авторов XIX века» [4, с. 18].

«Скромность» — единственное название в библиографическом описании журнала в РНБ. На внутренней стороне обложки переплета подшивки журналов, которые хранятся в фондах библиотеки с 30-х годов XX века, название «Скромность» написано от руки, по всей вероятности, самим Николаем Японским. Такой вывод можно сделать на основе следующих косвенных доказательств: журнал присылался в Россию не ежемесячно, а в виде подшивок, переплет которых выполнялся в Японии; в библиотеке хранится одна из сопроводительных записок отца Николая к изданиям Миссии с очевидным сходством почерка. Так или иначе, название использовалось в библиографических описаниях периода издания журнала, было одобрено св. Николаем и соответствует эпиграфу, который помещается в каждом номере перед оглавлением. Это отрывок из 3-й главы Первого послания Петра, где говорится: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и

молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» [1, с. 175]. Понятие «скромный», согласно словарю В. И. Даля, означает «умеренный во всех требованиях, смиренный, кроткий и невзыскательный за себя; не ставящий личность свою наперёд, не мечтающий о себе; приличный, тихий в обращении» [2, с. 79]. Русскоязычное название «Скромность» подчеркивает воспитательное предназначение журнала, но существует как бы параллельно японскому названию, которое имеет множественные культурные коннотации. Видимо, они были важны, иначе бы было использовано японское слово с таким же значением.

Э. Б. Саблина в статье «Из истории периодической печати японской православной церкви», где дается наиболее полное описание журнала, предлагает следующую трактовку названия: «“Уранисики” буквально означает “Подкладка из парчи” и заключает в себе целое мировоззрение. Согласно конфуцианскому учению, дорогая парчовая ткань (парчу было принято носить покрытой тонким шёлком) символизировала душу человека, которому надлежит, прежде всего, заботиться о внутренней чистоте, о совести, пренебрегать показной суетой» [5, с. 418].

Связано ли дословное значение «Уранисики» именно с конфуцианским образом, представляется открытым вопросом. В дневниках Николая Японского содержится негативная оценка влияния конфуцианства на японцев. Отвечая на вопрос американского журналиста о препятствиях к распространению христианства в Японии, отец Николай отмечает, что «более препятствий со стороны конфуцианства ... не в религиозном отношении, а в нравственном: он слишком надмевает своих приверженцев; конфуцианист всегда порядочен, не имеет кажущихся пороков, полирован, и вследствие всего этого совершенно самодоволен: на все другие учения смотрит свысока и не доступен для влияния их; проникнуть христианству в душу конфуцианиста так же трудно, как воде в твердый камень» [3, с. 235–236]. В таком контексте присвоенное журналу название «Скромность» приобретает смысл актуальной антитезы конфуцианскому влиянию или его утонченной критики. Использование конфуцианского образа в названии представляется спорным. В журнале никаких упоминаний о конфуцианских первоисточниках нами не найдено. В то же время есть публикации, которые раскрывают японские культурные коннотации названия, в которых, как нам представляется, и следует искать ключ к пониманию его смысла.

Нисики («парча») имеет коннотацию осенней красоты алых листьев. Поэтический образ Коё-но нисики (紅葉の錦, «парчи из красных листьев») встречается в классических памятниках японской поэзии, начиная с эпохи Хэйан. Считается, что это именно японское восприятие красоты: в китайской поэзии парча ассоциируется с весенними цветами.

В одной из статей первого номера, посвященной «празднованию выпуска журнала», также упоминается образ «природной парчи», сотканной из туманов на реке Сахо и осенних листьев на реке Тацута (образы из классической японской поэзии), из которой будет создан сад в Японии [15, с. 2–3]. Возможно, это иносказательный образ райского сада, выраженный с помощью японских понятий и символов. Таким образом, «нисики» можно понимать как метафору духовной красоты.

Название «Уранисики» объясняется через поэтическую аналогию с образом скрытой туманом луны, невидимых цветов, в дымке проявляющих свой истинный цвет. В первом номере журнала приводится еще один эпиграф, кроме упомянутого выше, в котором есть такие слова: «В скрывающейся за облаками луне есть глубокое печальное очарование осени, скрытые туманом цветы ещё прекраснее. Пусть даже истинная красота не выражается, она есть внутри» [12, с. 1]. Так с помощью образов традиционной японской поэзии объясняется смысл христианского понятия «скромность». Еще одно толкование названия приводится в одной из статей второго номера журнала. «Уранисики» — обратное прочтение названия произведения в жанре сярэбон «Нисики-но ура» («Изнанка парчи», 1791 г.) Санто: Кё:дэн (1761–1816), известного писателя, поэта и художника эпохи Эдо. В «Нисики-но ура» описывается жизнь и нравы веселых кварталов Эдо, нравственное разложение, прикрываемое внешним блеском. Авторы журнала, предназначением которого было духовно-нравственное воспитание девушек в православном духе, противоположность своей позиции подчеркивают обратным порядком слов [10, с. 4].

Как следует из вышесказанного, название журнала, выражающее в сущности понятие «духовная красота», выбрано таким образом, чтобы разъяснить японским читателям разной степени образованности христианское понимание скромности и духовной красоты через семантические коды традиционной японской культуры, что воплощает миссионерский принцип отца Николая. Миссионерский принцип отца Николая воплощается и в контентных особенностях журнала:

— русскоязычных текстов и наставлений отца Николая нет. В каждом выпуске около 60 страниц и в среднем около 20 публикаций. Все авторы — японцы. В разделах «Сё: сэцу» («Романы (Повести)») и «Бунгэй» («Художественная литература») публикуются художественные произведения (в основном переводы русской классики);

— читателю не навязывается чтение памятников русской литературы, его заинтересовывают и стараются эмоционально расположить к чтению новых иностранных авторов. Например, публикации «Бориса Годунова» Пушкина предшествует «подготовка читателей»: в 1-м номере в статье о

задачах женского образования перечисляются выдающиеся образованные мужчины в таком порядке: «Сократ, Платон, Кант, Ньютон, Галилей, Шекспир, Пушкин» [9, с. 13].

Размещение публикаций в журнале обращает на себя внимание и представляется неслучайным: переводы стихотворений русских поэтов помещаются среди статей о японской классической поэзии, мягко предлагая прочесть их как сопоставимые памятники. Например, перевод «Ласточки» («Цубамэ») Державина размещен между статьями о хайку и рэнга в 6-м номере журнала [14, с. 51]. Также представлены переводы стихотворений А. С. Пушкина, А. К. Толстого, И. С. Никитина, А. Н. Майкова.

2. Культурная рецепция является важным фактором формирования позитивного культурного образа России. С данной точки зрения «Уранисики» представляет для культурологов наивысший интерес, так как именно в этом журнале в большей степени представлена рецепция русской культуры и литературы. В журнале были опубликованы многие переводы русской классики: «Борис Годунов» и «Анджело» А. С. Пушкина, «Детство», «Труд», «Два старика» Л. Н. Толстого, «Безденежье» А. С. Тургенева, отрывок из «Бедных людей» Ф. М. Достоевского и др. Это период первых шагов в художественном переводе. На данном этапе было важно прежде всего открытие для Японии имен русских классиков. Незадолго до начала выпуска «Уранисики» в 1883 году появился первый перевод Пушкина в Японии — «Капитанская дочка», выполненный Такасу Дзинскэ, под названием «Рококу кибун. Касии тэси року» («Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка. Удивительные вести из России» (по Мамонову), а в 1886 году переизданной с измененным названием «Рококу дзэси. Сумису-Мари-но дэн» («Сказание о Смите и Мэри. История русской любви») [4, с. 39]. Перевод «Бориса Годунова», сделанный Дзангэцу Ан, был опубликован под названием «Нисэодзи» («Лжепринц»). Такое название могло вызвать интерес читателей, в отличие от неизвестного в Японии имени. Как отмечает А. И. Мамонов, «в этом названии хотя и отдалённо, но уже чувствуется фтабатэевская школа реалистического перевода. Ещё нет точного пушкинского названия (всё это придёт позже), но и нет расцвеченных заголовков-фраз. Тенденция приближения к оригиналу прослеживается и в дальнейшем, усиливаясь от перевода к переводу» [4, с. 39]. В «Уранисики» в 1895 году в № 27–34 опубликовали поэму «Анджело» с сохранением оригинального названия, правда в разделе прозы «Сё:сэцу» (переводчик неизвестен).

По выражению Мамонова, «вначале проза, драматургия, затем поэзия — таков “японский путь” Пушкина» [4, с. 34–35]. Однако публикация небольшого стихотворения во 2-м номере «Уранисики» предшествовала

драматургии (публикация перевода «Бориса Годунова» началась с пятого номера):

老いゆく秋の そらさむく てる日のかげも
かすかにて 木の葉ちりしくはやしには
かなしき風の音のみぞする

Оиюку аки но сора самуку тэру хи но кагэ мо
Касуканитэ ко но ха тирисику хаяси ни ва
Канасики кадзэ ноотономи дзосуру [13, с. 37]

Переводчик неизвестен. Откуда взят отрывок, не указано. Можно предположить, что это следующий фрагмент из четвертой главы «Евгения Онегина»:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась...

Стихотворение Пушкина опубликовано на одной странице со статьёй о «Манъёсю», что имплицитно выражает оценку авторов журнала, передаваемую читателю на невербальном уровне: принадлежность произведения русского поэта к лучшим образцам классического наследия на уровне чтимого памятника японской литературы.

Пока нет единообразного написания названия нашей страны. Встречаются два варианта написания: 魯士亜 (Россия) или 露国 (Рококу). Однако, судя по публикациям в журнале, можно говорить о достаточно высокой степени погружения в русскую культуру авторов статей: «Надпись на памятнике русского писателя Крылова» [6, с. 28], «Письмо известного русского писателя Тургенева» [16, с. 45] и др.

Заголовок статьи о русской литературе, которая предварила публикацию «Бориса Годунова», как и ее контент, содержит лексемы японского языка с положительной коннотацией: «Феномен незаурядной необычной русской литературы» [8, с. 47–51]. Основное внимание в статье уделяется Пушкину и Гоголю. Пушкина называют «Тэнсайка» («Гением»), великим поэтом эпохи романтизма, отразившим русский мир природы и «красоту (души) русского народа».

Результатом просветительской деятельности отца Николая стала не только популяризация русской культуры и литературы в Японии усилиями самих японцев, но становление японской русистики как самостоятельного научного направления, что нашло отражение в публикациях журнала.

В том, что, несмотря на политические разногласия, диалог наших культур не прерывается, большая заслуга японских ученых-русистов.

3. В межкультурном взаимодействии России и Японии просветительские журналы стали коллективными посредниками в диалоге наших культур. Начало издания журналов данного типа положено Николаем Японским. «Уранисики» — пример просветительского журнала, который не только знакомит японцев с русской культурой и литературой, но и старается изменить представление японцев о России.

Во вступительной статье первого номера говорится о причинах выпуска нового просветительского журнала для женщин: «Многие из нас хорошо знают русскую литературу, и мы считаем своим долгом открыть для нашего общества новое явление. Это первая причина. Кроме того, у многих людей при слове “Россия” вспоминается Сибирь, огнестрельное оружие, мысленно представляется образ дикой и нецивилизованной земли, но русская архитектура, музыка, искусство достойны уважения всего мира, и мы считаем, что должны представить их нашему народу. Это вторая причина» [7, с. 1]. Желая создать образ России как страны высоко развитой культуры, авторы знакомят читателей с выдающимися женщинами в русской истории: несколько статей посвящены княгине Ольге, отдельная статья — Екатерине II, ряд статей посвящены положению женщин в России с признанием их более полноправными членами общества, чем в Японии. В упоминавшейся выше статье первого номера, посвященной проблемам образования женщин, наряду с Сафо, упоминается С. Ковалевская [9, с. 13].

Продолжением просветительской миссии «Уранисики» в светском культурном пространстве XX–XXI веков стали журналы японских русистов. Такие журналы, как «Росиаго росиабунгаку кэнкю:», «Муза», «Наро: до» и др., являются в наше время коллективными посредниками в диалоге наших культур, способствуя распространению русской культуры и литературы в Японии.

Таким образом, издательская деятельность Русской духовной миссии имела большое значение для развития культурного сотрудничества между нашими странами. «Уранисики», как и другие журналы, которые выпускала Миссия, отражает выбранный отцом Николаем подход к осуществлению межкультурного взаимодействия: поставить миссионерское дело так, чтобы японцы сами принимали в нем участие, и в диалоге культур создать прочные духовные связи, способные выдержать все испытания внешнего мира.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета канонические. М.: Протестант, 1992.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Олма-Пресс, 2002.
3. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. СПб.: Гиперион, 2004.
4. Мамонов А. И. Пушкин в Японии. М.: Наука, 1984.
5. Саблина Э. Б. Из истории периодической печати японской православной церкви // Ежегодник Япония. 2012. № 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-periodicheskoy-pechati-yaponskoj-pravoslavnoj-tserkvi> (дата обращения: 29.03.2021).
6. Дзангэцу Ан. Рококу бунгакуся Куруинова но кинэндзо: но мэй [Надпись на памятнике русского писателя Крылова] // Уранисики. 1893. № 4. С. 28–29.
7. Ивамото Дзэнги. Уранисики но хакко: о сюкусу [Празднуем издание Уранисики] // Уранисики. 1892. № 1. С. 1–2.
8. Исикава Дзангэцу. Хибон хидзё: нару рококу бунгаку но гэнсё: [Феномен незаурядной необычной русской литературы] // Уранисики. 1893. № 3. С. 47–51.
9. Китагава Тэйко:. Фудзёси но кирисутокё:тэки кё:ику [Христианское образование женщин] // Уранисики. 1892. № 1. С. 7–14.
10. Мука Гэнгэцу. Уранисики но хакко: ни цукэтэ [Об издании Уранисики] // Уранисики. 1892. № 2. С. 4–6.
11. Нанкай Санси. Сё:сэцу «Цуми то бацу» о ёму [Читаем «Преступление и наказание»] // Уранисики. 1893. № 3. С. 61–63.
12. Уранисики. 1892. № 1. С. 1.
13. Уранисики. 1892. № 2. С. 37.
14. Уранисики. 1893. № 6. С. 51.
15. Фуюноя Аруси. Уранисики хакко ни цуки хитокото о ханамукэсу (Слово в честь издания Уранисики) // Уранисики. 1892. № 1. С. 2–3.
16. Хаяси Кю:ко. Рококу бунго: Цу:ругэнэфу но сёкэн [Письмо известного русского писателя Тургенева] // Уранисики. 1893. № 5. С. 45–46.

УДК 37.018

Суздаева Наталья Николаевна

*Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
nat-p@mail.ru*

РАЗРАБОТКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММНЫХ ПРОДУКТОВ КАК СРЕДСТВО ФИНАНСОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается вопрос формирования эффективных образовательных инструментов, позволяющих повысить уровень финансовой грамотности молодежи. Для этого предложено обратить внимание на программные педагогические продукты, то есть различные компьютерные программы и мобильные приложения. В качестве наиболее привлекательной альтернативы рассматриваются тематические игровые программы. Приведены примеры зарубежных решений в сфере повышения финансовой грамотности молодого поколения. Предложен перечень навыков и умений, которые должны развиваться в процессе использования программного педагогического продукта.

Ключевые слова: программные педагогические продукты, финансовая игра, финансовая грамотность, финансовое просвещение.

Suzdaleva Natalia Nikolaevna

Development of pedagogical software products as a tool financial education of youth

The article discusses the issue of the formation of effective educational tools to increase the level of financial literacy of young people. For this, it is proposed to pay attention to software pedagogical products, that is, various computer programs and mobile applications. Themed game programs are considered as the most attractive alternative. Examples of foreign solutions in the field of improving the financial literacy of the younger generation are given. A list of skills and abilities that should be developed in the process of using the software pedagogical product is proposed.

Keywords: software pedagogical products, financial game, financial literacy, financial education.

Финансовая грамотность выступает залогом экономического благополучия населения и страны в целом. Современным потребителям в настоящее время приходится выбирать из множества финансовых продуктов, но принимать осознанные финансовые решения, особенно на фоне стремительной цифровизации финансовой сферы, становится все сложнее. В 2017 году в России была принята стратегия повышения

финансовой грамотности. С целью повышения качества финансового образования в учебных заведениях внедряются специальные учебные программы, которые позволяют детям и подросткам получить базовые знания о финансовых продуктах, значении инфляции, взаимосвязи риска и доходности, навыки планирования доходов и расходов, установки на достижения долгосрочных финансовых целей. Также в рамках реализации стратегии создаются методические центры для подготовки кадров, проводятся регулярные мониторинги уровня финансовой грамотности.

Несмотря на принимаемые усилия со стороны Минобрнауки, Минпросвещения, Минфина России по повышению охвата и качества финансового образования российских граждан, обеспечению институциональной базой образовательного сообщества, все же уровень финансовой грамотности населения России находится на низком уровне. Согласно данным последних исследований в этой сфере, Россия занимает 9-е место среди стран G20 (12,1 из 21 балла). Проблемы, являющиеся следствием отсутствия достаточных знаний в области финансов, сводятся к низкому уровню сбережений населения РФ, чрезмерной закредитованности граждан с низким уровнем дохода. Культура долгосрочных инвестиций и сбережений не воспитывается в российских семьях, что в определенной мере обусловлено обесцениванием миллиардов советских вкладов вследствие неудачных реформ 1990-х годов XX века, потерей денег в финансовых пирамидах, а также небольшими ставками по вкладам банков в настоящее время, процент по которым существенно опережает инфляция.

Еще одной проблемой становится цифровизация финансовых услуг, когда на фоне появления все новых финансовых продуктов регулятор не успевает отслеживать риски. Обозначенные проблемы актуальны не только для старшего, но и для молодого поколения, поскольку представители современной молодежи являются активными пользователями социальных сетей и цифровых инструментов, но при этом, не имея даже базовых финансовых навыков, молодежь демонстрирует рискованное поведение в глобальной сети, распространяя персональные и финансовые данные (Исследование PISA, ОЭСР, 2017).

Уровень финансовой грамотности у российской молодежи в возрасте от 18 до 22 лет идентичен уровню взрослого поколения в возрасте старше 60 лет (Исследование НАФИ, 2017). Именно поэтому дети и молодежь выступают целевой аудиторией в вопросах финансового просвещения, а одним из приоритетных направлений является внедрение в программы школ и университетов элементов финансовой грамотности.

В таком контексте повышается актуальность изучения возможностей повышения финансовой грамотности молодежи, в том числе путем

использования в образовательном процессе программных педагогических продуктов.

Финансовая грамотность — это набор умений, которые появляются у человека в процессе образования в школе или же вузе, но принимаются они и проверяются на практическом опыте в течение всей жизни [2, с. 198]. Это означает, что эффективность финансового просвещения может ухудшаться из-за того, что существует большой разрыв во времени между моментом получения соответствующих знаний о разумном использовании имеющихся денег и фактическим применением их на практике. Поэтому целесообразно разрабатывать такие решения, к которым молодое поколение могло бы обращаться уже после завершения учебного заведения, при получении ими первой заработной платы. Вместе с тем решения в этой сфере должны быть интересными не только для тех, кто непосредственно желает приобрести соответствующие финансовые навыки, но и для детей, которые не могут полностью осознать ценность получаемых знаний, вследствие чего игровая форма создания педагогических инструментов является наиболее желательной.

Программный продукт — это программы, процедуры, правила и соответствующая документация системы обработки учебной информации, одновременно с информационным, организационным и методическим обеспечением дисциплины [1, с. 218]. В современных условиях создать программный продукт можно как с использованием сложных языков программирования, так и применяя различные более простые подходы. Например, если реализовывать программный педагогический продукт в форме сайта, то существуют различные системы создания готовых, например Joomla, Drupal, Wordpress и другие. Все их можно адаптировать к потребностям педагогической науки и использовать как готовую платформу для создания игр.

Целесообразно обратить внимание на зарубежный опыт разработки программных педагогических продуктов в виде игр. В англоязычной среде существуют такие игры, формирующие у учеников финансовые навыки: Payback, Spent, Financial Football / Financial Soccer, Shady Sam, STAX, Money Magic, The Payoff, Hit the Road: A Financial Adventure, The Uber Game, Credit Clash [3].

Money Magic формирует у учащихся навыки бюджетирования. В процессе игры они знакомятся с общими принципами такого процесса, а также формируют представление о тех благах, которые можно получить немедленно и как они воздействуют на долгосрочную траекторию финансового процесса. То есть у обучающихся формируется понимание того, что важно сопоставлять текущее вознаграждение с вероятными долгосрочными последствиями.

В игре The Payoff студенты принимают на себя роль видеоблогера. Чтобы достичь поставленной цели, необходимо разумно распоряжаться имеющимися финансовыми ресурсами и адекватно отвечать на возникновение различных непредвиденных рисков. Игра воспитывает рациональность и взвешенность при принятии различных финансовых решений.

Также такие продукты позволяют демонстрировать воздействие кредитов на имущественное положение, прочих финансовых инструментов, доступных массовому инвестору или заемщику, позволяют оценить адекватность различных трат. При этом часто игры имеют признаки соревновательности, что позволяет делать игру еще более интересной.

Соответственно, учитывая зарубежный опыт, целесообразно предложить видение такого программного продукта и для адаптации к российским реалиям. Безусловно, в России существуют различные программные продукты, которые используются с целью финансового просвещения различных категорий граждан, в том числе и молодого поколения. Вместе с тем следует представить собственное видение подобного программного продукта.

Необходимо, чтобы программный педагогический продукт содержал в себе информацию, которая будет демонстрировать потенциальные деструктивные воздействия чрезмерно большого кредита, а также кредита, полученного в коммерческом банке в иностранной валюте. При этом следует добавить обучающий материал, позволяющий на практическом примере показать, что низкие кредитные проценты, например на ипотеку, способны привести к финансовому выигрышу в долгосрочной перспективе, если ожидается повышение стоимости недвижимости. Различные льготные условия предлагаются Правительством Российской Федерации в том случае, если семья желает приобрести жилье, поэтому такой элемент программы будет соответствовать современным и ожидаемым в будущем российским реалиям. При этом важно продемонстрировать крайне негативное воздействие на личные или семейные финансы различных краткосрочных займов, средневзвешенная эффективная ставка по которым часто превышает 20 % годовых.

Следует воспитывать у молодого поколения навыки бюджетирования, а именно планирования притока и оттока личных денежных средств. Необходимо, чтобы у молодежи в будущем была минимальная вероятность возникновения кассовых разрывов, то есть ситуаций, когда необходимо потратить деньги, которых нет в ликвидной форме. Таким образом, в игру следует добавить примеры календарного плана, позволяющего обучающимся сбалансировать приток и отток денежных средств.

Важным навыком для современного гражданина является умение накапливать денежные средства. Это необходимо делать как для формирования «подушки безопасности» на случай потери работы или возникновения других непредвиденных обстоятельств, так и для усиления собственного имущественного положения. При этом важно понимать, что на текущий момент на российском рынке количество инструментов для аккумуляции средств является ограниченным, но все же у российских граждан есть возможность защищать свои средства от инфляции, а также обеспечивать их прирост. Речь идет о различных депозитах, инвестициях в облигации, акции, другие финансовые инструменты. Соответственно, такая игра должна демонстрировать тот факт, что если откладывать определенную долю своего дохода, даже несущественную, например 10 %, но делать это постоянно и системно, то через определенный промежуток времени можно сформировать ощутимый портфель инвестиций или хотя бы «подушку безопасности».

В игровом программном продукте должен присутствовать элемент случайности событий, которые будут влиять на привлекательность различных финансовых инструментов, например депозитов, акций, кредитов, облигаций корпоративного и государственного сектора. Такой подход позволит воспитывать у обучающихся понимание принципа диверсификации, то есть разделения имеющихся ресурсов между различными классами активов для того, чтобы получить относительно гарантированный положительный результат при условии, что игровая макроэкономика будет демонстрировать рост валового внутреннего продукта и другие параметры, характеризующие ее как устойчивую.

Кроме этого, программа, нацеленная на развитие финансовых навыков и расширение знаний обучающихся о различных аспектах взаимодействия с финансами, должна демонстрировать потенциальное воздействие незначительной экономии на объем имеющегося личного капитала в среднесрочной перспективе. То есть если использовать народную мудрость, то должен быть продемонстрирован принцип «копейка рубль бережет». Обучающийся должен развить у себя понимание, что отказ от небольших импульсивных покупок, которые на самом деле навязаны сотрудниками различных маркетинговых подразделений компаний, позволит одномоментно сэкономить незначительную сумму средств, что в перспективе нескольких месяцев или лет приобретет внушительные масштабы.

Также желательно, чтобы в таком игровом программном продукте объем ежемесячных поступлений главного героя игры оставался относительно устойчивым или рос не существенно. Игрок не должен влиять на размер заработной платы. Это необходимо для того, чтобы также

формировалось понимание, что, даже имея средний доход, если отказаться от импульсивных или других ненужных покупок, можно сэкономить значительную часть средств и накопить личный первичный инвестиционный фонд или фонд денежных средств на черный день.

Что же касается технических вопросов создания такой игры, то она должна состоять из нескольких экранов, а именно начального, основного экрана, экрана взаимодействия с финансовыми инструментами, экрана завершения игры. На начальном этапе происходит регистрация нового пользователя, ввод игрового ника, выбор опций.

На основном экране игры отображается течение времени, ежемесячный доход, прочие параметры финансового состояния игрока. Целью игры, с одной стороны, является обеспечение нормальных условий жизни с учетом имеющегося дохода, а с другой стороны, накопление личного капитала.

После нескольких сеансов такой игры у обучающегося будет возникать понимание того, как различные сценарии его действий влияют на целевые показатели. Ожидается, что приобретенный опыт будет транслироваться и на реальную жизнь при принятии определенных решений касательно расходования личных денежных средств.

Победителем будет игрок с наибольшим объемом чистых активов. Чистыми активами является сумма всех активов за вычетом существующих обязательств.

Подводя итог, отметим, что предложено создание программного педагогического продукта в виде игры для финансового просвещения молодого поколения. Указано, что игровая форма является оптимальной, так как повышает заинтересованность не только лиц, которые желают развить финансовые навыки, но и тех, кто сейчас может не осознавать весь потенциал от повышения собственной финансовой грамотности. В качестве примера используются зарубежные решения, активно используемые в образовательном процессе. Создаваемая игра должна развивать навыки бюджетирования, инвестирования, аккумулирования сбережений, разумного расходования денежных средств, поиска оптимальных финансовых решений в различных жизненных ситуациях. Можно предположить, что повсеместное распространение программных образовательных продуктов в образовательных учреждениях позволит повысить общий уровень финансовой грамотности граждан Российской Федерации.

Литература

1. Смирнова О. Ю. Программный продукт как средство организации самостоятельной работы обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. С. 217–222.

2. Цыбина В. В., Павлюшкевич Т. В. Эффективные инструменты обучения финансовой грамотности молодежи Краснодарского края // Теоретические и практические проблемы современной науки. 2017. № [1–2 \(73–74\)](#). С. 198–203.
3. Page B. 10 Free Financial Literacy Games for High School Students. URL: <https://www.edutopia.org/article/10-free-financial-literacy-games-high-school-students> (дата обращения: 12.03.2021).

Филичева Надежда Викторовна
доктор философских наук,
профессор Русской христианской гуманитарной академии,
nfilicheva@gmail.com

ОПЫТ РЕФОРМАТОРСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

В предлагаемой статье анализируются реформы Петра I, которые, с одной стороны, отражали объективный поступательно-прогрессивный и позитивный характер развития цивилизации в Европе, неся с собой новые ценностные ориентиры, благоприятно повлиявшие на внедрение культа науки, знания, рационализма, развитие культуры и образования, а с другой стороны, эти европейские ценности были осмыслены в контексте русской истории, русской государственности, русской культуры, с учетом их самобытного прочтения и внедрения в России. Обозначены некоторые существенные черты проведения реформ — познание, контакты, ориентация на лучшие достижения западного цивилизационного мира, «имперский» характер развития государственности, культуры и образования, который на разных этапах развития истории России переосмысливался с учетом тех конкретно-исторических контекстов, в которых развертывался и утверждался. Рассмотрены такие аспекты, как переход от заимствования образцов западноевропейского к трансформации национального искусства, особая роль Санкт-Петербурга как «окна в Европу», пафос утверждения нового отечественного искусства и «приближение» к тому этапу, когда уже русская культура инициировала новые культурные процессы в мире, влияла на их характер и развитие.

Ключевые слова: реформы, культура, образование, петровское время, Петр I, европеизация, петербургская культура, личность, ценности.

Filicheva Nadezhda Viktorovna
**The experience of reformist transformations
Peter the Great's in culture and education**

This article analyses Peter the Great's reforms. The reforms, which, on the one hand, reflected the steady, progressive and positive development of European civilization, bringing new values which favorably influenced the introduction of science, knowledge, rationalism, cultural development and education. On the other hand, these European values have been considered in the context of Russian history, Russian state, Russian culture, taking into account their original reading and adoption in Russia. This article defines some essential features of the reforms — knowledge, contacts, recognition of the best achievements of Western civilization, the “imperial” character of the development of the state, culture and education, which at different historical periods in Russia was reconsidered bearing in mind concrete historical contexts. The author of the article describes the transition from taking a leaf from Western European art to the transformation of Russian national art. A distinctive role of St. Petersburg as a “Window to Europe”, pathos of adoption of new domestic art and the “approach” to the period when Russian culture itself initiated new cultural processes in the world, influencing their character and development.

Keywords: reforms, culture, education, Peter's the Great time, Peter the Great, Europeanization, culture of Saint Petersburg, personality, values.

Часть истории российских преобразований Петровской эпохи, которую мы предполагаем рассмотреть, и культурная судьба современной России нам не безразличны. Извлечение уроков истории, культуры, предшествующей реформаторской деятельности — непростая задача, требующая объективной оценки. Но это наша, отечественная история, наша культура, поэтому в отношении к ним невозможно избежать субъективного отношения, которое зависит от заинтересованной позиции исследователя. Свою историю, как и культуру, надо уметь чувствовать, сопереживать им и понимать.

Как сегодня относиться к культурному опыту, накопленному за столетия своей истории? Отринуть его или учиться на нем? Какова судьба ценностной системы сегодня? Может ли человечество жить вне системы ценностей или кардинально менять эту систему, и чем это чревато для современного и будущего человечества? Эти вопросы сегодня звучат актуально.

Русская культура с ее многовековым опытом способна в современной ситуации подсказать варианты решения проблем и «вызовов» человеку, культуре, цивилизации.

При изложении и анализе опыта реформаторских преобразований и политики императорской России, а также в области культуры и образования XVIII–XXI веков, которые мы предполагаем рассмотреть как ряд наиболее важных периодов в истории России в последующих публикациях, надо учитывать, как эти реформы воспринимались современным обществом, какую цену народы заплатили за них и как складывались отношения между властью и обществом, были ли это отношения доверия и взаимопонимания или неприязни и отчуждения. Цена реформ, их эффективность, их перспективность — это не только экономические проблемы, но и социально-политические, культурно-нравственные, это проблемы ценностных критериев и ориентиров.

В истории человечества, и особенно русской культуры, всегда важными были и остаются темы нравственности, национальной самоидентификации, идеологии — от них зависит направленность, содержание, методы, темпы проведения реформ. Особенно важно правильно решать и адекватно оценивать такие задачи в сложные переходные времена.

Своеобразные природно-климатические условия, природный ландшафт, русский цивилизационный и культурный мир всегда отличались особой ментальностью, своей системой ценностей, давая адекватные

ответы на вызовы природной среды, социума, других культур.

Примечательно, что одним из существенных качеств носителей этой особой ментальности была удивительная открытость, отзывчивость к разным веяниям, влияниям, флуктуациям других культур и традиций. Вместе с тем эта восприимчивость к иным культурным и цивилизационным «ветрам» всегда (осознанно или интуитивно, по «наитию») была избирательна. Культура впитывала в себя только то, что отвечало ее органике, что не противоречило ее самобытности, а позволяло совершенствоваться и развивать свою культуру.

Русская культура выработала в себе способность и готовность к синтезу, органическому соединению, к гармонизации самых разных, противоположных, а порой и противоречивых явлений, процессов, элементов, структур, систем, и при этом не только не нарушая этим композиционной целостности, а рождая новую целостность.

Особенность русского культурного и цивилизационного мира, опыт, который накапливала и приумножала русская культура, стал достоянием мировой культуры и цивилизации. Сущностные черты русской культуры особенно ярко, убедительно и полноценно проявляют себя в важные переходные этапы русской истории. Эти черты несут на себе и политическая деятельность, если она имеет рациональный, осознанный характер, и научные открытия, литература, поэзия, искусство.

Одним из таких этапов в истории русской государственности, русской культуры, русской цивилизации являются XVII и XVIII века Нового времени. Новое время в Европе — это особый рубеж в развитии европейской культуры. Более того, можно уверенно утверждать, что это начало импульсов новых процессов в мировой цивилизации.

Россия на рубеже XVII–XVIII веков в своем саморазвитии была уже готова воспринять новые ценности, она уже «созрела» для внутреннего переустройства, в ней уже выросла та среда, которая готова была откликнуться на новые веяния. Таким временем стала эпоха Петра I.

Эта готовность к восприятию нового проявилась и в государственной политике, и в культурной жизни. В Петровскую эпоху в России проходили, по сути, тектонические процессы, и они не могли протекать безболезненно. Тектонические процессы и в природе, и в обществе не проходят без насилия над прежними системами. Другое дело, что можно рассуждать о необходимой мере и степени этого насилия. И важно отметить — эти процессы проходили в контексте общеевропейских цивилизационных и культурных процессов.

Перед Россией в этот период стояли свои внутренние задачи. Для того чтобы полноценно включиться в систему мировых связей и отношений, надо было преодолеть отставание, культурную замкнутость.

Время требовало энергичных людей, открытых для новых процессов, нового мышления, готовых к радикальным переменам. Время требовало нового «формата» деятельности — творческого, активного. И в России появились такие новые энергичные люди, которые отвечали требованиям времени. В первую очередь это были Петр I и его ближайшие сподвижники, соратники, «птенцы гнезда Петрова». Но не все были готовы к переменам, кардинальным изменениям, что, несомненно, усложняло ситуацию.

Еще раз подчеркнем, что Новое время акцентирует особое внимание на роли личности. Личность, ее способность ставить перед собой определенные цели, разрабатывать программы для достижения поставленных целей, уметь оценивать ход развития и результаты реализации программы, принимать ответственность за свою деятельность — это все то, что было остро востребовано в XVII–XVIII веках. Такой же запрос был и на лидерство в политике, в государственной деятельности.

Ответом на такой запрос в этот период стал Петр I — личность уникальная, активная, энергичная, «жадная» до новых знаний и умений. Он — «дитя своего времени». Его увлеченность новым — искренняя, заражающая окружающих. Важно, что Петр I был убежден в необходимости реформ для России и делал все возможное, чтобы осуществить задуманное. Несомненно, эти устремления Петра-личности шли во благо страны. Эти личные позитивные качества позволили проводить требуемую для страны политику и преобразования, в том числе и для развития культуры.

Изменения в культурно-образовательной и просветительской сферах проводились Петром в духе европеизации и были нацелены на сближение культур русской и западноевропейской (прежде всего немецкой, английской, голландской) цивилизаций. Эта направленность реформ была особенно характерна для довоенного периода деятельности Петра I (1698–1700).

Изменения затронули самые разные сферы жизни и деятельности русских людей — от быта и повседневных обычаев и традиций до государственных и социальных, в том числе образования, науки, художественной культуры. Словом, реформы «перепахали» все пласты жизни, культуру страны, сознание людей, коренным образом изменили характер их деятельности.

Закрепляя внешние европейские порядки в российской действительности, заставляя курить табак и пить кофе, носить новые одежды, танцевать на ассамблеях и внедряя другие новшества, Петр I стремился изменить стиль мышления своих подданных. В российское общественное сознание закладываются представления о внесословной

ценности личности, о гражданской чести и достоинстве. Уже на бытовом уровне инициировалась новая атмосфера, где ценились открытость к новому, энергичность, личная заинтересованность и ответственность за события, процессы, действия в разных сферах жизнедеятельности.

Петр I прекрасно понимал необходимость развития культуры, причем культуры новой, европейской и по форме, и по сути. Известна одна из установок Петра I: «Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки» (цит. по: [1, с.132]).

Реформы Петра I радикально изменили уклад российского государства. Следует вспомнить некоторые судьбоносные влияния и воздействия в жизни самого Петра. В детские и юношеские годы на него оказали большое влияние европейцы, жившие в России, у которых он многому научился. Став царем, Петр I неоднократно посещал Европу — в 1697–1698 и 1716–1717 годах. Во время первого заграничного путешествия («Великое посольство») — под именем урядника Петра Михайлова он побывал в европейских странах; в Англии и Голландии изучал корабельное дело, знакомился с укладом жизни европейцев и видел огромную разницу между Европой и Россией. В то время как в Европе развивалась промышленность, процветали кораблестроение, наука, культура, в России не было ни современной для того времени армии, ни флота, ни промышленности (было всего несколько железодельных заводов, 20–30 мануфактур), ни школ, ни светского образования, ни медицины, ни развитой торговли, ни быта, ни культуры, ни органов управления. Все это и многое другое не прошло бесследно для становления Петра и как личности, и как государственного деятеля. Накопленный опыт нашел отражение в его программе преобразования страны.

Анализ уже первой зарубежной поездки молодого царя в 1697 году показывает, сколь велик и разносторонен был интерес Петра I к явлениям культуры. Хотя цели посольства были чисто дипломатическими, в этой поездке Петр I «впервые увидел западноевропейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и силу», что и определило главную цель всей его последующей деятельности — «приобщить Россию к достижениям европейской цивилизации» [2, с. 27].

Идея европеизации наиболее зримо воплотилась в строительстве новой столицы — Санкт-Петербурга. Отличительная особенность культуры Петербурга, по внутренней логике Петровских реформ, где было важным не только военное и торговое значение Петербурга, но и культурное.

В распространенном Петром I в 1702 году в Берлине «Манифесте о

вызове иностранцев в Россию» для обучения русских людей «навыкам», известным европейским народам, в Россию приглашались люди самых разных специальностей.

Новый российский город, Санкт-Петербург вскоре гостеприимно распахнул двери перед всеми, кто принял приглашение участвовать в его созидании — этом грандиозном и в чем-то авантюрном предприятии. Открытость достижениям европейской культуры, знаниям и мастерству иноземцев стала особенностью молодого города.

Немцы, шведы, голландцы, французы, итальянцы и англичане сначала обживались отдельными колониями, но постепенно национальные, языковые и топографические границы исчезли. Очень скоро в городе возникла «особая нация» — петербургская, в которой обрусевшие иностранцы и русские составили единое целое. Для многих иностранцев Санкт-Петербург и Россия становились второй родиной, которой они отдавали свой талант и жар души, а царю служили верой и правдой. Вместе с русскими мастерами они участвовали в создании города и великолепных пригородных резиденций царствующих особ. Под влиянием русского зодчества европейские архитектурные формы трансформировались — появились сооружения, отличающиеся подлинным своеобразием. В искусстве, общественной жизни и в быту нового города причудливо слились европейские и русские национальные традиции, сформировав новое явление — петербургскую культуру.

Санкт-Петербург, заложенный в 1703 году, ставший столицей в 1712-м, строился в рекордно короткие сроки. Именно Петру I Россия обязана появлением одного из прекраснейших городов в Европе — Санкт-Петербурга, города, ставшего олицетворением гордости и славы Российского государства.

Действительно, рождение города было «дерзновению подобно». Для осуществления своих замыслов Петр I, наперекор «старой» Руси, привлек поколение, которое с яростной уверенностью, свойственной молодости, поддержало все его начинания. Санкт-Петербург стал символом нового этапа русской истории и грандиозных, невиданных ранее свершений. Бросив вызов природе, император задумал создать на зыбкой, словно вытканной из тумана, почве российский «парадиз». Петербург являлся главной заботой, любимым детищем Петра I на протяжении всей его жизни.

Важно отдать должное энергии, упорству и в определенном смысле компетенции Петра I, который сам выбрал место для будущего города как необходимого бастиона для защиты государства. Петр лично обследовал невское устье и выполнил чертежи новой крепости на острове Луст-Эланд. Крепость была сооружена по всем требованиям фортификационной науки

того времени, но ее расположение очень напоминало привычные формы русских поселений.

Укрепленное ядро города должно было иметь простую структуру, которая отвечала бы оборонным задачам. И эта правильность, строгость, логическая ясность композиции была продолжена в решении разрастающегося города. В этом прочитывался дух нового времени с его динамичностью, жесткостью и трезвым рационализмом. Но этот дух сочетался с национальной традицией организации пространства, с привычной необходимостью и потребностью вписываться в природный ландшафт. Город изначально развивался как крепость, порт, столица. Петру I принадлежит заслуга «продумывания» и решения первых планов рождения Адмиралтейских верфей — кузницы будущего флота России.

И везде в этом опыте монументального решения молодой столицы можно проследить, почувствовать, узнать и оценить сочетание, синтез, подвижную гармонию национальной традиции с иноземным, освященным духом русской культуры. Ни один город не вызывал столь противоречивого к себе отношения, как Санкт-Петербург, — никого не оставил он равнодушным. Его любили и ненавидели, прославляли и проклинали, но все отдавали и отдадут должное его величественному, прекрасному и значительному облику.

Сочетание «своего» и «чужого», характерное для русской культуры в целом и проявившееся в первой четверти XVIII века, вызывало порой у некоторых исследователей ощущение «раздвоенности души» российского мастера, уже познавшего вкус светских художеств и вставшего на путь русской «европейскости».

Шедевры национальной художественной культуры еще не были созданы. Но художественные образы архитектуры, живописи, графики, литературы, музыки этих десятилетий рождают непереносимое ощущение стремительного движения и прорыва к новому, а главное, к зрелой самобытной и новой культуре.

В «граде Петровом» зримо воплотилась «глобальная идея» российской государственности, величия России, ее непобедимости.

В 1709–1723 годах началось строительство Петергофа, «парадиза», любимой парадной резиденции Петра I, основанной в честь великих побед, одержанных в Северной войне. Уникальность и мировая слава Петергофа — в его парках и дворцах, в его уникальном гидротехническом устройстве фонтанной системы. Петергофские дворцы и многие предметы, хранившиеся в них и связанные с жизнью Петра I, стали реликвией уже вскоре после смерти великого преобразователя России.

В 1719 году в Петербурге был открыт первый русский естественно-научный и исторический музей — Кунсткамера, доступный для широкого

обозрения, столь же удивительный, как и время, когда он создавался.

По приказу царя в Кунсткамеру доставлялось все, что могло вызвать любопытство: старинные пушки, древние грамоты, монеты, анатомические и зоологические экспонаты, восковые модели, математические, научные, музыкальные инструменты и многое другое. Предложение генерал-прокурора П. И. Ягужинского брать плату по посещению Кунсткамеры Петр I решительно отверг, в указе о создании первого музея — Кунсткамеры говорилось: «В оную Кунсткамеру впредь всякого желающего пускать и водить, показывая и изъясняя вещи». «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились», — говорил Петр I. Как было бы полезно вернуть эту практику в наши музеи сегодня, и не только в «Ночь музеев».

Многие первоклассные памятники искусства, приобретенные в петровское время, позднее были переданы из Кунсткамеры в Эрмитаж и ныне хранятся там. Петр I был одним из первых коллекционеров и ценителем древностей и искусства.

Многие историки Кунсткамеры склонны считать, что «Петр I лично принимал участие в планировании здания, что ему принадлежит выбор места для строительства, авторство замысла расположения залов для библиотеки и коллекций разного типа, концепция, что позволяет говорить о философском замысле организации музея, который должен был представлять некий микрокосм. Царь жертвовал на строительство так называемые “кабинетные” (то есть свои личные) средства» [7, с. 90–94].

Преобразования Петровской эпохи, внеся глубокие перемены в жизнь страны, подготовили возможность по достоинству оценить те произведения мировой культуры и искусства, которые через несколько десятилетий будут стекаться в Эрмитаж.

Все эти примеры — свидетельства незаурядности личности Петра I, его энергии, искренней заинтересованности в создании могучей, культурной державы. Все эти примеры позволяют и сегодня утверждать, что деятельность царя-императора была адекватным ответом на вызовы времени.

В первые десятилетия XVIII века была заложена национальная школа живописи, представители которой за парадным фасадом портрета смогли увидеть облик нового россиянина. В живописи русская школа делала первые шаги, приобщаясь к европейскому профессиональному опыту. Среди мастеров новой школы выделяются И. Никитин и А. Матвеев. Через несколько десятилетий стараниями И. И. Шувалова в России будет открыта Академия художеств и появятся Ф. Рокотов, Д. Левицкий, В. Боровиковский — портретисты такого же «масштаба и склада», как их английские и французские современники.

В петровское время была особенно велика роль гравюры —

сказывалась необходимость в иллюстрации научных книг, чертежей проектов. Для этих целей лучше всего годилась гравюра — линейное, точное, экономное изображение.

Вначале работали граверы из Голландии — А. Шхонебек, П. Пикарт, затем русские последователи — братья Зубовы, Алексей и Иван. Особенная роль в развитии русской гравюры принадлежит А. Ф. Зубову. Серия гравюр А. Зубова «Панорама Петербурга» доносила до зрителей живой отклик событий, документально изображавших отдельные здания, сады и фрагменты города, которые создавали развернутый образ города. В гравюрах мастера «возвышенная» интонация к городу оправдана, мастер создал образ уже значительного по архитектурному облику города как столицу морской державы, как «свой» такой особенный город.

Всесторонняя реформа русской культуры закономерно вела к выработке нового взгляда на формирование самого человека, который должен был эту новую культуру созидать, представлять и защищать. Традиционной религиозной концепции воспитания следовало противопоставить иную, основанную на светском представлении о механизме формирования личности. В основе этой просветительской позиции лежало убеждение Петра I, что «от естества самого зело трудно к благонравию прилепиться» и потому было необходимо «прирожденную грубость благими науками и учением искоренять» [5, с. 497].

Важным событием в петровское время стал переход на новый календарь. С 1700 года Петр I ввел новое летоисчисление — «от Рождества Христова», а не «от сотворения мира», и новый год стал начинаться, как в Европе, с 1 января, а не с 1 сентября. В России при Петре I стало активно развиваться книгопечатание, вместо старославянского был введен современный по тем временам шрифт, заменивший витиеватые церковнославянские литеры, числа стали обозначать не буквами, а арабскими цифрами. Крупнейшим событием культуры петровской эпохи стало издание первой официальной газеты «Ведомости» (1702).

В Москве начали печатать не только духовные, но и научные книги по истории, математике, астрономии, литературе. Следует отметить, что на цели просвещения народа Петр I денег не жалел. Материальная поддержка сферы народного образования и просвещения стала особенно значительной на завершающем этапе Северной войны, когда в победе России уже никто не сомневался.

Открывались первые в России общедоступные библиотеки, книжные лавки. Первая Публичная библиотека находилась в Кикиных палатах (1714), насчитывала 11 тысяч книг, у входа в библиотеку было вывешено объявление: «Всякому вход в оную свободен» [2, с. 43].

Стали появляться светские учебники, содержавшие правила

воспитания и обучения молодых людей. Петр I считал необходимым переводить трактаты, различную научную и теоретическую литературу, с которой «началось знакомство россиян с философско-антропологической и теоретико-педагогической литературой европейского Просвещения, разрабатывавшей светскую рационалистическую концепцию естественного права». Согласно М. С. Кагану, «идея эта легла в основу новых представлений о воспитании и образовании, пропагандировавшейся “Ученой дружиной”» [2, с. 45].

Большие изменения произошли в сфере образования, которое стало приобретать светский характер и стало важной составляющей реформ Петра I. Еще будучи в Англии, Петр I познакомился с европейской системой образования и поручил сановнику Я. Брюсу досконально изучить работу европейских школ, университетов, академий, обсерваторий, типографий и все лучшее взять на вооружение для использования в России.

Что касается реформы образования, то результаты были налицо. Для подготовки национальных кадров по прямому указанию царя в стране была создана целая сеть разнообразных учебных заведений. Первая Артиллерийская (Пушкарская) школа возникает в самом начале великого царствования Петра I.

Увлеченный идеей создания флота России, Петр I распорядился открыть в Москве школу подготовки штурманов. Была открыта Школа математических и навигацких наук. Для преподавания в ней из Англии пригласили известного шотландского ученого, мореплавателя А. Д. Фарварсона. В 1715 году эта школа была переведена в Петербург и преобразована в Морскую академию, где основательно преподавались математика, география, история, из выпускников которой выросли не только известные мореплаватели, но и ученые, писатели, художники. Примечательно, что если к началу Северной войны офицерский корпус состоял практически из иностранцев, то к ее концу он на 90 % был русским.

В 1712 году была основана Московская инженерная школа, которая в 1719 году станет Санкт-Петербургской инженерной школой, затем Соединенной артиллерийской и инженерной дворянской школой (1758), а с 1762 года это уже будет Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус.

Созданная при Петре Великом, отечественная военная школа в XVIII столетии являлась «лучшим зеркалом господствовавших течений» в российском просвещении — она являлась главной и безраздельно «владычествующей». По мере того как гуманитарные идеи в XVIII веке проникали в школу, военная школа получала более общеобразовательный

характер.

С 1714 года «для детей дворянских и приказных» учреждаются арифметические школы в домах архиерейских и монастырских. Были открыты начальные школы — «42 светских (цифирных, с 1714 г.) и 46 духовных (епархиальных, с 1721 г.) при архиерейских домах; такие школы существовали почти в каждой провинции. К концу правления Петра I в них училось около 5 тыс. человек» [6, с. 184].

Когда Петр I взялся за создание сети низших учебных заведений в провинции, то Морская академия и Славяно-греко-латинская сыграли в этом свою роль — часть выпускников данных академий отправились в качестве учителей во вновь создаваемые в губерниях «цифирные» школы. Однако до екатерининской школьной реформы 1783–1786 годов «создать устойчивую сеть народных школ, “вроде церковноприходской” все-таки не удалось, поскольку при Петре I еще не было подготовлено в достаточном количестве ни учителей, ни учеников, ни помещений, ни школьных пособий, ни средств, на которые можно было бы все это создать» [4, с. 253].

Но несмотря на это, по мнению известного историка П. Н. Милюкова, «создание этой первой в России сети духовных и светских школ, собственно и было тем огромным шагом вперед, которое делает из петровского царствования эпоху в истории русского образования» [4, с. 248].

В 1715 году учреждена Российская школа, или Школа словесных наук, где чтению, письму и арифметике учили детей мастеровых, матросов и «протчих людей» для работы на Адмиралтейской верфи.

В период 1716–1720-х годов учреждена Медицинская школа, основаны Шпалерная мануфактура и мануфактура по производству шелковых тканей, три бумажные мануфактуры; основаны хрустальная и стеклянная фабрики; четыре типографии и множество других заводов, фабрик, лесопилен и иных предприятий; при «Берг-коллегии создана химическая лаборатория, а при “аптекарских огородах” — первая химико-фармацевтическая лаборатория» [2, с. 30].

Наиболее значимым событием Петровской эпохи стало создание Академии наук (1725). Основанная и задуманная как «социет художеств и наук», она включала также гимназию, университет и музей («куншткамеру»). Таким образом Петр I преследовал две цели: развивать научную деятельность и готовить собственные национальные кадры ученых.

Созвав в Санкт-Петербург ученых-иностранцев, главным образом из Германии, Петр I предоставил им возможность заниматься научными исследованиями за казенный счет с условием, чтобы они обучали и

приобщали к науке талантливых русских юношей.

В проекте «Положения об Академии наук» во изменение отношения к науке предполагалось проводить публичные заседания Академии, на которых академики должны были выступать с научными докладами и обсуждать их в присутствии представителей петербургского общества.

Основные достижения Академии относились к фундаментальным теоретическим исследованиям; решались практические задачи картографии, метрологии, монетного дела, проводились экспертизы машин и механизмов. «В петровском проекте Академии в ее составе должно было быть десять специальностей, разделенных на три класса: к первому и второму относились математические и естественные науки, к третьему — красноречие, история древности и Нового времени, право, “купно с политикою и этикою (нравоучением)”. В дальнейшем в гуманитарной сфере выдвинулось на первый план языкознание, что объяснялось практическими нуждами просвещения» [2, с. 31].

Петровское время можно назвать временем «титанов Возрождения» — возрождения России. Этим «титаном» был сам Петр и многие его сподвижники. Петр I знал несколько языков, владел «четырнадцатью ремеслами», поражал современников своей работоспособностью и творческой активностью, особенно необычной для царствующих особ. Таким был и ближайший сподвижник Петра I А. Нартов, человек разносторонней целостности дарований — мастер, инженер, убежденный, что «механика все прочие науки превосходит», изобретатель всевозможных машин, опережавших подчас уровень английской техники, автор уникальной книги «Театрум Махинарум, то есть ясное зрелище махин», в которой были обобщены данные о множестве станков и инструментов, использовавшихся в ту эпоху, в том числе и сконструированных им самим.

В 1726 году в Академии были учреждены, по предложению А. Нартова, три «палаты» — Инструментальная, Слесарная и Оптическая. Первую возглавлял сам Нартов, а в конце века И. Кулибин, там выполнялись заказы М. Ломоносова [2, с. 31].

Один этот перечень фактов достаточно выразительно говорит о рождении в Петербурге нового для России типа культуры — и материальной, и духовной, и художественной.

Яркое проявление обмирщения и политизации в новой российской столице была деятельность Феофана Прокоповича — теолога и проповедника, философа, историка, теоретика педагогической науки, политического деятеля и верного идеолога петровских реформ. Этот организатор и вдохновитель «Ученой дружины», один из создателей Академии наук, был, в отличие от Татищева, Кантемира и Ломоносова, не светским лицом, а церковнослужителем, прошедшим путь от епископа до

вице-президента Священного Синода. Феофан Прокопович написал «Духовный регламент», открыл в 1721 году в Петербурге школу для сирот и детей бедняков, содержал эту школу, составил «Букварь. Первое учение отрокам», выдержавший одиннадцать изданий и названный В. Татищевым «лучшим нравоучением для юношей» (цит. по: [2, с. 36–37]).

Помимо Феофана Прокоповича, у Петра было много способных помощников, которые мечтали о процветании Отечества. Немало предложений по реформированию России поступало от Ф. С. Салтыкова, А. А. Курбатова, И. Т. Посошкова, В. Н. Татищева и других.

Петровские реформы носили всеобъемлющий характер, коснулись всех сторон жизни государства, что предопределило их несомненный и очевидный успех. Широко использовался опыт западных стран, приглашались иностранные специалисты. Реформы проводились в условиях Северной войны, что наложило отпечаток на их темпы и методы проведения. По словам В. О. Ключевского, война стала «главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра I... Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы» [3, с. 57].

Традиционная нравственность русской культуры обогатилась новыми возможностями для своего утверждения и распространения. Русской культурой были восприняты идеи о великой «морализующей» и воспитывающей роли печатного, в том числе научного, слова. Родилось понятие «просвещенный читатель», которое отражало искреннюю веру в силу человеческого знания и разума. Литературная речь становится мерилom просвещенности и образованности.

Обратимся вновь к мнению выдающихся потомков, чтобы лучше понять петровское время и оценить «петровский взрыв».

По мнению писателя-просветителя А. Н. Радищева, «незабвенно столетие» одарило Россию «истиной, вольностью и светом». Писатель имел в виду те высокие идеалы, что были выпестованы в XVIII веке европейским Просвещением, представители которого отстаивали светские нравственные ценности.

Н. М. Карамзин в 1818 году на собрании Императорской Российской академии произнес: «Петр I Великий, могущею рукою своею преобразив отечество, сделал нас подобными другим европейцам. Жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки» (цит. по: [1, с. 131]).

Молодой А. С. Пушкин в 1822 году в «Заметках по русской истории XVIII в.» отметил: «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным

постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победой и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр» (цит. по: [1, с. 131]).

Несмотря на разноречивость оценок деятельности Петра I и его личности, один вывод бесспорен: итоги его реформ были впечатляющими. Главное отличие петровских преобразований состояло в том, что они носили всеобъемлющий характер, охватывали все сферы жизни общества и развитие русской культуры в направлении, указанном Петром Великим. Россия приобщилась к передовым западноевропейским знаниям в культурной, образовательной и просветительской сферах, к опыту, европейским технологиям и превратилась в мощную империю с развитой индустрией. Был создан мощный стимул развитию торговли, построена новая культурная столица — Санкт-Петербург, заложены новые города, прорыты каналы, открыты школы, гимназии, создана Академия наук и начали открываться университеты. Все то, что успел сделать Петр I, оказало решающее влияние на историческую судьбу новой России; петровская модель государственного устройства с некоторыми модификациями просуществовала более 200 лет.

Петровские реформы заняли особое, знаменательное место в истории русской государственности, в истории России и русской культуры. Более того, мало сказать «место». Петровские реформы придали такой мощный импульс движению и такую заразительную энергию развитию России, которые не были задержаны ни движениями вспять в сложные периоды ее существования, ни ретроградными и реакционными устремлениями некоторых последующих правителей России.

Литература

1. Рапацкая Л. А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XX века). М.: Издательский центр «Академия», 2008.
2. Каган М. С. История культуры Петербурга. СПб.: Изд-во СПб ГУП, 2000.
3. Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. IV. М., 1989.
4. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1993–1995. Т. 2, ч. 2. С. 253.
5. Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 497.
6. Хуторской В. Я. История России от Рюрика до Ельцина. М., 2000. С. 184.
7. Каплан-Ингель Р. И. О реставрации здания бывшей Петровской Кунсткамеры (ныне здания института и музея этнографии) // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 2. Л., 1947. С. 90–94. http://kunstkamera.ru/index/300/4/4_2/ (дата обращения: 19.08.2016).

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

УДК 81.42

Бочегова Наталья Николаевна

*доктор филологических наук,
профессор кафедры РИЗФ гуманитарного института Курганского
государственного университета, г. Курган,*

nbochegova1@yandex.ru,

Зайцева Яна Сергеевна

*аспирантка ФГБОУ ВПО Курганского государственного университета г. Курган,
janayazceva@gmail.com*

КОНЦЕПТ «SERVANT LEADERSHIP» В АМЕРИКАНСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В последние годы среди американских топ-менеджеров, политиков и рядовых представителей гражданского общества большую популярность стала набирать концепция Servant Leadership, что соответственно отразилось на характеристиках дискурса. Основываясь на данных Корпуса современного американского английского языка (СОСА), авторами статьи было определено, что Servant входит в сто самых популярных левых коллокаций, выраженных именем существительным для leadership. Наибольшее распространение данное словосочетание имеет в научном, газетном и журнальном регистрах, в текстах религиозной, политической направленности, руководствах по управлению персоналом, новостных статьях и комментариях к ним. В данной статье рассматривается понятие Servant Leadership в англоязычном экономическом дискурсе на материале английского языка США. Для выявления средств описания и репрезентантов предложенного понятия в дискурсе авторами статьи были использованы фреймовый анализ и описательный метод. Материалом исследования послужили статьи, опубликованные на сайте «Центр лидерства-служения Р. Гринлифа», и текст эссе Роберта К. Гринлифа «The Servant as Leader». Авторами была описана структура концепта Servant Leadership, выделены основные слоты понятия Servant Leadership в эссе Роберта К. Гринлифа. К ним отнесены «субъект поведения / личность»; «характеристика субъекта»; «результат»; «время»; «место»; «сфера деятельности». Структура концепта Servant Leadership представлена в таблице, где отражены основные единицы описания данного сочетания. В ходе работы авторы заключили, что в концепции Гринлифа ярко прослеживается противопоставление понятий the leader-first и the servant-first, и обозначили связь предложенного концепта с идеями протестантской этики, описанной М. Вебером.

Ключевые слова: дискурс, корпус, фреймовый метод, слот, концепт.

Bochegova Natalia Nikolaevna,

Zaitseva Yana Sergeevna

The concept “Servant Leadership” in the American economic discourse

In recent years the concept Servant Leadership has become very popular among American top managers, politicians, and ordinary representatives of civil society, which accordingly affected the characteristics of the discourse. Based on the data of the Corpus of Contemporary American English (COCA), the authors determined that Servant is one of the hundred most popular left noun collocations for Leadership. This phrase is most widespread in scientific, newspaper and magazine registers, religious and political texts, HR guides, news and comments to them. The paper deals with the concept Servant Leadership in English economic discourse of the USA. To identify the means of description and representatives of the proposed concept in discourse, the authors used frame analysis and descriptive techniques; the research is based on articles published on the “Robert K. Greenleaf Center for Servant Leadership” website and the text of Greenleaf’s essay “The Servant as Leader”. The authors described the structure of the concept and its main slots that are presented in Greenleaf’s essay. These include “the subject of behavior / personality”; “subject’s characteristic”; “result”; “time”; “place”; “field of activity”. The structure of the concept Servant Leadership is presented in the table, which reflects the main units for Servant Leadership. The authors concluded that the Greenleaf’s conception clearly demonstrates the opposition of “the leader-first” and “the servant-first”, they identified the connection of the proposed concept with the idea of Protestant ethics described by M. Weber.

Keywords: discourse, corpus, theory of frames, slot, concept.

В последние годы широкое распространение в отечественном языкознании получил когнитивный подход к изучению языка, который был представлен в форме новой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, подробно описанной в трудах Е. С. Кубряковой: «Согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [2, с. 3]. Коммуникационная составляющая предложенной парадигмы тесно связана с исследованием дискурса, посредством которого реализован концепт. Именно дискурс влияет на характеристики концепта, его развитие и изменение. Таким образом, цель данной статьи — рассмотреть специфику понятия *Servant Leadership* в англоязычном экономическом дискурсе на материале английского языка США.

В условиях высокотехнологичного и быстро развивающегося рынка, огромных объемов данных, с которыми ежедневно сталкивается человек, увеличивается вероятность информационного перенасыщения и выгорания личности, поэтому тренинги и семинары, которые помогают справиться со стрессом либо направлены на личностный рост и развитие человека,

получили огромное распространение. Активными пользователями программ личностного роста становятся ведущие американские компании. Наиболее востребованным направлением личностного роста для ведущих сотрудников таких компаний становится развитие качеств «нового лидера», которые транслируются в концепции *Servant Leadership*, заимствованной из древних философских и библейских текстов.

43 Not so with you. Instead, whoever wants to become great among you must be your servant.

44 and whoever wants to be first must be a servant of all [16, с. 1318].

За последние несколько лет концепция *Servant Leadership* вышла на новый виток развития и стала набирать все большую популярность среди американских топ-менеджеров, политиков и рядовых представителей гражданского общества, что соответственно отразилось на характеристиках дискурса. Основываясь на данных Корпуса современного американского английского языка (СОСА), можно сказать, что *Servant* входит в сотню наиболее популярных левых коллокаций, выраженных именем существительным для *Leadership* — уровень частотности соответствует 41 словоупотреблению для всех жанров. Наибольшее распространение данное словосочетание имеет в научном, газетном и журнальном регистрах; в текстах религиозной, политической направленности; руководствах по управлению персоналом; новостных статьях и комментариях к ним. В декабре 2008 года в журнале «America» появился следующий комментарий:

It does appear that more could be gained if the United States were to adopt a true «servant leadership» role, stepping back and facilitating rather than stepping in and dictating [9].

Автор комментария критикует политику США и говорит о необходимости перехода на новый уровень политического влияния и взаимодействия, отказа от диктатуры в пользу политики *Servant leadership*.

Несмотря на древнюю историю происхождения, четкую формулировку концепция *Servant Leadership* получила только в 1970 году в эссе Роберта К. Гринлифа «The Servant as Leader», в котором автор излагает свою концепцию следующим образом:

The servant-leader is servant first... It begins with the natural feeling that one wants to serve, to serve first. Then conscious choice brings one to aspire to lead... Do those served grow as persons? Do they, while being served, become healthier, wiser, freer, more autonomous, more likely themselves to become servants? [14, с. 6].

Тем самым Гринлиф подчеркивает важность миссии лидера-служителя и его высокое назначение. Суть данной теории может быть выражена фразой «*servant first as opposed to leader first*». Основываясь на вышеупомянутых примерах, мы можем сказать, что сочетание *Servant Leadership* несет положительную коннотацию.

Понимание того, что концепция *Servant Leadership* необходима современному обществу и поможет развитию навыков «нового лидера», содействовало созданию Робертом К. Гринлифом некоммерческого центра «Центр лидерства-служения Р. Гринлифа». Сегодня центр предлагает свои образовательные программы колледжам и институтам, а также ведущим мировым компаниям. Продвижение таких программ осуществляется через рекламные тексты, статьи, как на сайте центра, так и в ведущих мировых изданиях, которые выполняют информационную функцию.

В данном исследовании для выявления средств описания и репрезентантов предложенного понятия в дискурсе были использованы материалы интернет-источников и газетных статей в количестве 25 единиц, опубликованных центром с целью популяризации и развития учения *Servant Leadership*, а также текст эссе Роберта К. Гринлифа «*The Servant as Leader*». В качестве методов исследования использовались фреймовый анализ и описательный метод, а также авторами был проведен анализ лексикографических источников.

Фреймовый метод исследования является достаточно молодым и не имеет четкого описания и структуры. Существует множество точек зрения на структуру построения фрейма, способы его наполнения и описания. Впервые термин «фрейм» употребил М. Минский в описании исследований по искусственному интеллекту [4, с. 7]. Также данная методика была описана в трудах Ч. Филлмора, Т. А. ван Дейка, Л. А. Нефедовой и др.

У Ч. Филлмора мы находим несколько вариантов определения фрейма. Это и падежная рамка, отражающая структуру мышления говорящего; и система выбора языковых средств, в том числе — грамматических правил и лексических единиц, связанных с понятием сцены; и совокупность категорий, организованных согласно мотивирующему контексту и единовременно представляющих собой и набор понятий, и категоризованный опыт. Отдельное внимание американский лингвист уделил понятию единого фрейма интерпретации — концептуальному базису довольно обширного корпуса лексического материала, который обеспечивает нам имплицитное владение специфической организацией нашего физического и социального мира [7, с. 59].

Т. А. ван Дейк и М. Минский сходятся во мнении, что «знание организовано в концептуальные системы», которые «можно описывать в терминах фреймов». Отрицая концепцию Ч. Филлмора, где фрейм — это сущность, способная раскрыть связь между текстами и их пониманием, Т. А. ван Дейк настаивает, что фрейм содержит только общую, а не специфическую информацию о стереотипной, а не о конкретной ситуации. Фреймы, оторванные от контекста, представляют собой элемент социальной памяти и ассоциируются с тем или иным концептом [1, с. 16].

В трудах Л. А. Нефедовой мы находим обзор самых разнообразных трактовок понятия «фрейм», а сама автор разделяет мнение Н. Н. Болдырева и указывает, что «в теории фреймов Ч. Филлмора группы слов представляют собой единую схематизацию опыта и мотивируются, определяются и взаимно структурируются особой конструкцией знаний — фреймом» [5, с. 9].

Итак, на современном этапе развития лингвистика располагает значительным разнообразием определений данного понятия, но все они сходятся в том, что фрейм — это структура, дающая возможность выразить стереотипную ситуацию, схематизированный образ-представление опытного знания человека, состоящий из набора слотов. Фрейм является наиболее обобщенной и универсальной формой передачи разного рода информации и предоставляет исследователю возможность самостоятельного заполнения его основных узлов (слотов).

Прежде чем перейти к изучению способов выражения понятия *Servant Leadership* в предлагаемом дискурсе, необходимо обратиться к непосредственному содержанию понятий *Leadership* и *Servant*. Для этого в качестве источников информации нами были выбраны идеографический словарь Роже «Roget's International Thesaurus» [15] по причине его выгодной полевой организации, а также наличия в составе фразеологизмов, клише, устойчивых выражений, словосочетаний, заимствований, библеизмов и других компонентов, и *Oxford Learner's Dictionary* [13], *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* [12], *Longman Dictionary of Contemporary English* [11], *Merriam Webster's Dictionary and Thesaurus* [17]. Наряду с нейтральной и литературной лексикой данные словари включают в понятийное пространство изучаемого сочетания обиходно-бытовую (разговорную) лексику, что расширяет возможности описания концепта.

В англоязычных толковых словарях у лексемы *Leadership* выделяют от 2 до 7 значений и оттенков значений.

Таблица 1. Сравнение словарных дефиниций лексемы *Leadership*

	the state or position of being a leader;	the ability to be a leader	the act or an instance of leading	the position of being in charge of an organization, country	the position of being more successful than anyone who you are competing against
Oxford Learner's Dictionary	+	+	-	+	-
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners	+	+	-	+	+
Longman Dictionary of Contemporary English	+	+	-	-	-
Merriam Webster's Dictionary and Thesaurus	+	+	+	-	-
Roget's International Thesaurus	+	+	+	-	-

Основываясь на интерпретации вышеприведенных дефиниций, можно говорить о специфике понимания и выражения концепта *Leadership* в английском языке:

- 1) способность управлять и руководить;
- 2) оказание влияния на людей и способность повести за собой;
- 3) наличие определенного набора качеств.

Нельзя не отметить, что в данных словарных статьях подчеркивается политическая составляющая понятия.

Таблица 2. Сравнение словарных дефиниций лексемы *Servant*

	a person who works in another person's house, and cooks, cleans, etc. for them	a person who works for a company or an organization	a person who is devoted to or guided by something	a person or thing that is controlled by something	a person employed by the government
Oxford Learner's Dictionary	+	+	-	+	-
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners	+	-	-	-	-
Longman Dictionary of Contemporary English	+	-	-	-	-
Merriam Webster's Dictionary and Thesaurus	+	-	+	-	-
Roget's International Thesaurus	+	-	-	-	+

Что касается толкования понятия *Servant* в предложенном списке словарей, то во всех присутствует значение *a person who works in another person's house*. Остальные дефиниции нашли единичное выражение. Из предложенных вариантов, значение *a person who is devoted to or guided by something* вписывается в рамки изучаемого понятия *Servant Leadership*, хотя само сочетание *Servant Leadership* не нашло прямого отражения в словарных статьях. В тезаурусе Роже выделены лексемы *helper* и *assistant* как слова, относящиеся к *Servant* на синонимичной основе.

Основываясь на анализе рассмотренных нами дефиниций, мы приходим к выводу, что *Servant Leadership* — это способность быть лидером, главная задача которого — служение своим подчиненным, их продвижение и развитие, помощь и поддержка. А непосредственно из текста эссе мы понимаем, что ключевое отличие от классической модели лидерства заключается в специфическом взгляде на мотивацию лидера, основанную на убеждении в равенстве со своими последователями. В эссе прослеживается неформальное разделение на главы, каждая из которых описывает ступени развития лидера-слуги и его качеств. Мы можем выделить следующие этапы становления *servant-leader*, представленные в тексте следующими лексическими единицами: *initiative, ability to listen, understanding, language, imagination, acceptance, empathy, knowledge of unknowable, foresight, awareness and perception, persuasion, one action at a time / the way some great things get done, conceptualizing, healing and serving, power and authority*. Гринлиф убежден, что основная работа *Servant leader* заключается в том, чтобы помогать подчиненным развиваться, как в профессиональном плане, так и личностном, делать все возможное для их долгосрочного благополучия. Текст эссе позволил нам выделить и представить в таблице структурное содержание концепта «*Servant Leadership*» с определением его основных слотов.

Таблица 3. Структура концепта *Servant Leadership*

Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 5	Слот 6
субъект поведения/личность	характеристика субъекта	результат	время	место	сфера деятельности
leader, servant, servant-as-leader, slave, head, trustee, enemy, follower, clergyman	great, individual, active, potential, servant, art, assumption, power, authority, building, care, consciousness, crisis, demand, dilemma, effort, trust, opportunity	judgment, wonder, hypothesis, course, joy, suffering, truth, cognition, effort, foundation, failure	moment, now, future	office, market	social group, communication, education, social welfare, business

Данный вариант фреймовой структуры, с нашей точки зрения, оптимален для конкретного текста и отражает стереотипное содержание концепта.

Обратившись к материалам сайта центра «Greenleaf», мы можем отметить, что ключевым моментом в описании концепции является противопоставление понятий *the leader-first* и *the servant-first*. Авторы используют прилагательные *extreme* и *timeless* по отношению к понятию

Servant Leadership, подчеркивают направленность программ на построение здорового общества (*healthy community*) и вводят понятия *a servant's heart* и *true servant leader*. На ключевой вопрос «Что значит быть *servant leader*?» мы находим ответ:

To be a servant leader is to be humble, a healer, a listener. Being a servant leader is about being the best “who” you can be.

Основным приоритетом такого лидера является любовь и доверие, а смысл работы выражается словами:

My job is to help the people I work with to thrive: to help them to grow both personally and professionally and to do my best to contribute to their long-term well-being» [10].

Приведенный анализ концепта *Servant Leadership* позволяет сделать вывод о его связи с протестантской этикой, получившей описание в трудах М. Вебера [3]. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» он обозначил протестантские морально-этические принципы как основные характеристики успешного лидера. Вебер описывает лидера, как человека, ставящего в приоритет предприимчивость и трудолюбие, честность, верность слову и соглашению, аскетизм и вложение прибыли в дело, взаимное уважение и признание подчиненных. Личная прибыль и успех противопоставляются благу компании в целом. Он подчеркивает, что именно эти принципы влияют на успешное развитие предпринимательства и экономики в целом и являются основополагающими в построении американского капитализма. Принципы, выделенные Вебером, сопоставимы с идеалами, представленными в теории лидерства Гринлифа. Авторы указывают на второстепенность личных интересов, отсутствие субъективности, подчинение требованию корпоративного мышления.

В свою очередь Генри Форд, будучи одним из самых ярких представителей американского капитализма, обозначил основную цель лидера следующим образом: «Самая важная задача наших руководящих кадров — это развивать управленческие способности в других людях» [6, с. 258], тем самым подтвердив актуальность теории *Servant Leadership* в развитии американского капиталистического общества.

Таким образом, данные, полученные нами в ходе работы, позволяют представить концепт *Servant Leadership* следующим образом: 1) субъект поведения / личность: *leader, servant, servant-as-leader, slave, head, trustee, enemy, follower, clergyman* (важно отметить, что в предложенном контексте встречается 133 эквивалента лексемы *leader*); 2) характеристика субъекта: *great, individual, active, potential, servant, art, assumption, power, authority,*

building, care, consciousness, crisis, demand, dilemma, effort, trust, opportunity; 3) результат: *judgment, wonder, hypothesis, course, joy, suffering, truth, cognition, effort, foundation, failure*; 4) время: *moment, now, future*; 5) место: *office, market*; 6) сфера деятельности: *social group, communication, education, social welfare, business*.

Безусловно, анализ концепта *Servant Leadership* может быть дополнен и расширен, но уже полученные материалы позволяют говорить о его распространенности и значимости в сознании носителей американской лингвокультуры. Перспектива дальнейшего исследования видится как в сопоставительном анализе репрезентации данного концепта в дискурсах разного типа, так и в определении его национально-культурной специфики.

Литература

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
2. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия: Литература и язык. 2004. Т. 63, № 3. С. 3–12.
3. Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдов. М., 1990. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3637> (дата обращения: 20.01.2021).
4. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ.; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.
5. Нефедова Л. А. Когнитивный подход к интерпретации текста: учеб. пособие. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. С. 9–10.
6. Соодонбекова А. Ж., Мусакожоев Ш. М. Эффективность управления человеческими ресурсами // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. Красноярск, 2015. № 6. С. 254–260.
7. Филлмор Ч. Фрейм и семантика понимания / пер. с англ. Л. Н. Баранова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. 318 с.
8. Fillmore Ch. J. An Alternative to checklist theories of meaning // BSL. 1975. V. 1.
9. COCA — The Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/COCA/> (дата обращения: 20.01.2021).
10. Greenleaf Center for Servant-Leadership. URL: <https://www.greenleaf.org/> (дата обращения: 10.11.2020).
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2001. 1780 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Bloomsbury Publishing, 2002. 1691 p.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary. New York: Oxford University Press. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.11.2020).
14. Robert K. Greenleaf. The Servant as Leader, 1970. 28 с. URL: http://www.ediguys.net/Robert_K_Greenleaf_The_Servant_as_Leader.pdf (дата обращения: 12.11.2020).

15. Roget's International Thesaurus / P. L. Chapman. Fourth edition. Thomas & Crowell Co, INC, 1977. 1239 p.
16. The Holy Bible: Douay Version. Translated from the Latin Vulgate (Douay, A.D. 1609; Rheims, A.D. 1582). 2008. 2652 с.
17. Webster's New International Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.11.2020).

Буравцова Екатерина Андреевна
студентка

Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
littlelamame@gmail.com

ИНТЕРАКТИВНЫЙ АСПЕКТ ВИДЕОИГР В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблема качества локализации видеоигр на материале переводческих ошибок в контексте интерактивного аспекта видеоигр. Цель исследования заключается в проведении анализа переводческих ошибок в игровом задании, влияющих на успех прохождения игры. В результате проведенной работы определен характер ошибок, допускаемых переводчиками, причины их возникновения, и механизм их влияния на интерактивный аспект прохождения игры. Проведенное исследование имеет практическую значимость для повышения качества локализации видеоигр.

Ключевые слова: локализация, видеоигры, перевод, качество локализации.

Buravtsova Ekaterina Andreevna

Interactive aspect of videogames in terms of localization

The article is devoted to the problems of quality in video game localization. It analyses translation mistakes in terms of video games interactivity. The study is aimed to analyze translation mistakes which influence gameplay. As a result, types of translation mistakes, causes of their occurrence and their influence on gameplay are revealed. The study is of practical importance and the results obtained may be used to improve quality of video game localization.

Keywords: localization, video games, translation, quality of localization.

История становления видеоигр как жанра достаточно разнообразна: от первых аркад середины XX века до масштабных игровых проектов, которые создаются сотнями, а иногда и тысячами людей из разных стран мира: разработчиками, дизайнерами, сценаристами и актерами. Видеоигры, как и любое произведение, рассчитанное на массового потребителя, можно рассматривать с двух позиций: как произведение искусства, несущее определенный посыл и затрагивающее серьезные проблемы, и как продукт, созданный для получения прибыли [8]. Языковая и культурная адаптация продукта под определенный рынок в таком случае представляется необходимой, ведь от охвата аудитории зависит число продаж. В последние годы российский рынок значительно вырос и стал значимой частью мирового рынка видеоигр. Процесс перевода видеоигр и

их культурной адаптации получил название «локализация». Спрос на качественную локализацию растет вместе с рынком видеоигр, что находит отражение в работах как отечественных (В. Т. Анисимова [1], М. А. Болотина, Е. В. Кузьмина [2], А. Пашутина [3]), так и зарубежных (M. Bernal-Merino [6], A. F. Costales [7]) авторов.

Локализация является особым видом перевода, включающим в себя учет культурных, языковых особенностей, а также вопросов технического характера [5]. Нередко локализацию сравнивают с процессом перевода фильмов, что неудивительно, так как оба процесса включают в себя и перевод текстового материала, и процесс укладки текста для последующего озвучивания [4].

Видеоигры, однако, обладают отличительной особенностью: важна не только передача игроку авторской мысли и посылы, но и активное вовлечение игрока в процесс игры. «Прямое и активное участие» игрока отличает видеоигры от литературы и кино. В современной игровой индустрии все отчетливее прослеживается тренд на предоставление игроку свободы выбора, нелинейность сюжета. Игры зачастую не сводятся к выполнению заданий, написанных авторами, но и требуют от игрока умения самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность в рамках игры.

В основе любой игры лежит геймплей — компонент, отвечающий за интерактивное взаимодействие игрока и игры [6]. Очевидно, что в процессе локализации перед переводчиком стоит не только задача передать детали сюжета и историю, созданную и написанную авторами, но и корректно перевести игровые задания, так чтобы они воспринимались игроком однозначно. И если ошибки в передаче деталей сюжета можно, пусть и с натяжкой, назвать незначительными, то в случае с неправильной передачей сюжетных заданий этого сделать не удастся. К сожалению, даже небольшая неточность порой может ввести игрока в заблуждение и если не полностью испортить впечатление от игры, то значительно затруднить ее прохождение. Проблема неправильной передачи игровых заданий или квестов встречается и в настоящее время, что делает данную проблему актуальной.

Основой данного исследования послужили игры, выпущенные в период с 2007 до 2018 года для игровых консолей и персонального компьютера: *Dragon Age: Origins*, *Assassin's Creed*, *Fallout 4*, *The Walking Dead: Michonne*.

Обращение к примерам из вышеперечисленных игр позволяет выявить переводческие ошибки и проанализировать их влияние на ход игры. Так, например, одну из таких ошибок можно встретить в игре *Dragon Age: Origins* (2009). По мере прохождения задания игроку

необходимо найти выход из катакомб. Один из персонажей произносит следующие слова:

This looks like the right way out.	Кажется, здесь поворот направо.
------------------------------------	---------------------------------

Можно предположить, что лексическая ошибка в этом случае обусловлена невнимательностью переводчика, в результате которой прилагательное *right* превратилось в наречие «направо». На карте, расположенной в левом верхнем углу, действительно есть поворот направо, однако если игрок последует совету и направится в ту сторону, он, конечно же, не найдет выхода, а только потеряет время, блуждая по катакомбам в поисках выхода. В действительности же тот находится прямо перед игроком.

Подобную невнимательность, вылившуюся в лексическую ошибку, можно встретить в одном из квестов игры *Assassin's Creed* (2007). Игроку необходимо найти определенный предмет, и, задав второстепенному персонажу вопрос «Где мне следует начать поиски?», мы получаем следующий ответ:

At Richard's citadel, southwest of here.	Цитадель Ричарда, это к юго-востоку отсюда.
--	---

Для успешного выполнения квеста необходимо найти эту самую башню и захватить ее. Если игрок отправится на юго-восток, потратив уйму времени, не найдет цитадели Ричарда, так как она находится в противоположной стороне. Таким образом, из-за ошибки переводчика игрок только чудом может наткнуться на место, в которое ему необходимо попасть.

Ошибка, допущенная в локализации игры *Fallout 4* (2015) также делает выполнение задания почти невозможным. Игрок получает задание:

Collect technical documents for Proctor Quinlan.	Забрать у проктора Квинлана техническую документацию.
--	---

Сравнивая текст оригинала и перевода, мы понимаем, что переводчик допустил смысловую ошибку на основе неверного восприятия грамматического управления. Таким образом, игроку необходимо *собрать документацию (to collect smth for smb)* и отдать ее проктору Квинлану. В переводе задание приобретает диаметрально противоположный смысл. Ошибка может быть продиктована некоторым визуальным сходством предлогов *for* и *from* и невнимательностью переводчика.

Иногда на корректность перевода влияет и интонация, с которой актер озвучивания произносит ту или иную реплику. В не меньшее недоумение игрока может ввести ошибка, допущенная переводчиком в официальной локализации мини-игры от из серии *The Walking Dead (2016)* (*The Walking Dead: Michonne*):

I'm not telling you shit!	Я вам не вру!
---------------------------	---------------

Главную героиню, Мишон, допрашивают враждебно настроенные люди. В интересах игрока выйти из ситуации максимально спокойно и не привлекать к героине лишнего внимания. Игроку предлагается на выбор несколько вариантов ответа, среди которых «я вам не вру!» кажется самым логичным и безопасным. Однако выбрав эту реплику, игрок с недоумением наблюдает за тем, как допрашивающая Мишон женщина злится только сильнее и отвечает ей пощечину.

Однако если послушать оригинальную аудиодорожку игры, становится понятно, что решающей в данной сцене является интонация актрисы: делая акцент на последнем слове, на самом деле она говорит: «Ни черта я вам не скажу!» В таком случае подобная реакция становится вполне объяснимой. Однако для игрока такой исход оказывается неожиданным и непонятным, ведь выбирая этот вариант он рассчитывал на мирное разрешение конфликта.

Подводя итог, необходимо отметить, что допущенные переводчиками ошибки носят, как правило, лексический характер. Причины возникновения ошибок неоднородны, среди них и невнимательность переводчика, автоматизм на основе стереотипного восприятия, вероятно, отсутствие контекста или отсутствие возможности прослушать оригинальную аудиодорожку. Ошибки в передаче игровых задач способны серьезно запутать игрока и помешать прохождению игры. Такие неточности, кроме всего прочего, негативно влияют на восприятие самой игры, игроку кажется, что что-то не в порядке с игрой.

Чтобы избежать подобного негативного опыта, важно не забывать о необходимости предоставления команде локализаторов максимально полных сведений об игре, сюжете и персонажах.

Вероятно, данный вопрос может рассматриваться как один из самых острых и серьезных по степени урона, наносимого репутации игры, так как нарушается главный отличительный элемент видеоигр — возможность игрока корректно выполнить игровое задание. Несмотря на растущий интерес исследователей к локализации, вопрос переводческих ошибок в контексте интерактивности видеоигр остается малоизученным. Дальнейшее исследование этой проблемы и причин ее возникновения определенно является одним из важнейших шагов на пути к ее решению.

Литература

1. Анисимова А. Т. Феномен компьютерной игры в переводоведческом дискурсе // Научный вестник ЮИМ. 2018. № 2. С. 82–86.
2. Болотина М. А., Кузьмина Е. В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 1. С. 43–48.
3. Пашутина А. Локализация компьютерных игр: суть, проблемы и решения // DTF.RU: Информационный портал «DTF». 2004. URL: <http://dtf.ru/articles/read.php?id=1291> (дата обращения: 03.02.2021).
4. Сапожников И. Дубляж и закадровое озвучивание фильмов // Звукорежиссер. 2004. № 3. С. 612–625.
5. Соснина Е. П. Задача локализации текстов как задача прикладного переводоведения // Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2015. С. 1–6.
6. Шпаковский Ю. Ф., Данилюк М. Д. Видеоигры в процессе образования // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2018. № 1. С. 50–54.
7. Bernal-Merino M. On the Translation of Video Games // The Journal of Specialized Translation. 2007. P. 3–9.
8. Costales A. F. Exploring Translation Strategies in Video Game Localization // Universidad de Oviedo (Spain), 2012. P. 390–404.
9. World electronic gaming revenues to grow 9.6% to \$152.1 billion in 2019: report // REUTERS.COM: Информационное агенство «Reuters», 2019. URL: <https://clck.ru/JvYpm> (дата обращения: 13.10.2020).

Диденко Анастасия Германовна
магистрант
Высшей школы печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна,
anastasiaddnk@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ В ХОДЕ ТЕХНИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

В настоящей статье автором исследуется процесс формирования медиареальности в мире современных средств массовой информации — в новых медиа. Приводятся различные трактовки термина «медиареальность». Поднимается вопрос влияния репутации и доверия аудитории к креаторам, создающим контент в социальных медиа. Рассматривается, каким образом алгоритмы и «умные» ленты ранжирования контента формируют мнение аудитории. В заключение автор делает вывод о том, что в настоящий момент представляет собой медиареальность как культурное явление в обществе.

Ключевые слова: новые медиа, медиареальность, социальные медиа, социальные сети, контент.

Didenko Anastasia Germanovna **Transformation of mediarity in the during technical and sociocultural development**

This article examines the process of the formation of media reality in the world of modern media — in new media. Various interpretations of the term “media reality” are given. The question is raised about the influence of the audience's reputation and trust in creators creating content on social media. It examines how algorithms and “smart” content transmissions shape the opinion of the audience. In conclusion, the author concludes that at the moment it is media reality as a cultural phenomenon in society.

Keywords: new media, media reality, social media, social networks, content.

После глобальной оцифровки средств массовой информации были созданы новые условия получения и распространения информации. Новые коммуникативные каналы получили два важнейших атрибутивных признака — интерактивность и цифровой способ передачи данных.

Сегодня мы живем в мире, где понятный нам новомейдиный формат во многом влияет на наше восприятие. Мы познаем мир не просто глазами и другими органами чувств, а преимущественно посредством экрана

смартфона. Можно сказать, что новые СМИ и формируют медиареальность.

Как справедливо замечает Л. Д. Александрова, «обладая такой вседесущностью и всеохватностью, новые медиа формируют, корректируют и меняют наши представления о реальном, должном, ценностном, достоверном в том бесконечно текучем потоке логики, целесообразность и значимость которого вряд ли возможно чётко определить» [1, с. 23].

Мы живем в каждодневном непрерывном информационном потоке. Все, что мы узнаём за день, не всегда наш сознательный выбор. Многие из того, что мы видим и читаем, попадает к нам спонтанно в социальных сетях. Усваиваемая информация не поддается полному контролю.

К примеру, мы заходим в Instagram посмотреть, что нового у наших друзей. Открываем одно фото, видим отметку незнакомого человека — переходим к нему на страницу. Затем просматриваем его фото, попутно читая описания, и находим неизвестное нам место в городе. Переходим по геотегу и уже просматриваем фото из того места. И так может продолжаться до бесконечности, потому что таким образом проявляется одно из отличительных свойств социальных медиа — гипертекстуальность. Задавались ли мы целью узнать всю ту информацию, которую получили, переходя по ссылкам? Скорее всего, нет, но узнали.

Вся информационная лавина, накрывающая нас с головой изо дня в день, неизбежно оставляет след в нашем восприятии, дополняя пробелы в наших знаниях не тем, что мы выбрали знать, а тем, что попало нам по пути с одной странички на другую.

А. А. Калмыкова подмечает, что «сетевая коммуникация является зеркалом реальности и одновременно особой формой действительности». Особенно это имеет значение в контексте восприятия ранее интерпретированной кем-то информации.

Весь медиаконтент в соцсетях — это продукт творчества пользователей, созданный на основе их уникального опыта и мироощущения. Так как новые медиа отличаются интерактивностью, где каждый пользователь может создавать и изменять контент, их наполнение происходит в результате креативного процесса.

Соответственно, определяя понятие «медиареальность», следует учитывать, что «оно включает и некие смысловые конструкторы, состоящие из “бытия-в-себе” в экранном отображении происходящего во времени и пространстве, и творческий акт создателя» [3, с. 14–15]. Получается, что пользователь, взаимодействуя с контентом в социальной сети и внося свои коррективы, неосознанно формирует медиареальность.

В социальных сетях мы потребляем контент, созданный другими личностями. Те же новости мы узнаём не в виде сухого факта, а пропущенными через мировоззрение, приправленными оценочными суждениями автора, дополненными соответствующим визуальным рядом, описанные специфичной лексикой. По итогу мы потребляем не факт, а мнение. Причем мы склонны этому мнению доверять, не подвергая сомнению и критическому осмыслению.

На взгляд автора, это связано с тем, что аккаунт блогера, например, в социальной сети — это «оцифрованный образ» живого человека. Поэтому сегодня доверия к печатному изданию или телевидению как каналу поставки информации меньше — это обезличенный ресурс. С человеком же из, условно, Instagram'a, рассказывающим о каком-либо событии обычному пользователю, проще себя ассоциировать.

Неудивительно, что пользователь доверяет человеку, за жизнью которого он наблюдает изо дня в день, заходя в его профиль. Проблема доверия аудитории и репутация — столпы журналистской деятельности. Естественным образом в настоящее время происходит смещение кредита доверия не только с традиционных медиа на социальные, но и с их цифровых площадок. Сейчас это вопрос не доверия информации, а вопрос доверию ее источнику.

«Веб-среда новых медиа представляет собой глобальную медиареальность, населенную типами авторов — сетевых журналистов и блогеров, чутко реагирующих на меняющееся медиапотребление аудитории, ее приоритеты и ожидания. В реальности новых медиа сосуществуют множество различных типов авторов, которые находятся в постоянном поиске эффективных моделей коммуникации с ее аудиторией» [4, с. 33].

Отсюда вытекает вывод — на формирование медиареальности во многом влияет и запрос аудитории. Условно: аудитория блогера в социальной сети по социально значимому вопросу ждет определенной позиции от него, чтобы с ней согласиться. Именно согласиться, потому что раз аудитория на него подписана, значит, ассоциирует его с собой. Блогер, в свою очередь, не может не оправдать запрос подписчиков, так как есть риск их потерять. Описанная ситуация не универсальна, но возможна.

Издание «Лента» подобную ситуацию подтверждает и приводит интересный пример. Активист Э. Паризер придумал понятие «пузырь фильтров», который понимал как ситуацию, в которой алгоритмы IT-платформ искажают получаемую в сети информацию. Он считает, что их механизмы специально настроены таким образом, чтобы пользователь потреблял больше информации, которая ему нравится, и чаще находил точку зрения, которая ему импонирует.

Если момент с формированием медиареальности путем креаторства понятен, то процесс возникновения специфичной реальности в новых медиа, который диктуют они сами, еще не до конца очевиден. Речь идет об алгоритмах ранжирования контента и «умных» новостных лентах. Эта функция встроена в каждую социальную сеть.

Сегодня алгоритмы социальных медиа сами решают, какой контент мы будем видеть. Как именно он работает, известно — чем больше пользовательских взаимодействий с контентом, тем более интересным его считает алгоритм и, следовательно, показывает его большему количеству аудитории.

Газета «Коммерсантъ» на вопрос, для чего это сделано, приводит следующую статистику: «ВКонтакте» перед введением новой новостной ленты представила результаты исследования, в ходе которого выяснила, что в среднем пользователь подписан на несколько сотен друзей и сообществ, которые ежедневно публикуют более 500 записей. По оценкам компании, пользователи успевают просматривать менее 20 % всех публикаций новостной ленты и могут упустить что-то важное» [4].

Проблема видится в том, что под «важным» нам показывают не то, что мы выбрали самостоятельно, а то, что по мнению алгоритма должно нас заинтересовать. Таким образом, самим медиа формируется актуальная новостная повестка для отдельного пользователя.

Савчук В. солидарен с подобной точкой зрения: «...медиа и есть сообщение, то есть: они видят, слышат и чувствуют нами, они инстанции вкуса и нормы; ничего не запрещая прямо, они эффективно делают это косвенно через рекламу “подлинного” и “настоящего” и “самого лучшего”» [5, с. 112].

Сегодня такие медийные гиганты, как Twitter, Facebook, Instagram и YouTube, обладают мощнейшими инструментами влияния на формирование медиареальности. Технологически они обладают беспрецедентными возможностями смещать фокус рассмотрения конкретной ситуации, прогнозировать, каким образом аудитория будет реагировать и интерпретировать тот или иной контент, цензурировать его, удалять информацию по своему усмотрению, маркировать неудобный им контент.

Приведенные онлайн-платформы уже не просто виртуальное пространство для самовыражения и общения, новые медиа — это цифровые площадки на основе искусственного интеллекта, который сам оценивает качество информации. РБК приводит следующий пример: «Twitter выборочно определяет, на какие сообщения поставить маркер, что совершенно четко отражает политическую пристрастность. Например, конгрессмен Адам Шифф продолжал вводить своих подписчиков в

зablуждение, продвигая тему сговора Трампа с Россией, и эти высказывания не были помечены» [6].

Господство новых медиа в конечном итоге меняет сущность репрезентации мира, что ведет к изменению понимания действительности. Социальные медиа формируют специфическую картину мира для пользователей и способны трансформировать ее. Это составляет основную проблему во взаимоотношениях личности как пользователя и социальных медиа.

Соцсети выступают коммуникативным медиумом в процессе освоения социального мира, самостоятельно при этом создавая медиареальность. Медиареальность, в свою очередь, «является одним из механизмов формирования общественного мнения и социального управления. Она может выполнять как конструктивные функции информирования, создания общего коммуникативного контекста, так и играть деструктивную роль, создавая те или иные стереотипы событий, явлений, общественных групп, которые могут провоцировать опасные для общества социальные последствия» [2, с. 128].

В итоге мы приходим к тому, что новые медиа — это мощнейший инструмент влияния на общественное мировоззрение. Функционал алгоритмов выдачи информации в социальных сетях заточен под демонстрацию определенного контента.

Незаметно для нас, пользователей, происходит размывание границ между реальностью и медиареальностью. Пользователи не всегда в состоянии отличить, где достоверный контент, отражающий действительное положение происходящего, а где уловка алгоритмов, побуждающая к определенным действиям. Как итог — жирный знак вопроса в тезисе: «что в большей степени формирует ценностные основы новой социальности — реальность социальная или реальность медийная» [7].

Таким образом, мы пришли к следующему выводу. Специфично сконструированная реальность в новых медиа сама по себе уникальный феномен, выступающий маркером XXI века, века информационного. Медиареальность сегодня — это гипертекстуальная парадигма репрезентации мира в целом и конкретных событий в частности, формируемая новыми медиа в процессе взаимодействия с пользователями. Медиареальность создается путем технического функционала, присущего социальным сетям в виде алгоритмов ранжирования контента, а также посредством интерпретации информации креаторами, создающими контент в новых медиа.

Литература

1. Александрова Л. Д. Опыт саморефлексии в контексте медиареальности и цифровой культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. Вып. 5. С. 23.
2. Кузнецова Е. И. Медиареальность как коммуникативный медиум // Медиафилософия. 2017. Вып. 2. С. 128.
3. Уразова С. Л. Медиареальность в контексте социокультурной глобализации // Вестник Новосибирского государственного университета. 2018. Вып. История. Филология. С. 14–15.
4. Шагдарова Б. Б. Интернет-журналистика и новые медиа журнал // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2018. Вып.: Язык. Литература. Культура. С. 33.
5. Савчук В. Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия. URL: <http://mediaphilosophy.ru> (дата обращения: 13.02.2021).
6. Коммерсантъ. Соцсети подвели на алгоритмы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3559113> (дата обращения: 12.02.2021).
7. РБК. Трамп решил приравнять соцсети к СМИ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/05/2020/5ed0db719a79474be8ee0cf1> (дата обращения: 13.02.2021).

Изотова Ольга Вадимовна

*аспирант кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
izotovaolgav@gmail.com*

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАНДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Пандемия COVID-19 оказала влияние на различные сферы жизни, в том числе и язык. Статья посвящена применению корпусного метода в изучении пандемического дискурса. Приводится обзорное представление понятия дискурса. В качестве языкового источника выбран Coronavirus Corpus, отдельные возможности которого отмечаются в работе. Анализируются некоторые новые лексемы английского языка, связанные с темой пандемии.

Ключевые слова: пандемия, дискурс, корпус, корпусная лингвистика.

Izotova Olga Vadimovna

Corpus study of pandemic discourse

The COVID-19 pandemic has impacted different aspects of life, including language. The article is devoted to using corpus method in a pandemic discourse study. The paper presents a brief overview of a discourse definition. Using the Coronavirus Corpus as the language source, it demonstrates several of its possibilities. The article investigates some linguistic innovations in the English language related to the pandemic.

Keywords: pandemic, discourse, corpus, corpus linguistics.

Пандемия, охватившая мир в 2019–2021 годах, стала событием глобального масштаба, изменив образ жизни миллионов людей. Эпидемии всегда пугали человечество, а связанные с ними события затрагивали огромное количество людей на всей планете. Явление пандемии не могло не отразиться и на языке. Язык реагирует на потребность говорящих общаться на наиболее актуальную тему пандемии. В связи с этим можно наблюдать интенсивный процесс пополнения лексики национальных языков за счет новых слов или новых значений, связанных с реалиями пандемии. Кроме того, язык, обеспечивая коммуникацию, выражает эмоциональное отношение говорящих к происходящему. Очевидная взрывная динамика языковых изменений и новаций обуславливают актуальность настоящей статьи, целью которой является рассмотрение лексики пандемического дискурса с помощью средств корпусной лингвистики.

Для начала обратимся к определению дискурса вообще и пандемического дискурса в частности. Понятие дискурса в настоящее

время не имеет строгой дефиниции в отечественной лингвистике. При отсутствии единства во взглядах на дискурс известно большое количество его трактовок. Так, согласно Н. Д. Арутюновой, дискурс — это связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136]. Как указывает В. И. Карасик, дискурс — это текст, погруженный в ситуацию общения. Коммуникативная ситуация, являясь элементом культуры, выходит на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения [2, с. 147].

Е. С. Кубрякова отмечает, что «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [5, с. 164]. Согласно мысли Ю. С. Степанова, дискурс — это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика и особый мир, в котором действуют свои правила синонимичных замен, истинности [7, с. 36].

Идея дискурсивной формации лежит в основе понимания дискурса как интегративной совокупности текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении [10, с. 55].

Н. И. Клушина справедливо отмечает, что, несмотря на множество научных определений, на практике в современной российской лингвистике термин «дискурс» используется в значении «совокупность текстов». Таким образом, дискурс — это тексты, объединенные по определенному параметру, который эксплицирован прилагательным-определением (*крымский дискурс*) или управляемым существительным в творительном падеже (*дискурс о Крыме*) [4, с. 82] (см. также *любовный дискурс* в [8]).

Вопрос типологии дискурса, как и вопрос дефиниции данного термина, является открытым в связи с отсутствием строгой классификации дискурсов. Таким образом, ученые выделяют множество типологий дискурсов на свое усмотрение. Общепризнанным можно, видимо, считать только предложенное В. И. Карасиком разделение дискурсов на институциональные и неинституциональные (межличностные, персональные или бытовые и бытийные). Н. И. Клушина указывает, что параметрами, объединяющими тексты в какой-либо дискурс, могут быть тема, событие, жанр, возраст, тональность, персона и т. п. Стиль также

может являться параметром, группирующим тексты (научный дискурс, публицистический дискурс, официально-деловой) [4, с. 80].

Автор настоящей статьи вслед за Н. И. Клушиной рассматривает дискурс как совокупность текстов на определенную тему — тему пандемии коронавируса, и обозначает его пандемическим дискурсом, понимая под ним многообразие текстов, репрезентирующих реальность пандемии.

Для исследования пандемического дискурса мы используем метод корпусного анализа. Сегодня корпусные исследования становятся все более актуальными среди методов лингвистического исследования. Корпусная лингвистика как наука начала формироваться в 60-х годах XX века, что было во многом связано с развитием информационных технологий. Корпусный анализ позволяет увидеть факты, недоступные при интуитивном подходе к отбору и анализу текстов, что связано со значительным объемом словоупотреблений в корпусах текстах и с репрезентативностью последних. Важно и то, что и корпусная лингвистика, и анализ дискурса направлены на один и тот же объект исследования — языковое употребление, то есть узус. Говоря о ключевых понятиях корпусной лингвистики, необходимо, прежде всего, определить понятие корпуса текстов. Соглашаясь с В. А. Плунгяном, мы понимаем под корпусом текстов собрание текстов на данном языке, представленное в электронной форме и снабженное научным аппаратом [6, с. 296].

Для рассмотрения пандемической лексики в новостном жанре английского языка нами был выбран *Coronavirus Corpus*, разработанный в начале 2020 года Марком Дэвисом, создателем и ряда других масштабных корпусов, с целью фиксации социального, культурного и экономического влияния COVID-19 в 2020 году и позднее [11]. Данный корпус содержит более 1 млрд слов в жанре интернет-газет и журналов в 20 англоговорящих странах.

С его помощью удалось обнаружить множество новых лексем, в том числе лексемы, образованные от основы *covid*. Так, одним из наиболее употребительных слов с данной основой является *covid-related*, что означает *связанный с коронавирусом*:

wvnews.com 04/2021: *COVID-19-related hospitalizations have increased to 259, which is up from a low of 151 on March 12.*

Также мы встречаем такие образования, как *covid-safe* (безопасный с точки зрения распространения ковида), *covidiot* (человек, который ведет себя безрассудно во время пандемии):

NJ.com 04/2021: *New Jersey teacher Steve Ferro and his sixth-grade class designed and created a COVID-safe science lab.*

torontosun.com 12/2020: *There's no cure for stupid: It was the year of yahoos and COVIDiots — What planet do they live on, these anti-maskers and anti-lockdown protesters who decry limits on their freedom to spread the virus?*

Кроме того, лексическими единицами с основой *covid* являются *covid-like* (ковидоподобный, похожий на ковид), *covid-friendly* (адаптированный, приспособленный к условиям ковида):

PBS 04/2021: *Several researchers at the lab became sick with a COVID-like illness in the fall of 2019.*

<https://qz.com> 02/2021: *And these smaller vehicles are more Covid-friendly since they're easy to sanitise and open-air.*

В корпусе представлено и множество других примеров словообразования от данной основы, что говорит о ее большом деривационном потенциале.

Coronavirus Corpus также позволяет исследовать распределение частотности словоупотреблений по месяцам в период с января 2020 года до настоящего времени. Мы будем ориентироваться на показатель частотности словоупотреблений на миллион слов, то есть на показатель нормированной частотности. Так, мы обнаруживаем, что словосочетание *flatten the curve* (выйти на плато) достигает максимума словоупотреблений в апреле 2020 года (35,76 permil), затем идет постепенное снижение использования данного словосочетания до нового скачка в мае 2021 года (22,23 permil). Таким образом, с помощью корпуса можно проследить отражение динамики развития болезни в глобальном масштабе через репрезентацию определенных словоупотреблений в речи.

Другим примером может быть слово *Zoom*, частота употребления которого резко выросла с января 2020 года (0 permil) до апреля (26,55 permil) и далее оставалась стабильно высокой, с некоторыми колебаниями до мая 2021 года (31,70 permil). Очевидно, такой рост связан с повсеместным использованием удаленных технологий для работы и общения. С помощью корпуса можно проследить и распределение частоты словоупотреблений по англоязычным странам. Например, словосочетание *toilet paper* (туалетная бумага) в период пандемии чаще всего использовалось в Австралии (35,82 permil), затем в США (13,77 permil).

Приведенный краткий обзор некоторых примеров англоязычной пандемической лексики демонстрирует широкие возможности корпусной лингвистики в исследовании пандемического дискурса. Можно отметить такие языковые тенденции, как деривационные процессы (на примере основы *covid*), количественный скачок в использовании привычных фраз

(например, *toilet paper*), широкое употребление узкоспециальных терминов (например, *flatten the curve*). Безусловно, эти явления можно объяснить с точки зрения развития события пандемии и его последствий, но данные корпуса могут подтвердить или опровергнуть такие предположения, опираясь на наглядные примеры и количественные показатели. Мы не знаем, как приведенные лексические варианты поведут себя в языке в дальнейшем, но их исследование представляет большой интерес для современной лингвистики.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Карасик В. И. Дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs> (дата обращения: 18.04.2021).
3. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34. DOI 10.26170/pl20-02-02.
4. Клушина Н. И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-analiz-i-stilistika-integrativnye-metody-issledovaniya-media-kommunikatsii> (дата обращения: 09.05.2021).
5. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.
6. Плунгян В. А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка // Отечественные записки. М.: 2005. № 2. С. 296–308.
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–73.
8. Трофимова Н. А., Мамцева В. В. Любовь и запахи: репрезентация ольфакторности в любовном дискурсе (на материале немецкого языка). СПб.: СПбГЭУ, 2020. 94 с.
9. Шилихина К. М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-korpusov-v-issledovaniyah-diskursa> (дата обращения: 18.04.2021).
10. Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2011. 696 с.
11. The Coronavirus Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/corona/> (дата обращения: 20.04.2021).

УДК 316.772.2

Киселева Светлана Владимировна
доктор филологических наук, профессор,
доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
Смирнова Анна Андреевна
аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета

КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАТ-БОТОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются вопросы организации коммуникации в виртуальном пространстве благодаря использованию такого инструмента, как чат-бот. Лингвокогнитивное моделирование процесса протекания речевого акта интересует исследователей-лингвистов в связи с определенными аспектами, отличающимися от коммуникации между людьми, использующими в своей речи когнитивные, прагматические и семантические особенности речепорождения и речевосприятия. Анализ практического материала помогает в установлении особенностей протекания коммуникативного акта между человеком и чат-ботом с выделением особенностей влияния канала коммуникации — социальных сетей в интернет-пространстве.

Ключевые слова: чат-бот, когнитивный анализ, когниция, дискурс, речевой акт.

Kiseljeva Svetlana Vladimirovna
Smirnova Anna Andreevna

Communicative component of chat bots on the internet

The article discusses the issues of organizing communication in the virtual space through the use of such a tool as a chat bot. Linguistic cognitive modeling of the process of a speech act is of interest to researchers of linguists in connection with certain aspects that differ from communication between people who use cognitive, pragmatic and semantic features of speech production and speech perception in their speech. Analysis of practical material helps in establishing the features of the flow of a communicative act between a person and a chat bot, highlighting the features of the influence of the communication channel — social networks in the Internet space.

Keywords: chat bot, cognitive analysis, cognition, discourse, speech act.

Коммуникация как процесс речепорождения и речевосприятия интересовала исследователей-лингвистов всегда. Начиная с выделения дихотомии «язык и речь» Ф. де Соссюром [Звегинцев], выделением функциональной модели коммуникации Р. Якобсона [11] и разработкой теории речевых актов Дж. Остина [7] и Дж. Серля [12], многие лингвисты в спектре своей научной деятельности так или иначе затрагивали данную

тому. Ведь именно речевой акт как процесс вовлекает в себя фактически все стороны жизни: лингвистическую, социальную, психологическую и многие другие. Общение — это не просто обмен информацией, это осознанный коммуникационный процесс, а значит, на базе речепорождения и речевосприятия происходит «подключение» некоторых уровней, оказывающих непосредственное влияние на него [10].

Согласно мнению А. П. Седых и О. С. Иссерс, в коммуникации существует 4 уровня, которые контролируются одноименными группами стратегий: когнитивный уровень и когнитивные стратегии, семантический уровень и семантические стратегии, прагматический уровень и прагматические стратегии, коммуникация и коммуникативные стратегии [4; 8]. С когнитивной точки зрения в коммуникации важно выделить: концепт, текст и адресанта; с семантической — узус, предложение и адресант-адресата; в прагматическом аспекте необходимо проанализировать: интенцию, высказывание, адресанта; а в коммуникации — ситуативность, дискурс, адресант-адресата [4]. Как можно увидеть, основополагающую часть анализа составляет связка «говорящего» (адресанта, отправителя, инициатора коммуникации, донора, источника коммуникации) и «воспринимающего» (адресата, получателя, реципиента, акцептора). Это представляется логичным, поскольку когнитивный опыт каждого участника речевого акта, а также особенности прагматики, семантики и других экстралингвистических факторов могут значительно повлиять на процесс информационного обмена: создать дополнительные шумы и препятствия в коммуникации.

На современном этапе наука шагнула далеко вперед: разработка машин, искусственного интеллекта. Попытки внедрить автоматизированную систему в бизнес-коммуникацию через такой канал, как социальные сети в интернет-пространстве, создают дополнительную область для исследователей в коммуникативном пространстве. Если человек обладает когнитивным опытом, то искусственный интеллект не может обладать когницией: машины создаются программистами и лингвистами, выполняя предписанные команды и используя готовые шаблонные сценарии речи. Лингвокогнитивное моделирование речевых актов между искусственным интеллектом или ботом и человеком имеет свою уникальную специфику [2; 1]. Речепорождение и речевосприятие в данном процессе имеют различные созависимые факторы, которые могут не возникнуть в цепочке коммуникации между человеком и другим человеком, но обязательно проявятся в речевом акте между искусственным интеллектом и человеком [3; 5].

В основу исследования легла такая специфическая единица, разновидность искусственного интеллекта — чат-бот. Это сложное слово

состоит из двух основ: «чат» — виртуальное место встречи в интернете [15] и «бот» — (сокращение от слова «робот») — компьютерная программа, которая работает автоматически, необходимая преимущественно для поиска информации в сети интернет [13]. Объединив оба значения данных слов, можно получить трактовку термина «чат-бот»: компьютерная программа, предназначенная для создания имитации разговора пользователя с другим собеседником в сети интернет [14]. Данное определение является достаточно общим и не отражает ряда особенностей различных программ, которые отражаются на просторах сети интернет. К примеру, один из крупнейших порталов для IT-специалистов и тех, кто хочет ими стать, интернет-издание о программировании proglib.io разграничивает две категории чат-ботов:

- работающие по заранее известным командам на основе ограниченного списка ключевых слов. Их гораздо проще создавать, однако практическое применение таких чат-ботов ограничено ключевыми словами, при отсутствии которых в запросе бот не сможет помочь пользователю;

- самообучающиеся на базе алгоритмов Machine Learning и методов понимания естественного языка (NLU, Natural Language Understanding). Создавать такие боты значительно сложнее, однако на практике они оказываются намного эффективнее за счет накопления знаний на основе предыдущих взаимодействий с пользователем [16].

С этой градацией связаны определения термина «чат-бот», которые можно увидеть в интернет-источнике «Википедия»:

- виртуальный собеседник — программа, которая выясняет потребности пользователей, а затем помогает удовлетворить их (общение с помощью текста или голоса);

- виртуальный цифровой помощник — веб-сервис и (или) приложение для смартфонов и ПК, фактически исполняющий роль личного секретаря при пользователе;

- чат-бот в социальных сетях (в том числе и с вышеназванными функциями) — программа, работающая внутри мессенджера;

- бот (в чатах) — специальная программа, выполняющая автоматически и/или по заданному расписанию какие-либо действия через интерфейсы, предназначенные для людей [20].

Так, первые два варианта представленных определений термина «чат-бот» чаще всего относятся к самообучающимся ботам. Это более сложная система, которая работает с персональными предпочтениями и обучается в процессе коммуникации. Такие чат-боты в полной мере можно отнести к концепту искусственного интеллекта, поскольку здесь прослеживается когнитивная составляющая: машина запоминает опыт запросов и речи

человека и использует его в дальнейшем общении; и частично прагматическая: в некотором аспекте высказывание, которое строится чат-ботом, может быть подстроено под манеру общения. К примеру, согласно обзору портала privet-alice.ru, на 2018 год голосовой помощник «Алиса» от компании Яндекс могла: петь песни с наличием обсценной лексики (в дальнейшем программисты постарались заблокировать данную опцию), обижаться на некоторые фразы. Также иногда можно увидеть коммуникативный акт между «Марусей» от «MailGroup» и «Алисой» от компании Яндекс (два искусственных интеллекта могут ругаться, подшучивать друг над другом и моделировать разговор двух реальных людей с определенными чертами характера, находящихся в конфронтации) [22]. Однако стоит упомянуть, что не все виртуальные помощники могут обладать самообучением в процессе своего функционирования — поэтому утверждать, что абсолютно все виртуальные собеседники и цифровые помощники всегда относятся к варианту самообучаемых ботов, нельзя.

Два последних бота имеют отношение к ботам с ограниченным алгоритмом. Конечный сценарий и рамки по ключевым словам — командам бота — предопределяют его специфику — такие боты разрабатываются для социальных сетей, и речевой акт протекает в письменной форме.

Для анализа коммуникативной составляющей выбран именно последний вариант чат-бот как алгоритм — программа, работающая внутри мессенджера, в социальной сети. В отличие от виртуального голосового помощника (пример «Алиса» от компании Яндекс [21]), чат-бот в социальных сетях исключает ряд особенностей когниции, к примеру визуализацию образа собеседника. Помимо усложнения представления виртуального собеседника письменный речевой акт может порождать когнитивные деформации (восприятие отдельных знаков пунктуации или интерпретация текста / отрывка текста посредством искаженного воспроизведения в сознании). Для обоснования данной гипотезы в качестве объекта исследования выбраны два речевых акта в различных социальных сетях и коммуницирующих на английском и русском языках. Первый объект для анализа — бот в сети Telegram «HealthTap». Коммуникативный акт с данным ботом ограничен определенным закольцованным алгоритмом:

[7:44PM] Ann:/start

[7:44PM] Healthtap: Hello!! What is your name?

[7:44PM] Ann: Ann

[7:44PM] Healthtap: Hello Ann!! I am HealthTap a Medical Chatbot, do you need any help?

[7:47PM] Ann: Yes

[7:47PM] Healthtap: How may i help you? (Type the number) 1. Book an appointment 2. Cancel an appointment [18].

В представленном выше примере коммуникативного акта можно увидеть, что у бота «HealthTap» есть две команды: «записать на прием» и «отменить запись». Его сценарий ограничен выполнением двух действий, соответственно в остальных случаях бот будет просто говорить о некорректности команды. Проанализируем саму коммуникацию.

Просмотрев письменный речевой акт с ботом, можно отметить некоторые особенности коммуникации.

Форма приветствия — в первый раз бот приветствует своего собеседника просто «Hello!!». Такая форма приветствия широко распространена, причем подходит как для формального общения, так и для неформального. В данном конкретном примере в аргументацию выбора данной формы приветствия можно привести сразу три факта. Во-первых, такое приветствие более короткое и универсальное. Настроить бота на приветствие «good morning/afternoon/evening» гораздо сложнее — придется выставлять различные сценарии по времени суток. Во-вторых, приветственная форма «Hello!!» в когнитивном аспекте коммуникации помогает человеку на подсознательном уровне принять коммуникацию с ботом за речевой акт с реальным сотрудником. Помимо этого, бренды зачастую выбирают стратегию «бренд-друг, бренд-советник, бренд-помощник», что требует специальных «дружеских» формулировок. В-третьих, краткость приветствия является преобладающим аспектом коммуникации в социальной сети. В данном примере отлично демонстрируется подтверждение гипотезы о том, что канал коммуникации может накладывать свои нормы, правила и когнитивные искажения на речевой акт между ботом и человеком.

Еще одним важным аспектом влияния канала коммуникации на сам речевой акт является определенное пренебрежение пунктуационными знаками. Обилие знаков восклицания может привести к мысли о повышенной экспрессивности речи. Именно в этом моменте коммуникации для носителей языка может сработать когнитивное искажение: собеседник «кричит» на него посредством обилия восклицательных знаков, находясь во власти эмоций (радость, восторг, гнев, ярость), или же собеседник отдает ему некоторый приказ (например: «Don't do it!» she yelled) [17]. Однако, вероятнее всего, собеседник понимает, что данное обилие знаков восклицания или же пропуск запятой во фразе «Hello Ann!!» является не чем иным, как особенностью общения в социальных сетях. Дискурсивное пространство интернета в целом и в особенности социальных сетей, «будучи динамическим процессом, отражающим функциональные особенности речи, имеет в то же время все

черты ее прагматических, экспрессивных и когнитивных свойств». Помимо этого, стоит учитывать когнитивный опыт и общую грамотность того, кто настраивает подобного бота. Если самообучающихся ботов настраивают IT-специалисты совместно с лингвистами, то ботов с ограниченным сценарием может настроить любой комьюнити-менеджер или PR-специалист.

Отдельное внимание стоит уделить когнитивному восприятию текста или его отдельных элементов. В частности, стоит сказать о названии бота: «HealthTap» соотносится с названием самой компании и в дословном переводе обозначает «кран здоровья». Превалирующим в анализе является концепт «health» и концепт «здоровье». Благодаря когнитивному опыту человек уже имеет ряд так называемых якорей (образов в сознании, которые помогают проецировать объекты реальности на текущую ситуативную модель). Поскольку концепт социален, а его ассоциативное поле обуславливает его прагматику [6, с. 46], соответственно в коммуникативном аспекте вырабатывается прагматический уровень представления собеседника по ассоциативному полю когнитивного опыта адресата. К примеру, по ассоциативному ряду адресата коммуникации в цепочке «здоровье — медицина — больница — врач — белый халат» можно представить, что в качестве адресанта выступает работник медицинского заведения (клиники, больницы и т. д.). Рабочая одежда — белый халат. Вероятнее всего, это женщина, так как в регистратурах обычно работают медсестры-женщины, которые записывают на прием или отменяют запись. Однако у другого участника ассоциативное поле, выстроенное концептом «здоровье», может быть сформулировано несколько иначе.

Обобщив все вышесказанное, можно составить определенную модель анализа речевого акта с выделением главных элементов:

Таблица 1. Коммуникативный аспект чат-ботов на примере бота «Healthtap»

Наименование элемента	Описание
Когнитивный опыт адресата (+прагматическая составляющая)	Концепт, ассоциативное поле принимающей стороны, которое помогает при речевосприятии воссоздать образ коммуникатора и активно влияет на речевой акт. Затрагиваются когнитивный и прагматический уровни
Канал коммуникации	Определенная специфика в процессе речепорождения: пренебрежение знаками препинания для сокращения, экспрессивность речи в стилистическом плане. Возможно образование

	когнитивных искажений при речевосприятии, если не знать специфики канала коммуникации. Семантический и коммуникативный уровень затрагиваются в речевом акте
Адресант	Оказывать влияние на коммуникацию может: коммуникационная политика бренда-организации, специфика построения речевых актов организации в SocialMediaMarketing-среде, социолингвистические факторы специалиста по автоворонкам и чат-ботам (того, кто настраивает бота). Затрагиваются все четыре уровня коммуникации
Успешность речевого акта (шумы, барьеры коммуникации)	Успешность речевого акта обуславливается достижением цели, благодаря которой была инициирована коммуникация. В данном примере адресант преследует множество маркетинговых, рекламных и PR-целей: от формирования лояльности потребителей конкретных услуг медицинского центра до возможности личной рассылки рекламных материалов через налаженный канал связи. Достижением комплекса этих целей становится действие адресата по старту коммуникации. Адресат же, напротив, может преследовать одну определенную цель. И не всегда ею будет являться то, что может предоставить бот. К примеру, по описанию симптомов узнать о заболевании, уточнить результат лабораторных исследований по трек-номеру и т. д. Функционал нашего бота раскрывается лишь на третьем сообщении, до которого необходимо еще вписать свое имя и ответить на вопросы. Неудовлетворенность клиента при недостижении целей после ряда выполненных действий возрастает, поэтому рекомендуется обозначать функционал бота на самых первых шагах

Рассмотрим параллельно русскоязычный пример чат-бота в социальной сети «ВКонтакте» бренда МТС:

Анна [19:07]: узнать о продуктах

МТС [19:07]: Привет. Чтобы вы смогли быстрее решить свой вопрос, мы придумали специального чат-бота. Он еще учится и пока может помочь только с некоторыми общими вопросами, а также принять обращение по качеству связи и рассказать о тарифах «Тарифище» и «Тариф X». Уже совсем скоро мы добавим еще вопросов, по которым бот сможет помочь☺ Если бот не сможет ответить, напишите, пожалуйста, «оператор» и ваш вопрос будет передан специалисту. Я с удовольствием расскажу Вам о тарифе. При подключении вам предоставляется безлимитный доступ к площадкам, где рождается ажиотаж (и YouTube тоже, ага;), а также к соцсетям и мессенджерам. Все это приправляется солидным пакетом минут, смс и интернет-трафика. Я могу вам что-то еще подсказать? Если нет, то введите в чате слово «оператор», и я соединю вас с оператором. Если да, задайте ваш вопрос или нажмите на кнопку с нужным вопросом [19].

Проанализируем данный пример согласно выделенной схеме.

Таблица 2. Коммуникативный аспект чат-ботов на примере бота «МТС»

Наименование элемента	Описание
Когнитивный опыт адресата (+прагматическая составляющая)	МТС — оператор сотовой связи. Концепт «связь» и узкое ассоциативное поле, связанное с телекоммуникацией (связь — технологии — телефон — смартфон — оператор — сотовые вышки — 5G — 4G — интернет — социальные сети-мессенджеры и т. д.)
Канал коммуникации	Социальная сеть «Вконтакте». 1. Нарушение границ расположения текста (текст сообщения должен быть расположен таким образом, чтобы все предложения уместились на экране телефона). Сообщение от компании приходится пролистывать, чтобы ознакомиться, — это нехарактерно для краткого построения сообщений в социальных сетях. 2. Использование эмодиконов для вербализации коммуникации и выражения эмоций. «Уже совсем скоро мы добавим еще вопросов, по которым бот сможет помочь☺» и второй «(и YouTube тоже, ага;)» — для внесения «живых» эмоций в письменную речь. В данном аспекте возможны когнитивные искажения, так как последний эмодикон представлен знаками препинания. 3. Пренебрежение некоторыми правилами

	<p>и нормами языка как особенность общения в социальных сетях. С точки зрения правил и норм русского языка можно увидеть многочисленные несоответствия («привет» — как форма приветствия к незнакомому человеку — скорее всего сделано по аналогии с английским ботом; «вы», «Вам»; путаница в обращении — в начале коммуникации использовано местоимение он (о боте: «Он еще только учится...»), а далее коммуникация идет от первого лица (от бота: «я могу вам <...> подсказать» и т. д.)</p>
<p>Адресант</p>	<p>Менеджер компании МТС носит соответствующую униформу и подчиняется правилам коммуникативной политики компании. Он одет в белую рубашку и черные брюки, имеет бейджик красного цвета с именем. Он должен рассказывать о продуктах компании и помогать клиенту делать выбор в продуктовой линейке</p>
<p>Успешность речевого акта (шумы, барьеры коммуникации)</p>	<p>Для адресата коммуникации успешность речевого акта зависит от цели, с которой он инициирован. В самом первом сообщении бот сообщает о своем функционале: «Он еще учится и пока может помочь только с некоторыми общими вопросами, а также принять обращение по качеству связи и рассказать о тарифах “Тарифище” и “Тариф X”»</p>

Как итог проведенного исследования можно сказать, что коммуникативная составляющая чат-ботов обладает определенной спецификой. В первую очередь следует дифференцировать чат-бот самообучающийся и чат-бот с конечным алгоритмом, так как на коммуникацию в том числе оказывает активное влияние специалист, который его создает или прописывает его алгоритм. Во избежание когнитивных искажений в восприятии информации следует определить лингвистическую составляющую самого канала коммуникации — социальных сетей (эмотивы, краткость сообщений, пренебрежение некоторыми нормами и правилами языка и т. д.). Когнитивный и прагматический уровни коммуникации работают по большей части именно от адресата коммуникации, так как его когнитивный опыт и ассоциативное поле, построенное вокруг понятия или концепта, будут отвечать за

визуализацию образа собеседника. Чат-бот довольно активно входит в жизнь современных людей, что предопределяет необходимость его дальнейшего лингвокогнитивного и терминологического исследования, начиная от необходимости теоретического закрепления ряда дефиниций термина, которые нашли свое отражение пока только в интернет-пространстве, заканчивая особенностями речепорождения и речевоприятия, наличием когнитивных искажений и прочего.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Власенко А. В. Лингвокогнитивное моделирование эффекта обманутого ожидания к постановке вопроса // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая — 2 июня 2006 г. Калуга: Эйдос, 2006. С. 60–61.
3. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 152–171.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в когнитивном познании мира. Текст. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 87 с.
7. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева М.: Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1989. С. 13–136.
8. Седых А. П. Лингвистическая теория общения: этнокультурный аспект // DSpace at Belgorod State University, Белгород, 2015. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151223641.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).
9. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики (извлечения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1960. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/saussure.htm> (дата обращения: 01.03.2021).
10. Трофимова Н. А. Самоорганизация смысла в диалоге // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4 (1). С. 49–59.
11. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. М., 1975. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-1p.htm> (дата обращения: 29.03.2021).
12. Searle J. R. What is a speech act? // Philosophy in America / ed. Max Black. London: Alien and Unwin, 1965. P. 221–239.
13. Cambridge Dictionary: определение «бот». URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/bot> (дата обращения: 09.04.2021).
14. OLD: определение Chatbot. Oxford Learners Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/chatbot> (дата обращения: 29.03.2021).

15. Oxford Languages: определение «чат». URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-ru/> (дата обращения: 17.03.2021).
16. Proglib.io 2017: чат-боты: введение от разработчика. URL: <https://proglib.io/p/chat-bots-intro/amp/> (дата обращения: 01.04.2021).
17. The world.ru: Использование восклицательного знака. URL: <http://www.the-world.ru/grammar/punktuatsiya/121-vosklitsatelnyj-znak-v-anglijskom-yazyke#:~:text!> (дата обращения: 29.03.2021).
18. ТМ: Чат-бот HealthTap в Телеграм. URL: https://web.telegram.org/#/im?p=@ghealthtap_bot (дата обращения: 20.03.2021).
19. Vk.com: Чат-бот МТС в Вконтакте. URL: <https://vk.com/im?sel=-8458649> (дата обращения: 01.04.2021).
20. Wikipedia: чат-бот. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D1%82-%D0%B1%D0%BE%D1%82> (дата обращения: 19.03.2021).
21. Yandex.ru: «Алиса» от компании Яндекс. URL: <https://yandex.ru/alice/index> (дата обращения: 03.04.2021).
22. YouTube 2020: Маруся и Алиса: попытка разговаривать помощниц Mail.ru и Яндекса. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rrf00iP15IQ> (дата обращения: 03.04.2021).

Копань Маргарита Александровна
студентка института магистратуры
Санкт-Петербургского
государственного экономического
университета,
ritakoran@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

В данной статье проводится анализ по способам перевода языковой игры с немецкого языка на русский. С целью выявления наиболее адекватных соответствий и возможных вариантов передачи оной на русский язык проводится работа по определению ключевых приемов перевода языковой игры, встречающихся в произведениях.

Изучение языковой игры связано с наличием богатого лексического пласта текстов, что помогает при изучении системы концепций перевода и обогащает положительный опыт переводческой теории и практики.

Описательный прием перевода, например, нужен для того, чтобы перевести адекватно на другой язык при отсутствии эквивалента. Как правило, описываемые в тексте факты, являющиеся в тексте основой лингвистической игры, нередко требуют пояснения русскоязычному читателю. И без этого не может быть адекватного понимания авторского замысла и целостного восприятия текста.

Следует отметить, что данная статья не претендует на полное и исчерпывающее описание приемов перевода языковой игры с немецкого языка на русский. По этой теме существует множество вопросов и проблем, которые требуют детального изучения.

Ключевые слова: языковая игра, конкретная поэзия, перевод поэзии, Э. Яндль, средства выразительности.

Kopani Margarita

Language game as a problem of translation

This article analyzes the translation methods of the language game from German into Russian. In order to identify the most adequate correspondences and possible variants of the translation into Russian the work is carried out to determine the key methods of translation of the language game, found in the works.

The study of language games is associated with the presence of a rich lexical layer of texts, which helps in studying the system of translation concepts and enriches the positive experience of translation theory and practice.

A descriptive translation technique, for example, is needed in order to translate adequately into another language when no equivalent is available. As a rule, the facts described in the text, which are the basis of the linguistic game, often require an explanation for the Russian-speaking reader. And without this there can be no adequate understanding of the author's intent and the full perception of the text.

It is worth noting here that this article is no way pretends to be a complete and exhaustive description of the methods of translation of the language game from German to Russian. There are many questions and problems on this topic that need to be studied in detail.

Keywords: language game, concrete poetry, translation of poetry, E. Jandl, means of expression.

Языковая игра — термин Людвиг Витгенштейна, введенный им в работе «Философские исследования», опубликованной в 1945 году для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий. Понятие языковой игры подразумевает множественность значений.

Он ввел термин «языковая игра», стремясь в своей логико-философской концепции установить границы мышления человека. До этого считалось, что язык используется только как средство коммуникации. Витгенштейн под языком подразумевает также инструмент речи, благодаря которому между адресатом и реципиентом возникает языковая игра. Он утверждал, что слова приобретают смысл только в процессе их использования, а сами по себе они не несут смысловой нагрузки. Таким образом, важен контекст, иначе говоря, социально-коммуникативные практики, которые выполняются по определенным правилам и которые Витгенштейн объединил впоследствии термином «языковые игры». Это наблюдение позволило ученому сравнить деятельность человека с игрой [2].

Перевооружение реальности в формате игры — это способ осмысления и освоения мира. В рамках научного дискурса определяются функции и жанры игры. Поэтический же текст направлен на передачу специфической информации, переживаний и представления оных в виде поэтического кода. Для данного кода характерен определенный ритм и зачастую иные средства художественной выразительности, благодаря которым расставляются акценты на значимой информации.

Что касается поэтической тональности, она может быть как игровой, так и серьезной, при этом ритм и рифма в поэтическом тексте не являются обязательными.

В трудах Витгенштейна в контексте языковой игры немало внимания уделяется в первую очередь языку общения между индивидуумами, поскольку правильное употребление слов способствует успешному взаимодействию. Связывая такой подход Витгенштейна с языковой игрой при переводе Эрнста Яндля, можно проследить, что именно сохранение смысла, эмоциональной окраски дает возможность передать те мысли, которые изначально были заложены в стихотворении [1].

Вводя понятие «языковая игра», философ трактует язык в единстве с действием, поскольку он выступает контекстом в языковой игре. Таким образом, языковая игра действительно хорошо соотносится с поэтической языковой функцией.

В ходе данного исследования языковая игра как проблема перевода будет рассмотрена на примере поэтических текстов Эрнста Яндля — яркого представителя конкретной поэзии. В своих стихотворениях он стремился изменить поэтическую форму, экспериментируя с языком. Его «творческий метод» включает в себя активное применение фонетических и графических средств выразительности, которые выполняют тексто- и смыслообразующую функцию [2].

Все экспериментальные поэтические тексты Яндля условно можно разделить на две группы: акустические и пространственные. Однако однозначно отнести каждое стихотворение к одной из групп не всегда возможно.

Специфика экспериментальных поэтических текстов делает их особым переводческим материалом. Адекватный перевод предполагает сохранение того же эффекта воздействия на реципиента, которое оказывает текст оригинала.

Произведения автора (как «Eulen», например), как правило, вызывают трудности при переводе. Ключевой смысловой компонент данного произведения очень многозначен, поскольку само название, согласно венскому диалекту, может означать «совы» или же «одинокий», или даже жаргонное ругательство в значении множественного числа молодой или не обладающей красотой женщины. Следовательно, перевод не в силах передать такую игру значений. По этой причине переводчик В. Куприянов не стал предпринимать попыток сохранения смысла, который несет в себе многозначное слово, а осуществил различные переводы.

bist eulen?	ты филин	ты одинок
ja	да	да
bin eulen	филин	я одинок
ja ja	да да	да да
sehr eulen	совсем филин	очень одинок
...
doch wer einmal eulen war	но уж если ты филин	но уж если кто одинок
der wird eulen bleiben immer	то навсегда филин	то навсегда одинок
ja	да	да
ja ja	да да	да да
(E. Gomringer)	(В. Куприянов)	(В. Куприянов)

Ниже приведен пример того, как решаются такие трудности при переводе стихотворения Э. Яндля «*ottos mops*»:

<p>ottos mops trotzt otto: fort mops fort ottos mops hopst fort otto: soso ...</p>	(E. Jandl)	<p>Пес босса — упрямый нос Босс: «Пес, беги кросс!» Пес босса скачет кроссом По приказу босса. ...</p>	(Д. Болганова)	<p>мопс отто обормот отто: вон мопс вон мопс отто скок скок вон отто: вот-вот ...</p>	(А. Медведев)
--	------------	--	----------------	---	---------------

По этим примерам можно сделать вывод о том, что перевод различных видов и форм литературных произведений предполагает, что нужно решить прагматические задачи сохранения эстетического воздействия на читателя. Для этого следует найти соответствие лексического и синтаксического характера в языке перевода, не потерять в процессе перевода стихотворный метр и рифмы, бережно подходить к образам и языку автора в оригинале [6].

В пространственных стихах можно отметить редупликацию графических единиц и при этом особое размещение текста в пространстве листа для создания более яркого образа в сознании читателя. В «*Markierung einer Wende*» Яндль использует эти методы, позволяя реципиенту воспринимать следующее стихотворение как календарный аналог последних двух лет Второй мировой войны.

**markierung
einer wende**

1944 1945

**krieg krieg
krieg krieg
krieg krieg
krieg krieg
krieg mai
krieg
krieg
krieg
krieg
krieg
krieg
krieg**

В данном стихотворении два основных слова (krieg и mai) и две даты (1944 и 1945) наделены большим смыслом. В названии заложена главная тема стихотворения — это «коренной перелом» в войне, а точнее, время после него, когда фашисты сражались до последнего — до капитуляции 9 мая 1945 года.

Первый столбец — 1944 год состоит из 12 слов krieg, что указывает на продолжительность военных действий в течение этого года (12 месяцев). Второй же столбец состоит только из пяти слов. В 1945 году война шла 4 месяца (январь, февраль, март, апрель), пока не наступил май (пятый по счету месяц в году).

1944	1945
война	война
война	май
война	

При переводе такого стихотворения также невозможно обойтись без потерь. В этом случае речь идет не столько о сохранении рифмы и метра стиха, сколько о нахождении лексических и синтаксических соответствий в языке перевода. Они влияют на формирование определенного образа после прочтения стихотворения. Ведь если посмотреть на 2 столбца со словом krieg, то можно представить себе человеческие ноги (солдата), одну из которых оторвало взрывом гранаты или другого боеприпаса. Боец всегда находится в форме с прямыми линиями (все офицерское обмундирование сидит на нем как влитое, отсюда и правильные геометрические формы). При переводе важно передать эти формы через сложившуюся пропорцию в данном лингвистическом пространстве:

- 1) обозначение переломного момента/рубежа;
- 2) на рубеже периодов.

Следующее «пространственное стихотворение» использует фигурный подход в подаче текста:

der s ch a t t e n v e r s t r e i c h t a u f d e n d i n g e n

Данный текст может быть переведен как «тень покрывает вещи» или «тень размазывается по вещам». Содержание его достаточно простое, большее значение играет расположение материала, это один из примеров пространственных стихов Яндля. Перед нами текст, в котором автор использует художественный прием, повторяющий в форме рисунка сказанное в тексте. Это своеобразная языковая игра с читателем, которая способствует формированию нового взгляда на текст, визуально выражающий материальность мира [3].

Фигурные стихи зачастую вообще не нуждаются в переводе, но если их переводить, то важно обратить внимание как на графическое оформление стиха, так и на его ритм, то есть как на графические, так и на фонетические свойства стихотворения [4].

В рамках немецкоязычной конкретной поэзии охотно играют прописными и строчными буквами. Немецкие существительные по правилам пишутся с заглавной буквы. Яндль использует эту особенность и намеренно варьирует размер букв в поэтических текстах. Это складывается в особый прием, рождающий дополнительные смыслы. Его можно показать на примере стихотворения «der Ritter»:

DER RITTER

EIn woRT adEIT sEInE buchsTabEn
sIE dEn RITTER mIT IhR fahREn bITTE sIE
ER jETzT schlafEn odER RodEIn gEhE ER
SIE hIER zImmER zu vERmlETEn sEIE n sIE
ER jETzT schlafEn odER RodEIn gEhE ER

SIE dEn RITTER IhR Tod nIchT sEIn bITTE sIE
ER hElfEn ER wollE habE gEwollT wERdE hElfEn wollEn ER
SIE dEn RITTER IhR hERz schlagEn fühlEn bITTE sIE

ER hElfEn ER wollE habE gEwollT wERdE hElfEn wollEn ER

SIE ER sIch nIchT zu schämEn bRauche sIE
ER am lIEbsTEn schlafEn odER RodEln gingE ER
SiE EIn vERgnügEn ERwaRTEn auch Ein vERgnügEn sEI sIE
ER am lIEbsTEn schlafEn odER RodEln gingE ER

siE Ihn laufEn sEhE Ihm bauEn hElfE sIE
SIE das wERk wEITER blühEn und gEdEElhEn mögE sIE
sIE aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa EIn RITTER EIn RITTER sEI sIE
ER Es Ihm EInE angEnEhmE pflichT IhR füR IhRE wERT-
volle mITaRbEIT sEInEn bEsTEn dank ETc ETc sEI ER
dER RITTER [14].

В стихотворении присутствуют два героя — он (ER) и она (SIE/SiE/sIE/siE). Местоимение er, номинирующее мужской персонаж, на протяжении всего стихотворения пишется прописными буквами. Таким образом, благодаря графике, подчеркивается постоянство героя. Местоимение sie, указывающее на женский персонаж, изменчиво, символизирует перемены, как в ее, так и в его жизни.

Э. Яндль в начале стихотворения утверждает, что «слово облагораживает свои буквы» («Ein Wort adeit seine Buchstaben», фризское слово adeit означает «место»). Игра в dER RITTER выражается как раз посредством выделения частей слова. С одной стороны, она призвана подчеркнуть благородство рыцаря, но тривиальность истории «рыцаря» приводит к тому, что слова, благодаря выделению букв, теряют свой контекст и реализуются как самоирония. Таким образом, здесь есть игра между планом выражения и планом содержания. Теоретически при переводе данного поэтического текста можно было бы эту игру передать. Однако в русском языке подобный контраст не сохранить, поскольку соответствующие правила написания существительных и других частей речи в нем отсутствуют [10].

Ярким примером того, что в конкретной поэзии грамматическая составляющая может играть главную роль, а грамматический род может способствовать реализации текстового (авторского) смысла, служит стихотворение «der tod», в котором конкретность, выраженная в сжатии, можно сказать, доведена до предела. Отсутствие синтаксиса и вообще предложений компенсировано тем, что автор приводит текст к форме грамматической парадигмы: склонение слова «смерть» записано как правило склонения из учебника:

der tod

des todes
dem tod
den tod

der tod des todes
dem tod den tod

Во второй части стихотворения слова из грамматической парадигмы объединены в словосочетания, из которых рождается текст: «Смерть смерти, смерти — смерть» [9].

В следующем акустическом стихотворении при произнесении слов перед читателем или слушателем раскрывается текстовый (авторский) смысл. Здесь можно выделить такой прием, как звукоподражание:

PLÖTZLICH
bluts_____с_____h
andeeeeeeeeeeeeeeee

Начало стиха, переводимое на русский язык, как «вдруг» говорит о внезапности смерти. Можно предположить, что данное стихотворение является некой иллюстрацией к нацистской истории. Если соединить все звуки последних двух строк, то образуется слово *Blutschande* («кровавый позор»). Национал-социалисты так обозначали браки с представителем неарийской расы, браки немцев с евреями.

Вместе с тем само слово «кровь» помогает сделать вывод о том, что убийство произошло внезапно, а растянутое сочетание s_c_h («ш») имитирует звук свиста пули. Смерть же человека не мгновенна, а продолжается, как предсмертный крик.

Так, в стихотворении значимым становятся как его семантическое содержание и расположение материала, так и фонетический звукоряд, передающий убийство. При переводе такого стихотворения невозможно обойтись без существенных потерь. Например, имитацию звука свиста пули в сочетании s_c_h не передать. Однако можно попробовать сохранить эффект внезапного убийства, например, благодаря распадению слова «кровавый» на части с соответствующим выделением корня «кров(ь)» и благодаря редупликации звука «а» (кров__aaa__вый), а также можно попытаться сохранить эффект продолжительного «предсмертного крика», к примеру, при редупликации гласной «о» и согласной «р» на конце слова («позооооооррррр») [8].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что при поэтическом переводе специалисты сталкиваются со множеством трудностей, так как даже те стихи, которые на первый взгляд могут казаться простыми, на деле

полны символов и образов, которые очень непросто сохранить и передать при переводе. Эти образы не всегда являются однозначными и могут быть по-разному восприняты и интерпретированы. Таким образом, когда переводчик пропускает через себя произведение и пытается передать содержание, он вкладывает в перевод свою интерпретацию смысла, то есть становится как бы соавтором произведения. Что касается творений конкретной поэзии — это хорошая база для преподавания студентам лингвистической направленности. Лингвистический материал стихотворения дает возможность сконцентрировать внимание на том, какую суть в него заложил автор, а также побудить обучающихся к поиску смысла и творческому поиску, что очень важно для будущих специалистов.

Значимость конкретной поэзии определена синтезом средств, изобилием ее форм, способностью впитывать современные лингвистические техники. Все это ярко реализовано в поэзии Эрнста Яндля. Приведенные примеры стихотворений свидетельствуют о том, что перевод произведений конкретной поэзии предполагает бережное отношение к системе образов и языку автора, умение распознать посыл автора и передать его читателям [5].

Языковая игра по Витгенштейну — это своего рода лингвистический эксперимент, который является объектом пристального внимания исследователей в рамках современной лингвистики [1]. Под неким лингвистическим экспериментом в этом случае в первую очередь понимается каждое новое произнесение фразы в необычном для нее контексте, допускающий разную интерпретацию [7]. Каждое новое прочтение и есть языковая игра. При использовании слов мы каждый раз участвуем в переносе значения слова на новый контекст и в обнаружении другого способа его использовать. Иначе говоря, создаем новую языковую игру. Творчество Яндля является иллюстрацией данной мысли Витгенштейна.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. 340 с.
2. Гречушникова Т. В. «Семейные аксиомы» глазами современной немецкоязычной прозы // Запад и восток: экзистенциальные проблемы в зарубежной литературе и искусстве: материалы междунар. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2008. С. 179–182.
3. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство, 1996. 846 с.
4. Рябова М. В. Тексты в стиле «конкретной поэзии»: «mementos» не для декламации (из опыта исследования) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. Ч. 2. С. 145–148.
5. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз, 1959. 525 с.

6. Трофимова Н. А., Ковалева М. В. Трудности перевода произведений конкретной поэзии // Индустрия перевода: сб. статей по материалам междунар. научной конф. 6–8 июня 2016 г. Пермь: ПНИПУ, 2016. С. 289–298.
7. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. Работы по поэтике. М., 1987. 464 с.
8. Anne Uhrmacher: Spielarten des Komischen. Ernst Jandl und die Sprache (Germanistische Linguistik, Bd. 276). Niemeyer, Tübingen, 2007.
9. Kittstein Ulrich Deutsche Lyrik: Ein Lesebuch mit Gedichten und Interpretationen. Lambert Schneider Verlag, 2011. 221 s.
10. Pfoser-Schewig K. (Hrsg.): Für Ernst Jandl. Texte zum 60. Geburtstag. Werkgeschichte // Zirkular Sondernummer 6. Dokumentationsstelle für neuere österreichische Literatur. Wien, 1985.

Список источников иллюстрированного материала

11. Боу А. Эрнст Яндль. Избранное. 2012 // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2012/07/09/689>
12. Эрнст Яндль / вступ. слово и пер. В. Куприянова // Арион. 2003. № 3 (Журнальный зал в РЖ («Русский журнал»)). URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2003/3/ernst.html>
13. Мегель О. Отец приди Расскажи о войне. 2014 // Стихи. ру. URL: <https://www.stihi.ru/2014/12/09/3081>
14. Jandl Ernst. URL: <https://www.ernstjandl.com>.
15. Matt P. Eugen Gomringer. Der Schweizer Indianer. 2015 // Neue Züricher Zeitung. URL: <http://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/der-schweizer-indianer-1.18472360>

УДК 811.11

Макаров Даниил Сергеевич
студент Института магистратуры
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
danny.0607@mail.ru

СПОСОБЫ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БАСКЕТБОЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена способам и особенностям перевода баскетбольной терминологии в американском варианте английского языка. В статье рассматривается теоретическая литература по терминологии, сленгу; подобран лексический материал для анализа. Лексические единицы распределены по группам.

Ключевые слова: перевод, способы перевода, баскетбол, терминология.

Makarov Daniil Sergeevich **Methods and peculiarities of translating basketball terms based on American English**

The article is devoted to the peculiarities of translating basketball terminology based on the American version of English. It reviews theoretical literature on terminology and slang; the research is based on comprehensive lexical material selected from various sources. Vocabulary units will be distributed and identified in groups. The results of the analysis will allow us to describe some features of the worldview of the language that is ingrained in modern English.

Keywords: translation, basketball terminology, ways of translating.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть способы и возможные проблемы перевода лексико-семантической группы «баскетбол».

Практическая значимость данной работы заключается в том, что список приведенных баскетбольных терминов, отобранных для анализа в ходе настоящего исследования, может быть полезен русскоязычным комментаторам баскетбольных матчей, тренерам для объяснения тактик игры, спортсменам, переводчикам и спортивным журналистам.

В качестве источника материала для исследования был выбран интернет-ресурс 250+ Basketball Terms all Coaches and Players Must Know, из которого были отобраны баскетбольные термины для определения способа их перевода на русский язык.

Баскетбольные термины следует относить к категории специальной лексики, которая «обозначает категории, понятия, реалии разных областей знаний, методы и приемы исследования, процессы, свойства, параметры» [1, с. 252]. Основным типом единиц специальной лексики являются термины, т. е. эмоционально нейтральное слово или словосочетание, которое употребляется для точного определения понятия или названия предметов [3, с. 255]. *Термин* — основной объект исследования терминоведения, науки, рассматривающей данную лексическую единицу с точки зрения типологии, происхождения, формы, содержания и функционирования, а также изучающую принципы и методы классификации терминов. Существуют термины в составе терминологии («терминологического поля», терминологической системы) — совокупности терминов, используемых в той или иной области знания [2, с. 9].

На сегодняшний день насчитывается более 400 баскетбольных терминов без учета сленговых выражений, которых с каждым годом становится все больше. Терминология используется регулярно во время тренировок и комментирования матчей по телевидению, игр на спортивных площадках. Данные термины помогают лучше разобраться в концепции игры и понимать различные тактики.

В случае, если термин/выражение не имеет точного аналога в русском языке, наиболее часто применяются следующие приемы перевода: транскрипция, транслитерация и калькирование.

Транскрипция — это воспроизведение звучания иностранного слова. Транскрипцию могут использовать в случае, если русский эквивалент звучит слишком громоздко [4].

Транслитерация — это воспроизведение буквенного состава иностранного слова на языке перевода. В настоящее время транслитерация в чистом виде при переводе подобных лексических единиц практически не применяется, поскольку в этом случае звучание слова доходит до языка перевода в искаженном виде [4].

Калькирование — копирование структуры исходной фразы, дословный перевод.

Приведем примеры названных приемов перевода.

Транскрипция

Pick-n-roll («подними и крути») — игра в нападении, когда нападающий без мяча ставит заслон защитнику на мяче, и затем, когда нападающий с мячом «вскрывает» заслон (движется в сторону заслона, заставляя защитника упереться в заслон), бежит внутрь зоны для получения паса: *We used to do kill the opponents with our deadly pick-n-roll every time we played.*

В русском языке нет аналогов этому термину, поэтому он транскрибируется.

Jab Step («удар шаг») — обманное движение: резкий шаг и возвращение в исходную стойку. Оно выполняется перед тем, как начать проход с ведением с целью вывести защитника из равновесия или создать себе дополнительное пространство: *He always does a jab step before dribbling the ball.*

Устоявшегося перевода для этого термина нет, а само сочетание транскрибируется как [джэбстеп].

Транслитерация

Jumpshot («прыжок выстрел») — бросок по кольцу в баскетболе, осуществляемый игроком в верхней фазе статического вертикального прыжка. Этот термин может переводиться при помощи транслитерации как [джампшот], в то время как в американском варианте английского языка этот термин звучит как [dʒʌmpʃɑ:t].

Mismatch («несоответствие») — это ситуация, когда атакующий игрок имеет преимущество над защитником (обычно над центровым), который выше, больше и, следовательно, медленнее, что дает возможность атакующему игроку совершить резкий проход под кольцо. В моменты мисматч команда обычно проводит изоляционную атаку: *Now the shot clock at 2 and the mismatch on Adams, Murray crosses over Steven Addams and hits a three pointer.*

Термин передается при помощи *транслитерации* («мисматч»), русского эквивалента ему нет.

Примеры сочетания транскрипции и транслитерации

Goaltending («помеха попаданию мяча») — это нарушение, при котором защитный игрок препятствует попаданию мяча в кольцо, когда он находится на своей нисходящей дуге или над кольцом, а также если он уже коснулся щита. В баскетбольной игре NBA и NCAA при фиксации голтендинга противоположная команда автоматически получает 2 очка в случае, если бросок был выпущен из двухочковой зоны, и 3 очка в случае, если бросок был сделан из трехочковой зоны соответственно: *That was not goaltending. The ball was still on the way up!*

В термине *goaltending* присутствует симбиоз транскрипции и транслитерации, произносят его как [голтендинг], а не [гоултендинг].

Euro Step («евро шаг») — это термин, объясняющий движение игрока при атаке корзины. Во время этого движения игрок сначала делает шаг в одном направлении, а затем делает второй резкий широкий шаг в другом, чтобы запутать защитника и создать пространство для свободного броска: *You really have to work alotony our craft if you want to master such move as the*

Euro step as it will open you more opportunities to score at ease at the basket in spite of your height.

Обычно русские баскетбольные комментаторы и называют его «евростеп», что является *транскрипцией в сочетании с транслитерацией*; первая часть слова транслитерируется, так как при транскрибировании слово звучало бы как [евростеп].

Калькирование

Dead ball («мертвый мяч») — это все игровые ситуации, в которых баскетбольный мяч считается вышедшим из игры: *That three pointer does not count as there was a dead ball and you know it.*

Этот термин переводится при помощи калькирования (= мертвый мяч).

Paint («краска») — это зона, имеющая форму трапеции, находящаяся непосредственно перед кольцом и тянущаяся вплоть до линии штрафного броска. Баскетболист атакующей команды может находиться в этой зоне не более трех секунд, что заставляет баскетболистов постоянно двигаться, а не стоять под кольцом и ожидать передачи: *Back in the day Shaq was capable of dominating every single person in the paint.*

В русском языке есть несколько переводов этого термина: аналог «трехсекундная зона» или же термин калькируется и переводится как «краска». Оба перевода одинаково частотны в русском языке.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы. Баскетбольные термины могут иметь русский эквивалент. В случае если его нет, обычно используют транскрипцию, транслитерацию и калькирование.

В результате исследования был получен материал, анализ которого позволил заключить, что проблема перевода этих терминов заключается в том, что:

1) адресату нужно всегда помнить, кто получает информацию, и при необходимости использовать русский эквивалент, а не кальку;

2) некоторые термины переводятся только при помощи транскрипции и транслитерации, что вызывает трудности у реципиента. Например, такие термины, как «голтендинг» или «мистмач» будет очень проблематично понять даже в контексте игры, не зная ее основ.

Следует отметить, что данная статья рассматривает лишь один из аспектов проблемы, так как существуют также метафоры, сленговые единицы и сокращения, требующие детального анализа и возможного создания русских эквивалентов в будущем.

Литература

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.

2. Гринев-Гриневи́ч С. В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С. 9.
3. Коваленко А. Я. Общий курс научно-технического перевода: пособие по пер. с англ. яз. на рус. Киев, 2004. С. 255.
4. Матч Лос-Анджелес Клипперс — Орландо Мэджик. URL: <https://megogo.sport/ru/view/11920835-los-andzheles-klippers-orlando-medzhik.html> (дата обращения: 29.03.2021).
5. Матч Лос-Анджелес Лейкерс — Майами Хит. URL: <https://megogo.sport/ru/view/10135405-mayami-hit-los-andzheles-leykers.html> (дата обращения: 29.03.2021).
6. Матч Сан-Антонио — Чикаго Буллс. URL: <https://megogo.sport/ru/view/11919735-san-antonio-spers-chikago-bullz.html> (дата обращения: 28.03.2021).
7. Транскрипция, транслитерация и калькирование при переводе. URL: <http://www.lingvo-plus.ru/transkripс/> (дата обращения: 10.03.2021).
8. 250+ Basketball Terms all Coaches and Players Must Know. URL: <https://www.basketballforcoaches.com/basketball-terms/> (дата обращения: 10.03.2021).

УДК 821.512.145

Матей Наталья Вячеславовна

магистрант

Русской христианской гуманитарной академии,

matei.spb@gmail.com

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА И ПЕРСОНАЖА
В ВОЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ ТРАДИЦИОННОЙ АНГЛО-
ШОТЛАНДСКОЙ «ДЕТСКОЙ» БАЛЛАДЫ № 209 «GEORDIE»
ФАБРИЦИО ДЕ АНДРЕ́**

В статье рассматривается проблема вольного перевода как одной из теоретических проблем лингвокультурологии в аспектах семантической теории перевода, межкультурной коммуникации и социального взаимодействия. Анализируются структура и содержание текста одного литературного произведения в его вариантах, изводах и интерпретациях при переводе значений в иноязычный культурный контекст.

Ключевые слова: вольный перевод, текст, архетипы, интерпретация, семантическая трансформация, коннотация, каузальность, интертекст, лексическая единица метатекста, мотив, картина мира.

Matei Natalia Viacheslavovna

Semantic transformation of motive and character in Fabrizio De André's liberal translation of the traditional Anglo-Scottish "child's" ballad № 209 "Geordie"

This article examines Fabrizio De André's liberal translation of the "child's" ballad "Geordie" within the frameworks of linguistics and cultural anthropology, within aspects of the semantic theory of translation, intercultural communication, and social interaction. The article analyzes the structure and the content of the variants of one work of art, its excerpts, and interpretations, those appear in translations of its meanings into a foreign cultural context.

Keywords: liberal translation, text, archetype, interpretation, semantic transformation, connotation, causality, intertext, lexical unit of metatext, motive, mental model.

Баллада «Geordie» переведена с английского на итальянский язык Фабрицио Де Андре́ в 1965–1966 годах в Италии, в Генуе и Риме, и адаптирована с учетом современных автору перевода общественно-политических реалий и собственных общественно-политических интересов и убеждений. Процесс перевода начался со знакомства Де Андре́ с каноническим корпусом текстов традиционных англо-шотландских баллад, имеющих паронимический эпитет «child's» («детский»).

Собранный в последней четверти XIX века профессором риторики и ораторского искусства Гарвардского университета Френсисом Джеймсом

Чайлдом корпус «The English and Scottish Popular Ballads» вышел в 5 томах в 1882–1885 годах и выдержал несколько переизданий. Корпус содержит 305 баллад в вариантах от А до N. Источниками текстов для Ф. Д. Чайлда послужили популярные в XIX веке сборники песен и отдельные печатные листы с текстами и поясняющими рисунками («broadsides» [13]), постоянно выпускавшиеся на дешевой бумаге. Архетип текста баллады «Geordie», записанной под номером 209, вероятно, утрачен. В собрании Ф. Д. Чайлда в вариантах текста 209А–М существуют, по крайней мере, три варианта развязки: персонаж помилован, персонаж казнен, исход неизвестен.

Прототипами протагониста «детских» баллад традиционно считаются аристократы Джордж Гордон (казнен в 1636 году), Джордж Гордон, маркиз и граф Хантли Второй (казнен в 1649 году), полупоупендарные Джордж Оксфордский [13], Джордж Лукли и Джордж Стул (казнен в 1610 году) [3]. Во всех «детских» вариантах баллады характер всех действующих лиц обусловлен их принадлежностью к дворянскому сословию. Мотивы действий протагониста имеют явную политическую окраску (борьба за власть, часто длительная и вооруженная), намерения действующей власти или действия власти, выносящей и приводящей приговор в исполнение, носят вынужденный характер. Мотивы защиты очевидны: женщина просит сохранить жизнь своему возлюбленному (или супругу), отцу ее детей, часто многочисленных. Обычно старшие дети еще не вышли из детского возраста, а младший ребенок находится в утробе просящей о помиловании женщины. В большей части вариантов прагматические интересы женщины украшены сильным искренним чувством к обвиняемому, во всех вариантах текста, кроме фрагментированных вариантов 209К–М, фигурирует крупная сумма выкупа.

В варианте баллады 209А упомянут лорд Гордон, один из возможных реальных прототипов персонажа. Просящая о его помиловании женщина принадлежит к дворянскому сословию, ее называют «дама» и «леди». Обвиняемый сам просит содействовать помилованию, написав ей письмо. Способ казни не назван, помилование получено в обмен на крупную денежную сумму.

Варианты 209В и 209С отличаются от варианта 209А незначительными деталями. Вариант 209J, имеющий существенные сюжетные искажения, вероятно, относится к периоду восстания якобитов (1715), когда после смерти королевы Анны из дома Стюартов трон перешел к Георгию Ганноверскому, потомку Вельфов и Эсте. Британия разделилась на два лагеря, популярное в народном сознании имя приобрело для противников «гвельфского короля» негативную

коннотацию [8, p. 87], после смены политических реалий этот вариант текста развития не получил, но был учтен автором итальянского перевода. В вариантах 209F, 209G и 209J упомянуто браконьерство — кража лошадей, в варианте 209H — убийство, охота на королевского оленя.

Для создания вольного итальянского перевода «Georgie» автором был также использован вариант баллады, озвученный американской исполнительницей собственных и традиционных песен Джоан Баэз в 1962 году. В выбранном Джоан Баэз варианте намечены сдвиги к изводу текста: персонажа оплакивает «fair maid», «прекрасная служанка», беременная третьим ребенком и готовая пожертвовать всеми детьми ради спасения их отца-аристократа, которому грозит казнь; упомянут способ ожидаемой казни: «Geordie will be hanged golden chain» — «повешение на золотой цепи», применявшийся как вариант позорной, но милостивой казни к преступникам благородного происхождения.

Милость заключалась в более быстром, то есть менее мучительном, наступлении смерти, благодаря воздействию металлических деталей цепи или металлического кольца на веревке, быстро ломающих шейные позвонки. Причина столь сурового наказания — «stole sixteen of the King's royal deer» — браконьерство, относимое к разряду *crimen laesae majestatis*, приравниваемое в историческое время к оскорблению величества и посягательству на королевскую власть [6, p. 68].

Первое, на что обращается наше внимание при знакомстве с текстом — диминутив личного имени, вынесенный в заглавие. Семантика этого имени носителем англо-шотландской культуры воспринимается многозначно, как собственное имя и как имя нарицательное.

Следующее существенное обстоятельство: в списках текстов, начиная с «детского» варианта 209E, личное имя чередуется с нарицательным. Происхождение *geordie* как имени нарицательного восходит к имени собственному *George*, распространившемуся на Британских островах по утверждению культа святого Георгия (не позднее 1061 года). По решению Оксфордского синода, святой Георгий — покровитель Британии с 1222 года [4]; на северо-востоке страны распространен обычай давать имя святого покровителя старшему сыну.

В британской традиции, опирающейся на источники класса *Historia Brittonum*, созданной в 828 году н. э., земли Тайнсайда были заселены троянцами, ведомыми легендарным Брутом, потомком Энея [7]; в массовом сознании британцев население Тайнсайда стало прототипом британской нации и носителем основ британской культуры. Ньюкасл на северо-востоке Англии на границе с Шотландией в составе Великобритании исторически — римский форт Понс-Элиус (122 год н. э.), окраина Римской империи, территориально ограниченной в Британской

провинции стеной императора Адриана. Таким образом, нарицательное *geordie* как нарицательное уроженцев Тайнсайда и их потомков не только претендует на символ англо-саксонской идентичности [14], но и устанавливает легендарные мифопоэтические связи с другими потомками Энея.

В сложившейся к XX веку англо-шотландской устной и письменной традиции *geordie* — уроженец Тайнсайда, носитель одноименного диалекта английского языка, основанного на языке англосаксонских поселенцев, первоначально использовавшегося древними бритонами для борьбы с пиктскими захватчиками после окончания римского владычества в Британии в V веке [5]. Диалект *geordie* считается самым древним и «самым британским» диалектом, лексически наиболее близким к языку Беды Достопочтенного и староанглийскому языку до XV века [15, р. 267–271].

В XIX–XX веках идентичность нарицательного *geordie* включала принадлежность к рабочему классу, занятому в горнорудной отрасли (торфо- и угледобыча) или к представителю деклассированной в результате социальной деконструкции и внутренней миграции соответствующей части общества региона Тайнсайд и одноименной рабочей окраины Лондона, населенной выходцами с северо-востока страны. В этом контексте лексическая единица метатекста англо-шотландской картины мира *geordie* близка к лексической единице *carbonari* в европейской либерально-анархической картине мира XIX–XX века.

Типологически уроженцам Тайнсайда и их потомкам, сохранившим черты региональной культуры, приписываются следующие черты личности: добрый нрав, искренность, коммуникабельность, обаяние, наивность (вплоть до «fool»), смелость, граничащая с безрассудством [9].

В сравнении с рассмотренным выше корпусом англоязычных текстов итальянский перевод Фабрицио Де Андре не представляется полным, имеются сюжетные утраты, абстракция, интерпретация и трансформация персонажей. Персонаж-протагонист лишен вербального текста, его мотивы переданы опосредованно через диалог наблюдателя (актера нарратива) и женского персонажа, в сюжете отсутствует канва политического действия, но сохранен общественно-политический подтекст событий, очевидна дерзость поступка персонажа. Как аргумент упомянута возрастная принадлежность персонажа — *non ha vent'anni ancora* («ему нет еще двадцати лет»).

Таким образом, в вольном переводе персонаж трансформирован из brutального мужа, отца семейства, аристократа, потерпевшего поражение

в политической борьбе, в юношу, не имевшего, до сюжетно каузального, опыта девиантного поведения.

Происхождение и социальное положение персонажа не ясно, *corda d'oro* («золотая веревка») может быть как атрибутом его принадлежности к дворянскому сословию, так и метафорой дорогой цены за проступок или вариантом своего рода социального лифта — мучительная позорная казнь простолюдина при помощи золотой, но веревки: милостивое и «поучительное» наказание простолюдина за преступную дерзость.

Тяжкое преступление, совершенное им, — покушение на имущество верховной власти на территории верховной власти — кража оленей, атрибутов благородства на сакрализованной территории (*ruboseicervinelparcodele*), и продажа, обмен сакральных атрибутов благородства (королевских оленей) на золото (*vendendoliperdenaro*) тоже метафорично [10]. В христианском контексте метафора обмена чести, достоинства, благородства на золото имеет однозначное прочтение.

Окказиональными в переводе являются количественные числительные, подобранные автором с учетом метрики. Частичная замена объектов социальной девиации протагониста представляется окказиональной только на первый взгляд, контекстуально *un frute* (фрукт) и *fiori* (цветы) с эпитетом *raro* (редкий, контекстуально — ценный, драгоценный) отсылают адресата к архетипу *bella donna*, расширенная семантика которого игнорирует социальный статус. Речевой и каузальный портрет женского персонажа не реалистичен, доведен до абстракции. *Donna*, оплакивающая *Geordie*, ничем, кроме белогривого (*sulla bianca criniera*), как мифологический Пегас (или как конь святого Георгия), коня и даров, которые она, возможно, могла бы принять (цветы и фрукты), не атрибутирована. Де Андре оставил в тесситуре текста метафору присвоения и продажи благородства, но интерпретировал женский образ, лишив его меркантильности, практичности, телесности. Подчеркнуто эротична телесность персонажа, лишённого текста: спасти (*salvate*) нужно не только его улыбку (*sorriso*), но и его губы (*labra*). Актер нарратива устанавливает личные связи, интимные отношения (*piangeva per il suo Geordie*) между видимой им дамой и персонажем, которого трудно назвать героем по причине отсутствия выраженной каузальности, но, учитывая бестелесность женского персонажа, о характере привязанности, о формах выражения связи мы можем только догадываться, предлагает седлать своего (*suo*) коня и сегодня же (*stasera*) скакать, обращаясь на «ты» (*cavalcerai* — глагольная форма во втором лице единственного числа). К кому? Маловероятно, что к незнакомой аристократке, совершенно исключено такое обращение к женщине низкого сословия, которая об обладании белогривым конем может только мечтать. Возможно, это

обращение к читателю, возможно, к себе самому. Не определима и локация оплакивающей *Geordie* донны (вероятнее женщины, чем дамы, поскольку дуэтом с ней *uomo* — мужчина — прямое определение гендера, без излишних коннотаций). Встреча на мосту (скорее, видение — *vidi unadonna*) метонимична: скакать в Лондон, тем более добраться в указанное время (*finest asera*), находясь на Лондонском мосту, физически невозможно. Невозможно, если путь от Лондонского моста не метафора пути в тот, средневековый Лондон, или в *Londra*, существующий вне времени.

В интертекстуальном дискурсе текста обращает на себя внимание ритмическая организация и дуэтно-диалоговое исполнение баллады. До начала вербального текста адресат попадает в поле значений, в котором «звук еще звенит, хотя причина звука исчезла», на воображаемую сцену, на которой начинается давно завершённое или не имеющее темпоральных корреляций действие. Темпоритм воспроизводит звуки скачущего коня с быстрой сменой ног скакуна: «...когда их было не четыре, / А по числу камней дороги, / Обновляемых в четыре смены, / По числу отталкиваний от земли» [2, с. 43]. С началом вербального нарратива темпоритм снижается и переходит на «шаг», ускоряясь по мере драматизации действия.

Дуэт и попеременное соло женского и мужского голосов интертекстуально синонимичны родительскому участию. Роли, распределённые между женским и мужским голосом, охватывают весь гипотетический перечень заинтересованных в благополучном исходе и сожалеющих о трагической развязке участников и свидетелей события, включая возможных небесных заступников. Речевой портрет актора нарратива также абстрагирован, текст содержит убеждение в неумолимости правосудия, интонация — укоризну, горькую усмешку и сожаление о том, что ожидаемым (утверждённым собственным и нарицательным именем) добродетелям *Geordie* не суждено проявиться должным образом.

Исследуемый вольный перевод был сделан в середине 1960-х годов, в условиях, когда молодое послевоенное поколение Европы, дерзкое, излишне уверенное в своих силах, с поистине детским изумлением переживало «столкновение с историей» [11] и, по словам автора перевода, проигрывало в опасных социальных играх, «*pericolosogicosociale*» [16], участвуя в противостоянии, которое закончится поражением обеих сторон.

В творческом наследии Фабрицио Де Андре полностью оригинальных поэтических текстов сравнительно мало, большая часть стихотворных произведений написана на основе заимствований, в соавторстве, как результат адаптации или перевода. Все оригинальные тексты содержат

мотивы христианской этики [1], значительная часть адаптированных текстов имеет остросоциальную интенцию.

По свидетельству автора подстрочного англо-итальянского перевода текста «Geordie» и соавтора первого исполнения баллады, Морин Рикс, общий план перевода одного из вариантов англо-шотландского текста был сделан Фабрицио сразу после знакомства с текстом [17]. На завершение перевода автору понадобилось несколько месяцев, во время которых трансформировались мотивы и характер персонажа. Особенное внимание автор перевода уделил исключению из канвы повествования мотивов семейных уз, многодетности, принесения детей в жертву, мотива выкупа, подкупа правосудия. Мотив общественно-политической каузальности сохранен.

Текст вольного перевода занял свое место в не оформленном при жизни автора цикле произведений, которые в 2000 году вошли в альбом «Peccati di gioventù» («грехи молодых»), изданный почитателями творчества Де Андре. Персонажей этого цикла объединяет возраст до двадцати лет, совершенный проступок (грех), гибель или казнь как наказание, исключаящие возможность исправить совершенную ошибку и искупить грехи.

Литература

1. Лаццарин Ф. «Благая весть»: Евангелие от Фабрицио. URL: <http://italianocontesti.ru/buona-novella-fabrizio-de-andre-blagaya-vest-evangelie/> (дата обращения: 25.03.2021).
2. Мандельштам О. Э. Нашедший подкову // Собр. соч.: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. С. 41–44.
3. Bantock G. One Hundred Songs of England. New York: Oliver Ditson Company, 1914.
4. Cheney C. R. Councils and Synods and other Documents relating to the English Church. Vol. II. Part 1. 1205–1265. Oxford: Clarendon Press, 1964. P. 101, 104.
5. England's North East: History, Culture, Places, People. Roots and Origins of the Geordie Dialect. URL: <https://englandsnortheast.co.uk/geordie-origins/> (дата обращения: 25.03.2021).
6. Fellmeth A. X., Horwitz M. Guide to Latin in International Law. Oxford University Press, 2009. 298 p.
7. Gale Th. Historiae Britannicae, Saxonicae, Anglo-Danicae scriptores XV. Vol. 1. Sheldon, 1691. 803 p.
8. Hogg J. The Jacobite relics of Scotland: being the songs, airs, and legends, of the adherents to the house of Stuart. Edinburgh: W. Blackwood, 1819. 424 p.
9. Newcastle University Library. Geordie Guide: Defining Geordie. URL: <https://libguides.ncl.ac.uk/c.php?g=130223&p=851119> (дата обращения: 25.03.2021).
10. Porteous J. The Imperial Foundations // Coins in History: A Survey of Coinage from the Reform of Diocletian to the Latin Monetary Union. Weidenfeld and Nicolson, 1969. P. 14–33.
11. Senia F. La Storia Leggera. URL: <https://www.antiwarsongs.org/canzone.php?lang=it&id=4718> (дата обращения: 25.03.2021).

12. The life and death of George of Oxford: to a pleasant new tune, called, Poor Georgy. London: Printed for P. Brooksby in West-smithfield, 1683. URL: <http://name.umdl.umich.edu/B04027.0001.001> (дата обращения: 25.03.2021).
13. The Merry Maid of Shoredith. Douce Ballads 2, fol. 159 v. Bodleian Library, University of Oxford, 2011. URL: <http://ballads.bodleian.ox.ac.uk/static/images/sheets/20000/15328.gif> (дата обращения: 25.03.2021).
14. Wales K. Northern English: A Cultural and Social History. Cambridge University Press, 2006. P. 134–136.
15. Watt D., Allen W. Tyneside English // Journal of the International Phonetic Association. № 33 (2). 2003. P. 267–271.
16. De André F. L'anarchia: Dentro Faber, 1. URL: https://youtu.be/mQ2ZAp_IJKg (дата обращения: 25.03.2021).
17. Mancini G. Maureen Rix, voce del brano Geordie di Fabrizio de André, ad Arpino. 2019 // Diocesi di Sora-Cassino-Aquino-Pontecorvo. URL: <https://www.diocesisora.it/pdigitale/maureen-rix-la-storica-voce-del-brano-geordie-fabrizio-de-andre-ad-arpino/> (дата обращения: 25.03.2021).

УДК 811.1.8

Пахомова Мария Александровна

студентка Института магистратуры

Санкт-Петербургского государственного экономического университета,

m_a_pakhomova21@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АУДИТОРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются характерные черты терминологических единиц аудита как значимой сферы экономической деятельности по независимой оценке, финансовой отчетности предприятия. Терминология аудита рассматривается в соответствии с требованиями, предъявляемыми к терминам. Обнаружены термины как удовлетворяющие данным требованиям, так и нарушающие их, например термины, содержащие оценочную коннотацию, термины-метафоры, термины-синонимы.

Ключевые слова: терминология, терминологическая метафоризация, метафорическая модель, коннотативность, синонимия.

Pakhomova Mariya Aleksandrovna

Lexical features of auditing terminology in the English language

The paper is devoted to characteristic features of terminological units of audit as a significant area of economic activity that deals with independent assessment of the financial statements of an enterprise. Audit terminology is considered in accordance with the requirements for the scientific terms. It was found that it contains both terms that satisfy these requirements and violate them, for example, terms containing evaluative connotations, metaphoric terms and synonymous terms.

Keywords: terminology, terminological metaphorization, metaphorical model, connotation, synonymy.

Аудит представляет собой проверку, проводимую для улучшения материального положения компании, а также для того, чтобы убедиться в соответствии подаваемой документации действительным данным [6]. «Аудит взаимосвязан с такими функциональными науками, как бухгалтерский учет, анализ хозяйственной деятельности по данным учета и отчетности, оперативное управление (регулирование, координация и мониторинг планов), финансовый контроль, включая разные его формы» [3, с. 15]. Вследствие связи аудита со многими сферами деятельности, его терминосистема постоянно обогащается за счет вхождения в нее новой лексики. Кроме того, ее разнообразию способствуют процессы

синонимизации, метафоризации и формирования коннотативных значений лексических единиц.

Перед началом анализа терминологии аудита представляется целесообразным конкретизировать предъявляемые к термину требования.

Согласно С. В. Гриневу-Гриневичу, существует три аспекта, в соответствии с которыми необходимо рассматривать термин как знаковую единицу. Он выделяет (1) синтаксический аспект, отвечающий за строение и форму термина, (2) семантический, связанный с содержанием и значением термина, и (3) прагматический, к которому относятся особенности применения термина и его функционирование. Таким образом, требования к термину можно разделить на три группы: требования к значению термина, требования к его форме, а также требования, связанные с особенностями его употребления.

Требованиями, предъявляемыми к значению, являются:

1) непротиворечивость семантики термина и отсутствие противоречия между лексическим значением термина как слова и значением, которое он получает в данной терминологии;

2) однозначность (в данной области знания);

3) полноточность, заключающаяся в том, что в значении термина должно отражаться минимальное количество признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия;

4) отсутствие синонимов.

Требованиями к форме термина являются:

1) соответствие нормам языка (устранение профессиональных жаргонизмов, отклонений от фонетических и грамматических норм, замещение не свойственных литературному языку форм и подчинение их нормам языка);

2) краткость;

3) деривационная способность термина;

4) инвариантность;

5) мотивированность (семантическая прозрачность, которая позволяет составить представление о понятии, называемом термином).

К прагматическим требованиям относятся:

1) внедренность (общепринятость термина специалистами);

2) интернациональность;

3) современность;

4) благозвучность [1, с. 30–36].

Термины, соответствующие всем вышеперечисленным требованиям, такие как *account, audit, risk, control, asset, compliance, consulting, entity, actuary, annuity, exception, review, sampling, observation, monitoring, engagement*, не составляют подавляющего большинства в терминосистеме

аудита. Гораздо более распространены лексические единицы, нарушающие один или несколько критериев, касающихся в основном либо формы, либо значения термина [2].

Не соответствуют требованиям мотивированности, однозначности, полноточности, непротиворечивости семантики термина немногочисленные термины-метафоры. Под терминологической метафоризацией будем понимать «семантический способ наименования специального понятия на основе предметного, признакового или функционального сходства научного и бытового объектов, который основывается на сравнении и сопоставлении» [5, с. 84]. Метафора содержит объем информации, достаточный для того, чтобы выполнить функцию термина и «без лишних лексических средств передать сущность того или иного концепта» [4, с. 46; 6].

Несмотря на то что метафоризация является малопродуктивным механизмом терминопорождения в сфере аудита, в его терминосистеме удалось выделить несколько метафорических моделей:

- «пространство»: *audit universe, above the line, below the line, vertical analysis, horizontal analysis, vertical integration, arm's length transaction, the North, the South*;
- «вещество»: *acid test, poison pill*;
- «резервуар»: *big bath reserves, cookie jar reserves, rainy day reserves*;
- «свойство материала»: *elasticity, soft control, hard control, soft asset, hard asset, flexible budget*;
- «кулинария», «еда»: *cooking the books, risk appetite*;
- «химический процесс»: *crystallization*;
- «явления»: *phantom employee, phantom ticking*;
- «памятник архитектуры»: *Chinese Walls*.

К отдельной группе можно отнести термины, содержащие в себе оценочные коннотации, к которым относятся, например, термины с пренебрежительной окраской: *creative auditing* (аудит, проводимый недостаточно объективно), *boilerplate* (лишенный воображения, неинформативный и клишированный язык, используемый для написания аудиторской документации), *asset stripping* (преднамеренное истощение активов организации), *speculation* (осуществление высоко рискованных краткосрочных инвестиций с целью получить прибыль, критикуемое в связи с тем, что может привести к нестабильности рынка).

Терминологическая система аудита включает в себя также большое количество синонимов, что нарушает одно из требований, предъявляемых к значению термина.

Терминология аудита была исследована на предмет синонимов с применением классификации, предложенной С. В. Гриневым-Гриневичем.

Согласно данной классификации, синонимы делятся на абсолютные, то есть имеющие тождественное значение, и условные, с подобным значением. Абсолютные синонимы далее подразделяются на варианты (графические, фонетические, фонетико-графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, морфолого-синтаксические, эллиптические, композитные, аббревиатурные) и дублиеты (разновременные и разноязычные), а условные — на текстуальные, разнопонятийные синонимы и квазисинонимы [1, с. 105–109].

В результате анализа терминологии аудита были выявлены:

а) абсолютные синонимы:

— эллиптические варианты (морфолого-синтаксические варианты, образованные эллипсисом многокомпонентного термина без изменения его значения): *beta coefficient* — *beta*; *check kiting* — *kiting*; *bank float* — *float*; *audit charter* — *charter*;

— аббревиатурные варианты: *cost of sales* — *COS*; *chartered accountant* — *CA*; *CRSA* — *Control Risk Self Assessment*; *internal audit function* — *IAF*; *risk-based auditing* — *RBA*; *capital expenditure* — *capex*;

— ареальные дублиеты: *reducing balance method* (British term) — *accelerated method* (the US term); *true and fair view* (British term) — *fair presentation* (the US term); *footing* (British term) — *casting* (the US term);

б) условные синонимы:

— квазисинонимы (термины с частично совпадающим значением): *assessment*, *appraisal*.

Анализ терминологической системы аудита позволяет сделать вывод о том, что входящая в нее лексика достаточно разнообразна и представлена как «идеальными» терминами, так и терминами, не соответствующими определенным требованиям, предъявляемым к терминологии (мотивированность, однозначность, полнзначность, непротиворечивость семантики термина). Яркими примерами последних являются немногочисленные термины-метафоры, представленные различными метафорическими моделями, и термины с оценочным компонентом значения, а также превышающие их по количеству термины-синонимы, абсолютные (аббревиатурные и эллиптические варианты, ареальные дублиеты) и условные (квазисинонимы).

Литература

1. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2008. 304 с.
2. Киселева С. В. Введение в терминоведение: учебно-методическое пособие / Т. С. Росянова, С. В. Киселева, О. А. Барташова, С. Е. Полякова. СПб.: СПбГЭУ, 2017. 183 с.
3. Подольский В. И., А. А. Савин. Аудит: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 605 с.

4. Шальнева В. А. Метафорическое терминообразование в англоязычной компьютерной терминосистеме // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. № 2. С. 45–48.
5. Шарафутдинова Н. С. Терминологическая метафоризация (на материале лингвистических терминов немецкого и русского языков) // Русско-немецкие культурно-исторические контакты: материалы Междунар. науч. конф. (22–23 сентября 2004 г.). Тольятти: ТГУ, 2004. С. 84–86.
6. Kiseleva S., Trofimova N. Metaphor as a device for understanding cognitive concepts // Revista de Lenguas para Fines Especificos. 2017. № 23 (2). P. 226–246.

Список электронных ресурсов

7. Холд-Инвест-Аудит. URL: <https://hi-audit.ru/audit/> (дата обращения: 15.03.2021).

Перельгина Дарья Сергеевна
студентка 2 курса магистратуры,
Российского государственного педагогического университета имени
А. И. Герцена,
dasha.pereligina@yandex.ru

ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ В РАССКАЗЕ М. ЭТВУД «BLUEBEARD'S EGG» («ЯЙЦО СИНЕЙ БОРОДЫ»)

В статье исследуется актуальный в современной лингвистике текста и литературоведении вопрос миграции классического сюжета сказки «Синяя Борода» Шарля Перро в новейшую английскую литературу. Известной версией «бродячего» сюжета, обладающего огромным прецедентным потенциалом, является произведение «Bluebeard's Egg» («Яйцо Синей Бороды») М. Этвуд. Автор модифицировала известную сказку Шарля Перро «Синяя Борода», следуя традициям модернизма, тем самым представив старую историю в современном дискурсе. В работе рассматриваются проблемы имплицитного содержания, метафигиональные комментарии, а также основные типы выдвигания, которые создают неповторимый идиостиль писателя.

Ключевые слова: прецедентный текст, метафигиональный комментарий, типы выдвигания, прием «текст в тексте», интекст.

Perelygina Daria Sergeevna **Implicit meanings in the story “Bluebeard’s Egg” by M. Atwood**

The article examines the issue of migration of the classic plot of the fairy tale “Bluebeard” by Charles Perrault into the modern English literature, which is relevant in modern text linguistics and literary studies. A well-known version of the “wandering” plot, which has a huge precedent potential, is creatively modified in the work “Bluebeard’s Egg” by M. Atwood. The author revised the famous fairy tale of Charles Perrault “Bluebeard”, following the traditions of modernism, thereby presenting the old story in modern discourse. The paper deals with the problems of implicit content, metafictional comments, as well as the main types of foregrounding that create a unique idiostyle of the writer.

Keywords: precedent text, metaphorical commentary, types of foregrounding, “text in text” technique, intext.

В настоящее время проблема имплицитного содержания художественного текста или скрытых смыслов волнует все больше исследователей. «Под *имплицитным содержанием высказывания* понимается то содержание, которое не воплощено в узуальных, лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии» [7]. Постмодернистские писатели

используют различные механизмы выдвижения, метафигциональные комментарии, а также импликацию, тем самым не сообщая адресату информацию напрямую, лишь намекая, вызывая определенные ассоциации, ориентируя его на необходимые причинно-следственные связи. «Имплицитная информация — это несоответствие сказанного (написанного) и услышанного (прочитанного), поэтому деятельность реципиента и включает не только расшифровку знаков, но и многочисленные выводы, которые он делает на основе подтекста и собственных фоновых знаний» [13]. Писатель полагается на жизненный опыт читателя, на его правильное толкование содержания текста для полного понимания и правильного восприятия сюжетных линий [9].

Постмодернистские рассказы канадской писательницы Маргарет Этвуд наполнены различными метафигциональными комментариями, которые отсылают нас к другим прецедентным текстам и к другим сюжетным линиям. Такие приемы автора усиливают когнитивную активность читателей, вовлекаемых в интертекстуальную игру с несколькими интертекстами.

Одним из самых известных сборников рассказов писательницы является «Bluebeard's Egg» («Яйцо Синей Бороды») впервые опубликованный в 1983 году под названием «Bluebeard's Egg and Other Stories». Главными героями своих литературных трудов автор выбирает женщин, которых современное общество воспринимает как обезличенные вещи. Писатель обыгрывает устоявшиеся стереотипы, с помощью имплицитных смыслов и метафигциональных комментариев напоминая своим читателям о гендерной несправедливости. Феминистические взгляды автора проявляются при фокусировании внимания читателей на современных интерпретациях, ставших прецедентными сюжетами при широкомасштабном введении интекста о Синей Бороде. Сильная позиция рассказа «Bluebeard's Egg» («Яйцо Синей Бороды») — заголовок, который имеет в своей основе контаминацию двух прецедентных текстов — «сказки Перро и фольклорной версии “Fitcher's Bird” (“Диковинная птица”», где как раз и фигурирует яйцо в функции волшебного предмета, с помощью которого накладывается запрет» [16, с. 56].

Анализируя композицию вторичного текста М. Этвуд, необходимо начать с его формы и повествования. Произведение автора отличается новизной и количеством метафигциональных комментариев, призванных разрушить ожидания читателя с самого начала. М. Этвуд удалось перекодировать идеи классического сюжета в произведение иного стилистического регистра, изменив при этом главный фокус прецедентного текста. Повествование ведется от третьего лица, что позволяет читателю заглянуть в мысли и разделить чувства главной

героини, Салли, а также понять, являются ли ее переживания и страхи паранойей или реальностью. В ходе дальнейшего анализа становится очевидным, что автор специально выбрал данный тип повествования, а также изменил прецедентные имена героев, чтобы усилить эффект реальности и доказать, что в настоящей жизни трудно распознать истинного злодея. Интекст о Синей Бороде в рассказе, как и другие типы выдвижения, только усиливают предположение читателей о том, что муж Салли только лишь носит маску добродушного простака.

Главное отличие рассказа М. Этвуд от оригинальной версии заключается в том, что здесь не проливается кровь, отсутствуют детективные составляющие. Также, подобно рассказу А. Картер «The Bloody Chamber» («Кровавая комната»), в истории М. Этвуд главная роль достается женщине. Писательница оригинально подошла к проблеме феминизма, ей удалось представить сюжет, в котором не только разрушаются устоявшиеся стереотипы, но также представлена гендерная несправедливость, которая присутствует сегодня. Таким образом, исследуемое произведение служит неким посылом современному обществу.

Развитие одной сюжетной линии определяет включение в повествование небольшого количества персонажей, что позволяет действию рассказа развиваться непрерывно. В произведении «Яйце Синей Бороды» это два основных персонажа: Салли и ее муж, Эд. Второстепенные, или эпизодические, персонажи появляются для того, чтобы «подтолкнуть» развитие сюжета.

Рассматривая последовательность событий, Этвуд нарушает хронологию изображаемых событий, что приводит к репрезентации различных воспоминаний главной героини на протяжении всей истории. Как и в «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф, в «Яйце Синей Бороды» есть только один день главного героя. Читатель может проследить за формированием характера главной героини, благодаря ее постоянным воспоминаниям.

Автор воссоздает первоначальный архетип «первобытной-женщины», представляя независимую женщину, воительницу. Вначале читатель видит Эда глазами Салли как человека глупого и наивного, что явно противоречит каноническому сюжету:

Because Ed is so stupid he doesn't even know he's stupid.

Однако с развитием сюжетных линий читатель осознает, что данный рассказ наполнен имплицитными смыслами. Так, одной из наиболее очевидных связей между рассматриваемым рассказом и первоисточником может быть характеристика «серийного женатого мужчины». В

повествовании Маргарет Этвуд Эд становится реалистичным «монстром»; его способность привлекать женщин обусловлена не его актерским мастерством и баснословным богатством, а тем, что он «сердечный человек». Маргарет Этвуд специально акцентирует свое внимание на способности Эда лечить сердца людей, поскольку архетип классического героя «Синяя борода» можно также воспринимать как сердечного человека, а именно такого, который крадет женские сердца.

Ed is a *heart* man, one of the best, and the irony of this is not lost on Sally: who could possibly know less about the workings of *hearts*, real *hearts*, the kind symbolized by red satin surrounded by lace and topped by pink bows, than Ed? *Hearts* with arrows in them. At the same time, the fact that he's a *heart man* is a large part of his allure. Women corner him on sofas, trap him in bay-windows at cocktail parties, mutter to him in confidential voices at dinner parties. They behave this way right in front of Sally, under her very nose, as if she's invisible, and Ed lets them do it. This would never happen if he were in banking or construction.

В данном примере появляется имплицитная деталь, которая реализуется автором с помощью лексемы «heart». Объектом изображения становятся внутренние характеристики профессии Эда. Автор прибегает к повтору, к неоднократному упоминанию лексемы «heart», создавая современный архетип «Синей Бороды». Также писатель прибегает к иронии:

This would never happen if he were in banking or construction.

Таким образом, читатель понимает, что профессия имеет большое влияние на Эда. На протяжении всего сюжета писатель несколько раз использует механизм обманутого ожидания, прибегая к моделированию импликации, тем самым приоткрывает завесу кульминации уже в начале повествования. Таким образом, Маргарет Этвуд опирается на читательские фоновые знания для правильной интерпретации главных ключевых моментов, которые представляются опосредованно.

Важно отметить, что сходство вторичного сюжета с классическим текстом также прослеживается эксплицитно, когда главный герой отказывается рассказывать своей третьей жене что-либо о своих предыдущих браках. Салли, как и последняя жена Синей Бороды, может только гадать, что случилось раньше. Как следствие, Салли обеспокоена за свое будущее с Эдом:

What if he wakes up one day and decides that she isn't the true bride after all, but the false one? Then she will be put into a barrel struck full of nails and rolled downhill, endlessly, while he is sitting in yet another bridal bed, drinking champagne.

Первые упоминания о беспокойствах главной героини напоминают паранойю. Повествование от третьего лица позволяет читателю наблюдать за развитием сюжета со стороны. Писатель прибегает к риторическим вопросам, чтобы показать, что главная героиня не может найти баланс в своей жизни, ее постоянно мучают сомнения. Как и в классической истории, «Маркиза» сомневается в правильности выбора «Синей Бороды», она пытается понять, что именно привлекло его в ней:

What if he wakes up one day and decides that she isn't the true bride after all, but the false one?

Именно поэтому главная героиня отчаянно пытается заслужить внимание своего мужа, быть для него достаточно интересной, записываясь на различные кружки, в том числе курсы писательского мастерства:

She may have begun taking the courses in the belief that this would make her more interesting to Ed, but she soon gave up on that idea: she appears to be neither more nor less interesting to Ed now than she was before.

Именно на данных курсах Салли получает задание предложить свою версию услышанной на занятиях истории сказки Синей Бороды. «В качестве одного из механизмов прагматического фокусирования, таким образом, в рассказе выступает прием “текст в тексте”, называемый еще иногда *mise en abyme*, генерирующий множество новых смыслов и позволяющий читателям провести параллели между Салли, ее мужем Эдом и персонажами сказки» [16, с. 58]:

At first she thought the most important thing in the story was the forbidden room. What would she put in the forbidden room, in her present-day realistic version? Certainly not chopped-up women. <...> She thought it might be a good idea to have the curious woman open the door and find nothing there at all, but after mulling it over she set this notion aside.

Преподаватель Салли на курсах утверждает, что сказка Ш. Перро не является оригинальной, он заимствовал канонический сюжет, изменив при этом его развязку. Так, согласно утверждениям преподавателя, в оригинальной версии сюжета женщина спасается благодаря женщине. Таким образом, канадская писательница, прибегая к имплицитным комментариям, пытается не только изменить устоявшиеся стереотипы времен Ш. Перро, но и вовсе их искоренить, показав, что женщина могла постоять за себя много веков назад:

The story she was about to read, she said, was a variant of the Bluebeard motif, much earlier than Perrault's sentimental rewriting of it. In Perrault, said Bertha, the girl has to be rescued by her brothers; but in the earlier version things were quite otherwise.

Данный пример вводит феминистский мотив, который реализуется за счет использования прецедентных имен «Bluebeard» и «Perrault», а также благодаря метафигиональным комментариям Маргарет Этвуд.

В анализируемом тексте отсутствует убийство, а также мотив «запретный плод» представляется под другим углом. Во время осмотра нового кардиологического отделения больницы Салли знакомится с «тайной» комнатой, где работает ее муж. М. Этвуд также в своей истории создает традиционный стереотип мужчины-врача; все они очень последовательны, имеют преданных жен. Таким образом, Этвуд фактически выделяет два важных аспекта: с одной стороны, показывает, что «высокостатусные» профессии в основном заняты мужчинами. Вместе с тем с помощью создания имплицитных смыслов и введения комментариев показывает, что есть женщины, которые намеренно отдают себя в руки мужчин, охотно подчиняясь им, таким образом, признавая их превосходство. Именно в таком кабинете Эда паранойя главной героини усиливается, она отдает себе отчет в том, что многие женщины хотели бы принять участие в таком эксперименте. Таким образом, кровавая комната фигурирует во вторичном тексте в качестве метафоры; в ней не происходят убийства, лишь предательства со стороны партнера, которые способны разбить сердце главной героини:

“How did you make out with the women today?” she says. “What women?” says Ed absently, going towards the sink. He knows what women.

При рассмотрении рассказа «Яйцо Синей Бороды» становится очевидным, что в сюжетные линии вплетены многочисленные имплицитные детали, способные раскрыть закодированный текст писательницы. Сама история представляет собой тайную комнату. На протяжении всей истории Салли вместе с читателями пытается решить головоломку — своего мужа. Для своего задания Салли перемещает свое внимание с тайной комнаты на само яйцо, ключ, способный открыть запретный плод. Таким образом, Салли перестает рассматривать Эда как загадку и рассматривает его как яйцо:

Ed isn't the Bluebeard: Ed is the egg. Ed Egg, blank and pristine and lovely. Stupid, too. Boiled, probably. Sallysmilesfondly.

Описывая мужа глазами Салли, автор прибегает к пояснительным эпитетам: «pristine» и «fondly», призванным показать любовь и

привязанность девушки к ее мужу. Аллитерация призвана усилить внимание читателей, Автор специально прибегает к аллитерации, чтобы усилить внимание читателей и заставить их задуматься о том, какую маску на самом деле носит Эд. Писатель прибегает к иронии, обыгрывая значения слов «egg» и «boiled», тем самым создавая имплицитный смысл, который вновь отсылает читателя к первоисточнику. Салли до сих пор не осознает, что ее муж символизирует собой главный архетип классической сказки, она все еще видит его глупым и преданным ей, тем самым она совершает ту же ошибку, за которую расплачивались ее предшественницы. На протяжении всего рассказа М. Этвуд Салли борется с внутренним конфликтом, она подсознательно понимает, что никогда не была независимой личностью. Благодаря интерпретации М. Этвуд создается новая история, где женщина также пытается освободиться от власти мужчины, но на этот раз став эмоционально независимой. В рассказе писательницы тайным ключом выступает письменный стол, заказанный Салли у своей лучшей подруги, здесь происходит прозрение главной героини. Маргарет Этвуд не заостряет свое внимание на данной сцене, отказываясь от включения большого количества доказательств:

Marylynn is bending forward, one hand on the veneer. Ed is standing too close to her, and as Sally comes up behind them she sees his left arm, held close to his side, the back of it pressed against Marylynn, her shimmering upper thigh, her ass to be exact. Marylynn does not move away. It's a split second, and then Ed sees Sally and the hand is gone; there it is, on top of the desk, reaching for a liqueur glass.

Салли не поворачивает ключ, не пытается войти в «запретную комнату», как было сделано в первоисточнике, она решает не вступать в конфликт с мужем, игнорировать предательство Эда:

But now she's seeing the egg, which is not small and cold and white and inert but larger than a real egg and golden pink, resting in a nest of brambles, glowing softly as though there's something red and hot inside it. It's almost pulsing; Sally is afraid of it. As she looks it darkens; rose-red, crimson.

В конце повествования Салли представляет себе яйцо кроваво-красного цвета сердца. Главная героиня осознает, что ее муж не «boiled, stupid egg», как ей казалось раньше, а существо, которое умеет хорошо притворяться. С помощью метафоры «...there's something *red and hot inside it. It's almost pulsing*» писатель подчеркивает, что Эд всегда имел запасное место для кого-то еще в своем сердце. Использование эпитетов «rose-red, crimson» подталкивает читателя к установлению семантических связей с лексемой «heart», которая обыгрывалась в самом начале повествования, таким образом выдвигая на передний план представление, что Эд является

современной версией архетипа Синей Бороды. Последние сцены меняют восприятие Салли Эда, ей, наконец, представилась возможность восстановить контроль над своей жизнью и эмоциями.

Таким образом, рассмотрев вторичную репрезентацию классического сюжета сказки о Синей Бороде, можно сделать вывод, что Маргарет Этвуд новаторски использует прецедентные феномены для того, чтобы показать взаимоотношения мужчин и женщин, брака как современного института. Композиция исследуемого рассказа характеризуется приемом «текст в тексте». Данный прием заставляет читателя подумать над головоломкой о Синей Бороде, тем самым перенести классическую историю в современный мир. Исследователь Дж. Зайпс утверждает, что Маргарет Этвуд создала рассказ, идеи которого достаточно радикальны и открыты для многочисленных интерпретаций [31]. Благодаря тому, что М. Этвуд отвергает все магические и сверхъестественные элементы классической истории, «Яйцо Синей бороды» становится более реалистичным в глазах читательской аудитории и более актуальным. Такая языковая игра (по Л. Витгенштейну) со стороны автора призвана напомнить читателю о несправедливости, существующей в современном мире, а также подтолкнуть его к поиску Синей Бороды в своем окружении, поскольку Маргарет Этвуд сохраняет ведущие прототипические элементы сказки Шарля Перро, тем самым показывая, что архетипический персонаж прецедентного текста бессмертен.

Литература

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 444 с.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413–423.
3. Брауде Л. Ю. Современная литературная сказка // Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979. С.170–190.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 371 с.
5. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 2005. 240 с.
6. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Академия наук, 1963. 162 с.
7. Винокурова Т. Н., Трашков Д. В. Скрытые политические смыслы в романе Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytye-politicheskie-smysly-v-romane-margaret-etvud-rasskaz-sluzhanki> (дата обращения: 23.11.2020).
8. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Высшая Школа, 1978. 290 с.
9. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации текста. М., 1991. 250 с.
10. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969. 262 с.

11. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. М.: Языки Славянской культуры, 2014. 320 с.
12. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 92 с.
13. Приходько А. И. Имплицитность как способ скрытого оценивания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnost-kak-sposob-skrytogo-otsenivaniya> (дата обращения: 22.01.2021).
14. Серова И. Г. Способы конструирования гендера в тексте и кинотексте // Вестник ТГУ. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-konstruirovaniya-gendera-v-tekste-i-kinotekste> (дата обращения: 18.01.2021).
15. Соколов А. Н. Теория стиля. М.: Искусство, 1968. 224 с.
16. Чемодурова З. М., Лиджи-Горяева А. С. Постмодернистская игровая репрезентация литературных сказок // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1–3 (32). С. 55–58.
17. Чемодурова З. М. Механизмы прагматического фокусирования в современных англоязычных версиях «канонического» сюжета о синей бороде // Научный диалог. 2019. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmu-pragmaticheskogo-fokusirovaniya-v-sovremennyh-angloyazychnyh-versiyah-kanonicheskogo-syuzheta-o-siney-borode> (дата обращения: 09.04.2020).
18. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
19. Юнг К. Г. Архетип и символ / пред. А. М. Руткевича; примеч. В. М. Бакусева и др. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
20. Vacchilega C. Postmodern Fairy Tales: Gender and Narrative Strategies. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1997. 208 p.
21. Balazs B. Bluebeard Castle Libretto. URL: http://www.powellpressburger.org/Reviews/64_Bluebeard/Words.html (дата обращения: 04.06.2020).
22. Bremond C. Le message narrative // Communications. 1964. № 4. P. 4–32.
23. Chatman S. What Novels Can Do That Films Can't (and Vice Versa) // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7, № 1. P. 121–140.
24. Crane W. The Bluebeard Picture Book. London: Routledge and Sons, 1875 URL: <http://www.surlalunefairytales.com/illustrations/bluebeard/craneblue.html> (дата обращения: 04.06.2020).
25. Hearne B. G. Beauty and the Beast: Visions and Revisions of an Old Tale. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1989. 247 p.
26. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Paris, 1967. № 23. P. 438–465.
27. Online Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
28. Online Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>
29. Atwood M. Bluebeard's Egg. URL: https://bookfrom.net/margaret-atwood/31753-bluebeards_egg.html
30. Perrault C. La barbe bleue. URL: <https://clpav.fr/lecture-barbe.htm>
31. Peterson N. J. "Bluebeard's Egg": Not Entirely a "Grimm" Tale. URL: https://www.academia.edu/10921322/Margaret_Atwood_s_short_story_Bluebeard_s_Egg_Intertextuality_Symbols_and_Social_Critique
32. Smith K. P. The Intertextual Use of the Fairy Tale in Postmodern Fiction. URL: <http://shura.sku.ac.uk/20378>

УДК 811.1.8.

Потемкин Григорий Владимирович
студент института магистратуры
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
qwezzzer@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

Диктатура и авторитаризм — это режимы, которые на данный момент вызывают негативное восприятие всеми развитыми демократическими странами, поскольку, помимо тотального контроля над всеми сферами жизни каждого из жителей страны, зачастую производится уничтожение населения с девиантными характеристиками. Помимо социального и экономического статуса может применяться стратификация общества на группы по этнической и языковой принадлежности. В данной статье будет рассмотрен один из таких случаев, имевший место в 1970-х годах в Демократической Республике Камбоджа.

Ключевые слова: Камбоджа, геноцид, этнос, язык, лингвокультурный признак, дифференциация, конфликт.

Potemkin Grigoriy Vladimirovich
Linguo-cultural differentiation of population as a negative factor in political conflicts

Dictatorship and authoritarianism are regimes that at the moment cause a negative perception by all developed democratic countries, since in addition to total control over all spheres of life of each of the country's inhabitants, the destruction of a population with deviant characteristics is often carried out. In addition to social and economic status, stratification of society into ethnic and linguistic groups can be applied. This article will look at one such case that took place in the 1970s in the Democratic Republic of Cambodia.

Keywords: Cambodia, genocide, ethnos, language, linguistic and cultural attribute, differentiation, conflict.

Несмотря на языковую направленность исследования, хотелось бы начать с политической характеристики тогдашней Камбоджи для понимания этнографического и политического контекста. В стране на тот момент только что закончилась война за освобождение, за которой последовала гражданская война, и представители всех этносов, проживающих на территории страны, были разрознены и враждебно настроены по отношению друг к другу. Идея долгожданного объединения

и примирения витала в воздухе, но вместо этого у камбоджийцев появился лидер, который этим решил воспользоваться для своих интересов.

Дело в том, что, несмотря на наличие действующего правительства, представленного генералом Лон Нолом, в стране фактически наступило безвластие. Милитаристское правительство не имело авторитета и поддержки, в отличие от набиравшей популярность коммунистической партии, возглавляемой камбоджийским политиком по имени Пол Пот. Обучаясь в метрополии, во Франции, он проникся политикой, и в частности идеями коммунизма, популярными в то время. Вскоре он вернулся в родную страну. К 1963 году в его руках оказалась власть над самой крупной и влиятельной партией в Камбодже — КПК (Коммунистической партией Камбоджи). Но Пол Пот был не совсем классическим коммунистом. Он сочетал буквальное и доведенное до абсурда понимание постулатов коммунистической идеологии с кхмерским национализмом и негативно относился к некхмерским национальным группам, проживающим в стране. И основным признаком дифференциации на своих и чужих стал факт владения кхмерским диалектом.

В 1968 году Пол Потом и Иенг Сари при поддержке Северного Вьетнама была создана партия Красных кхмеров, запланированная как движение от Коммунистической партии Кампучии. Немалая часть партийной элиты, управлявшей тридцатитысячным движением, была обучена в странах Европы, в основном во Франции, поэтому в дальнейшем нельзя будет оправдать их действия неграмотностью, неопытностью или неосознанностью. Тем не менее, несмотря на некоторую связь с Европой, основой этого движения стали именно так называемые «красные кхмеры», в большинстве своем действительно принадлежавшие к этому этносу. Даже на данный момент эта этническая группа является древнейшей и самой многочисленной в Камбодже — на 2019 год их численность составляет более 17 млн человек. Исходя из этого, нетрудно предположить, почему партия смогла заручиться поддержкой такого огромного количества людей — эта поддержка исходила из ощущения языковой и культурной общности с правящей элитой. Кроме того, партия, будучи коммунистической, проповедовала идеи светлого и недалекого будущего, в которое очень хотелось верить, учитывая, в каком экономическом положении находилась Камбоджа после завершения долгой гражданской войны. Тем не менее ни о каком объединении речи не шло — как позже выяснилось, языковая и культурная принадлежность к

кхмерскому этносу должна была использоваться партией лишь для создания националистической политики, ориентированной против остальных этносов Камбоджи.

Приток новых кадров обеспечивали и сироты двенадцати-пятнадцати лет, лишившиеся семей во время боевых действий, что заметно популяризировало партию у кхмерской молодежи.

Была и еще одна политическая причина популярности движения Красных кхмеров. Как и большинство населения страны, они не одобряли политику генерала Лон Нола, пришедшего к власти в 1970 году путем свержения королевской династии. Основными из своих целей Красные кхмеры ставили возвращение наследного принца на престол, восстановление справедливости и равноправия, изгнание иностранных интервентов (в основном американских и южновьетнамских), помогавших официальной власти. Однако на самом деле ничего подобного не произошло, это была лишь уловка для привлечения большего числа людей на свою сторону.

Таким образом, эти четыре фактора — поддержка стран зарубежья, опора на один этнос с целью настроить его против остальных, контроль над отрядами партизан и поддержка молодежи, позволили партии за короткий срок взять под контроль большую часть страны.

Кроме того, вскоре после прихода кхмеров к власти для сплочения народа было объявлено о начале военной операции против Вьетнама. Был создан образ неуловимого вьетнамского шпиона по имени Йа [4], против которого камбоджийский народ должен был объединиться. Шпион якобы говорил на ломаном кхмерском, был очень зол и опасен и действовал всегда незаметно. Таким образом, на основании общих для одного этноса интересов был создан образ идеального врага, который намеренно шел против всех этих интересов просто потому, что принадлежал к другой этнической группе. Именно с этого пропагандистского образа началась демонизация всего вьетнамского — языка, культурных ценностей. Но главной целью этой агитационной кампании было заставить перенести этот образ на всех вьетнамцев, как проживающих в Камбодже, так и за ее пределами. Основной идеей этой агитации было заставить подозревать в шпионаже или измене всех не принадлежащих к кхмерскому этносу. За счет такого объединения кхмеров по лингвокультурному признаку у партии образовалась огромная целевая аудитория, которую можно было убедить делать что угодно. Именно это дальше и начало происходить.

Председатель партии Красных кхмеров Пол Пот заявил, что для достижения этой цели потребуется один миллион преданных и сильных людей. Все кампучийцы были разделены на три категории по степени лояльности режиму. Представители второй и третьей категорий квалифицировались как «недолюди» и подлежали «перевоспитанию» или физическому истреблению. Жестоким преследованиям и физическому уничтожению подвергалась прежде всего образованная часть населения — творческая и техническая интеллигенция, студенчество, служащие, духовенство. Истреблялись также целые народности, религиозные группы населения [1]. Учитывая, что население Кампучии (с приходом Красных кхмеров Камбоджу переименовали в Демократическую Республику Кампучию) на 1975 год составляло 7,8 млн человек, достижением плана должно было считаться убийство или, за редким исключением, изгнание за границу 6,8 млн человек. Нельзя себе представить, с каким рвением люди принялись выполнять этот чудовищный план, уничтожая своих собратьев, а иногда — родственников.

Бен Кирнан в своей книге [2] и Самуэль Тоттен в книге [3] говорят о 1 671 000 (20,5 %) убитых из общего числа населения населения в 7 890 000, в том числе:

- вьетнамцев: 10 000 (100 %),
- китайцев: 215 000 (50 %),
- лаосцев: 4000 (40 %),
- тайцев: 8000 (40 %),
- ханьцев: 90 000 (36 %),
- городского кхмерского населения: 500 000 (25 %),
- деревенского кхмерского населения: 825 000 (16 %).

Таким образом, согласно статистическим данным в открытом доступе можно утверждать, что вьетнамская диаспора была уничтожена полностью, китайская — истреблена наполовину, а тайцы и лаосцы, понесшие наименьшие относительно других потери, лишились 40 % населения диаспор. Все это было выполнено при закрытых границах и с жесточайшим дефицитом огнестрельного оружия, то есть путем массовых казней через повешение и закапывание негодных режиму живьем в огромных ямах. Действия всех этих людей были мотивированы лишь расовой ненавистью и грамотной агитационной политикой на основе этнической, культурной и языковой дифференциации.

В качестве заключения хочется отметить, что после свержения режима Пол Пота в конце 1970-х годов диктатор не изменил свои взгляды. Его политика была настолько эффективной, что смогла заставить не только

миллионы людей работать над ее воплощением, но даже его самого поверить в верность того, что он делает. Исходя из этого тезиса, можно заключить, что в данном случае лингвокультурная дифференциация населения была использована как инструмент манипуляции и, следовательно, является негативным фактором в данной перспективе.

Литература

1. Гурницкий В. «Песочные часы» / пер. с польск., пред. Е. Василькова. М.: Радуга, 1983.
2. Кирнан Б. Режим Пол Пота: раса, власть и геноцид в Камбодже при красных кхмерах, 1975–1979. Изд-во Йельского университета, 2002 [1996]. Википедия site:ru.wikichi.ru
3. Totten S., Parsons W. S. & Charny, I.O. (Eds.) (ред.) (1997). Век геноцида: свидетельства очевидцев и критические взгляды. Нью-Йорк: Garland Publishing, Inc. (Расширенная, бумажная версия Genocycle в Twentieth Century. Totten, S., Parsons, W.S. & Charny, I.O. (Eds.) (1995). Genocide in the Twentieth Century: критические эссе и свидетельствование очевидца. Нью-Йорк: Garland Publishing, Inc. Тоттен, С. (1991)).
4. Yale University Genocide Studies Program: информационный портал. URL: <https://gsp.yale.edu/cgp/search/cts> (дата обращения: 03.12.2021).

Сизоненко Дмитрий Викторович
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
7134867@mail.ru

ДУХОВНАЯ ЭКЗЕГЕЗА ПИСАНИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ ГУМАНИЗМ В ТЕОЛОГИИ АНРИ ДЕ ЛЮБАКА

Статья посвящена проблематике христианского гуманизма в теологии Анри де Любака. Исследуя историю средневековой экзегезы, он предлагает подход к рассмотрению четырех уровней Писания (буквальный, аллегорический, тропологический, анагогический) в их внутреннем единстве. Это учение представляет собой также определенный герменевтический метод, потенциал которого выходит за пределы экзегезы и может послужить основой для развития теологической антропологии в рамках христианского гуманизма.

Ключевые слова: экзегеза, Анри де Любак, герменевтика, антропология, гуманизм.

Sizonenko Dmitry Viktorovich
**Spiritual Exegesis of Scripture and Christian Humanism
in the Theology of Henri de Lubac**

The paper deals with the problematic of Christian humanism in the theology of Henri de Lubac. Researching on the history of medieval exegesis, he proposes to treat four levels of the interpretation of Scripture (literal, allegoric, tropological, anagogic) in their inner integrity. This teaching also represents a certain hermeneutic method, which potential goes beyond exegesis and can serves as a basis for development of the theological anthropology in the framework of Christian humanism.

Keywords: exegesis, Henri de Lubac, hermeneutics, anthropology, humanism.

XX век вошел в историю христианского богословия как век библейского, патристического и литургического возрождения. Движение за богословское «обновление», получившее среди консервативно настроенных теологов уничижительное наименование «новая теология», проходило под знаменем «возвращения к истокам» (ressourcement), обращения к древним источникам в поиске «ресурсов» для решения проблем современного христианства.

Многие из тех проблем, которые встали перед «новыми богословами», в свое время были уже решены отцами Церкви. Во-первых, крайности «историцизма» и внеисторического метода, который М. Блондель называет неологизмом «экстринсецизма» [14, с. 430] в толковании Священного Писания. Во-вторых, восстановление утраченной связи академического

богословия с реальной духовной жизнью. Метод духовной экзегезы, предложенный в рамках «новой теологии», направляет современного исследователя по пути синтеза четырех смыслов текста (буквального, аллегорического, тропологического и анагогического). Нередко их представляют как ступени, последовательно сменяющие друг друга на пути восхождения к пониманию текста. Однако необходимо подчеркнуть их внутреннее единство и взаимопроникновение. Таким образом, восхождение будет происходить не от низшего к высшему, а от внешнего к внутреннему.

Классическим исследованием в области средневековой экзегезы является четырехтомный труд Анри де Любака [6; 7; 8]. В нем последовательно рассматриваются четыре смысла Писания, какими они представлены в известном латинском двустишии, которое содержит в себе краткое изложение описываемого экзегетического метода: *Littera gesta docet, quid credes allegoria; moralis, quid agas, quo tendas, anagogia* («Буква учит тому, что случилось, аллегория — во что верить; мораль — как поступать, анагогия — к чему стремиться») [6, с. 23].

Первый уровень, буквально-историческое прочтение (*historia*), является необходимой основой для всех последующих, фундаментом всего здания. Прежде всего экзегет должен обратиться к *ratio historiae, ordo historiae, intellectus signatus in historia*. Порицание «буквы, которая убивает» в посланиях апостола Павла никогда не понималось как обличение *historia*. Оно понималось как осуждение *historia*, которая не содержит в себе аллюзии на христианскую тайну.

Концепция «ориентированной» истории, истолкованной посредством аллегории, вступает в противоречие с «абсолютизированной историей», которая, по меткому выражению А. де Любака, «является одним из основных идолов, сотворенных нашим веком» [6, с. 470].

Второй уровень, аллегории, непосредственно связан с содержанием христианской веры. Если прочтение на буквальном уровне, знание *littera*, является *prima eruditio*, аллегория представляет собой *secunda eruditio* [6, с. 492]. Толкователь, пробиваясь сквозь толщу буквы, проникает во внутренний смысл истории. Непременным условием перехода на последующий уровень является «обращение», радикальная перемена ума [6, с. 490], усвоение логики христианской веры. Аллегория показывает реалии Ветхого Завета как прообразы тайн будущего века, то есть тайны «Всецелого Христа», неотделимой от тайны Его Мистического Тела. Именно в том, что для читателя эти тайны становятся *hic et nunc* его внутреннего разумения Писаний, и проявляется радикальная новизна христианской аллегории. В отличие от языческой, она уходит корнями в толщу истории, «привнося в нее тайну и премудрость Христа, который ее

преображает и спасает» [6, с. 522], так в историческое время проникает вечность.

Аллегория всегда доктринальна. По словам Григория Великого, «она возводит здание учения». Поскольку такое созидание возможно лишь посредством веры, вера и аллегория выступают в отношениях взаимной причинности [6, с. 526]. Именно в этом ключе Иоанн Скот Эриугена комментирует эпизод, когда Петр, представляющий собой веру, входит в гробницу Христа впереди Иоанна, представляющего собой разум [4, с. 166–170].

Впрочем, у отцов Церкви поначалу не было четкого разграничения между аллегорией, тропологией, анагогией; на протяжении долгого времени эти термины воспринимались как синонимы [6, с. 551–553]. Даже когда границы и значение каждого из них были определены, в комментариях постоянно подчеркивалась их внутренняя взаимосвязь, «единство четверного смысла» [6, с. 643–656]. Термин «тропология» со временем утратил филологическое значение (оборот речи, фигура стиля, метафора и даже аллегория) и в средневековой экзегезе употреблялся как нравственное понятие. Но и в этом качестве термин употреблялся двояко.

Когда на тропологический уровень переходили непосредственно после буквального, прежде аллегорического, речь шла о «естественной» тропологии, которая «морализирует» то, о чем говорится в Писании. Аналогичный подход мог применяться к любому литературному тексту, человеческой личности и мирозданию [6, с. 554].

Во втором значении тропология относится к духовному смыслу, она является неотъемлемой частью тайны и заключена внутри аллегории. Если аллегорию рассматривать как объективный аспект, то тропология представляет собой субъективный аспект текста. Это своего рода уровень вращающегося, проникновения, интериоризации. Свои «примеры» тропология черпает напрямую из «тайны». В этом значении она занимает третье место после буквального и аллегорического смысла Писания.

Христианская душа проникает в мистический смысл в лоне Церкви; излюбленным текстом, позволяющим наиболее полно выразить эту мысль, была Песнь Песней [6, с. 558–562]. Важнейшую роль сыграла в этом монашеская экзегеза, испытавшая влияние Оригена, Григория Нисского и Бернара Клервосского. Постепенно утверждается мнение, что «истинная христианская жизнь», «истинная христианская философия», «истинная апостольская жизнь» тождественны монашеской, или посвященной, жизни. Библейские тексты, которые прежде применялись к жизни мирян, получают новые толкования в свете более радикальных требований. Лексикон «обращения» и «отступничества», который прежде обозначал переход от язычества к Евангелию или наоборот, со временем переносится

на другой уровень. Теперь он означает отказ от «мирских возможностей» в пользу посвященной жизни. Монашеский постриг воспринимается более важным событием, чем крещение. Принесение монашеских обетов толковалось как «второе крещение, возрождение к новой жизни, в момент которого отпускаются все прежние грехи» [6, с. 574–576]. Наибольших высот монашеская экзегеза достигла в умножении тропологических образов мистической «сладости», «нежности», «вкушения наслаждений» и «духовных чувств» [6, с. 614].

Четвертый уровень, анагогический, венчает собой всё здание. Внутренне он связан с предыдущими, при этом является их эсхатологическим и высшим свершением:

Первое пришествие [Христа], на нашу землю, «смирненное и сокровенное», совершает искупление, которое продолжается в Церкви и в ее таинствах: это предмет, собственно говоря, аллегии. Второе пришествие, внутреннее, происходит в душе каждого верующего, и его экспонирует тропология. Третье и последнее пришествие свершится в «конце времен», когда Христос придет во славе Своей и явит Себя, чтоб собрать Своих и привести их с Собой — такова цель анагии [6, с. 621].

Анагогия решительно отличается от некоторой неопределенности аллегии и тропологии своей устремленностью к высшей, невидимой и последней реальности. В этом отношении она «созидает надежду», как аллегия — веру, а тропология — любовь. Но точно так же, как невозможно разлучить земную и небесную Церковь, невозможно разделить богословские добродетели и смыслы Писания [6, с. 623–630].

Анри де Любак рассматривает анагогию в двух аспектах. Ее объективный и доктринальный аспект соответствует в христианской догматике разделу «эсхатология». Субъективный аспект анагии позволяет «войти *hic et nunc* в мистическую жизнь; а в конце пути она приводит [...] к созерцанию Бога». Первый аспект является скорее «умозрительным», второй — «созерцательным» [6, с. 624–625].

Единство четырех смыслов Писания представляет собой учение в прямом значении этого слова, но вместе с тем оно может служить методом, суть которого А. де Любак выразил словом *disciplina*:

До того как это слово [дисциплина] стало употребляться в контексте классификации наук и в организации школьного обучения [...], оно было заимствовано из библейской традиции, а не из традиции греческой *paideia*, то есть образования, которое по своему смыслу ближе всего к привычному нам выражению «общая культура», с подчеркнута практическим значением [6, с. 46].

О «тропологическом» аспекте этого понятия свидетельствуют такие выражения, как «Божественная дисциплина», «христианская дисциплина», «Божественные уставы», «небесное наставление», «дисциплина нравов». Они обозначают не только некую программу обучения, но самый идеал христианской, то есть монашеской, жизни. Конечно, нередко они включают в себя элемент педагогического воздействия, тренировки, исправления и наказания. Это очень напоминает школьную или военную дисциплину с их строгими правилами и принципами. «Божественная дисциплина» направлена на приобретение тройной «эрудиции», что соответствует последним трем смыслам Писания. При этом «наставление в истине» неотделимо от «преспеяния в добродетелях», которое лежит в основе «религиозного обращения». Дальнейшая эволюция экзегезы будет проходить в направлении развития «рационального искусства» ставить «вопросы» и вести «диспуты». Новые методы преподавания навлекут на «новаторов» упреки «консерваторов» в том, что они вместо «дисциплины» и созерцания предаются «безрассудству мирской мудрости и диалектики» [6, с. 74–110].

Средневековые авторы, как и отцы Церкви до этого, вынуждены иметь дело с литературными вкусами своей эпохи и мирскими «науками». Напрямую они отвергали лишь «аморфное удовольствие бесплодного любопытства или эстетизма», а также потуги новой культуры возвести себя в ранг мудрости [6, с. 68]. Они восприняли красоту и истину языческих произведений, полагая, что в конечном счете эти богатства проистекают из Писания, что теология наперед содержит в себе, «по крайней мере, начала всех человеческих наук» [6, с. 81]. Метафорой тому может служить образ «прекрасной пленницы» и того, как к ней надлежит относиться израильтянам, прежде чем взять ее в жены (Вт. 21:10–14). В толкованиях Оригена на этот эпизод сформулировано отношение многих древних и средневековых авторов к литературным, «научным» и философским сокровищам языческой культуры [6, с. 290–304].

Учение о четырех смыслах Писания использует Ролан Барт для литературного анализа «Духовных упражнений» Игнатия Лойолы. Применительно к этой книге он использует выражение «множественный текст», имея в виду множественность смыслов, которые предстоит открыть для себя читателю. Барт выделяет четыре слоя: буквальный текст, семантический текст, аллегорический текст и анагогический текст.

Исследователи единогласны в утверждении, что «Духовные упражнения» были написаны не для «упражняющихся», а для их наставников. В этой книге Лойола сообщает «букву», то есть некоторые объективные предпосылки, которые станут основанием для производства

последующих текстов. Упражняющемуся не имеет смысла сразу давать «буквальный текст», поскольку в начале пути он не способен еще вполне вместить его. В аналогичном случае А. де Любак приводит слова Амвросия Медиоланского, который сравнивает плодоношение христианства с урожаем, созревающим в должный час: «Жатва дает лишь поздние плоды [...], сбор винограда происходит лишь в конце года» [3, с. 195]. Итак, ученику надлежит созреть, прежде чем он сможет проникнуть в скрытый смысл текста.

Второй текст Барт называет семантическим, в нем читатель переходит на уровень смысла, знаков и значений. В Книге Деяний апостолов рассказывается о том, как пророк по имени Агав, «встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод» (Деян. 11:28). Здесь мы видим указание на воздействие Духа, который открывает внутренний смысл знаков или знамений. Семантический текст не является просто материалом для интеллектуального упражнения в области герменевтики, он неразрывно связан с вдохновением, посредством которого упражняющемуся постепенно раскрывается текст.

Третий текст является плодом прочтения, «ассимиляции» и, наконец, личного «присвоения». Этот текст, предназначенный для Бога, принимает форму молитвы и собеседования.

Четвертый текст продолжает логику дара. Упражняющийся обращается к Богу с посланием, которое он составил, размышляя над семантическим текстом. Он в прямом смысле является анагогическим, потому что, переходя от этапа к этапу, «необходимо подняться от буквы “Упражнений” к их содержанию, затем к их действию и только потом достичь глубочайшего смысла, знака, данного божеством» [1, с. 58].

Учение о единстве четырех смыслов Писания содержит в себе своего рода педагогическую программу христианского гуманизма, который А. де Любак называет «обращенным» гуманизмом, то есть обращенным ко Христу. В самом понятии «гуманизм», которое в современном сознании утратило четкие очертания, метод духовной экзегезы позволяет различить завершенный образ человека, человечества и человечности, «аббревиатуру» Христа: «Каждая фраза Писания имеет несколько смыслов; но еще более реальным является то, что все фразы Писания всегда имеют лишь один-единственный смысл» [6, с. 651].

Пользуясь анагогическим методом, наш автор постоянно ориентирует сознание читателя в направлении теологического гуманизма: земной Иерусалим — философский гуманизм, небесный Иерусалим — христианский гуманизм. Всё подлинно гуманистическое в истории человечества представляется лишь предвосхищением будущего, проекцией небесных реальностей на земле. Подобно тому, как всё, о чем говорится в

Ветхом Завете, увиденное новым взглядом, воспринимается в свете внезапной метаморфозы, так и всё, что составляет историческое существование человечества, благодаря новому взгляду предстает в преображенном свете надежды:

Перемена происходит не в наименованиях, но в разумении. Слова «переход», «трансфер», «перемена» постоянно повторяются в текстах [...]. Еще более выразительным является слово «обращение»: обращение буквы в дух [6, с. 311].

В исследованиях де Любака повсюду ощущается гармоничное созвучие между духовной экзегезой и теологическим гуманизмом. Неслучайно он завершает свой труд главой «Гуманисты и духовные наставники», в которой излагает свою концепцию «христианского гуманизма» [8, с. 369–517].

«Писание — как мир. Его невозможно расшифровать во всей полноте и во множестве смыслов» [6, с. 119]. Таким образом, экзегеза представляется упражнением, посредством которого разум восходит к познанию Бога, мира и самопознанию. В интерпретации нашего автора христианство является не «религией Книги», а религией живого Слова, ставшего плотью (текстом), вплетенного в ткань истории [6, с. 57].

Миссию гуманизма А. де Любак видит в простом и динамическом синтезе аллегоризма, который должен оставаться верным букве, и наукой, которая должна оставаться верной Духу. Гуманизм возможен лишь как мессианская тропология: предвосхищение в земном мире конечного исполнения надежд на свободу, благодать и щедроты, которые дарованы человечеству в личности Логоса, *Verbum abbreviatum*. Прошлый век показал и противоположное: к каким искажениям может привести атеистический гуманизм, основанный на горделивом превозношении абстрактного человека.

Обращаясь к экзегезе Писания, А. де Любак также хотел бы пролить свет на присутствие идеи Бога в сознании человека: «Идея Бога в нас не является результатом какой-либо имманентной диалектики [...], она возникает из самой себя в недрах сознания» [11, с. 40].

Человеку подобает различить в себе нечто неуловимое, что ускользает от любой репрезентации. В антропологии нашего автора это обозначается выражением «печать», «изображение», «отпечаток», «знак» Бога в нас [11, с. 13].

Духовная экзегеза Писания позволяет по-новому поставить вопрос о Боге и человеке: не через эмпирические описания, но через непосредственную близость и эффективное присутствие Бога в душе

читателя. Как отмечает А. де Любак, говорить о Боге — все равно что говорить о красках слепому, который в какой-то момент лишился зрения, но не слепому, который его никогда не имел.

Филологический подход к богословию, отличающему христианский гуманизм А. де Любака, в известной мере был связан с педагогической традицией, в которой был воспитан наш автор. Важнейшее место в ней отводилось гуманитарным наукам и античной культуре. Другим важнейшим элементом этого образования были «упражнения» Игнатия Лойолы, направленные на раскрытие у тех, кто их практикует, новых экзистенциальных и духовных подходов к реальности. Таким образом, в лоне традиции всеобъемлющего толкования Писаний и учения о единстве четырех смыслов постепенно выкристаллизовывается теологический гуманизм, обращенный к самой человеческой религии, к религии Воплощенного Слова.

Литература

1. Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. 256 с.
2. Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседование египетских отцов. М.: Правило веры, 2016. 476 с.
3. Любак А. де. Католичество. Социальные аспекты догмата. Милан: Христианская Россия, 1992. 476 с.
4. Эриугена Иоанн Скотт. Гомилия на пролог Евангелия от Иоанна. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1995. 352 с.
5. Lubac H. de. *L'Écriture dans la tradition*. Paris: Aubier, 1966. 301 p.
6. Lubac H. de. *Exégèse médiévale: les quatre sens de l'Écriture*, I. Т. 1–2. Paris: Aubier, 1959. 712 p.
7. Lubac H. de. *Exégèse médiévale: les quatre sens de l'Écriture*, II. Т. 1. Paris: Aubier, 1961. 563 p.
8. Lubac H. de. *Exégèse médiévale: les quatre sens de l'Écriture*, II. Т. 2. Paris: Aubier, 1964. 557 p.
9. Lubac H. de. *Histoire et Esprit: l'intelligence de l'Écriture d'après Origène*. Paris: Cerf, 2002. 668 p. (Œuvres complètes: 16.)
10. Lubac H. de. *Mémoire sur l'occasion de mes écrits*. Paris: Cerf, 2006. 506 p. (Œuvres complètes: 36.)
11. Lubac H. de. *Sur les chemins de Dieu*. Paris: Cerf, 2006. 402 p. (Œuvres complètes: 1.)
12. Balthasar H. U. von, Chantraine G. *Le Cardinal Henri de Lubac: L'homme et son oeuvre*. Paris-Namur: Lethielleux-Culture et Vérité, 1983. 145 p.
13. Balthasar H. U. von. *Dieu est son propre exégète // Communio*. 1986. Т. 63 (11). P. 5–12.
14. Blondel M. *Histoire et dogme: les lacunes philosophiques de l'exégèse moderne // Blondel M. Œuvres complètes*. Т. 2, 1883–1913. *La Philosophie de l'action et la crise moderniste*. Paris: PUF, 1997. P. 386–452.

Харламова Мария Сергеевна
аспирантка

*Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
kharlamova_mariya@mail.ru*

ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ ПОЛЯ РИКЕРА

Данная статья описывает теорию метафоры французского философа Поля Рикера, которая впервые была изложена в его знаменитой книге «Живая метафора» в 70-х годах XX века. Теория метафоры Поля Рикера непосредственно связана с теорией чтения или герменевтикой. Кроме того, некоторые собственные выводы философ делает на основе критических обзоров трудов Аристотеля и И. А. Ричардса.

Ключевые слова: метафора, герменевтика, философия метафоры, интерпретация.

Kharlamova Mariia Sergeevna

Paul Ricoeur's metaphor theory

The paper deals with the metaphor theory of the french philosopher Paul Ricoeur. This theory was first presented in his famous book «Living Metaphor» in the 70s of the XXth century. Paul Ricoeur's metaphor theory is directly related to the reading theory or hermeneutics. In addition, the philosopher makes some of his own conclusions based on critical reviews of the works of Aristotle and I. A. Richards.

Keywords: metaphor, hermeneutics, philosophy of metaphor, interpretation.

Объектом данного исследования является метафора, которая традиционно определяется как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [1, с. 223]. Появление когнитивной науки в 80-х годах XX в. изменило восприятие метафоры [5, с. 226]. Метафора начинает восприниматься как элемент человеческого мышления, а не просто средство выразительности речи. Метафора в современной когнитивной науке — это «основная ментальная операция, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [4, с. 54].

Актуальность исследования метафоры заключается в том, что до сих пор вопросы определения, классификации, методологии остаются спорными. Начало когнитивным исследованиям метафоры положили ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем», вышедшей в 1980 г. и оказавшей большое влияние на ученых разных областей. Авторы впервые обратили внимание на то, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только

язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [2, с. 25]. Данное заключение было подтверждено рядом примеров метафорических моделей, подробно рассмотренных в книге. В дальнейшем на основе теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона ученые разрабатывали свои концепции, одновременно дополняя эту «классическую теорию» новыми знаниями или критикуя имеющиеся недостатки. Так, например, из «классической теории» концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона произошла теория концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье.

Целью данной статьи является описание теории метафоры французского философа П. Рикера, внесшего значительный вклад в современную теорию метафоры.

В конце 70-х годов XX века П. Рикер написал книгу «Живая метафора». Эта книга состоит из восьми очерков. Книга включает в себя анализ аристотелевской теории метафоры, анализ тропологии П. Фонтанье, изучение метафоры в контексте семантики дискурса и слова, анализ новой французской риторики, проблематику «работы сходства» метафоры [3, с. 106]. Первые шесть очерков рассматривают метафору в контексте именованя, где метафора понимается как однословный троп, который порождается смещением и расширением значения слова, а далее метафора рассматривается в контексте предикации. Здесь метафорический смысл порождается не на уровне одного слова, а на уровне высказывания. Данная книга также включает в себя седьмой очерк, в котором описана проблема референции. В последнем восьмом очерке описывается философский дискурс [3, с. 106]. Автор в данной книге излагает свою теорию метафоры с опорой на работы других ученых, интерпретацию и критику которых он также предоставляет. Так, помимо Аристотеля и П. Фоконье, он изучает А. Ричардса, М. Блэка и Р. Якобсона. В связи с тем, что объем данной статьи не позволяет подробно рассмотреть каждый нюанс теории П. Рикера, в данном исследовании были отобраны только критические обзоры теории Аристотеля и А. Ричардса. Теории этих авторов существенно повлияли на становление собственных взглядов П. Рикера.

В теории Аристотеля П. Рикер обращает внимание на понятие мимесиса, которое было представлено в «Поэтике», а также широко использовалось в трудах Платона. По Аристотелю, мимесис должен обязательно включать в себя понятие деятельности, т. е. мимесис — это свойственный человеку вид деятельности в процессе создания одной вещи, напоминающей другую. П. Рикер утверждает, что существует прямая

параллель между мимесисом и метафорой. Основываясь на теории Аристотеля, П. Рикер делает вывод о том, что метафора — это инструмент, с помощью которого мимесис становится *muthos* или сюжетом, и, следовательно, имитацией человеческой деятельности [5, с. 65]. Метафорический дискурс представляет все вещи не только как сущности, но и как действия — все живое имеет потенциал для действия, и этот потенциал расцветает в метафорическом языке.

В основе контекстуальной теории И. А. Ричардса лежит положение о том, что значение слова распознается в зависимости от контекста. Значение образуется от взаимодействия слов друг с другом в контексте дискурса, но не из словарных дефиниций. Значение всегда изобретается заново. По И. А. Ричардсу, язык — метафоричен, а метафора — самое обычное явление в языке. В своей теории И. А. Ричардс вводит два основных понятия: *tenor* (смысл) и *vehicle* (средство). П. Рикер критикует теорию И. А. Ричардса, потому что в ней отсутствуют различия между буквальным и метафорическим значением; теория не делает различий между случаями, где есть подобие между *tenor* и *vehicle*, и случаями, где есть общие характеристики между ними. И наконец, теория не обращается к тому, что П. Рикер называет «онтологическим» статусом метафоры — отношением к тому, каковы объекты на самом деле. Для П. Рикера это проблема отношений между верой, пониманием и истиной. П. Рикер задает следующие вопросы: «Должны ли мы верить в то, о чем говорит высказывание для того, чтобы понять его полностью?», «Должны ли мы принимать за истину то, о чем в Библии и Божественной комедии говорится метафорично?» [5, с. 69].

П. Рикер критикует определение метафоры как замену одного слова другим. По его мнению, в метафоре большую роль играет не противопоставление двух значений (буквального и фигуративного), а решение загадки, которая является перед слушающим или читателем. Решение этой загадки осуществляется с помощью процесса интерпретации или герменевтики. Таким образом, в основе его теории лежит положение о том, что метафора понимается с помощью интерпретации. Интерпретация включает в себя связь слова с контекстом целого предложения, в котором оно расположено, но также и связь с культурным контекстом целого дискурса, в котором расположено предложение. Быть интерпретатором значит быть живым существом, и в этой связи именно метафорическое измерение языка является наиболее живым в языке. Кроме того, П. Рикер не интересуется мертвыми метафорами, а изучает живые метафоры, в

частности новые метафоры. Именно эти метафоры заставляют человека мыслить, так как представляют новую идею новым способом. Метафорический язык предоставляет новое знание, но таким образом, чтобы мы пришли к нему с помощью интерпретации. Таким образом, метафора понимается как особая языковая ситуация, в которой объективные факты мира встречаются с субъективной интерпретацией индивида, интерпретирующего их, — ситуация, в которой достигается феноменологическая истина [6, с. 74].

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующие выводы:

1. Основываясь на теории Аристотеля, П. Рикер утверждает, что метафора является инструментом имитации человеческой деятельности. Через метафору абстрактный поэтический язык становится языком действия.

2. В теории И. А. Ричардса П. Рикер находит значительный недостаток — отсутствие различий между буквальным и метафорическим значением метафоры. В структурном плане он обращает внимание на отсутствие четких критериев разграничения и тождества между понятиями *tenor* и *vehicle*. Теория не принимает во внимание «онтологический статус» метафоры.

3. Метафора П. Рикера функционирует на уровне предложения, а не отдельного слова.

4. Метафора П. Рикера — это часть языка, которая требует интерпретации. Изучение метафоры приводит исследователей к герменевтике.

5. Язык П. Рикера — это философия живой метафоры. Язык — это процесс создания новой метафоры, которая не только поддерживает язык, но и оживляет человеческое мышление.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Лакофф. Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 265 с.
3. Рикер П. Живая метафора. Восьмой очерк. Метафора и философский дискурс / пер. с фр. Ф. Станжевского // HORIZON. Феноменологические исследования. 2013. Т. 2, № 2. С. 106–150.
4. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 4. 2007. С. 54–56.
5. Kiseleva S., Trofimova N. Metaphor as a device for understanding cognitive concepts // Revista de Lenguas para Fines Especificos. 2017. Vol. 23, № 2. P. 226–246.
6. Simms K., Ricoeur P. Routledge Critical Thinkers. Ser. Publication Year. 2002. 176 p.

Цыцаркина Наталья Николаевна

*доктор филологических наук,
профессор Курганского государственного университета,
nnts98@yandex.ru,*

Татаренков Фёдор Вячеславович

*магистрант Курганского государственного университета,
tatafyod@gmail.com*

РЕАЛИЗАЦИЯ ТАКТИК УБЕЖДЕНИЯ И УГОВАРИВАНИЯ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (на материале телешоу «Top Gear» и «The Grand Tour»)

Статья посвящена манипулятивной стратегии рекламного дискурса телевизионных ток-шоу, которая включает тактики убеждения и уговаривания. Рассматриваются лингвопрагматические особенности реализации данных тактик и их коммуникативных ходов на примере автомобильных телепередач «Top Gear» и «The Grand Tour», выявляется их языковая специфика.

Ключевые слова: телевизионный рекламный дискурс, ток-шоу, манипулятивная стратегия, тактика, коммуникативный ход.

*Tsytsarkina Natalya Nikolayevna,
Tatarenkov Fedor Viacheslavovich*

Implementation of persuasion and blandishment tactics in TV advertising discourse (on the basis of TV shows “Top Gear” and “The Grand Tour”)

The paper deals with the manipulation strategy of the advertising discourse of TV talk shows, which includes persuasion and blandishment tactics. The linguistic and pragmatic features of the implementation of these tactics and their conversational turns are considered on the example of the car TV shows “Top Gear” and “The Grand Tour”, their language specificity is revealed.

Keywords: TV advertising discourse, talk show, manipulation strategy, tactics, conversational turn.

Целью данной статьи является описание лингвопрагматических особенностей речевых тактик убеждения и уговаривания, реализующих манипулятивную стратегию в англоязычном телевизионном рекламном дискурсе.

Телевизионный дискурс рассматривается нами вслед за Е. Г. Лариной как «телевизионная речь в ситуации социального взаимодействия телекоммуникатора и телеаудитории» [8, с. 166]. В нем осуществляется коммуникация людей, разных по своим социокультурным, возрастным,

профессиональным и другим характеристикам. Это процессуальное явление, которое «соотносится с реальным временем и ассоциируется со звучащей устной речью» [7, с. 3].

Телевизионный дискурс отражает, как отмечает Л. А. Нугуманова, «сложную семиотическую структуру взаимосвязи вербальных и невербальных (визуальных) средств в едином комплексе, погруженном в конкретное социальное пространство» [10, с. 3]. Нас интересует, прежде всего, вербальная составляющая телевизионного дискурса, которая играет, на наш взгляд, ведущую роль в достижении общей рекламной цели. Невербальные средства (графика, звуки, образы) являются вспомогательными средствами, они лишь помогают повысить привлекательность товара в глазах потенциального покупателя.

В качестве материала для исследования были выбраны стенограммы и видеозаписи телешоу «Top Gear» (2002–2015) и «The Grand Tour» (2016–2021). В соответствии с классификацией жанров теледискурса по структурно-композиционным и стилистическим признакам Е. Г. Лариной [8, с. 165–167], телешоу — это диалогический, т. е. «разговорный», жанр телевизионного дискурса.

Выбор указанных программ обусловлен тем, что эти телепередачи являются одними из самых высокорейтинговых телешоу британского телевидения. Специализированное автомобильное телешоу «Top Gear» выходит в эфир с 2002 года. Это обновленная версия оригинального одноименного шоу 1977 года. В 2013 году «Top Gear» попал в книгу рекордов Гиннеса как самое популярное шоу в мире. Передачу с 2002 по 2015 вели известные телеведущие Джереми Кларксон, Ричард Хаммонд и Джеймс Мэй, которые в 2016-м создали новое телешоу «The Grand Tour». Телепередачи «Top Gear» и «The Grand Tour» представляют собой автомобильные обзоры, отчеты о поездках по всему миру, встречи со знаменитостями. Цель передач — показ и описание потенциальным покупателям автомобилей различных марок, моделей и классов.

Шоу «Top Gear» вызвало заинтересованность исследователей, прежде всего, своей принадлежностью одновременно к жанру телевизионной рекламы, ток-шоу и новостной программы [8, с. 164; 2, с. 404]. Телешоу «The Grand Tour» обладает теми же характеристиками. В центре нашего внимания диалогический жанр телевизионного рекламного дискурса данных телепрограмм, а именно автомобильная телереклама.

Особенность телевизионного рекламного дискурса данных телешоу заключается в том, что реклама является частью ток-шоу, т. е. вплетена в диалоги и полилоги трех ведущих между собой и с приглашенными знаменитостями. При этом ведущие также часто обращаются

непосредственно к зрителям. Это спонтанная, как правило, неподготовленная речь.

Исследователи Д. Д. Барыкинская и Г. Т. Шарлаимова отмечают другую важную особенность такой рекламы. Так, они подчеркивают, что «полного навязывания конкретного автомобиля зрителям не происходит, т. к. телеведущие не только раскрывают положительные стороны определенной модели, но и выявляют ее слабые стороны» [3, с. 166]. Как нам представляется, такой подход свидетельствует о тенденции к объективности (возможно, кажущейся) данной рекламы.

Еще одна особенность рекламного дискурса ток-шоу — разговорный стиль (использование разговорных слов и конструкций):

If you drive it like a heff a lump, then it sort of responds like a heff a lump [21].

Yeah, right! Who's gonna buy a £50,000 car that doesn't have sat-nav on it?[21].

It's kind of like an Airbus [21].

Мы рассмотрим манипулятивную стратегию, характерную для телерекламы, представленную в исследуемых шоу тактиками убеждения и уговаривания.

По мнению Е. Л. Доценко, манипулирование — это «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [5, с. 59].

Манипулятивным стратегиям посвящены работы Е. С. Поповой [11], С. В. Броженко [4], О. В. Стрижковой [13], Е. С. Архиповой [1], Е. В. Сергеевой [12], Э. Р. Минлибаевой [9], Н. А. Трофимовой [14]. Однако манипулятивная стратегия в диалогическом дискурсе телевизионной рекламы исследована, на наш взгляд, недостаточно.

В рамках нашего исследования мы опираемся на определение стратегии и тактики, предложенное О. С. Иссерс. Речевая стратегия понимается как «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [6, с. 109], речевая тактика — как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [6, с. 110]. Инструментом реализации речевой тактики является коммуникативный ход.

В рекламном дискурсе тактика убеждения, по нашему мнению, имеет манипулятивный оттенок, так как направлена на привлечение внимания к товару и в конечном итоге на формирование желания его приобрести. Тактика убеждения реализуется следующими коммуникативными ходами:

«апелляция к качествам товара», «апелляция к разуму», «апелляция к категориям вреда и пользы».

Самый распространенный коммуникативный ход тактики убеждения, «апелляция к качествам товара», как правило, основывается на сравнении. так как сравнение положительных и отрицательных свойств рекламируемого автомобиля подводит покупателя к мысли о покупке данного автомобиля. При этом широко используется автомобильная терминология: *throttle response* (приемистость), *rear windscreen wiper* (стеклоочиститель ветрового стекла), *adaptive dampers* (самонастраивающаяся система амортизации), *satellite navigation system* (спутниковая навигационная система), *ceramic brakes* (керамические тормоза), *brake horsepower* (тормозная мощность автомобиля), *speed gearbox* (скоростная коробка передач), *rear wheel drive* (задний привод) и т. п.

Описание автомобиля сопровождается указанием цены его комплектующих, что дает возможность потенциальному покупателю оценить свои финансовые возможности. Например:

There's adaptive dampers — for £1,030, a Sport Chrono Package with better throttle response and a stopwatch for £507. Fade-free ceramic brakes, — £5 [21].

The rear windscreen wiper, £230. The excellent satellite navigation system, £1,800 [21].

Для большей объективности используется также другая числовая информация:

There is a V6, 300 BHP, it is a light engine or you can have a 4 port turbo [18].

That is fantastic, 1:33, that makes it (The Honda NSX) 2 seconds faster than a Ferrari 575, and 3 seconds faster than the Aston Martin Vanquish [19].

It's lazy, low-revving. Most of the power comes in at about 2,000 rpm. From 50 miles an hour to 70 takes just two seconds [21].

This is a Chevrolet Camaro, the RS model. 5 liter V8 engine, 5speed gear box, rear wheel drive a full-on American muscle car [22].

I mean, look. Engine, 3.2 in a Boxster. 3.6 in a 911. 3.4. Power, 276, 321, 291 [21].

Проанализируем ситуацию, где применяется тактика убеждения (Ричард Хаммонд рассказывает Джереми Кларксону и Джеймсу Мэю о новом Hyundai Genesis Coupe):

Richard Hammond: More news from Korea! Do you know a new high-end Hyundai Coupe?

Jeremy Clarkson: Yes.

Richard Hammond: Well, there is a new one coming. Look. **That looks brilliant.**

Jeremy Clarkson: You know, the trouble with the Hyundai Coupe is that **it always looks quite good, but it is sort of quite nice to drive and it is front-wheel drive and a bit sort of half-*rse as a result.**

Richard Hammond: Well, this time though they are talking about putting a V8 in the front of that. But even as it is now **there is a V6, 300 BHP, it is a light engine or you can have a 4 port turbo. It is rear-wheel drive this time...**

Jeremy Clarkson: **Rear drive?**

Richard Hammond: Yep. **And limited-slip diff.** They are looking to take on a Mustang with it.

James May: **Even I like that** [18].

Как видим, в данном примере говорящий (Ричард Хаммонд) выдает объективную информацию об автомобиле, слушающие (Джереми Кларксон и Джеймс Мэй) объективно ее оценивают. Чтобы убедить своих собеседников в том, что поступающая на рынок новая модель стала лучше предыдущей, Хаммонд прибегает к использованию коммуникативного хода «апелляция к качествам товара»: он описывает технические характеристики автомобиля, свидетельствующие об улучшении его ходовых качеств: «*There is a V6, 300 BHP, it is a light engine or you can have a 4 port turbo. It is rear-wheel drive this time*», «*And limited-slip diff*» (спорткар обладает новым более мощным шестицилиндровым двигателем в 300 л. с.; присутствует возможность выбора его конфигурации при покупке: обычный или турбированный; теперь автомобиль является заднеприводным и оснащен самоблокирующимся дифференциалом).

При этом один из слушающих (Джереми Кларксон) описывает не самые лучшие свойства, которые были у старой модели Hyundai Genesis Coupe: «*The trouble with the Hyundai Coupe is that it always looks quite good, but it is sort of quite nice to drive and it is front-wheel drive and a bit sort of half-*rse as a result*» (недостаток старой модели Hyundai Genesis Coupe в том, что она была переднеприводной). Говоря об этом, Кларксон использует табуированную лексику.

После приведения аргументов в пользу новой модели Hyundai Genesis Coupe мнение другого слушающего (Джеймса Мэя) с негативного меняется на положительное: «*Even I like that*». Цель достигнута. Не только Джеймс Мэй, но и зрители (возможные покупатели) убеждаются в достоинствах новой версии автомобиля.

Для описания положительных качеств автомобиля используется лексика с положительной коннотацией: *technically brilliant, an engineering marvel, looks brilliant*. При описании отрицательных свойств используются

слова с отрицательными семантическими оттенками, инвективная лексика (как в предыдущем примере), грубоватый юмор. Так, во втором эпизоде седьмого сезона передачи «Top Gear» Джереми Кларксон проводит обзор новой модели Porsche Cayman, которую он недавно купил и как владелец постоянно ругает:

Another thing I couldn't live with is the styling. I realise of course that **beauty is in the eye of the beholder.** I mean, I, for instance, find Esther Rantzen attractive. But I'm **struggling to think** of anyone who'll look at the Coxster and go, "Yes! That is a masterpiece!"

— **The back's just too long.** — **Looks like a kangaroo.** And I'm sorry, but if you're going to have one of these things, **you really...** — (BLEEPING)
(AUDIENCE LAUGHS) [21].

Одна из претензий Джереми Кларксона касается дизайна автомобиля: «*Another thing I couldn't live with is the styling*». Ему не нравится слишком длинный кузов, из-за которого Porsche Cayman похож на кенгуру: «*The back's just too long. Looks like a kangaroo...*» Для создания комического эффекта Кларксон использует ставший идиоматичным афоризм «*beauty is in the eye of the beholder*» (красота — в глазах смотрящего) ирландской писательницы XIX века Маргарет Вольф Хангерфорд, имея в виду английскую журналистку и телеведущую Эстер Ранцен, намекая не совсем политкорректно на нестандартные параметры ее красоты. Употребление выражения *struggle to do smth.* («to experience difficulty and make a very great effort in order to do something» [16]) усиливает этот эффект: «*But I'm struggling to think of anyone who'll look at the Coxster and go, "Yes! That is a masterpiece!"*» (Но я изо всех сил стараюсь припомнить кого-нибудь, кто посмотрит на Coxster и скажет: «Да! Это шедевр!») Далее идет инвективная лексика, перекрываемая гудком автомобиля: «*And I'm sorry, but if you're going to have one of these things, you really... — (BLEEPING)*» (И извини, но если ты собираешься купить эту машину, ты действительно... — (ВКЛЮЧАЕТ ЗВУКОВОЙ СИГНАЛ).) Гудок маскирует нецензурное слово, но зрители угадывают его, и в студии раздается смех.

Рассмотрим другую тактику манипулятивной рекламной стратегии, тактику уговаривания. Ситуация уговаривания характерна для неформального общения. При этом уговоры от убеждения отличаются, как считают ученые, психологической направленностью: они воздействуют не на логику и разум, а на чувства и эмоции собеседника [6, с. 142].

По мнению М. Ю. Федосюка, тактика уговаривания направлена на побуждение собеседника к отказу от своей точки зрения в пользу говорящего, так как «адресату следует сделать нечто в интересах этого

говорящего» [15, с. 94]. Однако, как показывают исследования О. С. Иссерс, в ряде случаев говорящий пытается скрыть свою заинтересованность и дистанцируется от проблемы [6, с. 146].

Вслед за О. С. Иссерс мы выделяем следующие коммуникативные ходы тактики уговаривания, основывающиеся на апелляции: «апелляция к чувствам, отношениям между говорящим и слушающим», «апелляция к качествам партнера», «апелляция к авторитету», «апелляция к категориям разума / Вреда и Пользы» [6, с. 151].

Применительно к рекламе тактика уговаривания имеет опосредованный характер. Она не ориентирована напрямую на агитацию зрителей приобрести тот или иной автомобиль, влияние осуществляется через третьи лица. Чаще всего используются коммуникативные ходы «апелляция к авторитету» и «апелляция к качествам партнера».

Апеллирование к авторитету, в том числе к общественному мнению, является одним из способов манипуляции сознанием. При этом авторитет должен иметь для слушающего определенную значимость. В приведенном выше примере Джеймс Мэй, говоря о новом Hyundai Coupe, произносит: «*Even I like that*». Здесь сам говорящий является авторитетом для слушателей, и его слова о понравившемся ему автомобиле воспринимаются зрителями как призыв к действию. Это косвенный директив, означающий, что покупатель, если он доверяет авторитетному мнению Джеймса Мэя, должен прислушаться к нему и остановить свой выбор на анонсированной модели.

Вместо авторитета может использоваться антонимичный, негативно окрашенный образ — нечто, внушающее страх (авторитет-пугало у О. С. Иссерс). В следующем примере в качестве такого авторитета выступает хорватская публика, перед которой должен выступить в гонке Ричард Хаммонд:

Jeremy: Hammond, **a really, really big crowd is here today, as you can see. Okay? Because they know you are going to break the record here. 54 seconds.**

Come on, you have 1200 HP, you've been practicing all morning!

James: **Actually, it is the most powerful car here by some margin.**

Richard: Well, I can't promise...

Jeremy: **It is the fastest car we've ever seen!** Look at it this way. The whole of Croatia is watching this, knowing that you are going to do that for them.

James: In 52 seconds time you are going to be whatever the equivalent of a hero of the Soviet Union is but in modern-day Croatia.

Jeremy: And not just Croatia. It's the whole Eastern European region. You have got a lot riding on your shoulders, Richard Hammond. Alot! [17].

Джереми Кларксон и Джеймс Мэй уговаривают сомневающегося Ричарда, уверяя, что он с легкостью побьет рекорд на хорватском спортивном

электромобиле Rimac Concept One. Со слов Джереми, хорватская публика является крайне категоричной: говорящий декларирует, что присутствующая на гонке массовка не то чтобы считает Ричарда способным побить рекорд трассы, а знает наверняка, что он это сделает: «*Hammond, a really, really big crowd is here today, as you can see. Okay? Because they know you are going to break the record here*». Данный речевой акт также, как и в предыдущем случае, представляет собой косвенный директив.

В этом полилоге есть и положительная реализация коммуникативного хода «апелляция к авторитету». Джереми Кларксон и Джеймс Мэй расхваливают электромобиль Rimac Concept One, используя прилагательные в превосходной степени (*the most powerful, the fastest*), и тем самым рекламируют его: «*James: Actually, it is the most powerful car here by some margin*», «*Jeremy: It is the fastest car we've ever seen!*» Это опосредованная апелляция к авторитету — ведущим Джереми Кларксону и Джеймсу Мэю, ставшим авторитетами для зрителей телешоу «Grand Tour».

Вместе с некоторым элементом запугивания (апелляцией к авторитету — зрителям), Джереми Кларксон и Джеймс Мэй прибегают и к положительному методу осуществления своего замысла — коммуникативному ходу «апелляция к разуму», который реализуется экспрессивным речевым актом: «*Come on, you have 1200 HP, you've been practicing all morning!*» (у Ричарда 1200 лошадей под капотом, и он все утро упорно практиковался). Это делается для того, чтобы уговоры не потерпели провала. В противном случае создается риск восприятия слушающим данной тактики как угрозы, что полностью воспрепятствует кооперативному взаимодействию участников речевого акта.

Итак, манипулятивная стратегия в телевизионном рекламном дискурсе включает тактику убеждения и тактику уговаривания. Используя тактику убеждения, адресант оказывает воздействие на разум и логику адресата (зрителей — потенциальных покупателей), тактика уговаривания оказывает влияние на его чувства и эмоциональный мир. Стратегическая цель данных тактик — обратить внимание адресата на рекламируемый товар и побудить его совершить определенные действия (купить автомобиль). Для достижения этой цели применяются различные коммуникативные ходы, самыми частотными из которых являются «апелляция к качествам товара» (тактика убеждения) и «апелляция к авторитету» (тактику уговаривания). В зависимости от условий речевой ситуации перечисленные тактики обладают как положительными, так и отрицательными реализациями, что в значительной степени увеличивает область их применения. Коммуникативные ходы могут выражаться

экспрессивными, ассертивными и (главным образом косвенными) директивными речевыми актами. При этом используются эпитеты, сравнения, метафоры, идиоматические выражения, юмор.

Литература

1. Архипова Е. С. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в рекламном дискурсе (на материале рекламных текстов автомобилей) // *Lingua mobilis*. 2013. № 7 (46). С. 17–22.
2. Барыкинская Д. Д. Лингвопрагматические аспекты телешоу «Top Gear» // *Ученые заметки ТОГУ*. 2015. Т. 6, № 4. С. 403–409.
3. Барыкинская Д. Д., Шарлаимова Г. Т. Жанровое своеобразие британского телешоу «Top Gear» // *Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: мат-лы научн.-практ. конференции*. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2015. С. 163–169.
4. Броженко С. В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламных текстов банковских услуг) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 3 (218), вып. 50. С. 11–15.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Ларина Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 21 с.
8. Ларина Е. Г. Телевизионный дискурс и его жанровое разнообразие // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. 2006. С. 166–168.
9. Минлибаева Э. Р. Манипулятивная стратегия и ее тактики в немецком рекламном медицинском дискурсе (на материале печатной рекламы безрецептурных препаратов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 24 с.
10. Нугуманова Л. А. Коммуникативно-прагматический аспект формирования телевизионного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 23 с.
11. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // *Известия Уральского государственного университета*. 2002. № 24. С. 276–288.
12. Сергеева Е. В. Манипулятивная стратегия как инструмент воздействия в рекламном тексте // *PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект*. 2014. Вып. 12. С. 89–98.
13. Стрижкова О. В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе: на материале англо- и русскоязычной рекламы продуктов питания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 22 с.
14. Трофимова Н. А. Радио и эмоцио в повседневной коммуникации // *Рациональное и эмоциональное в языке и речи*. СПб.: РХГА, 2020. С. 10–31.
15. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // *Русская разговорная речь как явление городской культуры*. Екатеринбург, 1996. С. 73–94.
16. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/> (дата обращения: 09.02.2021).

17. The Grand Tour. Series 2, Episode 1. Full Scene Rimac Crash. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k6Hf0WGquNM> (дата обращения: 24.02.2021).
18. Top Gear. Series 10. Quotes // Quotes.net. URL: https://www.quotes.net/show/top_gear,_series_10_1636 (дата обращения: 05.11.2020).
19. Top Gear. Season 1, Episode 6. URL: https://sublikescript.com/series/Top_Gear-1628033/season-1/episode-6-Episode_16 (дата обращения: 01.12.2020).
20. Top Gear. Season 6, Episode 3. URL: https://sublikescript.com/series/Top_Gear-1628033/season-6/episode-3-Episode_63 (дата обращения: 18.02.2021).
21. Top Gear. Season 7, Episode 2. URL: https://www.sublikescript.com/series/Top_Gear-1628033/season-7/episode-Episode_722 (дата обращения: 06.10.2020).
22. Top Gear. Season 9, Episode 3. URL: https://sublikescript.com/series/Top_Gear-1628033/season-9/episode-3-Episode_93 (дата обращения: 26.09.2020).

Щербакова Екатерина Фёдоровна

магистрант 1 курса

Русской христианской гуманитарной академии,

kate.scherbakova@bk.ru

ЯПОНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ИГРА КАРУТА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Данная статья рассматривает отражение японской традиционной игры карута в литературных источниках, а также стихотворного сборника «Хякунин-иссю» («Сто стихотворений ста поэтов») XIII века, на основе которого она была создана. В работе были проанализированы история игры, влияние на литературу Японии, художественные особенности, а также представлена его роль как основной составляющей национального спорта — спортивной каруты (кёги-карута). Занятие спортивной карутой «Хякунин-иссю» является в настоящее время массовым движением в Японии. Популярность игры подтверждается регулярными проведениями турниров по этой игре, а также растущим ежегодно числом игроков в карута, в том числе за рубежом. Анализ литературных произведений, содержащих упоминание о каруте и «Хякунин-иссю», позволит проследить вклад каруты в развитие культуры Японии. Несмотря на то что поэтическая антология «Хякунин-иссю», на основе которой была создана игра, уже давно является признанной темой исследования в литературоведении, тем не менее ее влияние на последующую литературу Японии рассмотрено гораздо хуже: ряд аспектов не находил освещения в отечественных работах по изучению этого памятника. Кроме того, ранее не была подробно рассмотрена роль антологии в формировании традиционной японской игры и спорта.

Ключевые слова: карута, антология «Хякунин-иссю» («Сто стихотворений ста поэтов»), игра, литература, поэзия, хайку.

Shcherbakova Ekaterina Fyodorovna

Japanese traditional game karuta in literary sources

This article examines the reflection of the Japanese traditional game of karuta in literary sources, as well as the collection of poems “Hyakunin-isshu” (“One Hundred Poems of Hundred Poets”) of the 13th century, on the basis of which it was created. The work analyzed the history of the game, the influence on Japanese literature, artistic features, and also presented its role as the main component of the national sport — kyogi-karuta. The “Hyakunin-isshu” karuta is currently a mass movement in Japan. The popularity of the game is confirmed by the regular holding of tournaments for this game, as well as the growing number of karuta players every year, including abroad.

An analysis of literary works containing a mention of the karuta and “Hyakunin-isshu” will allow us to trace the contribution of karuta to the development of Japanese culture. Despite the fact that the poetic anthology “Hyakunin-isshu”, on the basis of which the game was

created, has long been a recognized topic of research in literary criticism, nevertheless, its influence on subsequent Japanese literature is considered much worse: a number of aspects were not covered in domestic works on the study of this monument. In addition, the role of anthology in the formation of traditional Japanese game and sport has not been discussed in detail.

Keywords: karuta, anthology “Hyakunin-ishu” (“Hundred poems of hundred poets”), game, literature, poems, haiku.

В настоящее время в Японии ценится как сам памятник «Сто стихотворений ста поэтов», так и карточная игра, созданная на его основе, в которую традиционно было принято играть на Новый год. В Ассоциации спортивной игры каруты на 2020 год зарегистрировано более 100 тысяч человек, и она уже давно развилась в Японии до настоящего спорта. В последние годы новые клубы любителей игры спортивной каруты открываются не только в Японии, но в других странах.

Также в наше время в Японии об антологии и карточной игре снимаются анимэ и фильмы, раскрывающие суть игры и задействованных в ней стихов, создается большое число пособий, комиксов манга, также стремящихся передать суть стихов и атмосферу игры. В книжных магазинах Японии под литературу о «Хякунин-иссю» и комплекты каруты нередко отводится целый стеллаж.

Сейчас карута — это не только семейная игра, но и национальный спорт с четко прописанными правилами, спортивными командами, соревнованиями. Турнир на титул лучшего игрока карута: мастера (名人, *мэйдзин*) и королевы (クイーン, *куи:н*) проводится раз в год в январе в спортивном центре при синтоистском храме Оми-дзингу (近江神宮) в городе Оцу префектуры Сига, который транслируется по спутниковому телевидению NHK (日本放送協会 *Nippon Хо:со: кё:кай*, японская вещательная корпорация).

Японская ассоциация спортивной каруты координирует соревнования, и под ее эгидой на данный момент насчитывается около 100 клубов уже не только в Японии, но и по всему миру [1]. Этот спорт особенно популярен у молодых девушек, они доминируют по численности на национальных турнирах для учащихся средних школ. Спортивная карута становится также международной игрой. В 2018 году в международном турнире приняли участия игроки из восьми стран.

Игра карута, как и антология «Хякунин-иссю» нашли отражение во многих художественных произведениях Японии: в литературе и живописи. В живописи самым ярким примером являются работы Утагава Куниёси — гравюры и иллюстрированные сборники «Хякунин-иссю». В издании «Огура Хякунин-иссю» 1847 года представлены иллюстрации Утагавы Тоёкуни и Утагавы Куниёси.

В литературе спортивная карута впервые упоминается в романе-бестселлере «Золотой демон» (金色夜叉, *Кондзикаяся*; 1890–1935 гг., роман выпускался по частям, не закончен) японского писателя Одзаки Коё (尾崎紅葉, 1867–1903 гг.). Действие романа частично разворачивается на фоне спортивного клуба карута. В то время развлечений было мало, и клубы этой игры становились местом для свиданий мужчин и женщин. Игра была разделена на два сета и проводилась в соответствии с правилами матча групповой игры Гэмпэй, где одна команда играет против другой. Описание именно такой игры можно увидеть на страницах романа «Золотой демон».

Турниры карута нередко подвергались общественному порицанию на страницах японских газет того времени. В целом, турниры ассоциировались с развратом: «Молодые юноши и девушки касаются друг друга ногами, соприкасаются также ногами, и все это под звуки песен на любовную тему!» — так писала газета «Токио асахи» (東京朝日新聞, *Токё: асахи симбун*) в 1910 году [2].

Карута и клубы карута, продолжавшие набирать популярность в Японии, были вынуждены прекратить свою деятельность в военное время. Видимо, стихи о любви, которые составляют большинство в антологии, были не совсем уместны в то суровое время.

Весной 1943 года в храме Касихара-дзингу (橿原神宮) «Японская национальная ассоциация карута» провела традиционную игру в карута, используя «Патриотическую Хякунин-иссю». «Патриотическая Хякунин-иссю» (「愛国百人一首」, *Ай коку Хякунин-иссю*) — это антология, включающая в себя 100 патриотических стихотворений, которые были собраны и опубликованы в ноябре 1942 года. Двенадцать поэтов, живших до эпохи Мэйдзи, в том числе Сасаки Нобуцуна, Оригути Синобу и Цутия Фумиаки, были рекомендованы читателям газетами «Токио нити-нити синбун» (「東京日々新聞」, *То:кё: нити нити симбун*) и «Осака май-нити синбун» (「大阪毎日新聞」, *Оосака май нити симбун*) в качестве поэтов, с творчеством которых было рекомендовано ознакомиться японцам.

Также в антологии представлено стихотворение одного из видных поэтов Древней Японии Какиномото-но Хитомаро, стихотворение которого представлено и в классической антологии «Хякунин-иссю» —

песня № 3,
 «あしびきの山鳥の尾のしだり尾のながながし夜をひとりかもねむ»
 (*Асибики но Ямадори но о но сидари о но нага-нага си ё во хитори камо нэ н*) «Ночь, которая ощущается очень длинной как хвост фазана, я проведу в одиночестве». Однако для сборника «Патриотическая Хякуниниссю» было выбрано другое стихотворение Хитомаро, тематикой которого была не

любовь, а почитание императора:
 «大君は神にしませば天雲の雷の上にいほりせるかも» (*Оокими ва камини симасэба амакумо но каминари но уэ ни иорисэру камо*), «Если императрица — богиня, но небеса, что выше грома, являются её ночлегом».

После войны 1 декабря 1946 года токийский клуб «Ниси-канда» (西神田, *ниси канда*) возродил деятельность игры карута. В 1952 году при поддержке «Японской ассоциации карута» был проведен первый турнир на звание мастера каруты (名人, *мэйдзин*).

Упоминания о каруте можно встретить на страницах произведений таких признанных классиков японской литературы, как Нацумэ Сосэки и Мори Огай. Интерес писателей и интеллигенции того времени к каруте довольно быстро привел к тому, что было написано большое количество хайку на эту тему, ведь еще в эпоху Мэйдзи «карута» стала сезонным словом — киго (季語), которое в японской поэзии отражало времена года. В японской поэзии карута была связана с зимой и Новым годом. Приведем несколько хайку:

歌留多読む息づき
若き兄の妻

Карута ёму икидзуки
вакаки ани но цума

Вздыхая, читает стихи
с карточек молодая
жена старшего брата

Уэмура Сэнгё (上村占魚, 1920–1996 гг.)

胼の手交りて
歌留多賑は
へり

Хэн но сюко: ритэ
карута нигиваи ва хэри

Скрестились
огрубевшие руки —
оживленно играют в
каруту

Сугита Хисадзё (杉田久女, 1890–1946 гг.)

むべ山の札
よごれある歌留多
かな

Мубэяма но фуда
ёгорэиру карута кана

Вся перепачканная
карта «Мубэяма»

Такахаси Авадзидзё (高橋淡路女, 1890–1955 гг.)

加留多とるみな
美しく
負けまじく

Карута тору мина
уцукусикү макэмадзүку

Игроки в карута
прекрасны и не желают
никому уступать

Такахама Кёси (高浜虚子, 1874–1959 гг.)

業平と小町
の並ぶ歌がるた

Нарихира то Комати
но нарабу ута-гарута

Расположились рядом
карты Нарихиры и

Комати

Симомура Умэко (下村梅子, 1912–2012 гг.)

歌留多取る昔の
速さ手に戻り

Карута тору мукаси Вернулась в руку
но хаяса тэ ни модори карутиста прежняя
стремительность

Акаси Сютёси (明石春潮子, 1928 г. — по наст.
время)

歌留多会青き
畳の匂
ひけり

Карута кайаоки О, этот аромат новых
татами но ниои циновок татами в клубе
хикэри каруты!

Ямагути Хацудзё (山口波津女, 1906–1985 гг.)

招かれて隣
に更けし歌留多
かな

Манэкарэтэ тонари ни В гостях до поздней
фукэси карута кана ночи в соседней
комнате играли в
каруту

Нацумэ Сосэки (夏目漱石, 1867–1916 гг.) [3]

Любопытен факт, что для поддержания и привлечения интереса к игре детей и молодежи японскими аниматорами были созданы мультипликационные фильмы, подробно разбирающие стихи антологии «Хякунин-иссю» и разъясняющие правила кёги-карута. Наибольшей популярностью пользуются аниме «Упрощённые сто стихотворений ста поэтов: песня любви» (超訳百人一首うた恋, *Тё:якуХякунин-иссюута кои*, режиссер Касай Кэнъити, с 3 июля 2012 г. по 25 сент. 2012 г., 13 серий) и «Яркая Чихая» (ちはやふる, *Тихая фуру*, режиссер АсакаМорио, 2011 — наст. время, 3 сезона, 75 серий), изначально созданная на комиксах манга (ちはやふる, *Тихая фуру*, мангака Суэцугу Юки, 2007 г. — наст. время) и ставшая основой к трем одноименным художественным фильмам (режиссер Коидзуми Норихиро, премьера первой части состоялась 19 марта 2016 г., второй 29 апреля 2016 г., третьей 17 марта 2018 г., продолжительность 127 мин.).

Популярность этих мультфильмов и фильмов, а также манги, на основе которой они были созданы, вызвала настоящий бум у японских детей и подростков, вовлекая их в игру и профессиональный спорт. А персонаж «Яркая Чихая» послужил примером для подражания среди юных девушек, сделав кёги-карута преимущественно женским видом спорта.

Игра длительное время существовала лишь в пределах Японии, но в последние годы она перестала быть достоянием лишь одной страны и смогла выйти на международный уровень. Интеллектуальная составляющая данной спортивной игры является прекрасной платформой для изучения японского языка, погружения в его культуру, изучения классики средневековой Японии, развивает память, ловкость рук, быстроту ума, точность мышления, а также способствует самодисциплине, уважению традиций и терпению. В этом и состоит абсолютный феномен антологии «Сто стихов ста поэтов», который дошел до нашего времени под названием «Хякунин-иссю». Деятели искусства и писатели довольно быстро заметили уникальность каруты и уделяли ей значительное место в своем творчестве. Карута могла также стать основным местом действия, вокруг которого развивается сюжет, как, например, анимэ «Тихаябуру».

Литература

1. Нихонкё:гикарута си (1) 日本競技かるた史 (1) [История японских кёги-карута (1)]. URL: <https://www.ictnet.ne.jp/~oshiro/karuta/morioka/rekisi.html> (дата обращения: 14.04.2020).
2. «Кинъиро яся» карута-кай ни канситэ но сирё: тоситэ 「金色夜叉」歌留多會に関するの資料として [Материал о клубе карута в «Золотом демоне»]. URL: <https://note.com/sinponz/n/n1f0296ccf54c> (дата обращения: 05.07.2020).
3. Карута-но хайку 歌留多の俳句 [Хайку о каруте]. URL: <https://fudemaka57.exblog.jp/26747747/> (дата обращения: 12.03.2021).

Юпатова Анна Андреевна
старший преподаватель
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
young777@ya.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье показано, что эффективность речевой манипуляции зависит от выбора языковых средств воздействия на реципиента. Распознавание и преодоление языковых технологий манипулятивности, конфликтности необходимы в лингводидактике как части дискурсивного анализа. Представлены направления изучения, типология и функции возможных манипулятивных воздействий. Речевое манипулирование используется в таких сферах, как реклама, политдискурс, СМИ, образование, психотерапия и др., и направлено на формирование определенных стереотипов, предпочтений и предрассудков, выгодных манипуляторам.

Ключевые слова: манипуляция, речевое воздействие, политдискурс, стереотипы.

Yupatova Anna Andreevna
Lexic instruments of speech impact

The effectiveness of speech manipulation depends on the choice of linguistic means of influencing the recipient. Recognition and overcoming of linguistic technologies of manipulation and conflicts are necessary in linguo-didactics as a part of discourse analysis. The directions of study, typology and functions of possible manipulative influences are presented. Speech manipulation is used in such areas as advertising, political discourse, media, education, psychotherapy, etc. and is aimed at forming certain stereotypes, preferences and prejudices that are beneficial to manipulators.

Key words: manipulation, speech influence, political discourse, stereotypes.

Приемы речевого манипулирования используются для того, чтобы склонить объект манипуляции к необходимой автору точке зрения. Известно, что манипуляция, в зависимости от задач адресанта сообщения, реализуется через замалчивание, утаивание и искажение информации, а также полную или частичную фальсификацию фактов. Письменный текст может характеризоваться такими средствами, как особый регистр текста (выбор шрифта и средств шрифтового выделения, использование знаков пунктуации, подчеркивание и разрядка). Для того чтобы манипуляция была успешной, манипулируемый должен утратить способность к критическому мышлению.

Приемы языкового манипулирования можно описать на основе нарушения законов формальной логики и выделить следующие разновидности данных речевых актов:

- подмена причины следствием широко используется в политических СМИ по причине того, что зачастую массовая аудитория не способна объективно оценивать существующую политическую обстановку и склонна упрощать причинно-следственные отношения;
- ложная аналогия — выведение автором неверного умозаключения о явлении через его сходство с другим явлением;
- умозаключение без необходимого обоснования (часто применяется политиками на дебатах);
- диффамация — распространение правдивой, а также ложной информации, порочащей достоинство, честь и репутацию отдельной личности или нации с целью формирования неверного представления о явлении или негативной реакции аудитории, выгодной манипулятору, на какое-либо событие [12, с. 17].

Другая классификация включает следующие приемы манипуляции общественным мнением:

- «наклеивание ярлыков» — присвоение какой-либо идее негативного значения, заставляющего аудиторию сразу же отвергнуть ее;
- «рекомендация» — приписывание одобрения или осуждения какой-либо идеи авторитетному и уважаемому лицу (писателю, ученому и т. д.). Благодаря этому аудитория начинает воспринимать идею в выгодном манипулятору ключе;
- «перенос» — прием, строящийся на переносе популярности и престижности идеи или личности на пропагандируемую идею. В результате применения данного приема аудитория начинает положительно относиться к выгодной манипулятору идее;
- «подтасовка карт» (fake news) — прием, строящийся на прямой фальсификации или искажении фактов действительности с целью опорочить какую-либо идею или личность;
- «блестящая посредственность» — прием, строящийся на оперировании хорошо известными истинами, но одновременно с этим и достаточно абстрактными или сложными для обывателя. Результатом является безоговорочное принятие аудиторией какой-либо идеи;
- «общий вагон» — прием, строящийся на внушении реципиенту мысли о том, что все члены группы принимают идею автора. У реципиента включается «стадный инстинкт», и он принимает пропагандируемую идею. Данный прием представляет собой достижение желаемой реакции внушением мысли о ее общепризнанности и разумности [1].

Выделяют также такие инструменты, как игра слов, убеждение, цитирование для лучшей аргументации своей позиции, использование языковых форм, отличающихся от привычных. Одним из самых употребительных приемов является наклеивание ярлыков. В политическом дискурсе СМИ общеупотребительными ярлыками являются политические термины, официальные или разговорные названия партий и движений, наименования политиков по их поведению и действиям.

На лексическом уровне выделяются по крайней мере три группы инструментов речевой манипуляции — лексико-синтаксические, лексико-семантические и лексико-прагматические. К первой группе относятся инструменты речевой манипуляции, которые обусловлены особыми отношениями языковых знаков между собой. Сюда относят изменения фразеологизмов, клише или пословиц для придания эффекта неожиданности. Ко второй группе относят инструменты манипуляции, основанные на соотношении слова и предметно-понятийного содержания, выражаемого этим словом. В данную группу попадают оценочные слова, метафоры и метонимии, генерализации значения, неопределенность и другие.

Последняя группа инструментов речевой манипуляции на лексическом уровне основывается на прагматическом аспекте. Он включает в себя экспрессивно-эмоциональную оценку и коннотации. К этой группе можно отнести слова с определенной коннотацией, косвенные номинации (эвфемизмы, дисфемизмы, ярлыки, мелиоративы и пейоративы, прозвища) [13, с. 147]. Так, генерализация заключается в обобщении информации. Данный прием реализуется через введение таких слов и выражение: большинство, все, как уже было не раз, и т. д. Механизм действия генерализации прост: она заставляет реципиента поверить в то, что мнение, выражаемое манипулятором, является авторитетным и заслуживающим доверия.

Манипулятору крайне необходимо определиться в отношениях «свой/чужой» (по принципу бинарной оппозиции «плюс-минус», когда «свое» противопоставлено «чужому») [3, с. 394]. Для установления такого рода отношений необходимо показать аудитории, что адресант относится к той же социальной группе и является «своим» (например, частое употребление местоимения «мы»). Прием «свои ребята», используемый для убеждения аудитории в том, что агитатор является «выходцем из народа» и понимает надежды простых людей, позволяет агитатору привлечь большую аудиторию на свою сторону. В установлении этих отношений может помочь и использование жаргона. В этом случае говорящий или пишущий показывает особое (уважительное или пренебрежительное) отношение к группе и ее ценностям, обозначает себя

как «одного из них». Опора на псевдостатистику также является действенным средством манипулятивного воздействия и активно используется в политической коммуникации.

Большим манипулятивным потенциалом обладают эвфемизмы, применяя которые пишущий в силах менять восприятие событий аудиторией, если та не обладает достаточно развитым критическим мышлением. Например, во фразе «так скажем, немолодая уже женщина» рефлексив «так скажем» берет на себя функцию эвфемизации высказывания. Эвфемизмы имеют социально-психологическую подоплеку, выражающуюся в нежелании назвать вещи своими именами и желании скрыть факты действительности. Особенностью данного приема является то, что зачастую читатель не может среди потока информации быстро вычлениить и распознать слово, завуалированное в эвфемизм. Реципиент информации получает улучшенную эвфемизмами картинку окружающей действительности, которая не является реальной.

Вместе с распространением фейковых новостей политический дискурс постоянно пополняется словами, определяющими современные реалии. Неологизмы находят свою нишу, входя в состав в виде buzzwords (модных слов) и эвфемизмов. Например, появление слова «хлопок» вместо «взрыв», «каникулы» вместо «карантин», «отрицательный рост» вместо «снижение», «задымление» вместо «пожар», «подтопление» вместо «потоп», «редакторская политика» вместо «цензура» и т. п. — это далеко не весь перечень использования новояза. Среди лексических средств с манипулятивным потенциалом выделяет использование софистицированной лексики, т. е. непонятной широкому кругу лиц. При этом осуществляется конструирование новых слов с элементами заимствования. Например, излюбленное государственными СМИ слово «жидомасонство» используется для того, чтобы настроить жителей страны против «агрессивного Запада». Лексические выразительные средства воздействия используются наряду с грамматическими и синтаксическими [4–7].

На грамматическом уровне инструменты речевой манипуляции реализуются через особенности синтаксиса и морфологии. Так, пассивный залог, артикли, времена глаголов обладают манипулятивным потенциалом. Например, употребляя пассивный залог, манипулятор может убрать из фокуса внимания реципиента определенные субъективные элементы сообщения, заострив его/ее внимание на нужной ему информации. Среди синтаксических средств можно выделить инверсию, коммуникативный тип предложения, эллипсис, параллельные конструкции, повтор, параллелизм, градацию, риторические вопросы. Так, повтор как средство эмоционального нагнетания участвует в создании у читателей или

слушателей необходимых манипулятору ассоциаций и стереотипов, параллелизм — в ритмическом выделении наиболее значимых элементов текста, градация — в усилении экспрессивности текста.

Значительным манипулятивным потенциалом обладает риторический вопрос, который не требует ответа, так как уже содержит его в себе. Такой прием, как «отсылка к неопределенному источнику», «ссылка на авторитет» или «введение эксперта», используется в ситуациях, когда автор сообщения по какой-то причине не намерен нести ответственность за предоставленную информацию. Этот прием может реализовываться через замену активной конструкции пассивной, использование неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений или через использование таких выражений, как «существует мнение», «как стало известно», «по мнению британских ученых», «по данным осведомленных кругов», «как выяснилось» и т. п. Подобные конструкции называются «неопределенным референтным индексом» [2, с. 79].

Целесообразно добавить такой манипулятивный прием, как «создание ложной логичности». Он часто используется в СМИ и политдискурсе в целом как установление необходимых и выгодных манипулятору причинно-следственных связей и реализуется через вводные слова и конструкции, например: «из этого вытекает», «отсюда следует», «это связано с», «таким образом», «значит», «это очевидно» и т. п.

Опираясь на междисциплинарные исследования по психолингвистике, психологии, рекламе и риторике, Н. А. Помырляну выделяет приемы манипулятивного убеждения, приемы суггестивного воздействия и софизмы (инструменты некорректного аргументирования). К первой группе автор относит дезинформацию, диффамацию, сокрытие фактов, произвольную трактовку информации, одностороннюю аргументацию фактов, подмену понятий.

Ко второй группе приемов лингвист относит приемы, так или иначе опирающиеся на эмоциональную компоненту: придание чрезмерной экспрессивности сообщению и оттенков сенсационности, подстройку к психике реципиента, использование лексики с необходимой манипулятору коннотацией. К софизмам относятся ничем не подкрепленные или слабо аргументированные суждения, обоснованность которых является только кажущейся [11, с. 77]. Таким образом, лингвист в своей классификации объединил логико-риторический, психолингвистический и психологический аспекты. Так, слова-аффективы представляют собой эмоционально-оценочные слова, способные оказывать психическое влияние на массовое сознание и продуцировать чувства (ненависть, гордость, страх и т. д.), заряжая текст необходимыми манипулятору эмоциями [14].

Метафоры являются мощным механизмом воздействия, который задействует воображение [8–10]. Хотя метафоры нечасто используются в вопросах, представляющих собой требование или предписание, в обыденной речи ультиматум в форме метафоры может вырождаться в угрозу, имеющую своей целью устрашение.

Итак, речевое манипулирование проявляется как явная или скрытая форма воздействия на индивидов и социум, и его эффективность зависит от того, насколько умело будут выбраны языковые средства для его реализации.

Литература

1. Zachary R. The Institute for Propaganda Analysis: Protecting Democracy in Pre-World War II America. Institutional Scholarship of Bryn Mawr College. 2014.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997.
3. Ковешникова М. Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования // Царскосельские чтения. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014.
4. Назарова О. Л., Песина С. А. Социальный характер языка как совокупность коллективных типизированных знаковых ситуаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 134–140.
5. Песина С. А. Прототипический подход к осмыслению структуры словаря // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск: МаГУ, 2009. № 2 (24). С. 570–574.
6. Песина С. А. Структурирование концепта и концептуальное ядро // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). Рига; Москва, 2011. С. 24–31.
7. Песина С. А. Функционирование полисемантов в механизмах речевого производства // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской. Вып. 4. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. С. 113–115.
8. Песина С. А. Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте // Монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012.
9. Песина С. А., Латушкина О. Л. Эмпирический анализ метафоры с позиции теории лексической инвариантности // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 100: Филология и искусствоведение. 2016. № 4 (386). С. 151–156.
10. Песина С. А., Солончак Т. Ю. Метафора и лексический инвариант // European Social Science Journal. 2014. № 10–1. С. 238–245.
11. Помыряну Н. А. Речевое воздействие: способы, типы и приемы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 71–78.
12. Сладкова О. Б. Мониторинг в коммуникативной ситуации современной России // Обсерватория культуры. РГБ. Информкультура. 2005. № 6. С. 13–19.
13. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001.
14. Трофимова Н. А. Эмоции как аргументы в повседневной коммуникации // Речевое воздействие в разных дискурсах. Гданьск: Гданьский университет, 2021. С. 267–276.

УДК 811

Эспозито Татьяна Викторовна

*магистрант факультета мировых языков и культуры
Российской христианской гуманитарной академии,
tatianaesposito89@gmail.com,*

Тарасова Инесса Валерьевна

учитель английского языка

*ГБУ школы № 600 с углубленным изучением английского языка Приморского
района Санкт-Петербурга,
iness_only@mail.ru*

НОВАЯ ЛЕКСИКА ИЛИ НЕОЛОГИЗМЫ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ

В статье рассматривается лексика английского языка, которая постоянно претерпевает количественные и качественные изменения, ведущие к расширению и изменению словарного состава языка. Одним из процессов, происходящих как на лексическом уровне системы языка, так и на других уровнях, является процесс появления новой лексики или неологизации, обусловливаемый динамикой языка. Политические и экономические события оказывают существенное влияние в первую очередь на лексику делового английского языка. Результатом этого влияния, в частности, является пополнение словарного состава делового английского языка лексическими единицами, неологизмами. В данной статье рассматривается процесс неологизации в лексике делового английского языка, а именно предпосылки проявления и эволюция неологизмов, классификация неологизмов делового английского языка с применением когнитивного подхода, также проблемы и перспективы неологизации.

Ключевые слова: новые слова, неологизмы, неологизация, когнитивный подход, деловая лексика.

*Esposito Tatiana Viktorovna,
Tarasova Inessa Valeryevna*

New words or neologisms of business English: reasons

The article deals with the vocabulary of the English language, which is constantly undergoing quantitative and qualitative changes leading to the expansion and change of the vocabulary of the language. One of the processes occurring both at the lexical level of the language system and at other levels is the process of the emergence of a new vocabulary or neologization caused by the dynamics of the language. Political and economic events have a significant impact, first of all, on the vocabulary of business English. The result of this influence, in particular, is the replenishment of the vocabulary of the business English language with lexical units, neologisms. This article examines the process of neologization in the vocabulary of business English, namely, the prerequisites for the manifestation and evolution of neologisms, the classification of neologisms of business English using a cognitive approach, as well as the problems and prospects of neologization.

Keywords: new words, neologisms, neologization, cognitive approach, business vocabulary.

Неологизмы образуют весьма актуальную и существенную лингвистическую категорию по многим основаниям, поскольку они являются элементами, придающими динамику английскому языку, свидетельствуют о его изменении, образуют серьезные препятствия для процессов компьютерного анализа и перевода, а также демонстрируют продуктивность морфем, словообразовательных и словоизменительных моделей в языке [6]. И так же, как и иные лингвистические категории, «неологизмы подвергаются лингвистическому наблюдению, преследующему две основные цели. С одной стороны, это есть пополнение лексикона и существующих словарей новыми словами; с другой стороны, это анализ и описание самих неологизмов для распределения на группы, выведение статистических данных об использованных словообразующих и словоизменяющих методах и прочее» [23, с. 2]. В особенности вторая цель лингвистического наблюдения зависит от обнаружения всех неологизмов, встречающихся в данном корпусе, что осложняется таким фактором, как необходимость выделения строго определенного типа неологизмов (в рамках данного исследования — относящихся исключительно к сфере делового английского языка) и выведения четких критериев и границ, на основании которых исследователь имеет право относить лексические единицы к категории неологизмов [4].

На данный момент «отсутствует универсальная терминосистема, применяемая по отношению к новым словам» [12, с. 18], что обуславливается «неоднородностью точек зрения, связанных с проблемой дифференциации данных лексических единиц» [12, с. 18], и, как следствие, неоднозначностью определений понятия «неологизм» различными источниками. Еще во второй половине XX века данную мысль подтверждал лингвист и лексикограф Алан Рэй, который пришел к выводу, что не имеется никаких объективных критериев для отнесения слов к разряду неологизмов [20]. В соответствии с этим высказыванием можно говорить о субъективизме имеющихся определений понятия «неологизм». Рассмотрим некоторые из них.

Одно из самых лаконичных определений дает «Оксфордский словарь английского языка»: «неологизм — это недавно созданное слово или выражение» [19]. Схожее определение предоставляет «Словарь современного английского языка Лонгман», согласно которому неологизмом является «новое слово или выражение или слово, использованное с новым значением» [17]. Важно отметить, в указанных определениях невозможно определять временные рамки для критерия «новое»: употребление этих слов в дефинициях «неологизма» не имеет

достаточной конкретизации и обязательно требует уточнений. Как следствие, коннотация новизны, которой сопровождается восприятие нового слова, «не может быть определяющей при выявлении сущности такого явления, как неологизм ... потому что не может изменяться количеством и не имеет формализованных характеристик» [7, с. 112]. Более того, «ощущение новизны, которое возникает при восприятии языковой единицы, является очень субъективным, поскольку то, что одним людям кажется новым, для других носителей языка может оставаться обычным и поэтому субъективно известным, “старым”» [7].

Следовательно, можно сказать, что отсутствует однозначный способ идентификации неологизмов [5].

Языковым сообществом аспект «новизны» слов воспринимается по-разному, и это «различие ощущений от восприятия ... создает базу для будущих когнитивных обобщений» [9, с. 80].

Параллельно с неоднозначностью толкований термина «неологизм» существует проблема дифференциации понятий «неологизм» и «окказионализм». Ряд источников разграничивает эти термины. Например, в «Оксфордском словаре английского языка» обозначено, что окказионализм «является словом или фразой, придуманным для единичного случая» [19]. В свою очередь, «Словарь Лонгман» дополняет аналогичное определение следующим условием: слово признается окказионализмом, если оно было использовано лишь единожды [17]. Таким образом, окказиональные образования не имеют тенденции закрепления в лексическом составе языка, не имеют широкого распространения и употребимы лишь в конкретной ситуации [5].

Указанные особенности слов, называемых «окказионализмы», не указываются в приведенных ранее определениях термина «неологизм», а значит, понятия «окказионализм» и «неологизм» можно разграничить согласно упомянутым выше источникам. Тем не менее в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» понятия «неологизмы» и «окказионализмы» объединены: «неологизмы — слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (“окказиональные” слова) в каком-либо тексте или акте речи» [10]. Трактовка понятия «неологизм» включает в себя упоминание окказиональных слов, обозначая возможность использования неологизмов в языке лишь единожды.

Взяв на рассмотрение в ходе данного исследования слова, появившиеся в лексиконе делового английского языка лишь в последние девять лет, в ряде случаев невозможно сделать выводы о том, будут ли некоторые лексические единицы широко употребимы, что не дает возможности судить о наличии или отсутствии окказиональной природы

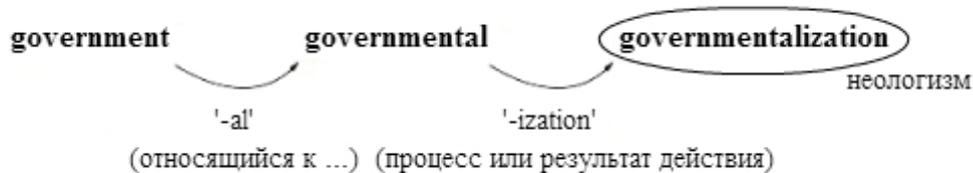
слов. Также с учетом того факта, что в упомянутых трактовках термина «неологизм» временные границы его существования в лексическом составе английского языка не обозначались, в этом исследовании окказионализмы и неологизмы не будут дифференцироваться.

Возникновение большого количества неологизмов в лексическом составе современного английского языка «объясняется существованием его различных вариантов — от американского английского, в котором зафиксировано наличие тысяч слов, отсутствующих в стандартном (британском) варианте английского языка, до китайского английского, в котором часто используется лексика, понятная лишь жителям Китая [3]. Исследование неологизмов последних десятилетий показывает, что вектор развития английского языка изменился в сторону создания новых слов за счет собственных ресурсов» [11], в отличие от тенденции заимствования иноязычных лексических единиц и ухода от сознательного создания новых слов из исконного материала, являвшейся характерной чертой английского словарного состава до начала XX века [16].

Обозначим способы формирования неологизмов в английском языке. Для создания новых лексических единиц в словообразовательной системе современного английского языка применяются следующие «продуктивные способы образования новых слов: аффиксация, конверсия, словосложение и сокращение» [3, с. 14].

1. Аффиксация. Аффиксация является «одним из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке» [3, с. 14] и заключается «в присоединении аффиксов к корням или основам» [там же] уже существующих слов. «Словообразовательная структура при этом подразумевает наличие производящей основы, аффикса и модели, согласно которой осуществляется присоединение приставок и/или суффиксов к основе. Данные модели отражают связи реализации значения аффикса в сочетании с производящей основой» [3, с. 15]. Иными словами, словообразовательные модели являются формулами, отражающими принципы соединения основы с другими компонентами, в данном случае — с аффиксами: «основа + аффикс → производное слово», что будет являться общей моделью способа аффиксации, поскольку входящие в нее компоненты не уточнены.

Обратим внимание на частные модели, отражающие конкретные случаи более общей ситуации. Для этого рассмотрим словообразовательный ряд *government* (правительство) → *governmental* → *governmentalization*:

Слово *governmentalization* образуется путем присоединения суффикса к производящей основе *governmental*, которая, в свою очередь, также аффиксальным способом сформировалась из *government*. Заметим, что в первой паре слов суффикс *-al* образует прилагательное, придавая ему значение «связанный с ...» [14], «относящийся к ...» [19]. В данном случае, зная значение основы и аффикса, мы можем осуществить перевод слова *governmental* как «имеющий отношение к правительству» без обращения к словарю. Однако отношения между второй парой лексических единиц «не являются очевидными ввиду наличия изменений в производной форме» *governmentalization*, которые не могут быть обоснованы в соответствии с общими правилами языка [18, с. 11]: при присоединении суффикса *-ization* со значением процесса, действия или результата действия [24] к прилагательному *governmental* (относящийся к правительству) вывести толкование образованного слова с помощью модели реализации значения аффикса не представляется возможным. При данных условиях получившуюся производную форму можно считать новым словом (словом, получившим новое значение) [18, с. 11]. В электронную версию «Оксфордского словаря» *governmentalization* было внесено в 2015 году со значением «импорта чего-либо под наблюдением или контролем правительства» [22]. Обозначенные аспекты позволяют сделать вывод о принадлежности данного термина к неологизмам. Кроме того, по мнению Е. С. Кубряковой, «при распределении суффиксов со сходными функциями наблюдается тенденция комбинировать одни суффиксы и избегать сочетания других: так, адъективная основа, включающая суффикс *-al*, легко присоединяет при образовании глаголов суффикс *-ize*» [8, с. 277]. Заметим, что неологизм *governmentalization* был образован от адъективной основы *governmental* при помощи суффикса *-ization*, являющегося производной формой суффикса *-ize* [19], что объясняет связь между первой и второй моделями указанного словообразовательного ряда.

2. Конверсия. «Особенности исторического развития словарного состава английского языка привели к тому, что морфологическая структура основы слова не всегда может служить признаком части речи. Основа и даже корень во многих словах совпали с основной формой слова. Это способствовало возникновению по образцу уже существующих

омонимичных пар новых слов без добавления или изменения каких-либо морфем, но в другой части речи. ... Этот специфический для современного английского языка тип словообразования наиболее широко известен под названием конверсия» [1, с. 136]. Применение способа конверсии предполагает изменение части речи исходного слова с сохранением производящей основы. Таким образом, происходит процесс словообразования без количественного изменения формы производящей основы. В связи с отсутствием морфологических признаков частей речи функцию слова в предложении определяют внешние показатели, которыми могут являться контекст и артикли.

В качестве примера реализации данного способа можно привести слова *bank* (иметь счет в банке), *version* (создавать новую версию чего-либо) и *boss* (управлять кем-либо), приобретшие дополнительные значения действия путем конверсии имен существительных в глаголы. Следует отметить наличие семантических изменений в указанных словах: производные слова заимствуют лексическое значение исходной основы, дополняя его семантикой, свойственной образовавшейся части речи. Из этого следует, что «производящее слово или его форма могут быть использованы в дефиниции производного» [13, с. 36]. В настоящее время конверсия «считается основным типом глагольного образования» [1, с. 140] и имеет большую продуктивность.

3. Словосложение. Данный способ формирования неологизмов осуществляется путем объединения «двух или более полнозначных основ, которые могут употребляться в языке самостоятельно. Полученное в результате словосложения производное слово представляет собой единое целое, новое понятие, не всегда равное сумме составляющих его значений» [3, с. 34]. Словосложение также не всегда предполагает сохранение полных форм и значений исходных слов, зачастую происходит усечение производящих основ. В случае, если слиянию подлежат сокращенные основы слов, то получаемые в результате неологизмы образуют особую группу — «сложносокращенные слова». Например, *netco* (от *Internet* + *company*) — интернет-компания. Лексические единицы такого типа «приобретают широкое распространение в экономической лексике английского языка последних десятилетий» [2, с. 79–80].

В общественно-политической лексике 2012 года появились неологизмы *Grexit* и *Brexit*, впоследствии закрепившиеся в «Оксфордском словаре английского языка» в конце 2016 года [25]. Данные неологизмы были образованы путем слияния названий стран *Greece* и *Britain* со словом *exit* для обозначения возможного выхода Греции из еврозоны и потенциального выхода Великобритании из Евросоюза соответственно. Причиной внесения этих слов в словарь является их возросшая значимость

из-за референдума о выходе Британии из Европейского союза в июле 2016 года. Следует заметить, что используемая словообразовательная модель может быть применима и к другим странам, а значит, иметь тенденцию сохранения в лексике на длительный срок. Также путем словосложения могут образовываться неологизмы, объединяющие страны по некоторым признакам. Например, термин *ChermanyChina* (*Germany* + *China*) соединяет в себе названия крупнейших по торговому профициту стран. В экономической сфере стали появляться неологизмы, образованные путем сложения слов с именами собственными, например, *Abenomics* (*Abe* + *economics*) — неологизм 2013 года, обозначающий программу по поддержке экономики, предложенную премьер-министром Японии Синдзо Абэ.

4. Сокращение. Данный процесс образования неологизмов заключается в «уменьшении числа фонем и/или морфем у имеющихся в языке слов или словосочетаний без изменения их лексико-грамматического значения (категории), в результате которого появляется новая номинативная единица или вариант исходной единицы» [3, с. 45]. «Сокращения появились в английском языке относительно недавно, превратившись за последние 50 лет в мощный инструмент создания неологизмов» [11, с. 38]. В английском языке XXI столетия сокращения продуктивно реализуются различными методами. Рассмотрим некоторые из них.

Термины делового английского языка, в частности названия организаций и внутриорганизационных процессов, подвержены аббревиации. Примером аббревиатуры, получившей значительное распространение, является *BYOD* (от *bring your own device*), впервые упомянутая в 2009-м и внесенная в «Оксфордский словарь» в 2014 г.: *BYOD* обозначает практику компании, при которой сотрудникам разрешается использовать в офисе собственные компьютеры для работы [22]. Распространение данный неологизм получил благодаря удобству использования в качестве обозначения преимуществ работы в конкретной организации при размещении вакансий. Иным примером аббревиации может служить неологизм *MOOC* (от *massive open online course*), закрепленный в электронной версии «Оксфордского словаря» в 2013 году и означающий онлайн-курс с большим количеством участников, которые могут взаимодействовать между собой через интернет. Некоторые инициальные сокращения, в отличие от аббревиатур, произносятся как самостоятельные слова: например, *BRICS* (от *Brasil, Russia, India, China, South Africa*) — группа из пяти быстроразвивающихся стран. Такие сокращения называют акронимами. В последние годы в сфере делового английского языка наблюдался рост «обратных» акронимов: новые

компании составляли комбинацию из букв с целью использовать ее в качестве своего названия и лишь затем подбирают под каждую из букв слова, которые бы представляли девиз компании или образовывали фразу, с которой данная организация желает быть ассоциирована [18, с. 9] (например, *CARE* как акроним *Cooperative for American Remittances to Europe* — кооператив для американских денежных переводов в Европу).

Отдельной категорией новообразований, возникших путем сокращения, являются неологизмы-усечения: усеченное слово может принимать вид любой части исходной основы, обычно длиной в один слог, при этом оставшаяся часть основы в словообразовании не участвует и отбрасывается. Процесс усечения часто применяется не только к отдельным словам, но и к фразам [18, с. 10].

Регулярному увеличению количества неологизмов, образованных способом сокращения, способствуют такие факторы, как «научно-технический и социальный прогресс, рост потока информации и необходимость передать ее с наименьшими затратами времени и места. Это так называемые экстралингвистические факторы. С другой стороны, на все возрастающее появление новых сокращений влияют и лингвистические факторы, такие как тенденция к языковой экономии и стремление английского языка к моносиллабизму (односложным словам)» [3, с. 46]. В рамках делового английского языка преднамеренные сокращения слов в первую очередь преследуют цель экономии времени и места при работе с объемной документацией.

Рассмотрим дополнительно пятый словообразовательный способ, применение которого по отношению к неологизмам оспаривается в различных источниках. Этим способом является добавление новых значений к уже существующей лексической единице, наделение слова многозначностью. Упомянутое в начале данного исследования определение «неологизма» из «Словаря современного английского языка Лонгман» допускало признанием в качестве неологизма «слова, использованного с новым значением» [17]. Однако лингвист С. В. Мангушев придерживается иной точки зрения, утверждая, что полисемию нельзя рассматривать в качестве источника образования неологизмов, «поскольку появлению у уже существующего слова нового значения не изменяет количественный состав языка» [11, с. 39]. Мы считаем этот вывод необоснованным, учитывая тот факт, что он признает конверсию как способ образования неологизмов, хотя при конверсии также не подлежит изменению количественный состав языка.

В этом исследовании мы будем придерживаться той точки зрения, что полисемия все же является источником возникновения новых слов ввиду наличия подтверждения такой возможности в некоторых источниках, в

частности в «Словаре Лонгман», и отсутствия объективных и достаточных для нас оснований отрицать полисемию как словообразующий фактор.

В качестве примера полисемического способа образования новых слов приведем слово *unicorn*, имевшее до недавнего времени одно основное значения: «единорог». С 2013 года *unicorn* приобрело дополнительное значение, относящееся к сфере делового английского языка: «...технологическая компания, существующая менее десяти лет и имеющая активы на сумму более миллиарда долларов» [26]. На данном примере нетрудно установить признаки, которые стимулировали образование у слова нового значения: компаниям, существующим на рынке менее десятилетия, крайне трудно достигнуть профицита размером в миллиарды долларов, поэтому такие организации сравнимы с мистическим животным — единорогом, возможность существования которого многие подвергают сомнениям.

К иным способам образования неологизмов можно отнести повторение слова или части слова (данный способ именуется редупликацией: например, *braindrain* означает переманивание конкурирующими компаниями специалистов, «утечку мозгов»), подражание звукам (в результате образуются звукоподражательные слова: например, существительное *splash*, изображающее плеск воды и имеющее в сфере бизнеса значение «безосновательной траты денег»), а также преобразование имен собственных в имена нарицательные (такие слова называют эпонимами: например, название американской корпорации Xerox®, являющейся массовым производителем копировальных автоматов, преобразовалось в глагол *xerox* со значением «ксерокопировать»). Однако обозначенные способы не являются распространенными и продуктивными в сфере делового английского языка [18, с. 18], потому здесь они не рассматриваются в качестве основных источников расширения лексического состава языка.

Данные о способах образования неологизмов позволяют находить соответствующие критериям лексические единицы в корпусе. Наблюдение над неологизмами может быть стимулировано двумя основными целями: во-первых, модернизацией существующих словарей путем добавления в них новых слов и соответствующей информации о них; во-вторых, анализом неологизмов с учетом их происхождения и разделения на классы слов [23]. Умение идентифицировать неологизмы является пригодным инструментом обработки текстов для моделирования языка (изменения функциональных разновидностей языка, языковых жанров), поиска конкретного документа или идентификации автора текста (в первую очередь касается окказионализмов) [15, с. 1].

Существует несколько подходов для определения неологизмов в тексте — от традиционного метода, включающего в себя чтение множества текстов, до современных методов, осуществляемых путем автоматической или полуавтоматической идентификации. При реализации таких подходов в качестве неологизмов будут признаваться слова, которые не были обнаружены ни в словарях, ни в корпусе [23].

Важным представляется обозначение границ лексического состава делового английского языка. Понятие «деловой английский язык» является распространенным вариантом перевода и адаптацией под русский язык словосочетания *business English*, которое, согласно «Оксфордскому словарю», подразумевает под собой стиль английского языка, подходящий для использования в сфере бизнеса [19]. Дополнительно выделяется толкование *business English* как формы языка, изучаемой людьми (как правило, не являющимися носителями языка), которые хотят вести бизнес в англоязычных странах или с зарубежными партнерами [19]. В соответствии с этими определениями можно сделать вывод о преимущественном употреблении делового английского языка в сфере международного бизнеса и торговли. Обозначим границы спектра лексических единиц, применимых в данной сфере. «Кембриджский словарь делового английского языка» выделяет ряд категорий, при принадлежности слов к которым данные лексические единицы можно отнести к сфере бизнес-английского. Представим обозначенные словарем категории в виде таблицы:

Категории слов делового английского языка

Категории слов делового английского языка			
экономика	коммуникация	транспорт	имущество
политика	бухгалтерский учет	государство	человеческие ресурсы
финансы	банковское дело	менеджмент	природные ресурсы
страхование	производство	деньги	торговля, в т. ч. электр. коммерция
налоги	законодательство	маркетинг	фондовый рынок

Как видно из приведенной таблицы [14], деловой английский язык включает в себя большое разнообразие категорий лексических единиц, что не позволяет определить четкие границы данного языкового стиля.

Сделаем акцент на причины появления неологизмов в сфере делового английского языка последних лет и их влияние на лексику соответствующего стиля, ориентируясь на категории, упомянутые в таблице.

После мирового экономического кризиса 2008 года мировая торговля пошла на убыль. Сразу после завершения острой фазы кризиса в 2009 году экономисты принялись описывать природу спада глобального ВВП. В процессе написания своих работ экономисты обнаружили, что существующих на тот момент слов не хватает, и стали придумывать свои собственные. Неологизмы возникают в разных сферах делового английского языка.

Авторами неологизмов зачастую являются инвестиционные банки, которые употребляют новые слова в своих регулярных обзорах. Для них подобного рода творчество в первую очередь является рекламным ходом: например, инвестбанк Goldman Sachs был на слуху не только из-за своих сделок и финансовых показателей, но и из-за того, что именно его аналитики придумали акроним *BRIC* (*Brazil, Russia, India, China*). Помимо терминов, относящихся к глобальным категориям экономики, политики и государств, банки инициируют возникновение неологизмов, применимых по большей части в узкоспециализированной банковской сфере. Одной из причин появления данной группы неологизмов является необходимость именования новых банковских услуг, причем эти услуги могут быть представлены лишь одним конкретным банком. Например, филиалы крупнейшего международного банка Citibank в Ближнем Востоке ввели в употребление такие понятия, как *citiplus* и *citibest* [21], для обозначения программ ведения персональных банковских счетов клиентов. Эти понятия впоследствии стали использоваться для обозначения определенной схемы страхования финансовых рисков. Заметим, что необходимость именования банковских услуг была использована Citibank для реализации саморекламы: использование части *citi-* в упомянутых неологизмах является тому подтверждением.

Таким образом, деловой современный английский язык в последнее время постоянно пополняется новыми словами или неологизмами.

Литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 376 с.
2. Бутов В. Н. Пути и способы обогащения общественно-политической лексики и фразеология английского языка конца XX столетия: дис. ... канд. филол. наук. Запорожье, 2002. 156 с.
3. Ильина А. Н., Кибасова С. Г. Словообразование в современном английском языке: учебное пособие для студентов экономических специальностей. СПб.: СПбГУЭФ, 2012. 90 с.
4. Киселева С. В. К вопросу о форме представления знания о языке // Когнитивные исследования языка. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. Вып. XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке

когнитии и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 25–26 июня 2015 г. 2015. С. 71–75.

5. Киселева С. В. Экскурс в лингвистическую область синонимии // Филологические этюды. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 61–85.

6. Киселева С. В., Малышева Е. В., Руберт И. Б. The Lexicology of the English Language: учебное пособие (на англ. яз). СПб.: РХГА, 2018. 43 с.

7. Косович О. В. Нелогичность / логичность концепций инноваций / неологизмов: новое / старое // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 111–113.

8. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). М.: Наука, 1974. 324 с.

9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

10. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.

11. Мангушев С. В. Роль и место словообразования в развитии современного английского языка // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 2. С. 36–40.

12. Несветайло Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конституенты лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 169 с.

13. Пьянзина И. Н. Основы лексикологии английского языка. Нижний Новгород: НГЛУ им. Добролюбова, 2005. 136 с.

14. Cambridge Dictionaries. Cambridge Business English Dictionary. Cambridge University Press. 2011. 966 p.

15. Costin-Gabriel C. Archaisms and Neologisms Identification in Texts. RoEduNet Conference 13th Edition: Networking in Education and Research Joint Event RENAM 8th Conference. 2014. № 1–6. Doi: 10.1109/RoEduNet-RENAM.2014.6955312

16. Jespersen O., Quirk R. Growth and Structure of the English Language (10th ed.). Oxford: University of Chicago Press, 1982. 244 p.

17. Longman dictionary of contemporary English: The compl. guide to written a. spoken English. 4 ed. Harlow (Essex): Longman, 2015. XXII, 1668, 18 с.: ил.; 22 см. (Longman dict.).

18. Minkova D., Stockwell R. English Words: History and Structure. New York: Cambridge University Press, 2009. 219 p.

19. Oxford Dictionaries. Oxford Dictionary of English. 3th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2112 p.

20. Rey A. The Concept of Neologism and the Evolution of Terminologies in Individual Languages. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1975. 331 p.

Список электронных ресурсов

1. Citibank 2011. URL:

http://www.citi.com/bahrain/bhgcb/consumer_banking/personal_account/personal_account.htm?eOfferCode=ВННТНЛРА (дата обращения: 14.03.2021).

2. English Oxford Living Dictionaries 2017. URL: <http://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 15.04.2021).

3. Janssen M. Orthographic Neologisms: Selection Criteria and Semi-Automatic Detection // Maarten Janssen. Janssenweb LLC, 2006. URL: <http://maarten.janssenweb.net/Papers/neologisms.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
4. Merriam-Webster 2015. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/-ization> (дата обращения: 23.03.2021).
5. Oxford English Dictionary 2017. URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 23.03.2021).
6. WordSpy. Logophilialimited, 2017. URL: <http://www.wordspy.com/> (дата обращения: 23.03.2021).

Научное издание

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА

Сборник докладов и сообщений

Международная научная конференция

Санкт-Петербург, 8 апреля 2021 год

Выпуск 6

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*пересечению двух великих юбилеев:
200-летию рождения Ф. М. Достоевского и
700-летию смерти Данте Алигьери,
а также
памяти Ирины Борисовны Руберт*

Директор издательства: *А. А. Галат*

Составители и редакторы выпуска:

С. М. Капилуни, С. В. Киселёва, И. Б. Руберт

Верстка: *А. А. Смирнова*

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812)310-79-29, +7 (981) 699-65-95;
факс: (812)571-30-75
e-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>